

Габриэлла Лопез

Хозяйка судьбы

Книга 2

Роковое признание

Поиски потерянной двадцать лет назад дочери Марии ду Карму, наконец, завершились. Линда найдена. Но как сообщить дочери, что женщина, которую Линда считала матерью, — преступница и проститутка из борделя? Мария выжидает удобного момента, но Жозевалду, как всегда, пытаюсь извлечь для себя выгоду, первым объявляет Линде, что он ее отец. Мария

приходит в ужас. А шокированная Линда, которой открылась неприглядная правда о той, кого она считала самым близким человеком, никого не желает видеть — ни любимого, ни вновь обретенную мать, ни сестру. Она не может простить затеянного против нее «заговора молчания». Назаре не смиряется с потерей Линды. Она готовит убийство...

Глава 1

Назаре Тедеску проснулась в благостном расположении духа. Обычная субботняя вечеринка в веселой компании с соседями Ширли и сеньором Жаком прошла весьма успешно, учитывая тот факт, что за ужин, как всегда, заплатили ее знакомые, а под конец вечера мужчина, сидевший за соседним столиком, подарил ей корзину цветов и бутылку шампанского. За это Назаре позволила себя немного полапать во время танца и оставила свой телефон на случай продолжения пикантных отношений. Она немного понежилась в постели, наслаждаясь чудесным запахом роз и недавними воспоминаниями.

«Кто знает, быть может, лучшая часть жизни у меня еще впереди. Слава Богу, мужчины по-прежнему без ума от меня». Назаре закрыла глаза, пытаюсь вспомнить, как выглядел вчерашний кандидат в ухажеры, но неожиданно в мыслях всплыло лицо Жилмара.

О таксисте, который был для нее самым опасным свидетелем, она легкомысленно забыла сразу же после того как передала ему кругленькую сумму за молчание.

Сонная истома моментально слетела с нее, как только она подумала о возможном неприятном повороте событий. «Как же я могла пустить это дело на

самотек? — упрекнула она себя. — Жилмар, должно быть, уже потратил все деньги, а теперь спит и видит, чтобы сдать меня в полицию...»

Теперь сильный аромат роз стал вызывать у нее раздражение. Назаре заставила себя вылезти из-под одеяла, подошла к окну и раскрыла створки. Свежий воздух сразу ворвался в комнату и прошелся веселым сквознячком по легкому шелковому одеялу, подушкам и безделушкам, стоявшим на прикроватном столике. Так-то лучше. Такие важные вещи нужно обдумывать на свежую голову. Назаре подошла к зеркалу и провела расческой по жестким густым волосам. А чего здесь собственно думать? Сегодня или никогда...

Часы показывали только девять утра, когда она спустилась на кухню, чтобы сварить себе кофе.

* * *

С двух часов пополудни город погрузился в сиесту. Зной становился нестерпимым, улицы моментально опустели, на площади стихли крикливые голоса подростков и торговцев всевозможными мелочами. Робкие стайки туристов отсиживались в автобусах с кондиционерами или в ближайших кафе и ресторанчиках. Жилмар только что приехал с вызова и оставил свой новенький желтый «фольксваген» на тенистой стороне площадки для паркинга. От раскаленного асфальта шли горячие волны испарений, издавала казавшиеся сгустками ртути.

Жилмар нехотя вылез из прохладного салона машины и тщательно протер запылившиеся бока специальной жидкостью для блеска. «Вот теперь полный порядок! — радостно подумал он и улыбнулся. — Можно вздремнуть, пока нет заказов». Он очень любил это время суток, когда жизнь в городе на время застывала в сонной истоме. Тогда Жилмар устраивался в салоне машины, включал кондиционер и предавался сладким и дерзким мечтам о будущей жизни. Вот уже несколько недель подряд ему не давал покоя образ той сексапильной красотки, которая втянула его в криминальную авантюру, пообещав за молчание деньги и кое-что еще. Первое условие она выполнила, а вот со вторым пока не получилось. Жилмар вздохнул и погладил капот машины. До него долетела резкая трель из таксофонной будки. «Кому это неймется в такое время?» — подумал он и обернулся.

— Дружище! Это тебя! — на Жилмара приветливо смотрел его напарник Педру. — Приятный женский голос, — добавил он и многозначительно поиграл густыми бровями.

«Кто это может быть? Неужели опять из полиции? — подумал Жилмар и нахмурился. — Опять начнутся всякие расспросы и просьбы чего-нибудь вспомнить или подписать. Когда же это кончится?»

— Спасибо, Педру. Разочарую тебя — это совсем не то, о чем ты думаешь. — Жилмар повернулся к таксисту спиной. — Алло! Слушаю вас! — сказал он, не скрывая раздражения.

— Какой ты холодный и равнодушный! — кокетливо пропела трубка. — Неужели ты не узнал меня? — Сердце Жилмара сладко защемило, по телу

разлилась приятная истома. — Я уверена, что ты еще меня ждешь, Жилмар.

Это был голос той опасной красотки, который не давал ему покоя на протяжении последнего времени.

— Это ты? — выдавил он из себя.

— Ну, наконец-то, — засмеялась Назаре. — Не обижайся и не шуми. Помнишь пословицу: «Кто ждет, тому Бог дает»? А райские кущи от тебя уже недалеко.

— Что ты хочешь?

— Я соскучилась! — Жилмар опять услышал низкий немного хриловатый смех, от которого кожа покрылась мелкими мурашками. — Ты можешь подъехать ко мне сейчас?

— Хочешь сказать, что готова выполнить второй пункт нашего договора? — У него предательски занял низ живота.

— Приезжай! Жду тебя на выезде у главной стоянки.

— Ты где-то здесь? — Жилмар энергично завертел головой, но не увидел ничего, кроме опустевших улиц.

— Не пытайся меня разглядеть, я сижу в помещении. И поторопись, пока я не передумала. — Жилмар повесил трубку и быстро направился к своей машине.

— Желая тебе хорошо провести сиесту, — услышал он насмешливый голос Педру.

— Да, ладно тебе, — отмахнулся от него Жилмар. — У меня срочный заказ.

— Что-то не видел я раньше, чтобы твой вздыбленный гульфик так реагировал на простые «заказы», — засмеялся Педру и многозначительно подмигнул ему.

Время для Жилмара — все, что произошло с ним в последующие тридцать минут: многообещающая встреча, ласковый шепот в ухо, шикарный номер в мотеле с индивидуальным бассейном и огромной кроватью, и потом... — все сжалось в одну точку. Потом были непривычно бурные ласки, настырные и агрессивные. Еще никогда не было у него такой необычной женщины: ее можно было назвать стопроцентной гейшей, если бы не плохо скрытая вульгарность и совсем не прикрытый цинизм.

— Не будем терять времени, — сказала Назаре, когда они вошли в номер мотеля, и потянула его за собой.

— Я совсем мокрый. Мне надо принять душ, — пытался остановить ее Жилмар.

— Мне нравятся грязные мужчины, — сказала она и стала торопливо срывать с него одежду. Жилмар прижался к стене и застыл на месте, испытывая странное чувство беспокойства.

— погоди, я так не могу! — сказал он и схватил ее за тонкие запястья. Жилмар много раз прокручивал эту сцену в своем воображении, и каждый раз пытался добиться полного совершенства и гармонии. — Мы же не животные, в конце концов...

— Подумать только, ты романтик? — разочарованно вздохнула Назаре. — А я-то думала, что мы не успеем доехать до мотеля, как ты набросишься на меня. — Неожиданно она предприняла новую тактику: опустила на колени и

притянула его к себе. Жилмар чуть не задохнулся от избытка чувств, ощутив, как запульсировала кровь в висках и во всем теле. Назаре провела рукой чуть ниже живота и тут же отшатнулась. — Вот это сюрприз! Я что, не в твоём вкусе?

— Наоборот, даже слишком в моем, — попытался оправдаться Жилмар. — Такого со мной раньше не было! Клянусь! Как же тебе объяснить? — Жилмар, наконец, сел на кровать и вытянул ноги. — Пойми, ты для меня, как грузовик с пирожными и конфетами... А я просто страшный сластена.

— Хочешь сказать, что я слишком сладкая для тебя? — Голос Назаре зазвучал более приветливо. — Ты меня обманываешь! Ты что? Испугался?

Жилмар лихорадочно подбирал нужные слова. Мысль о том, что все это может так нелепо закончиться и никогда не повторится, не давала ему покоя.

— Умоляю, дай мне еще один шанс! Пара минут — и я буду в форме, — он встал на колени и обнял ее руками, почувствовав необычный прилив нежности. — Понимаешь, вот уже десять лет я имел дело только с местными проститутками, прокуренными и циничными.

— Хочешь, я буду вести себя, как они? Мне это совсем не трудно... — впервые засмеялась Назаре.

— Тебе может показаться это странным, но я как раз не хочу этого.

Ее образ одновременно манил и отталкивал. С одной стороны, Жилмар чувствовал, что внутри ее живет маленькая беззащитная девочка, которую когда-то заточили в темницу и она до сих пор нуждается в участии и ласке. С другой, его не покидало чувство необъяснимой смертельной опасности, которая могла бы исходить, пожалуй, только от женщины — инкуба, заставляя его мозг сопротивляться и отталкивать ее.

Он посмотрел на Назаре снизу вверх и разжал руки.

— Хорошо! Я подумаю! — Назаре обиженно отвернулась и вытащила из сумочки пачку сигарет.

— Это со мной случилось в первый раз. — Жилмар все еще готов был провалиться на месте.

— Верю! Со мной тоже первый, — хмыкнула Назаре и закурила. — У меня было много мужчин, но неудач не было! Никто не мог устоять перед моими ласками.

— Да, ты в этом деле профессионал! — сказал Жилмар первое, что пришло ему в голову.

— Поуважительнее, я все-таки мать семейства, — хмыкнула Назаре и выпустила длинную струю дыма прямо ему в лицо. — Скажу честно, не могу понять, что я делаю не так. — Она тряхнула светлыми кудрями и обиженно надула губы.

— Ты просто мне очень нравишься, и я не хочу, чтобы ты вела себя как прожженная проститутка, — Жилмар с опаской взглянул в ее лицо.

— Дурачок, ты просто бесподобен! — засмеялась Назаре. — Какой же ты наивный! — Эти слова подействовали на него, как теплый бальзам на воспаленные нервы. Внизу живота опять сладко заныло. — Иди, я сделаю тебе японский массаж. Ложись на живот.

Назаре опять перешла к легкому и настойчивому поглаживанию,

неожиданно поймав себя на том, что сама хочет уложить в постель этого чудака.

— Я все-таки хочу помыться. — Жилмар решительно встал и направился в ванную.

— Хочешь, я тебя помою? — предприняла еще одну попытку Назаре, поспешно расстегивая платье.

— Не надо, я быстро! — Жилмар поспешно щелкнул замком.

«Ну, что ж, этот грязный таксист бросил мне вызов, — подумала Назаре и все-таки стянула с себя платье. — Меня еще никто не отвергал при таких обстоятельствах. — Она подошла к огромному зеркалу и внимательно себя рассмотрела. — Фигура почти идеальная: длинные ноги, плоский живот, красивая грудь, не большая и не маленькая, плечи, пожалуй, немного широковаты; но все остальное еще вполне. Думай, Назаре, думай! Остаться в нижнем белье или надеть махровый халат? Пожалуй, второе. Как показала практика, его нельзя возбуждать очень сильно, от этого не будет никакого толка. Впредь будем действовать осторожнее».

* * *

— Налду, милый, — Вивиан села супругу на колени и нежно потерлась носом о его бородку, — неужели ты не понимаешь, если твоя мать придет на выборы, из этого ничего хорошего не выйдет.

— Так что ты предлагаешь? — выдавил из себя Режиналду. Утром он всегда был не в духе, и чтобы прийти в себя, ему просто необходимо было выпить три чашки кофе или, на крайний случай, принять ледяной душ.

— Ну, что ты такой вялый? Где твоя уверенность. Ты должен излучать энергию перед таким важным мероприятием! — Вивиан, шутя, ткнула ему кулачком в живот, отчего он поморщился и сердито посмотрел на нее. — Милый, так ты еще не проснулся! Давай я сварю тебе кофе.

— Спасибо, вот это отличная идея. Только, пожалуйста, сделай его как можно скорее, — Налду блаженно закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Не вздумай спать! Я с трудом вытащила тебя из постели! — возмутилась Вивиан. — Ты хочешь, чтобы твоя мать опередила нас сегодня и первой добралась до избирателей? — Эти слова подействовали на него отрезвляюще: он заставил подняться свое разомлевшее тело и направился в сторону ванной.

— Будет гораздо лучше, если ты сварить кофе покрепче, а я все-таки приму душ, — услышала Вивиан его голос из коридора.

— Хочешь, мы сделаем это вместе?

— Заманчивое предложение. — Вивиан почувствовала, что он улыбается. — Но лучше отложим это до вечера: мне нельзя расслабляться перед таким важным делом.

— Вот теперь я вижу настоящего Режиналду! Только не забудь, дорогой, что ты мне обещал! — крикнула Вивиан.

«Меня тоже ждет ответственное мероприятие. Мне просто необходимо навестить свекровь и позаботиться о том, чтобы она не торопилась на выборы. — Решение пришло неожиданно. Вивиан метнулась к кухонному столу, достала из

него блокнот и ручку и молча уставилась на чистый лист. — Так! Что же мы напишем? Пожалуй, так: «Уехала по срочному делу! Буду через полчаса. Целую! Вивиан», — крупными буквами вывела она и закрепила записку на холодильнике. — Надо спешить! Если я не проверну все сейчас, потом может быть поздно. Как же я раньше не подумала о такой важной вещи? — Вивиан нахмурилась и замерла на пороге. Мысль, замечательная и дерзкая, мелькнула у нее в голове и сразу же исчезла. — Думай! — приказала она себе. — Что-то очень простое и доступное. Думай, ты же не склеротичка в конце концов! Какие у меня были варианты: запереть комнату и спрятать ключ, отвлечь какой-то важной новостью... Конечно! Пара таблеток снотворного мне вполне сгодятся, — Вивиан заглянула в аптечку и достала пластинку с двумя капсулами. — Вот теперь можно сказать, что я во всеоружии».

Пробегая по коридору, она услышала, как поет Режиналду и, подавив в себе жгучее желание заглянуть к нему в ванную, заставила себя выйти из дома. Через пятнадцать минут такси доставило ее к дому Марии ду Карму.

Отпустив машину, Вивиан огляделась. Внутренний сад, отделяющий парковку от фасада основного здания, и дворик были тщательно прибраны. На клумбах и газонах видны были свежие капельки воды, которые еще не успели впитаться.

«Какой шустрый садовник у ду Карму. И слуги уже успели убраться...»

Вивиан сердито посмотрела на часы. Начало восьмого. Рассчитывать на то, что в помещении никого не будет, было глупо.

«Слуги уже занялись домом. Я опоздала буквально на пятьдесят минут». От гнева лицо ее покрылось красными пятнами, и она почувствовала, как вспыхнули щеки. Перспектива проверить все без свидетелей обернулась полным фиаско. Вивиан немного постояла перед дверью, чтобы успокоиться, затем медленно обошла часть дома и приняла решение войти с черного входа через маленькую хозяйственную пристройку с прачечной и чуланом.

«Было бы идеально проверить все без свидетелей!» — только подумала она и чуть не налетела на Клементину. Ей удалось спрятаться под лестницей в тот момент, когда гувернантка появилась в коридоре. Подождав, пока стихнут шаги вверх, Вивиан выбралась из своего укрытия и прислушалась. Из кухни доносились самые разные звуки: шум воды, шипение масла, стук ножа, несколько раз хлопнул холодильник.

«Когда же эта курица понесет завтрак ду Карму? Чего она медлит?» — нервничала Вивиан. Она подошла к двери, тихонько отворила ее и заглянула внутрь.

— Клементина! Это ты? — услышала она голос Сиссеры. — Если хочешь, я сама отнесу чай ду Карму!

Вивиан притаилась, судорожно думая, что бы предпринять. Четкого плана действий у нее все еще не было, но чутье подсказывало, что она на правильном пути. Дерзкое решение неожиданно пришло к ней в голову. Вивиан широко распахнула дверь и вошла на кухню.

— Привет! Сиссера, ты не знаешь, дынный сок еще остался?

— Вивиан? Ты?

— Заскочила по делу, — скороговоркой объяснила она. — Оставила вчера вечером в гостиной свою любимую косметичку, а сегодня выборы. Сама понимаешь. Я должна выглядеть просто безупречно. — Для большей убедительности Вивиан потрясла перед носом Сиссеры маленькой сумочкой. — Так как насчет сока?

— Посмотри на полке в холодильнике. Тебе очень повезло. Если бы Плинию пришел на завтрак, сок обязательно бы кончился, но он еще спит.

— Боже мой, какой кавардак у тебя в холодильнике! Все лежит не на своем месте! — Вивиан подвинула блюдо с изюмом к самому краю полки и небрежно захлопнула холодильник.

Раздался характерный треск. Дверца распахнулась, и тарелка со звоном шлепнулась на пол, разлетевшись на мелкие осколки.

— Господи! Какая я неловкая! Извини, дорогая. — Вивиан скорчила виноватую гримасу и отошла от холодильника подальше.

— Ну, спасибо тебе! — раздраженно выпалила Сиссера. — Теперь мне убираться полчаса! Ладно — осколки, а попробуй собери изюм. Он явно закатился под шкаф и холодильник, а я так тороплюсь!

— Ну, я же извинилась! — Вивиан небрежно переступила через осколки и подошла к столу. — Пожалуй, я съем немного фруктов. — Малиновые ноготки пробежались по винограду, яблокам и остановились на сочной груше.

— Это надо же выдумать такое! Сказать, что у меня в холодильнике кавардак! Какая чудовищная несправедливость! У меня все лежит в контейнерах! Даже тарелки с фруктами закрыты пленкой! — не унималась Сиссера.

— Сиссера! Да ты ворчунья! — Вивиан сразу заметила небольшую чашку с чаем, от которой шел крепкий аромат мяты и ромашки. Одной рукой она умудрилась залезть в косметичку и вытащить снотворное. Капсулы, попав в горячую воду, стали стремительно уменьшаться в размерах и наконец растворились. «Доброй ночи, Золушка! — ухмыльнулась она, не в силах скрыть собственное ликование. — Не могла предположить, что все так просто!»

— Похоже, ты очень довольна, что сделала пакость! Вся светишься от счастья, — проворчала Сиссера.

— Ну, не сердись! Я же извинилась!

— Ладно, уберу все потом, а сейчас отнесу чай ду Карму, пока он не остыл.

— Прости меня еще раз. Я так волнуюсь из-за предстоящего митинга.

Сиссера неопределенно пожала плечами, взяла чашку и направилась в комнату к хозяйке. Вивиан проводила ее взглядом, пока она поднималась по лестнице, и когда хлопнула дверь, тут же подлетела к комнате свекрови.

— Ваш чай, донна ду Карму, — услышала она голос служанки и заглянула в замочную скважину. Мария лежала на кровати и рассматривала фотографию Линды.

— Спасибо, дорогая! Это то, что нужно. Мне обязательно надо успокоиться, — она сделала небольшой глоток и поморщилась.

— Что-то не так? — забеспокоилась служанка.

— Ну, что ты! Все отлично. Просто ромашка слегка горчит, — успокоила ее ду Карму.

— Если хотите, я сделаю вам новую заварку. Мне не трудно.

— Не бери в голову, дорогая. Видишь, я уже все выпила. Тем более минут через десять я спущусь вниз. Кстати, сделай одолжение, Сиссера, позови всех на завтрак на полчаса раньше. Мне срочно нужно обсудить с детьми сегодняшние выборы.

— А как же Плинию? Он же обычно спит до обеда.

— Придется разбудить. Ему давно пора становиться взрослым.

«Ничего себе! Ду Карму настроена очень решительно! — подумала Вивиан. — Как вовремя я все провернула», — она стремительно спустилась по лестнице и выбежала из дома свекрови.

* * *

Жилмар впервые вздохнул спокойно, когда дверь ванной захлопнулась. Голубоватый глянецовый кафель несколько успокоил его нервы. Он торопливо скинул одежду, залез в душевую кабинку и включил горячую воду, обрушив на себя колючий водопад мелких жалящих брызг. После того как живительная влага вернула ему силы и уверенность в себе, он промокнул тело махровым полотенцем и тщательно застирал трусы. «Знала бы она, почему я так отчаянно сопротивлялся, — подумал Жилмар и впервые улыбнулся своему отражению. — Теперь у нас должно быть все в порядке. Горячая штучка эта дамочка, даже мой надежный кран дал течь».

Он вышел из ванной и огляделся. Никого. Лишь на огромном мягком диване было разбросано белье Назаре.

Вызывающий вид красного боди вызвал в нем прилив энергии, наполнившей силой и желанием провинившийся кусок плоти. «Теперь я буду осторожнее, — подумал Жилмар и открыл дверь в небольшое помещение, стены и пол которого были выложены кипрской мозаичной плиткой. — Какое милое местечко», — подумал он и, не раздумывая, прыгнул в прохладную бирюзовую воду бассейна, которая тут же сомкнулась над головой, лаская его волосы. «До чего же хорошо! На улице нестерпимый зной, а здесь так спокойно и прохладно. Подумать только, меня еще ждет долгожданный десерт с этой знойной красоткой».

— Ну как, Жилмар, теперь все в порядке? — Назаре, шлепая босыми ногами, остановилась у самого края бассейна. На ней был нежно-желтый махровый халат, который выгодно оттенял ее золотистый загар и большие карие глаза.

— С ума сойти, какая ты красотка! — радостно крикнул Жилмар и поплыл брассом ей навстречу. — Иди сюда, вода отличная!

— Сейчас приду! — многозначительно пообещала Назаре и распахнула полы халата.

— У тебя очень красивые ноги: тонкие лодыжки и совершенная форма пальцев. — Жилмар подплыл к бортику бассейна и по-собачьи положил голову на кафель.

— Да? — удивилась Назаре и посмотрела на свои ярко-красные ухоженные

ногти. — Спасибо! Ты первый, кто сказал мне об этом.

— Прыгай ко мне. У меня для тебя большой сюрприз! — Жилмар многозначительно посмотрел вниз.

— Подожди немного, не торопи события, — остановила она его.

— Ты решила поиграть со мной? — Жилмар быстро отплыл от бортика бассейна и нырнул. — Спорим, ты меня не поймаешь!

— Тебе не кажется, что здесь немного жаркова-то? — Назаре пропустила мимо ушей его призыв.

— Что ты делаешь?

— Включаю вентилятор, ты не видишь? Ты слышал, что жара расслабляет? Хватит с нас на сегодня всяких неприятностей.

— Тогда иди сюда! Иди! У меня для тебя есть что-то большое и горячее. — Жилмару не терпелось затащить ее в воду.

— Значит, теперь мы квиты, потому что у меня тоже «что-то большое и горячее».

Жилмар вдруг понял, что Назаре слишком близко, угрожающе близко, поставила вентилятор к воде.

— Не шути так! Меня же убьет током. «Что за странные игры, — подумал он. — Неужели такие вещи ее заводят?»

Назаре медленно приближалась к краю бассейна: Мне не нужны лишние свидетели. Ты засветился. И рано или поздно полицейские через тебя вышли бы на меня.

Жилмар отказывался верить в происходящее. Он застыл на месте, глупо улыбаясь.

— Грустно прощаться с жизнью вот так, раньше времени. Мне тоже немного не по себе, но ты не оставил мне выбора. Я бы убила тебя в постели, но ты прокололся, даже не успев насладиться радостями плоти.

Через секунду что-то больно ужалило Жилмара, заставив его тело неестественно вытянуться. Он чувствовал себя огромной рыбой, выброшенной на берег, которая беззвучно открывает рот, моля о помощи и милосердии. «А как же сюрприз?» — он еще не успел сформулировать свою мысль, как что-то захлопнулось в его сознании.

— Вот так, дорогой! Меня нельзя разочаровывать. — Назаре издали осмотрела неподвижное тело таксиста.

Мокрая голова Жилмара плавала на поверхности воды, словно круглый баскетбольный мяч. Глаза были удивленно распахнуты, рот приоткрыт, будто он собирался сказать ей что-то.

— Знаю, не о таком финале ты мечтал, дорогой, — сказала она неподвижному мокрому телу и вернулась в комнату.

Там все было по-прежнему: непритязательная, но практичная мебель, на огромной кровати разбросана ее одежда. Две прикроватные тумбочки и шифоньер вносили небольшое разнообразие в скучный интерьер номера. Она внимательно осмотрела себя в зеркало и осталась довольна. «Постепенно начинаешь привыкать к убийству, — подумала Назаре. — Руки не трясутся. Внутри все спокойно. Кто знает, быть может, я могла бы таким образом зарабатывать себе на жизнь?»

На всякий случай она выглянула в небольшой просвет жалюзи и тут же отпрянула. В ее сторону пристально смотрел человек, которого она видела однажды с другом ду Карму, когда он затеял собственное расследование по поводу исчезновения большой суммы денег. На его шее висел мощный бинокль.

— Этого еще не хватало! За Жилмаром до сих пор следили! — она судорожно заметалась по комнате.

«Куда же он дел свои вещи? Ах, да, должно быть, в ванной! — Назаре почти сразу наткнулась на ворох одежды. — Так, джинсы, рубашка, майка, а где же трусы? — Она подняла лицо и ухмыльнулась — на небольшой батарее висели застиранные китайские панталоны. — Так вот почему он был такой робкий: не хотел показывать, что его самолет не успел долететь до ангара... — Эта мысль развеселила и немного отвлекла ее. — Выходит, я произвела на Жилмара чересчур большое впечатление».

Назаре перенесла всю одежду к бассейну, быстро оделась и прошлась мокрой тряпкой по всем местам, к которым прикасалась. «Теперь главное: надо уничтожить основную улику. Где-то здесь должен быть щиток». — Она внимательно исследовала все углы комнаты и кухни, наконец, обнаружив небольшую металлическую дверцу в холле.

Осторожность не помешает. Назаре с усилием опустила рычаг, на время обесточив помещение, и вернулась за вентилятором. Когда ей удалось водрузить его на верхнюю полку шифоньера, она довольно улыбнулась и вновь подошла к окну. Бинокль в руках человека, сидящего в машине, был направлен в сторону окон ее номера.

Внезапно она ощутила неконтролируемый приступ паники. «Что же делать? — Назаре инстинктивно отпрянула от окна: перспектива быть схваченной с поличным ее совсем не устраивала. — Выйти незамеченной через главный вход мне не удастся, — подумала она. — Придется воспользоваться запасным вариантом». Назаре еще раз похвалила себя за предусмотрительность и спустилась по внутренней лестнице в гараж.

В помещении было довольно темно, но она не спешила включать свет из осторожности. Ощупав стену, Назаре прислонилась к ней спиной и тщательно исследовала содержимое своей сумки.

«Куда же я сунула зажигалку? Неужели я оставила ее на тумбочке? — внезапно рука ее наткнулась на маленький кусок пластмассы. — Ну, слава богу! Пока все идет идеально».

Назаре показалось, что наверху хлопнула дверь. Она замерла, прислушиваясь к шуму, но больше ничего не услышала. Крадучись она дошла до небольшой перегородки, соединяющей два гаража, и надавила на рычаг. Дверь отъехала со страшным скрипом, заставив ее зажмуриться. Это отделение было освещено тусклой лампой. Назаре положила руку на капот старого джипа: он был холодный. В кожаном салоне лежала дамская сумочка и порножурнал. «Очень хорошо! — обрадовалась она. — Парочка явно приехала сюда давно, значит, скоро они наиграются и поторопятся уехать отсюда».

Словно в подтверждение своих мыслей она услышала, как кто-то спускается вниз. До нее долетел капризный женский голос.

— Ну, пожалуйста, давай останемся здесь хотя бы еще на часик. Здесь прекрасный бассейн и такая отпадная кровать: просто настоящий сексодром.

— Ты же знаешь, дорогая, что это невозможно, — мягко возразил приятный мужской баритон. — Обещаю, что вечером мы обязательно поужинаем вместе. — Перспектива будущей встречи явно обрадовала девушку, и она замолчала. Назаре подняла крышку багажника и, не раздумывая, нырнула внутрь, свернувшись калачиком.

Глава 2

— Сиссера! Клементина! Дорогие мои! По какому поводу вы приготовили этот роскошный завтрак? — Мария не могла сдержать восторга, когда спустилась в столовую.

— Бабуля, просто Клементина решила показать мне, сколько десертов и закусок можно приготовить всего за час, — объяснила довольная Бьянка.

— И ты так рано вскочила из-за этого? — удивилась ду Карму.

— Да! Ты же сама мне сказала, что будущий политик должен развивать волю, память и интеллект. И теперь я знаю, что паштет делают из печени и сливочного масла со специями, а яблочный штрудель из прозрачного слоеного теста с корицей. — Девочка сделала себе огромный бутерброд из сыра, ветчины, разных сортов колбас и с удовольствием откусила.

— А тебе никто не сказал, дорогая, — улыбнулся Вириату, — что политик еще должен хорошо выглядеть и по возможности быть стройным.

— Не пугай ребенка! Она еще растет, — заступился за племянницу Леандру и пододвинул к Бьянке блюдо с ее любимыми пирожками. Девочка послала воздушный поцелуй дяде и хитро посмотрела на ду Карму

— Между прочим, дедушка сказал вчера, что восемьдесят процентов мужчин любят полных женщин, а остальные двадцать — очень полных... И если за меня проголосуют все мужчины, то я обязательно победю!

— Нет такого слова, дорогая, — поправила ее Мария. — Надо говорить одержу победу.

— Да какая разница! Ведь главное результат!

— А это ты от кого нахваталась? — нахмурился Леандру.

— От Вивиан, по-моему, — растерялась Бьянка.

— Правильно, девочка! Слушай мачеху и деда, тогда обязательно вырастешь умницей, — в дверях появился довольный Жозевалду. На нем была свежая светлая рубашка, хорошо отглаженные брюки с выразительными стрелками посередине. Все великолепие завершал шелковый платок вишневого цвета.

— Папа, ты выглядишь, как заправский модник! — оживился Плиниу, увидев отца. — Ты куда-то собрался?

— Разве ты не знаешь, сынок, что сегодня у твоего старшего брата особенный день?! — Жозевалду сверкнул новой, только что вставленной челюстью. По лицу Марии пробежала тень недовольства.

— Умеешь ты все испортить! — воскликнула она и повернулась лицом к

девочке. — Бьянка! Мы потом с тобой обязательно все обсудим. Ладно? — Девочка послушно кивнула и посмотрела на брата.

Невыспавшийся Вруну меланхолично ковырял десертной вилкой тарталетку с яблоками и думал о чем-то своем. «Все ясно: братишка сохнет по Диане.

— Страшная штука — любовь, — вздохнула Бьянка. — Обещаю, что никогда не влюблюсь. Кому захочется вот так сходить с ума по другому человеку?»

— Думаю, что теперь настало время поговорить о выборах. — Ду Карму отодвинула от себя чашку и посмотрела в лицо Жозевалду. — Если вас еще интересует мое мнение, то знайте, я категорически против независимости Виллы Сан-Мигель, потому что уверена, став муниципалитетом, мы просто не выживем.

— Почему же? — попытался возразить Жозевалду, но она так выразительно взглянула на бывшего супруга, что у него сразу пропало желание высказываться по этому вопросу.

— Я все-таки продолжу, — саркастически улыбнулась Мария, увидев трусливую реакцию мужа. — С другой стороны, вы знаете, что я не поддерживаю безумные амбиции Режиналду, потому что он думает только о себе, а на остальных ему наплевать. — Ду Карму посмотрела на сыновей.

Леандру кивнул в знак согласия. На лицах же Плинию и Вириату она увидела плохо скрываемое сомнение.

— А я бы просил об обратном, чтобы они голосовали «за», — опять осмелел Жозевалду и подмигнул Вириату.

— Да кто ты такой, чтобы выступать против меня в моем же доме? — вспыхнула Мария.

— Дорогая ду Карму, пора бы тебе знать, что теперь это и мой дом, — Жозевалду постарался хладнокровно улыбнуться, демонстративно выбрал из вазы самое большое яблоко и с хрустом откусил огромный кусок.

— Не смейся меня, откуда ты взял этот бред?

— Это по закону, мне об этом сказал мой адвокат!

— Адвокат?

— Да! А что здесь такого? У меня есть адвокат, который отстаивает мои права. — Жозевалду поднялся с кресла, наслаждаясь произведенным впечатлением. — Пу, мне некогда с вами разговаривать, я должен поддержать своего сына на сегодняшних выборах.

— А ну вернись, жирная пиявка! — вспылила ду Карму. — Что ты сделал для того, чтобы наши дети выросли и получили достойное образование?

Жозевалду, боясь посмотреть в ее сторону, счел за лучшее побыстрее удалиться из комнаты, чувствуя, что несколько перегнул палку.

— Мама, не надо. Это же наш отец! — Плинию попытался отвлечь внимание на себя.

— Я не собираюсь терпеть это! Тем более в собственном доме! Жозевалду бросает мне вызов! Каков подлец! Как он заговорил, приживалка несчастная! Он дождетя: я дам ему пинка.

— Мама, не надо так, — попытался успокоить ее Вириату. — Я понимаю твое возмущение. Он уехал и бросил тебя с детьми, оставив совсем одну.

— Да! Он бросил вас, и все это время не присылал ни денег, ни весточек. Ему в голову не приходило поинтересоваться, живы мы или умерли! Ты это помнишь, Вириату?

— Я все прекрасно помню и никогда не забуду! Наш папа слабый и трусливый...

— Хорошо, что ты это признаешь.

— Твои дети не слепые: мы видим, кто ты, а кто он, и знаем, чего ты стоишь! — Вириату подошел к ду Карму и поцеловал ей руку.

— Я ничем не отличаюсь от других матерей и не хочу отличаться, — немного успокоилась Мария. — Мне не надо наград за то, что я воспитала своих детей одна. Я лишь требую справедливости.

— Мама, если по закону у папы есть права, — вмешался Леандру, — ты ничего не сможешь поделать.

— Сынок, как ты не понимаешь, я не могу с этим смириться!

— Даже если он не помогал нам, он все равно наш отец. А ведь когда-то ты любила папу и родила от него пятерых детей. А сейчас он стар и одинок...

— Что ты хочешь сказать, Леандру?

— Может, вы помиритесь?

— Никогда! — вспыхнула Мария. — Это Режиналду заставил меня принять его в нашу семью. Но очень скоро я от него избавлюсь, и ноги его не будет в моем доме!

— Мама, тебе надо отдохнуть? Ты так разволновалась. Основное мероприятие все равно начнется через два часа. — Плинию прижался к матери и поцеловал ее в щеку.

— Да, сынок! Я, похоже, сильно перенервничала: у меня все плывет перед глазами. Надо немного отдохнуть. Извините, придется вас оставить.

Мария с трудом поднялась из-за стола и направилась в сторону спальни. «Что со мной происходит? — подумала она, пытаясь добраться до кровати. — Такое сильное головокружение и странное ощущение, будто я не спала трое суток. — Она с трудом откинула тяжелое покрывало и попыталась удобнее устроиться на больших подушках. Обрывки мыслей вяло крутились в голове, создавая хаотичную воронку из разных образов и ощущений. — Ничего страшного, если я немного подремлю. Зато сил будет больше». И Мария провалилась в темный омут тревожного и тяжелого сна.

* * *

Себастьян открыл капот своей машины и громко чихнул. С некоторых пор у него обнаружили аллергию на масляную краску

«Хорошо еще, что я небогат и дома у меня нет картинной галереи», — подумал он тогда и взял рецепт, выписанный доктором.

У Себастьяна всегда было своеобразное чувство юмора, которое могли оценить только две его близкие женщины: сестра Мария ду Карму и собственная супруга Жаниси. По характеру и складу ума он являл собой классический образец мужчины, выросшего на севере Бразилии. Он мало говорил, но много делал, не

проявлял чувств, но страдал от страстей и эмоций, которые распирали его изнутри. Внешне он казался холодным и недоступным, но внутри был маленьким наивным ребенком, готовым каждому открыть свое сердце. Он ненавидел себя за это, сердился, но ничего не мог поделать.

«Ах, дона Жозефа, если бы ты знала, как привязала меня к себе. Сколько лет прошло с того рокового дня, когда самолет навсегда увез тебя от меня».

— Милый, у тебя все в порядке? — он услышал голос Жаниси.

У нее был особенный дар появляться в тот момент, когда воспоминания неожиданно всплывали в его сознании и заставляли цепенеть от переживаний.

— У тебя опять закончилось лекарство от аллергии? Я слышала, как ты чихаешь.

— Не волнуйся, дорогая, сегодня я хотел заскочить в аптеку.

— Может, ты хоть немного оторвешься от своей любимой... машины? — Себастьян почувствовал, что она чуть не сказала «от Жозефы».

После того, как его супруга узнала, откуда у него появился автомобиль, то стала ревновать к обычной железяке не меньше, чем к любой длинноногой красотке в юности.

— Дорогая, я уже почти закончил, — попытался ее успокоить Себастьян. — Ты лучше позови Венансиу. У меня что-то не так с задним сиденьем в салоне. Один я просто не справлюсь.

Жаниси поджала губы и молча ушла в комнату. «Кто бы мог подумать, что у наивной и стеснительной девчушки, на которой я женился, окажется такой сложный характер», — Себастьян открыл дверцу автомобиля и внимательно осмотрел заднее сиденье салона.

Внешне все выглядело весьма пристойно, но с некоторых пор под сиденьем появился посторонний звук, будто внутри перекачивался какой-то предмет.

— Отец, ты все же решил найти источник шума? — Венансиу держал в руках ящик с инструментами.

— Как видишь. Не могу допустить, чтобы такой достойнейший и к тому же деликатнейший человек, как барон, все время морщился во время поездок от этого навязчивого фона.

— Да, он со своей деликатностью скорее умрет от неудобства, но ни за что не признается, что ему что-то не нравится, — Венансиу с трудом сдвинул в сторону тяжелое кресло и нагнулся вниз, шаря рукой в отверстии под сиденьем.

— Ну, что там? Что-нибудь нащупал?

— Сейчас, минуту! Там как будто что-то скользкое. Не могу зацепить рукой.

— Скользкое? — опешил Себастьян.

— Ну, Режина! Вечно разбрасывает свои вещи! — Венансиу вынул небольшую пудреницу с зеркальцем и потряс ею в воздухе.

— И из-за этой ерунды барон почти месяц терпел гроыхание под сиденьем, — рассердился Себастьян. — И когда она успела залезть в салон машины? — Его нос сморщился в смешную гармошку, и он опять громко чихнул.

— Будь здоров, пап! Что-то не нравится мне все это. Последнее время ты чихаешь, и у тебя постоянно слезятся глаза, когда ты садишься в автомобиль, хотя

дома ты чувствуешь себя вполне сносно.

— Ты хочешь сказать, сынок, что у меня аллергия на собственную машину?

— А что? Вполне может быть! — Венансиу протянул отцу платок.

— Спасибо, сынок. У меня действительно такое ощущение, будто в нос закапали газировку. Все чешется. — Себастьян сморщился и еще раз чихнул. — И что ты предлагаешь? Отказаться от любимой работы из-за этого пустяка?

Венансиу решил промолчать, зная, что если скажет лишнее, отец рассердится и долго не будет разговаривать с ним.

— Ну, что ты молчишь? Боишься моей реакции?

— Нет, пап. С твоей машиной что-то не так, — он продолжал шарить иод сиденьем. — По-моему, там еще что-то есть.

— Ну, Режина! Придет сегодня домой, я ей устрою! — рассердился Себастьян. — Не удивлюсь, если ты обнаружишь там ее сумочку или колготки. Ну, что ты притих? Нащупал что-нибудь?

Ошеломленный Венансиу вылез из машины, держа в руках сверток, тщательно завернутый в пыльную и ветхую ткань.

— Это не Режина, — растерянно проговорил Венансиу и протянул отцу странную находку.

— Знаешь что, сынок, давай пройдем в гараж. Будет лучше, если мы с тобой все выясним без свидетелей, — Себастьян почувствовал, что сейчас произойдет что-то очень важное. Что-то, что может перевернуть его жизнь и жизнь его семьи. Он уже не сомневался, что это был прощальный сюрприз от доны Жозефы.

Сыну словно передалось странное состояние отца, он, не говоря ни слова, аккуратно разложил находку на небольшом рабочем столике, предварительно закрыв дверь на засов.

— Ну, что ты думаешь обо всем об этом? — спросил Себастьян. — Мне кажется, это картина. Картина, написанная маслом. Вот она, причина твоей «аллергии на машину».

— Картина? Странно, что такая вещь хранилась в столь непригодном месте.

Трясущимися руками Себастьян стянул ткань и замер в оцепенении. Он увидел то самое полотно, которое висело когда-то в гостиной доны Жозефы. На фоне контрастного и насыщенного морского пейзажа резко выделялись смуглые обнаженные тела девушек.

— Боже мой, я вспомнил! Ну, конечно, это же «Купальщицы» Сезана.

— Ты хочешь сказать, что ты ее уже где-то видел?

— Много раз, Венансиу, — грустно улыбнулся Себастьян. — В свое время это полотно висело в гостиной доны Жозефы. После того, как она была вынуждена уехать из страны, в ее доме провели обыск, а я подумал, что полотно украли. Но оказывается, она предусмотрела даже это и спрятала в моей машине это сокровище, где оно и хранилось все это время.

— Так вот почему она отписала машину тебе и посоветовала никогда от нее не избавляться, — Себастьян внимательно посмотрел на сына и опустил голову. — Папа! Ты что, расстроился? — Венансиу увидел, как по щеке отца скатилась слеза.

— Все в порядке, не беспокойся, — Себастьян попытался взять себя в руки. — Я знаю, что она стоит несколько миллионов.

— Вот это сюрприз из прошлого! Странно, почему она не забрала ее потом, — Венансиу успел заметить, что отец смог совладать с эмоциями и теперь выглядел вполне спокойным. — Должно быть, потому что сделала подарок... Хотя я просто обязан сходить к адвокату донья Жозефы и уточнить завещание. Будет некрасиво, если я присвою то, что мне не принадлежит по праву.

— Папа, очнись! Эта картина стоит несколько миллионов. И ты только что сам сказал, что она оставила ее тебе.

— Это не так просто. Я — обычный шофер, а кто она?

— Пойми, папа, ты любил ее, и она могла питать к тебе те же чувства! Кто знает, как было на самом деле!

— Если бы ты знал дону Жозефу! У нее была только одна страсть — «DIARIO DE NOTICIAS»! И даже на собственную дочь ей не хватало времени. Бедняжка постоянно жила в пансионах.

— Папа, мне кажется, ты боишься посмотреть правде в глаза. Дона Жозефа хотела изменить твою судьбу.

— Думаю, что моя жизнь и так хороша. Особенно после того, как я узнал о том, что ты не был замешан в той грязной истории с женой Режиналду, а взял тогда всю вину на себя, чтобы выручить своего кузена. Попадется он мне, я все ему выскажу. — Венансиу увидел, как лицо отца пошло пунцовыми пятнами. — И самое страшное в этой истории то, что если бы тебе не угрожала тогда смертельная опасность, ты никогда бы не открыл мне правду, а я не простил тебя.

— И все же...

— Сынок! — Себастьян не дал ему договорить. — У меня к тебе просьба: держи пока рот на замке, а я подумаю, к кому обратиться за помощью в этом вопросе. Мне нужен дельный совет.

— Прошу тебя об одном, папа: не отворачивайся от своего счастья.

— За меня не волнуйся. Я живу по принципу, по которому жил мой собственный отец: за добро плати добром, а злу спуску не давай. Оно должно быть наказано!

* * *

Машина Режиналду подъехала к зданию местной мэрии, у которой толпился возбужденный народ. Опытный глаз Вивиан сразу выхватил из толпы грузную фигуру помощника мужа. Она многозначительно улыбнулась и кивнула ему.

Мужчина, поощренный таким вниманием, тут же запрыгнул на тумбу и крикнул что есть силы:

— Независимость или смерть! Давайте превратим Виллу Сан-Мигель в самостоятельную общину. Режиналду — в префекты! Да здравствует старший сын Марии ду Карму!

— В день голосования нельзя устраивать агитацию! — возмутился в толпе женский голос.

— Правильно, — согласился Режиналду и погрозил пальцем в сторону

провинившегося помощника. — Никакой агитации: нельзя давать оружие нашим врагам. — Он снисходительно посмотрел на простодушные улыбающиеся лица, окружавшие его, и уже собрался войти в здание, чтобы проголосовать, как чья-то цепкая рука тяжело опустилась на его плечо. Режиналду резко развернулся и застыл от удивления: на него сурово смотрел его собственный дядя Себастьян.

— Вы уже проголосовали, дядя? — Режиналду добродушно похлопал его по плечу. — Я на вас рассчитываю.

— Убери от меня руки, негодяй, — с вызовом сказал Себастьян и пристально посмотрел ему в глаза.

— Вы нервничаете? Мы можем поговорить. Думаю, что нет причин для ссоры: мы поймем друг друга. Мне кажется, что собственная сестра запудрила вам мозги несправедливой критикой в мой адрес.

— Хватит болтать со мной в таком тоне. Я пришел поговорить с тобой о смерти Лейлы. Хочешь здесь, при всех, или в кабинете? — Режиналду заметил, как глаза Себастьяна потемнели от злости. — С удовольствием расскажу этим людям, которые верят тебе, некоторые детали.

— Зачем же так? Прошу в кабинет, — Режиналду с трудом сдерживал раздражение. «Старый осел, что он мог разноухать?» — эта мысль тревожно застряла в его голове. Когда за его спиной закрылась дверь собственного кабинета, он дал выход своему возмущению. — Я вам скажу, дядя, что не потерплю подобных нападков в присутствии моих избирателей! Я...

— Это я не потерплю, чтобы со мной так разговаривали такие негодяи, как ты, — тут же поставил его на место Себастьян.

— Как вы смеете называть меня негодяем!

— Подожди, я еще не закончил! Или я забуду о том, что ты мой племянник и ударю тебя. Венансиу мне все рассказал. О том, что ты был в мотеле со шлюхой, на которой потом и женился. Что Лейла следила за вами и, пытаясь застать вас врасплох, упала и разбилась. По тебе этого было мало. Ты скомпрометировал моего сына, сказав всем, что Венансиу был любовником покойной. — Себастьян медленно наступал на племянника. — Ты использовал моего сына. Ты прикрылся его честным именем, спасая собственную шкуру.

— Это он рассказал вам об этом? — опешил Режиналду.

— Представь себе! Он думал, что умирает в больнице, и решил покаяться перед смертью. Я до сих пор не заявил в полицию только потому, что не хочу огорчать своего мальчика и впутывать его в твое грязное дело.

— Что я теперь должен делать? Целовать вам ноги? Или я должен сказать вам спасибо? — постепенно к Режиналду возвращалась уверенность.

— Я хочу, чтобы ты страдал так, как страдал я! Бог все видит! Рано или поздно, но тебе воздастся за все! Берегись! С настоящей минуты ты больше для меня не существуешь! — Себастьян вышел из кабинета и громко хлопнул дверью.

«Кажется, пронесло! — во время разговора у Режиналду пересохло в горле. — Это надо же, собственный родственник чуть не испортил мне карьеру!» — Он открыл бар, достал бутылку «Перье» и залпом выпил минералку.

— Что с тобой? — Вивиан с трудом дождалась, когда сердитый старик покинет кабинет. — Ты пьешь, как мужлан. Неужели трудно налить воду в

стакан? — Режиналду так взглянул на супругу, что у нее сразу пропало желание продолжать в том же духе.

— Я ненавижу своих родственников. Моя карьера только что висела на волоске.

— Не думаю, что твой дядя пойдет против собственного сына, — попыталась его успокоить Вивиан. — У него тоже рыльце в пушку. Поверь мне, эта история больше не всплывет, твой дядюшка гордый и строптивый, но он не дурак! Ты заплатил очень приличные деньги Венансиу. Он больше не высунет свое старое жало!

— Ты в этом так уверена?! — в голосе Режиналду она услышала нотки сомнения.

— Милый, не будем ссориться. Забудем недоразумение и покажем твоим избирателям себя во всей красе. Тем более, что место для выступления готово. — Вивиан подкрасила губы, немного взбила волосы, чтобы выглядеть эффектнее, и через минуту заняла место у микрофона.

Все было продумано до мелочей: балкон, выходящий на площадь, был украшен разноцветной иллюминацией и специальной подсветкой. Более эффектного места для выступления трудно было найти.

Вивиан постучала лакированным ногтем по микрофону, проверяя его готовность, и улыбнулась самой очаровательной улыбкой, на какую была способна.

— Жители будущего независимого муниципалитета Виллы Сан-Мигель, сейчас выступит ваш любимый депутат Режиналду Ферейра да Силва! — она сделала паузу, которую заполнили весьма сдержанные аплодисменты. — Но прежде я должна сказать, что к нам хотела бы присоединиться его мать, любимая всеми нами Мария ду Карму. Но, к сожалению, она немного приболела и не сможет присутствовать на церемонии. — Вивиан немного подняла микрофон и закрепила его на уровне подбородка Режиналду.

— Здравствуйте, мои дорогие! — он физически почувствовал, как тысяча любопытных глаз устремилась к нему. — Мысленно моя мать всегда со мной, и она благословила меня. Дона Мария ду Карму просила вас сказать мне только одно слово: «Да!» — Режиналду заметил, как по площади прошла заметная волна волнения. — Давайте же все вместе скажем новому независимому будущему Виллы Сан-Мигель: «Да! Мы хотим стать муниципалитетом!» Тысячу раз: «Да!» Будем голосовать за независимость! Тем более, этого больше всего на свете хочет Мария ду Карму! — голос Режиналду звучал уверенно и громко. Он сразу уловил, как изменилось настроение пришедших на площадь жителей Виллы Сан-Мигель.

Толпа оживилась и повеселела. Рев разгоряченных людей будоражил его воображение и наполнял сердце сладким ядом тщеславия. «Скоро вся Бразилия будет у моих ног, и меня ничто не остановит», — подумал он и взглянул на Вивиан. Ее щеки пылали от возбуждения. Она не уставала махать рукой и посылать поцелуи разгоряченной публике.

— Я хочу, чтобы вы все пришли на референдум и сказали: «Да!» — выкрикнул Режиналду.

Ему ответил рев одобрения.

Когда Джованни подъехал к дому ду Карму, то был очень удивлен. Входная дверь была приоткрыта, на кухне, в холле и на лестнице горел свет.

— Сиссера! Клементина! Ду Карму! Я уже вошел. Где вы? Куда все попрятались? — Джованни прошелся по первому этажу, так никого не обнаружив, и направился в комнату Марии. — Ду Карму, дорогая! Ты здесь? — крикнул Джованни после того, как на его стук так никто и не отозвался. Подождав немного за дверью, он все же решился войти.

Мария лежала поперек огромной кровати. Густые темные волосы разметались по покрывалу и тяжелой волной спадали вниз.

— Ду Карму, извини, что нарушаю твое уединение. Я взял на себя смелость и поднялся наверх. Кстати, внизу никого не было.

Мария не откликнулась. Что-то в ее позе показалось ему странным.

— Ду Карму! Что с тобой? Проснись, дорогая! Не пугай меня, пожалуйста! — Джованни дотронулся до ее руки. Она была холодной и вялой. Приподняв безвольное тело, он прислушался к биению сердца. «Слава богу, жива!» — Импротта огляделся вокруг. На прикроватной тумбочке стояла любимая фарфоровая чашка ду Карму.

Тревожная мысль заставила его сердце сжаться. Он почувствовал панику, слезы сами собой появились на глазах.

— Девочка моя! Что с тобой? — Джованни встряхнул Марию и попытался разбудить, растирая ей уши. — Ду Карму, радость моя, очнись! Ты что, напилась снотворного? Так можно и с жизнью проститься! Слышишь меня? Неужели ты решилась на такое из-за ссоры с этим ревнивым писакой? — Джованни быстро исследовал содержимое ящика тумбочки и, ничего не обнаружив, на всякий случай понюхал чашку. Его чуткий нос уловил явный запах какого-то лекарственного препарата. — Дьявол! Она точно пыталась отравиться!

Мария, словно услышав его голос, тихо застонала.

— Что здесь происходит? — Джованни оглянулся. На пороге стояла растерянная Сиссера. — Сеньор Импротта, что вы здесь делаете? И почему трясете сеньору ду Карму, как грушу?

— Да куда же вы все подевались? Неужели не видишь, что с твоей драгоценной хозяйкой что-то не так! — накинулся на нее Импротта.

— Что вы говорите? — не на шутку перепугалась Сиссера.

— Ты сама посмотри! Неспроста все это! — Импротта легонько пошлепал Марию по щекам и встряхнул как следует. — Видишь, что происходит: даже глаз не открывает.

— Ты знаешь, что было в ее чашке?

— Знаю, — Сиссера расстроено захлопала длинными ресницами. — Настой ромашки и мяты. Я лично принесла напиток доне ду Карму.

— А ты понюхай, чем пахнет. По-моему, кто-то подлил ей какую-то дрянь, а может, она сама попыталась покончить с собой...

— Что вы так шумите? У меня безумно болит голова! — Мария открыла глаза и недовольно посмотрела на Сиссеру. — Даже в собственном доме я не могу

прилечь на пять минут. — Она сделала попытку повернуться на другой бок и снова заснуть.

— Ну, наконец-то, ду Карму! — обрадовался Джованни. — Мне надоело трясти тебя, как кофейное дерево. Просыпайся, дорогая. Как ты себя чувствуешь?

— А что стряслось? Почему вы все здесь? — Мария тряхнула головой, пытаясь сбросить с себя остатки сна.

— Ты что-то принимала из лекарств сегодня? — Джованни задал вопрос как можно более беспечным тоном.

— Клянусь, ничего! — Мария ощутила приступ странного волнения. — Но у меня такое ощущение, что по мне прошло стадо слонов. Все тело болит и яркие круги перед глазами.

— Не может быть, радость моя. Ты все же что-то выпила. Ну, будь хорошей девочкой, скажи нам с Сиссерой правду! Мы никому не разболтаем. Твоя тайна умрет в этой комнате.

— Почему ты так странно разговариваешь со мной? — возмутилась Мария. — Я уже сказала, что лекарства в рот не брала, а лишь позавтракала, а перед этим выпила чай с ромашкой и мятой.

— Из этой чашки? — Джованни еще раз поднес ее к носу и понюхал.

— Да! Мне его принесла Сиссера.

— Все так и было, — подтвердила служанка. — А потом сеньора ду Карму позавтракала и поднялась к себе, чтобы немного отдохнуть до начала референдума.

— Ты хочешь сказать, Сиссера, что твоя хозяйка проспала больше семи часов подряд, так ни разу и не проснувшись? И что же, никто не попытался разбудить ее, хотя бы к обеду?

— Я дважды заходила в спальню, но видела, что сеньора ду Карму спит, и не хотела ее беспокоить. А потом все разошлись по делам, мне пришлось уехать на рынок, а дома остался Плинию.

— Очень странно. Когда я приехал, дверь была открыта, а на мой зов так никто и не вышел. — Сиссера неопределенно пожала плечами и улыбнулась.

— Скорее всего, Плинию спит где-нибудь в гамаке в саду и ничего не слышит. А вот и он! — Сиссера метнулась в сторону лестницы.

— Джованни, что все-таки случилось? — постепенно к Марии возвращалась способность мыслить.

— Судя по симптомам, тебе дали сильное снотворное.

— Ничего не понимаю. Кому это надо? Зачем? — Мария попыталась встать, но все завертелось стремительной каруселью у нее перед глазами, и ей пришлось снова сесть на кровать. — Да что же это такое, в самом деле? Пол качается, как палуба на корабле.

— Ду Карму, с этим мы потом разберемся, но сейчас, сдается мне, надо срочно показаться хорошему врачу и сделать укол. Поэтому, я надеюсь, ты не будешь сопротивляться, и мы сейчас же поедем в больницу.

— Я чувствую, что ты что-то не договариваешь, — Мария перехватила смущенный взгляд Джованни. — Выкладывай начистоту! Ты думаешь, что я сама? Сама решила наложить на себя руки?

— Ду Карму, дорогая! Не стыдись минутной слабости. Такое бывает и с сильной половиной человечества!

— Джованни, только не обвиняй меня, пожалуйста, в попытке самоубийства и не разговаривай, как с умалишенной. Клянусь тебе, я ничего не принимала и в чай ничего не подмешивала. Самолечением я тоже не занимаюсь.

— Значит, кто-то сделал это за тебя!

— Вивиан! Я уверена! Вивиан! — на пороге стояла растерянная Сиссера.

— Почему Вивиан? — удивилась Мария. — Она просто не могла этого сделать физически. Где живу я, и где живет она!

— Сеньора ду Карму, Вивиан с утра вертелась на кухне и даже разбила десертную тарелку.

— А что она делала в моем доме так рано?

— Она сказала, что вечером забыла косметичку и специально вернулась за ней. Тогда это показалось весьма странным, но мне некогда было подумать над этим как следует, а потом я замоталась и вовсе забыла. Кстати, Леандру и Вириату пришли с площади. И, по-моему, оба очень встревоженные.

Глава 3

Назаре удалось вылезти из своего убежища на переезде, когда автомобиль застыл перед шлагбаумом, пропуская скорый поезд.

Как ни в чем не бывало, она перекинула стройные ноги через край багажника, оправила платье и сладко улыбнулась опешившему мужчине, который сидел в соседнем автомобиле. «А не устроить ли мне маленький спектакль?» — подумала она и посмотрела на своих «спасителей». Парочка, сидевшая внутри салона, застыла от удивления и не сводила с нее глаз. Веселый кураж подтолкнул ее к совсем безрассудному поступку.

Назаре поскребла длинным ярко-красным ногтем по тонированному окну автомобиля, в котором только что скрывалась, и когда стекло опустилось вниз, открыв ее взору две ничего не понимающие физиономии, она улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой и послала опешившему мужчине воздушный поцелуй.

— Чао! Дорогой! Спасибо за все!

— Это кто? Это что? — услышала она за спиной возмущенный женский голос.

— Дорогая, не сердись, пожалуйста! Я сам ее вижу в первый раз! — пытался оправдаться мужчина.

Настроение у Назаре было отличным. Ей удалось все идеально провернуть: и свидетеля нет, и от преследователей убежала. Она прислушалась к своим ощущениям, чувство легкой эйфории вскружило ей голову.

«Им никогда и ни за что не поймать меня! Я слишком умна и хитра для них. Мужики всегда думают яйцами и за это дорого платят».

Назаре не заметила, как, поглощенная мыслями и ощущением легкой победы, она сошла с тротуара и уже шла по проезжей части. Резкий звук тормозов моментально вернул ее в мир реальности, но было поздно. Она почувствовала

болезненный удар в бедро и потеряла сознание.

— Может, вызвать «скорую»? — услышала она откуда-то издалека тревожный мужской голос. — Если она сейчас не очухается, дело плохо!

— Шеф, зачем терять время, если до больницы можно доехать за пять минут.

— Так чего мы ждем? Не дадим погибнуть такой красотке.

Назаре почувствовала, как чьи-то руки подхватили ее и занесли в салон машины. В нос ударил резкий запах кокосовой отдушки. «Только не это! — подумала она сквозь затуманенное сознание. — Какое чудовищное зловоние».

Прохлада кожаного салона немного успокоила ее. Боль, пронзившая ее тело несколько минут назад, постепенно отошла, и она сделала попытку встать.

— Как вы себя чувствуете? — Голос принадлежал обрюзгшему потному мужчине с брезгливым выражением лица.

«Где же я видела его, причем совсем недавно?» — На ее прекрасном лбу появилась вертикальная складка между бровями.

— Ба! Глазам своим не верю! Сеньора Назаре собственной персоной! — Эта странная реплика заставила ее напрячься. В голосе толстяка она явно услышала скрытую угрозу.

«Надо бежать отсюда и как можно быстрее!» — подумала она, отметив про себя, что голова уже не кружится, а боль в боку стала менее ощутима.

— Спасибо, сеньоры, за заботу, — сказала она как можно более равнодушно. — Я не имею к вам никаких претензий, так как сама была виновата в инциденте. А теперь мне надо идти. — Назаре сделала попытку выйти из машины, но тут же была остановлена цепкой рукой молодого человека.

— Ты знаешь, кого чуть не отправила на тот свет твоя машина, Жозе?

— Нет, сеньор Мадруга.

— Эта та самая белокурая бестия, на которую нас вывел таксист.

— Поистине у меня очень сильный ангел-хранитель! — воскликнул толстяк. — Не представляю, что сделал бы со мной сеньор Джованни, если бы узнал пикантные подробности нашего провала.

— Сеньоры, вы меня с кем-то спутали, — попыталась выкрутиться Назаре и сделала еще одну безуспешную попытку выйти из машины.

Полегче, крошка! А как ты объяснишь вот это? — Мадруга вытащил из кармана фотографию Назаре.

* * *

Мария никак не могла понять, чем так возбуждены ее сыновья Леандру и Вириату. Как только Сиссера успела ввести их в курс неприятных событий вечера, они тут же кинулись в спальню матери, чтобы лично убедиться в том, что с ней все в порядке. Плиниу, до этого беспечно спавший в гамаке в саду, перепугался больше остальных и сделал попытку броситься к телефону, чтобы вызвать врача.

Ду Карму не могла сдержать раздражение.

— Зачем столько суеты вокруг моей персоны? Не надо никакого врача. Я

прекрасно себя чувствую, — слукавила она. — Выпью горячий чай и буду как новенькая. Кстати, который час? Я все же собираюсь высказать свое мнение по поводу сегодняшних выборов, — Мария ощутила странное напряжение, исходящее от ее сыновей. — Мальчики, мне кажется или нет, что вы что-то скрываете от меня?

— Мама, сдается мне, что с тобой сыграли злую шутку, — сказал Вириату. — Помнишь, Леандру, какую странную речь Вивиан произнесла на площади?

— Да-да! Мама, она сказала, что ты не пришла на площадь, потому что тебе плохо.

— Точно, и Режиналду слишком смело толкнул речь от твоего имени, — подтвердил Вириату.

— Как это? — опешила Мария.

— Налду объявил всем, что ты поручила ему передать свое заявление. Ты велела сказать всем только одно слово: «Да!»

— Вот оно что! — От возмущения у Марии опять закружилась голова. — Меня пытались устранить таким подлым способом.

— Ду Карму! Не волнуйся! — попытался вмешаться Джованни. — Если захочешь, я тут же оторву им голову!

Мария побледнела и прикрыла глаза.

— Не пугай меня, ду Карму! Тебе опять плохо? — испугался Джованни. — Нам немедленно нужно отвезти тебя в больницу.

— Я все поняла, — постепенно к Марии возвращалась способность рассуждать здраво. — Вивиан подложила мне эту отраву в чай, чтобы я не смогла прийти на митинг и Режиналду выступил бы от моего имени. Как вы думаете, люди еще на площади?

— Конечно! — почему-то обрадовался Плинию. — Праздник еще продолжается.

— Тогда я еду туда!

— Дорогая, это же сумасбродство! — попытался остановить ее Импротта.

— Джованни, не трать энергию напрасно! Ты же знаешь, я должна туда поехать! Будь это мой самый последний час, я все равно бы не остановилась. Как ты не понимаешь, мне просто необходимо разоблачить Режиналду. После полуночи предвыборная агитация запрещена. И пока не поздно, я должна сказать, что не поддерживаю сына и его сумасшедшие идеи!

Мария решительно встала и направилась в сторону двери, но сделав всего несколько шагов, пошатнулась и чуть не упала.

— Мама! — воскликнул Леандру и подхватил ее за локоть. — Зря ты это задумала.

— Друзья мои! — привлек к себе внимание Джованни. — Вы все хорошо знаете ду Карму, отговаривать ее в этой ситуации бесполезно! Давайте лучше поможем ей поскорее добраться до офиса Режиналду.

Он галантно наклонился, подхватил ее на руки и сказал тоном, не терпящим возражения:

— Мария, я воспользуюсь моментом и донесу тебя до машины!

— Да что ты, Джованни, у меня нет сил сопротивляться!

— Вот и замечательно, чем меньше ты будешь дергаться, тем быстрее мы будем передвигаться.

Импротта с кошачьей грацией преодолел широкие ступени лестницы и добрался до входной двери. Все это время Мария чувствовала, как под его новым щегольским пиджаком бьется возбужденное сердце.

— Пусти меня, Джованни. Дальше я сама. — Она опять почувствовала свою вину за то, что не может ответить ему взаимностью.

— Но впереди же высокий порог и лестница, — попытался возразить Импротта.

— Ты хочешь, чтобы я потеряла последние силы в споре с тобой? — Мария встала на ноги и сделала несколько несмелых шагов вперед. — Если ты возьмешь меня под руку, я не буду возражать.

— Дорогая ду Карму! Я готов тебе подставить даже спину! — обрадовался Джованни, но тут же захлопнул рот, так как почувствовал, что сморозил лишнее.

Добраться до офиса Режиналду оказалось значительно труднее, чем предполагалось. Машина Джованни дважды объехала площадь в надежде найти место, чтобы проскользнуть к зданию, но вынуждена была припарковаться на небольшой стоянке.

— Дальше мы не проедем, — констатировал он. — Не ехать же по головам избирателей.

— Не волнуйся, мы можем пройти пешком, — успокоила его Мария. — Чувствую я себя вполне сносно, а свежий воздух пойдет мне на пользу.

— В таком случае надень шляпку моей тещи. В ней тебя точно никто не узнает, — предложил Импротта и вытащил из бардачка нечто громоздкое и экстравагантное с цветком белой лилии сбоку. — Ты же не хочешь останавливаться через каждый метр и здороваться с избирателями?

Мария попыталась возразить, но поняла, что спорить бесполезно и прикрыла лицо широкими полями.

Как и всегда, Джованни оказался прав, они беспрепятственно пересекли площадь, кишашую возбужденными людьми, и вошли в здание мэрии. По коридору первого этажа тут же пробежал возбужденный шепот: «Ду Карму приехала!»

— Ну, держись, Режиналду! — ухмыльнулся Джованни и занял место за спиной ду Карму, чтобы в случае необходимости подстраховать ее.

— Я могу попросить тебя об одолжении? — спросила Мария, когда они уже вошли в здание.

— Конечно, ду Карму, проси, о чем хочешь! Все исполню!

— Не горячись, Джованни. Пожалуйста, ни во что не вмешивайся во время моего разговора с сыном, — попросила Мария.

— Тьфу! — рассердился Джованни. — Ты просишь невозможного, но, к сожалению, я уже дал тебе слово. Скажу одно, ду Карму, если тебе будет угрожать явная опасность, я не смогу сидеть сложа руки.

— Ты рассчитываешь, что тебя усадят за стол и подадут чашечку чая? — ухмыльнулась Мария. — Ты плохо знаешь мою невестку.

Они быстро миновали огромный холл и поднялись на второй этаж здания.

Довольный Режиналду сидел в огромном кожаном кресле с сигаретой в руке и смотрел канал новостей.

— Мама? — удивился он, когда ду Карму неожиданно загородила собой экран телевизора.

— Как ты посмел ссылаться на меня в этой истории с референдумом? — Мария сразу начала с главного, чтобы не дать ему возможности опомниться.

— Погодите! Дона Мария ду Карму, я все объясню! — Вивиан перекрыла дорогу к креслу супруга, отвлекая внимание на себя.

— Я жду объяснений не от тебя, а от собственного сына! — остановила ее Мария. — Говори, Налду! — В глазах старшего сына она увидела плохо скрываемый испуг. — Нечего на меня смотреть! Кто тебя уполномочил говорить от моего имени? Я пришла сюда для того, чтобы выяснить, что случилось за последние пять часов. Ты прекрасно знаешь, что я всегда была против твоей политики и твоих приемов. Вот теперь походи и скажи, что ты не прав, своим избирателям.

— Мама, но это невозможно!

По его голосу Мария поняла, что он близок к истерике.

— Иди, Режиналду, прямо сейчас! Время предвыборной агитации еще не прошло. Скажи людям, что ты их обманул и прикрылся моим именем, и тогда я, может быть, прощу тебя.

— Да! Только бессердечная мать может потребовать такой жертвы от сына! — Вивиан налетела на нее, как коршун, и если бы не Джованни, который встал между разгневанными женщинами, она могла вцепиться в лицо ненавистной свекрови.

— А ты кто такая, чтобы меня судить? — голос Марии звучал вызывающе спокойно.

— Рассказывайте другим, какая вы хорошая мать! — Вивиан зажмурилась от ненависти и сжала кулаки от бессилия. — Для Режиналду вы ничего не сделали! Что это за мать, которая вечно против сына!

— Да кто ты такая? Где ты родилась? Кто твои родители? Что ты сделала для того, чтобы я могла тебя уважать? — повторила свой вопрос Мария.

— Я — жена Режиналду! — с вызовом сказала Вивиан. — И пусть мать не на его стороне, наплевать! Я за собственного мужа горло перегрызу любому!

— Это предупреждение или угроза? — Марии стоило большого труда, чтобы не взорваться от негодования.

— Понимайте, как хотите! — рывкнула взбешенная невестка.

— Ради бога, успокойтесь! — попытался вмешаться Режиналду. — Мне не нужен скандал!

— Ничего, тебе придется потерпеть мое присутствие. — В голосе ду Карму появились угрожающие нотки. — Так ты, наконец, сделаешь то, о чем я тебя просила?

— Ни за что! — Режиналду демонстративно оскалил белые зубы.

«Боже мой, — подумала ду Карму. — Он и улыбается, как отец». Только теперь до нее дошло, что в дальнем углу просторного кабинета есть кто-то еще кроме Вивиан и ее старшего сына. Жозевалду сидел на стуле, старательно

прикрывшись газеткой.

Мария презрительно улыбнулась и направилась к выходу.

— Тогда я сама сделаю это! — сказала она небрежно.

— Подожди, не горячись! — преградил ей дорогу Жозевалду. — Ты ничего не сделаешь и ничего не скажешь!

— А ты-то какое имеешь ко всему этому отношение? — возмутилась Мария.

— Я — твой муж! — выпятил грудь Жозевалду.

— Не смей меня! Уйди с дороги! — ду Карму оттолкнула его и попыталась открыть дверь из комнаты, но теперь Вивиан метнулась в ее сторону и перекрыла выход своим телом.

— Я на все пойду! Я не позволю погубить политическую карьеру своего супруга! — прорычала она.

Джованни, который до сих пор стоял в стороне и скрипя зубами наблюдал за всем происходящим, решил все-таки вмешаться, чтобы не допустить драки.

— Не надо ссориться! Все можно решить полюбовно. Только для этого надо сесть за стол переговоров, — сказал он Режиналду. — Ты же не хочешь, чтобы две близкие тебе женщины перегрызли друг другу горло?

— Мама! Вивиан! Успокойтесь! — попытался вмешаться Режиналду. — Давайте поговорим по-человечески! — Мария сделала попытку повернуться лицом к сыну, но все вдруг поплыло у нее перед глазами, она тяжело осела на пол и потеряла сознание.

* * *

Никогда еще за последние двадцать лет донна Лаура не чувствовала себя так хорошо, как сейчас. Прошлое, которое, как казалось, навсегда и безвозвратно ушло, стало являться к ней сначала в снах, а затем и наяву. Ей казалось, что кто-то специально повернул время вспять для того, чтобы она снова могла насладиться той силой, популярностью и могуществом своего обаяния, которым она когда-то пользовалась в высшем свете.

В пятидесятые ее очаровательное большеглазое личико украшало многочисленные гляцевые журналы Бразилии, светские хроники без устали склоняли ее имя, описывая совершенный вкус и безупречное воспитание. В шестидесятые, выйдя замуж за крупного бразильского миллионера, она стала еще популярнее: без каждодневного описания вечеринок, шопингов, приемов и многочисленных путешествий по всему свету не обходилось ни одно приличное издание Бразилии. В семидесятые на ее хрупкие плечи свалилось страшное испытание. Супруг, который умудрился устроить состояние, доставшееся ему по наследству, тяжело заболел, запустил дела, а затем сделал несколько неудачных ставок на бирже... Через год она овдовела и осталась без средств к существованию. Кто знает, что произошло бы с ней, если бы не было в ней столько жизнелюбия и оптимизма. Она научилась получать удовольствие в жизни от простых и легкодоступных вещей: путешествия по Европе баронесса заменила прогулками на свежем воздухе, изысканный завтрак в ресторане — на чашечку

свеже-сваренного кофе. Если раньше она могла себе позволить посетить раз в месяц какую-нибудь знаменитую экспозицию в Европе и частенько летала в Лувр или музей Прадо, то сейчас наслаждалась книгами и кинофильмами по искусству, то есть вела свою обычную жизнь необычным образом.

В восьмидесятом году судьба послала ей настоящий подарок — барона Педру Коррейя де Андраде и Коуту, человека легкого, доброго и жизнелюбивого. У него были безупречные манеры, иронический взгляд на жизнь и большое любящее сердце. Баронесса Лаура перевернула горькую страницу одиночества своей жизни и начала ее новый, самый счастливый период. Барон Педру оказался надежным, безупречным и любящим человеком, который предпочитал не только говорить о своих чувствах, но и делал все, чтобы доказать свою любовь. Теперь же ее память преподнесла ей странный сюрприз. То, что, казалось, ушло навеки и растаяло в дымке времени, стало всплывать на поверхность и поражать своими точными деталями и подробностями.

В один прекрасный летний день, когда сонный Рио нежился в мареве жаркой сиесты, она сидела на лоджии и любовалась притихшим от зноя городом. Панорама опустевшего пляжа и темно-синей морской поверхности настроила ее на воспоминания о прежних годах.

Она вспомнила, как путешествовала на яхте, как останавливалась со своим бывшим супругом Ипполитом в маленьких портовых городках. Память особенно отчетливо нарисовала ей картинку знаменательного вечера, когда в Бразилию с визитом приезжала сама королевская особа Елизавета вторая.

Баронесса вспомнила, что подавали на ужин в честь знатной английской гостии в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, как неожиданно музыкальный этюд Гайдна сменила насмешливая бразильская самба, а чуть позже оркестр перешел к Шопену.

В тот вечер лучшие представительницы высшего общества Рио-де-Жанейро бросали на нее завистливые и восхищенные взоры, рассматривая сногсшибательные изумруды, оправленные в платину.

Эти восхитительные украшения перешли ей по наследству от зеленоглазой красавицы аристократки, которая приходилась ей дальней родственницей по отцу. Жила она ветрено, на широкую ногу, сводила с ума лучших представителей высшего общества и предпочитала носить украшения, которые подчеркивали красоту ее необычных зеленых глаз. Баронесса Лаура оказалась точной копией своей дальней родственницы, что и сыграло определяющую роль в получении ею наследства. Изумруды стали для нее не только гарантией безбедного существования в будущем, но со временем стали играть роль талисмана. Она искренне верила, что камни приносят ей удачу. Мысль о том, что это будет длиться не вечно, никогда раньше не приходила ей в голову, но вдруг, в одночасье, ядовитая стрела страха пронзила ее сердце.

— Педру, дорогой! Мне страшно от мысли, что эта красота останется без достойной хозяйки, когда меня не будет... — воскликнула она тем же вечером, когда прошлое так отчетливо посетило ее снова.

Барон немного нахмурился, потому что был озадачен: его милая жизнерадостная супруга никогда прежде не держала в голове мрачных мыслей.

— Не бойся, дорогая, — он попытался успокоить супругу, — нам еще рано думать о смерти. По ты сама можешь распорядиться ими по своему усмотрению.

— Больше всего на свете я не хочу, чтобы эти камни попали в руки твоей невестки Жизелы. Я видела, как у нее загораются глаза, когда она смотрит на них.

— А что ты думаешь по поводу моей внучки Дуды? Ты же любишь ее, и у вас прекрасные отношения.

— Мария Эдуарда ни за что не будет носить эти украшения: она современная девушка. Да и если ей сделать этот подарок, их все равно приберет к рукам ее мать Жизела... — Лаура горько вздохнула и посмотрела на мужа. Вид у барона был весьма огорченный. — О, Педру! Прости меня! Я заставила тебя расстроиться.

— Не волнуйся, дорогая, просто ты раньше никогда не говорила о смерти так серьезно.

— А знаешь, я, пожалуй, нашла выход. Надо продать эти украшения.

— Лаура, милая! У нас пока хватает денег. Зачем продавать то, что представляет для тебя такую ценность? Ты любишь их и относишься к ним, как к живым. Носи их и наслаждайся своими сокровищами, пока судьба дает тебе возможность делать это.

* * *

«Как же глупо я попала! — Назаре лежала на заднем сиденье автомобиля, глотая слезы от своего бессилия. — Угодить под колеса того, от кого сбежала час назад!»

— Как ты там, голубушка? — она увидела потное лицо толстяка, который плотоядно завис над ее задранным платьем.

«Этот сальный котьяр так на меня пялится. Кто знает, может, еще не все потеряно?» — Назаре призывно улыбнулась и медленно отвела одно колено в сторону. Мадруга растерянно захлопал ресницами, не ожидая такого поворота, и невольно ухмыльнулся.

— Жозе! Я думаю, что мы сменим маршрут. Поворачивай ко мне в офис. А к сеньору Джованни доставим ее вечером, когда вытащим из этой цыпочки важную информацию, — сказал он как можно более равнодушно.

«Сработало!» — подумала Назаре и улыбнулась.

На этот раз интуиция не подвела ее. Мадруга, как только очутился в собственном кабинете, сразу отдал помощникам распоряжение не входить к нему ни при каких обстоятельствах в течение часа.

— Мне нужно допросить эту сеньору без свидетелей, — объяснил он личному шоферу и помощнику нарочито серьезным тоном.

— Сеньор Джованни Импротта неоднократно предупреждал вас проявлять особую осторожность с этой дамой, — напомнил ему Жозе.

— Об этом я не забывал ни на минуту, — сердито проворчал Мадруга. — Поэтому прошу запереть дверь моего кабинета снаружи, ключ можете оставить себе. Когда придет время, я подам сигнал.

— Хорошо, сеньор Мадруга. По крайней мере через закрытую дверь она

сбежать не сможет, — согласился Жозе.

Назаре не теряла времени даром, и как только дверь за помощником детектива захлопнулась, она сбросила со стола лишние вещи и демонстративно уселась сверху.

— Ну, сеньор Мадруга, так, кажется, вас величать? Доставайте свою лупу и приступайте к расследованию.

— Да, ты опасная красотка! — засмеялся Мадруга и устроился в старом кожаном кресле напротив.

Ее стройные лодыжки и аккуратные, почти девические коленки приводили его в трепет. Мадруга был истинным ценителем женских ног. Мадруга сглотнул слюну и насмешливо посмотрел ей в глаза.

— А что ты еще умеешь делать, кроме как демонстрировать свои прелести?

— Многое. Ты не пожалеешь, что встретился со мной. Такую женщину, как я, обычно не забывают.

— А как же быть с тем бедолагой, которого ты сегодня заездила до смерти? Что ты сделала с Жилмаром? — Мадруга вспомнил незащищенное голое тело, плавающее в бассейне, и невольно поежился.

— Вы имеете в виду таксиста? — как ни в чем не бывало переспросила Назаре.

— Именно. Я без усилий могу доказать, что именно ты убила его. Мы давно следили за ним. А сегодня нам удалось сделать несколько любопытных снимков...

— Ой, не пугайте меня. Когда я уходила из отеля, он был здоров и собирался немного поплавать, — Назаре удивленно похлопала ресницами.

— Не притворяйся, цыпочка. Если бы ты была невиновна, то покинула бы отель через главный выход и не пряталась от нас.

— Неужели вам приятно терять время на пустые разговоры? Вам не кажется, что мы можем провести совместный досуг более интересно? — Назаре решила действовать напролом.

Мадруга прижал указательный палец к губам и внимательно посмотрел на дверь. Затем он со слоновьей грацией подскочил к выходу и исследовал пространство за замочной скважиной.

Убедившись, что за ним никто не следит, он стянул промокшую от пота рубашку и многозначительно посмотрел на Назаре.

— Цыпочка, то, о чем ты говоришь и что обещаешь, очень интересно, но пока это только слова, а у нас слишком мало времени...

— Так не будем терять его понапрасну! — сказала Назаре низким зовущим голосом, который обычно сводил с ума ее многочисленных клиентов.

— Подойди ко мне поближе, я не кусаюсь.

Мадруга послушно сбросил брюки и растянулся на полированной поверхности массивного стола.

— Ну, покажи, что ты можешь. Удиви меня.

Назаре стянула с себя платье и осталась в нижнем белье.

— Нравится? — она повернулась к свету и дала рассмотреть себя получше. — Как видишь, под одеждой я скрываю совершенное оружие. Ты сойдешь с ума, когда прикоснешься к моей коже. — Назаре взяла его руку и положила себе на

грудь.

— Это даже лучше, чем то, на что я рассчитывал! — затрепетал Мадруга.

Она уловила страстное желание в его глазах и поняла, что наполовину уже выиграла этот поединок. Кто знает, может, потом она сможет обвинить его в изнасиловании?

Назаре пристроилась рядом с детективом, встала на колени и выгнула спину.

— Ну, что ты предпочитаешь, поиграть в «кошки-мышки» или «обслужи меня скорей»?

— Пожалуй, и то и другое, — улыбнулся Мадруга.

Глава 4

— Вивиан, что ты наделала? — Режиналду почти силой вытащил ее на балкон.

— Пусти, мне больно! — она сделала попытку освободиться.

— Когда ты сказала, что нейтрализовала мать, мне в голову не пришло, что ты могла дать ей лошадиную дозу снотворного! Ты же могла ее убить!

— Да ничего страшного с моей свекровью не произойдет. Подумаешь, если станет плохо, один раз промоют желудок или сделают укол. — Вивиан наткнулась на холодный взгляд Режиналду и поняла, что надо срочно сменить тактику. Она сделала над собой усилие и перешла на более мягкий тон. — Не волнуйся, милый! Иначе бы все провалилось, а теперь мы выиграем, несмотря ни на что. Ведь ты заручился «поддержкой» матери! Значит, голоса, которые раньше были нейтральными обязательно перейдут к нам! Вот увидишь!

— Хороша поддержка, если та, кто нам, как ты утверждаешь, «помогла», теперь лежит в моем кабинете без сознания, и нет гарантии, что это для нее хорошо закончится.

— Можно подумать, что ты сейчас раскаиваешься! Я не позволю, чтобы ты сдался на решающем этапе! — Вивиан с силой встряхнула мужа за плечи. — Очнись! Приди в себя! Ты поставил перед собой цель и успешно двигаешься к ней!

— Я не хочу, чтобы с мамой случилось что-нибудь плохое. Мои братья не простят мне этого.

— Поздно раскаиваться!

К Вивиан вернулось боевое настроение. Если бы ей сказали в данный момент, что нужно уничтожить свидетелей, она бы, не раздумывая, сбросила свекровь с балкона, и задушила Джованни своим газовым шарфиком.

— Ты сейчас очень странно выглядишь, — опустил ее на землю Режиналду. — Меня оторопь берет от одного твоего взгляда. Ты опять что-то задумала?

— Быть может, быть может... — туманно произнесла Вивиан и отвернулась, стараясь погасить в себе фанатичный костер ненависти.

— Я все же должен убедиться, что с матерью все в порядке! — Режиналду сделал попытку войти в комнату, но Вивиан удержала его за рукав.

— Даже не думай сентиментальничать и показывать слабость! Мое

снотворное было не таким сильным, — шепнула она ему на ухо. — Не сомневайся, ду Карму вот-вот встанет на ноги.

Режиналду с собрался духом и вернулся в комнату.

— Сеньор Импротта, я хотел дать распоряжение своим людям на площади, но уже поздно, все разошлись...

— Только не надо оправдываться, господин депутат! Я прекрасно знаю, кто и по какой причине так скоропалительно затащил вас на балкон. — Режиналду опустил глаза, не в силах выдержать насмешливый взгляд Джованни. — Все плетете интриги против собственной матери? Когда вам надоест заниматься подлостью? — Джованни так и стоял посреди комнаты с обмякшим телом на руках.

От Режиналду и его супруги исходила такая волна неприязни, что он не решался положить Марию на диван.

— Не валяйте дурака, сеньор Импротта, наша мебель не отравлена, — съязвила Вивиан. — Положите ду Карму, не мучайтесь.

— Как ты можешь, Вивиан? Это же моя мать! — Режиналду почувствовал, как в его душе смешались два противоположных чувства: жалость и обида. И если бы не моральная поддержка собственной супруги, он давно бы пошел на мировую. Наконец, Режиналду принял решение и подскочил к холодильнику. — У меня есть лед и минералка, сеньор Импротта. Может, поможет?

— Какие мы нежные! — хмыкнула Вивиан, с нескрываемой неприязнью глядя на свекровь. — Чуть что, сразу в обморок.

— Заткни рот своей супруге, — Джованни с ненавистью посмотрел на Вивиан. — Это по ее вине Мария в таком состоянии.

— О чем вы говорите, сеньор Импротта? Вас кто-то намеренно ввел в заблуждение, — как ни в чем не бывало попыталась оправдаться Вивиан.

— Тогда ответь мне на один простой вопрос, что ты делала сегодня утром в доме ду Карму?

— Я? — опешила Вивиан. Она явно не ожидала такого поворота событий. В голове ее лихорадочно запрыгали неприятные и пугающие мысли.

«Неужели этот выскочка сможет разоблачить меня и оповестить прессу? Что будет тогда с карьерой мужа? Все усилия пойдут прахом!» — Ее взгляд отчаянно уперся в лицо супруга, который бессмысленно хлопал ресницами, переваривая новую информацию.

— Тихо! Она очнулась! — воскликнул Джованни и приподнял голову Марии. Режиналду сделал попытку кинуться к матери, но Вивиан его остановила.

— Пожалуйста, дайте мне воды! — попросила ду Карму, постепенно к ней возвращались силы.

Джованни помог ей сесть и протянул стакан воды.

— Тебе надо пить медленно, не спеши!

— Спасибо, поблагодарила ду Карму, сделала несколько небольших глотков и медленно поднялась с дивана. — Мне надо сделать то, что я должна!

— Обопрись на меня, — Джованни подставил ей широкое плечо. — Так тебе будет легче.

— Посмотрите на часы, уже слишком поздно! — Вивиан не скрывала своего

злорадства. — Начиная с полуночи, любая агитация запрещена.

— А мне кажется, что твои часы спешат, — Мария все еще пыталась выглядеть невозмутимой. — У меня еще целых пять минут, чтобы сделать это! Для меня еще не поздно. Пять минут — это очень много в данной ситуации. Тем более, что вся аппаратура для выступления все еще на балконе. Так?

Мария увидела, как ее старший сын обреченно рухнул в кресло и умоляюще посмотрел на жену.

«Пожалею его после того, как все закончится, — подумала ду Карму. — Сейчас нельзя допустить, чтобы он совершил ошибку, за которую потом будут платить бедняки Виллы Сан-Мигель».

Мария вышла на широкий балкон и зажмурилась от света, падающего на нее со всех сторон. На площади было неестественно тихо, были слышны лишь далекие веселые возгласы и лай собак. Она нащупала микрофон и обратилась к тем, кто еще был на площади.

— Люди Виллы Сан-Мигель! Как ни больно это говорить, но я вынуждена сделать заявление, — постепенно ее глаза привыкли к свету, и она осознала, что говорит в пустоту. На площади никого не было.

— Почему ты замолчала? — удивился Импротта.

— Посмотри, Джованни. На площади никого нет, — растерялась ду Карму.

Больше всего Джованни не хотел увидеть слезы на щеках Марии. «Господи, пусть у нее хватит сил продержаться до конца, и Режиналду не увидит ее слабости!» — повторял он про себя, как заклинание.

Ду Карму, словно почувствовав его настроение, так выразительно посмотрела на сына, что он был вынужден опустить глаза. Вивиан же удовлетворенно хмыкнула, но удержалась от комментария.

— В этот раз вы победили! — сказала она спокойным голосом. — Победили потому, что твоя жена хотела меня отравить.

Она уловила мгновенную перемену в лице невестки. Насмешка моментально слетела с ее губ, и в глазах появился неподдельный страх.

— Нет, мама, Вивиан тут ни при чем! — попытался оправдать ее Режиналду. — Это все происки... оппозиции.

— А придумать что-нибудь поумнее у тебя не хватило времени? — съязвил Джованни.

— Как вы думаете, сеньор Импротта, кому поверят больше: горничной, которая будет утверждать, что видела меня в доме свекрови, или депутату с приличной репутацией, который заявит, что все утро мы были вместе...

— Вот ты и выдала себя! — обрадовался Джованни. — Мы ни слова не сказали, каким образом узнали о твоём утреннем визите!

Вивиан сразу захлопнула рот и выразительно посмотрела на мужа.

— Налду, ну сделай что-нибудь. Меня обвиняют не пойми в чем.

— Не волнуйся, дорогая, мы обязательно что-нибудь придумаем, — он по-прежнему избегал смотреть на мать.

— Конечно, придумаете! — воскликнула Мария. — По знай, я не позволю тебе втянуть всех нас в катастрофу. Я стану твоим главным противником и не успокоюсь, пока не разоблачу тебя.

Дона Лаура услышала характерное попискивание телефона и поспешила в гостиную. «Кто бы это мог звонить так рано?» — подумала она. Еще больше она удивилась, когда услышала знакомый голос.

— Себастьян? — переспросила она, совершенно заинтригованная.

— Дона Лаура, извините за столь ранний звонок, но обстоятельства вынудили меня. Мне срочно нужно с вами поговорить.

— Не волнуйся, Себастьян. Ты же знаешь, я всегда встаю рано, а позавтракать мы можем вместе. Приезжай ко мне прямо сейчас, — предложила баронесса.

— Спасибо, дона Лаура. На самом деле я уже час стою у вашего дома.

Такое необычное поведение личного шофера показалось ей очень странным. Но баронесса была слишком воспитанной, чтобы проявлять нетерпение или любопытство.

— Поднимайся к нам! Попробую тебе помочь.

Озадаченная Лаура сама открыла дверь и проводила Себастьяна в гостиную. Всегда застенчивый и спокойный Себастьян был крайне возбужден. Баронесса заметила в его руках странный сверток.

— Если не ошибаюсь, ты хочешь мне что-то показать?

— Да, дона Лаура! — воскликнул возбужденный Себастьян. — Но только я бы хотел, чтобы это кроме вас и барона больше никто не увидел.

— Хорошо, — еще больше удивилась Лаура. — Я распорядюсь, чтобы мы могли поговорить спокойно. — Она вышла на минуту, вскоре вернулась и закрыла дверь на ключ.

Себастьян положил сверток на пол и развернул его дрожащими от волнения руками.

— Вот, дона Лаура! — сказал он. Его глаза, всегда такие спокойные и грустные, теперь лихорадочно горели.

Баронессе невольно передалось его возбуждение. «Что же это может быть? Может, наш шофер стал писать этюды или обнаружил на чердаке собственного дома какой-нибудь этюд с бразильским пейзажем двадцатилетней давности?»

Себастьян аккуратно разложил полотно на ковре и застыл в ожидании реакции баронессы. Лаура застыла в недоумении. Это была одна из самых знаменитых и замечательных картин французского импрессиониста, написанная на рубеже веков.

— Боже мой! Это же подлинник Сезанна! — воскликнула она. — Где ты взял это сокровище?

— Это подарок от доны Жозефы, — ей показалось, что глаза Себастьяна вот-вот наполнятся слезами.

— От главного редактора той газеты, в которой ты когда-то работал? — удивилась Лаура. Себастьян молча кивнул, не в силах сказать ни слова.

— Но как она попала к тебе?

— Сеньора Жозефа спрятала его в машине и составила завещание на мое имя, где говорится, что мне принадлежит не только сам автомобиль, но и то, что

находится внутри его.

— Забавная формулировка! — улыбнулась баронесса.

— Раньше мне самому это казалось очень странным.

— Себастьян, твоя прежняя хозяйка сделала тебе царский подарок. Это настоящее сокровище! — восторженно воскликнула Лаура и замерла перед прекрасным полотном.

Память тут же перенесла ее в Париж двадцатилетней давности. Она вспомнила, как ее бывший супруг Ипполит устроил ей шикарный подарок на день рождения. Утром, после завтрака с типичными французскими круассанами, тонкими ломтиками провансальской ветчины и ароматным кофе, к отелю подъехала великолепная конка с двумя белоснежными лошадками. Весь обслуживающий персонал отеля тут же припал к огромным окнам, разглядывая необычное зрелище. Велико же было ее удивление, когда она увидела собственного супруга, который сидел в открытом экипаже и махал ей рукой. Эта экстравагантная прогулка оказалась самой необыкновенной в ее жизни. Маршрут проходил по любимым парижским местам Лауры. Проехав мимо Триумфальной арки и величественного здания из стекла и металла, Дворца Промышленности, Ипполит сделал первую остановку в Лувре. Затем маршрут прошел мимо сердца средневекового Парижа района Сите, собора Парижской богородицы и Пале-Рояля.

В этот необычный день Лаура побывала на Итальянском бульваре, где супруг купил ей маленькую копию «Улицы Лафайет» Эдварда Мунка. Чуть позже они пообедали в знаменитом кафе «Гербуа», некогда излюбленном месте импрессионистов на бульваре Клиши. Изумительный день закончился в Гранд-Опера...

— Как вы думаете, сколько она может стоить? — Себастьян задавал свой вопрос уже второй раз.

— Извини, эта картина невольно навеяла на меня воспоминания, — смутилась Лаура. — На аукционе ее первоначальная цена должна быть не меньше тридцати миллионов. — Баронесса заметила, как побледнело лицо Себастьяна. — Не волнуйся так, Себастьян. Ведь если с тобой что-то случится, ты не сможешь насладиться этим подарком.

— Да-да, донна Лаура! Я, как никто, понимаю это. Со мной уже все в порядке! — успокоил ее Себастьян.

— Вот и хорошо! А ведь мне приходилось бывать у твоей хозяйки, — неожиданно вспомнила Лаура. — Это полотно висело у нее в гостиной. Могу сказать тебе одно: в твоих руках самое грандиозное полотно Поля Сезанна «Большие купальщицы». Он работал над картиной почти десять лет.

— Так долго? — удивился Себастьян. — А на первый взгляд создается ощущение, что он очень торопился, чтобы ее побыстрее закончить.

— Тебя ввела в заблуждение так называемая «диагональная» техника. Видишь, какие мелкие параллельные мазки? Эту идею потом стали использовать художники-кубисты. Нравится?

— Очень! — бесхитростно согласился Себастьян. — Особенно эта толстуха слева, с рыжим хвостиком. Очень похожа на молодую Жаниси.

Лаура с трудом спрятала улыбку.

* * *

— Посмотри, что я принесла тебе! — Вивиан не могла скрыть свою огромную радость.

— Что это? — Режиналду потянулся к папке, которую держала супруга.

— Это настоящий сюрприз, дорогой! Результаты голосования. — Вивиан спрятала документы за спину и легонько шлепнула Налду по руке.

— Не томи, прелесть моя! Я должен это увидеть немедленно. — Режиналду усадил Вивиан на колени.

— Сорок четыре процента «за», тридцать семь «против». Остальные — испорченные и чистые, дорогой!

— Ущипни меня! Я хочу убедиться, что это мне не снится!

— Я лучше тебя поцелую! — неожиданно Вивиан оттянула воротничок его сорочки и прильнула к шее Режиналду. Острая, но приятная боль тут же заставила его вздрогнуть.

— Что ты делаешь? Теперь все будут говорить, что у меня засос на шее! — возмутился Налду.

— Какие мелочи, дорогой! Ты уже можешь думать о своей избирательной кампании по выборам префекта в муниципалитет Виллы Сан-Мигель!

— Ты права, как всегда! Запомни это мгновение! Это первый шаг, который откроет нам путь на самый верх, и ничто не сможет нам помешать! Я рожден для этого, моя королева! Я хочу, чтобы мне аплодировали, хочу забраться на самую вершину власти! — Никогда еще Режиналду не чувствовал себя так хорошо. — Ну, что ты молчишь?

— Я просто наслаждаюсь этим мгновением, — Вивиан откинулась назад и закрыла глаза. — Теперь и я точно знаю, зачем появилась на свет.

— Не томи, скажи, дорогая! — Режиналду дурашливо взлохматил ей волосы.

— Перестань, я терпеть не могу, когда ты так делаешь!

— Ну, все-все, больше не буду! Я думал, что ты заснула. Так что ты хотела сказать?

— Я рождена, дурачок, чтобы быть рядом с тобой, когда ты достигнешь этого! — Вивиан нежно поцеловала его в губы. — Ну, что ты такой вялый? О чем ты сейчас думаешь?

— Ты представляешь, чего бы мы достигли вместе с тобой, если бы нам кое-кто не мешал?

— Представляю! — фыркнула Вивиан и отвернулась. — Кстати, думаю, нам надо сообщить о победе человеку, который меня не поддерживает. Как тебе эта идея?

— Ты говоришь о матери?

— Конечно! — К Режиналду вернулось игривое настроение, которое тут же передалось Вивиан.

— Я много бы отдала, лишь бы увидеть в этот момент удивленную

физиономию моей свекрови. Я обязательно должна поехать с тобой! — Вивиан решительно встала и протянула руку Режиналду. — Вставай, лентяй, мне не терпится сделать это побыстрее.

* * *

Назаре медленно сползла со стола, как только утомленный необычной и яростной любовью Мадруга миролюбиво засопел на импровизированном ложе любви. Она попыталась открыть дверь, но та была заперта снаружи, по просьбе предусмотрительного детектива.

«Дьявол!» — зло подумала она и заглянула в замочную скважину. На переднем плане маячила мощная спина помощника Мадруги, который увлеченно играл в карты со своими напарниками.

«Что же делать? — Ситуация явно выходила из-под контроля. — Не будем впадать в панику раньше времени. Рано или поздно им надоест карточная игра, не будут же они вечно сидеть в этой комнате. Думай, девочка, думай! Безвыходных ситуаций не бывает!» — приказала она себе.

Назаре торопливо привела в порядок одежду. Затем тщательно обыскала карманы детектива.

— Ничего! Не может быть! — в ужасе воскликнула она и сразу прикрыла рот ладошкой. Ей хватило минуты на то, чтобы убедиться, что ни в шкафах, ни в столе никаких запасных ключей нет. Оставалось последнее место — выдвижной ящик стола, на котором так сладко сопел ее случайный «пламенный» любовник.

Огромная волосатая лапища этого бабуина будто нарочно прикрывала ее последнюю надежду. Назаре с ненавистью посмотрела на грузное тело.

«Будь хладнокровней! — приказала она себе. — Надо аккуратно поднять руку и положить ее на это жирное брюхо. — Назаре затаила дыхание и приступила к решающим действиям. — Ну, чего я боюсь? — подбадривала она себя. — Если эта жирная свинья проснется, я скажу, что он так сильно храпел, что мне пришлось его разбудить».

Она сделала шаг вперед и протянула руку, но стоило ей подойти к столу вплотную, Мадруга, словно почувствовал ее присутствие, перевернулся на другой бок и захрапел с прежней силой.

«Умница!» — Назаре готова была расцеловать детектива. Она беспрепятственно выдвинула ящик и пошарила рукой в надежде найти запасной ключ от двери или хотя бы что-нибудь подходящее. Нечто липкое и неприятное, напоминающее то ли жвачку, то ли сливочную тянучку, сразу приклеилось к ладони.

«Господи! Что за свинарник! Настоящее кладбище объедков и грязных тряпок». Рядом с номером зачитаного до дыр прошлогоднего «Плейбоя» с молодой распутной монашкой на обложке лежал кусок старой ткани неизвестного происхождения, половинка от того, что когда-то было бутербродом, остатки не съеденного обеда, женский лифчик не первой свежести, миниатюрные трусики, пачка презервативов и куча ненужных засаленных бумаг.

«Ничего себе частный детектив, — возмутилась Назаре. — Настоящий

извращенец! Хранить в рабочем столе трофеи «победителя»! — она еще раз взглянула на нижнее белье, упакованное в пакет, и ее передернуло от отвращения. Она вспомнила подробности бурного, торопливого секса и ее обожгло страстное желание немедленно уйти отсюда и помыться. До сих пор она физически ощущала следы прикосновений его жирных пальцев на своей коже. Назаре еще раз рассеянно взглянула на обложку «Плейбоя». Одевание молодой девицы откровенно напоминало монашеское платье матери Терезы... В голове промелькнула какая-то неясная догадка.

«Тереза, Тереза! — подгоняла она свое неповоротливое сознание. — Почему меня это так зацепило? — Назаре подошла к окну и растворила створки. — Ого! Третий этаж! Если прыгнуть, переломаю ноги, а если останусь здесь, то все потеряю. Что же делать?»

Она еще раз окинула взглядом помещение. Какой может быть толк от стола, на котором спал боров, трех тщедушных шкафов и сейфа? Мысль, еще не оформившаяся, но дерзкая и любопытная, будто оцарапала ее сознание, подарив надежду. Назаре сосредоточилась на том, о чем думала, и поэтапно отследила все возможные комбинации. Так, выйти через дверь не удастся, остается только окно. Она еще раз выглянула на пустынную улицу. Расстояние до земли было не меньше шести метров.

«А может, воспользоваться идеей местных заключенных и сделать «терезу», веревку, связанную из разных кусочков ткани? Так вот что меня зацепило, когда я смотрела на журнал!»

Эта мысль заставила ее действовать быстро и энергично. Назаре вытащила из стола кусок ткани, сдернула две тяжелые занавески и, крепко связав концы, прикрепила импровизированную веревку к массивной оконной раме. Убедившись, что на улице никого нет, она спустила конец вниз и растерянно замерла от неожиданности: вся ее сложная конструкция оказалась длиной не больше трех метров. Добрая часть ткани ушла на петлю, которую она прикрепила к оконной раме, и узлы.

Взгляд Назаре жадно обшарил помещение и остановился на мятых брюках Мадруги, которые небрежно валялись под столом. Ей стоило большого труда не расхохотаться во весь голос, когда она представила, как Мадруга будет искать ее, а потом собственные штаны, когда проснется.

«Ну все! — успокоила она себя. — Нельзя так легкомысленно терять драгоценное время!»

Назаре как следует закрепила ценную находку, залезла на подоконник, крепко ухватившись за импровизированный канат, и повисла на нем.

«Господи! А если я сорвусь? — внезапно ее воображение угодливо нарисовало ей безобразную картину, и она невольно увидела свое тело со стороны: ноги неестественно вывернуты, на голове зияет огромная рана... — Что я делаю? Думать о смерти в такой ответственный момент! Двигайся вниз!» — приказала она себе.

Ладони, вспотевшие от напряжения, мгновенно стали холодными и скользкими, по телу разлилась предательская слабость. Она с трудом заставила себя ослабить хватку и медленно заскользила вниз. Остановившись где-то

посередине, чтобы восстановить силы, Назаре подняла голову. Спасительный подоконник был уже далеко. «Надо сосредоточиться на хорошем. Еще каких-то три метра вниз — и я свободна».

Наконец, ноги Назаре почувствовали твердую почву. Но она не сразу смогла заставить себя разжать пальцы и отпустить веревку. Она растерла запястья.

«Вот и все, сеньор Мадруга! Я опять обвела тебя вокруг пальца». — Назаре подняла голову, еще раз взглянула на окно третьего этажа и обомлела. Прямо на нее смотрел потрясенный детектив.

— Чао, дорогой! — улыбнулась Назаре и помахала ему рукой.

Глава 5

С самого утра у Марии было плохое предчувствие. Она встала позже обычного, отдала распоряжение по поводу партии новых товаров по телефону и спустилась вниз. С того неприятного вечера, когда она в очередной раз убедилась в непорядочности и коварстве своего старшего сына и невестки, прошло три дня, но она по-прежнему чувствовала горечь и обиду.

«До какой низости может дойти Режиналду, подбираясь к вершинам власти? Сколько людей еще попадет под его беспощадный каблук, пострадает или будет раздавлено? — тяжелые, неприятные мысли кружили в ее сознании, постепенно создавая воронку отчаяния. — Подумать только, мой старший сын, родная кровь, ничем не гнушается и даже идет на преступление против собственной матери, лишь бы добиться своего во что бы то ни стало. Кто знает, где бы я сейчас была, если бы не мой крепкий организм, привыкший к чудовищным нагрузкам...»

Мария отказалась от обычного сытного завтрака, к страшному огорчению Сиссеры, выпила только маленькую чашечку кофе и уткнулась в свежий номер газеты.

— Сеньора ду Карму! С каких пор свежая пресса стала утолять чувство голода?

— Дорогая моя, в первую очередь меня волнуют результаты референдума или любая информация по этому вопросу, поэтому я не могу ни есть, ни спать спокойно. По, похоже, что итоги будут подведены лишь в вечернем номере.

— Нельзя так переживать! Вы уже третий день пугаете меня отсутствием аппетита. Может, приготовить ваш любимый бобовый пирог с луком и оливками? — предложила Сиссера. — Или запечь баранью ногу с розмарином и коричневым рисом?

— Спасибо, дорогая! Давай отложим это до лучших времен, — Мария заставила себя улыбнуться. — Кстати, по-моему, к нам пришли. — В прихожей заливался трелью требовательный звонок.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Сиссера. — Какой нетерпеливый.

Она торопливо направилась к входной двери. Громкие возбужденные голоса заставили ду Карму поспешить навстречу шумным гостям. В холле стояли сияющие от счастья невестка и старший сын.

— Здравствуй, мама, — сдержанно поздоровался Режиналду.

— Ваш сын принес вам важные новости! — не утерпела Вивиан и насмешливо и торжествующе посмотрела на свекровь.

Увидев их, Мария вдруг ощутила страшную пустоту внутри себя. Такое чувство она испытывала только один раз в жизни, когда ее старший брат Себастьян сказал ей, что Жозевалду бросил ее и теперь живет с другой женщиной на ее содержании. Ду Карму сделала шаг навстречу и загородила вход в гостиную.

— Если вы принесли мне очередные пилюли, то должна вас огорчить, мне не нужны лекарства. Тех таблеток мне хватило с лихвой. А если пришли за моим голосом, то можете разворачиваться и уходить. Мы по разные стороны. Я не проголосую за...

— Мама, — перебил ее Режиналду, — не надо столько слов. Мы победили даже без твоей помощи!

Слова старшего сына подействовали на нее отрезвляюще. Чувство пустоты, вот уже третий день не дающее ей жить полноценно, сменилось яростным возмущением.

— Голосование еще не закончено! — постаралась сбить с сына спесь ду Карму. Но он будто не слышал ее. Глаза Налду возбужденно горели.

— Мама, Вилла Сан-Мигель стала теперь независимой. И твой сын — лидер! Я пришел сюда, чтобы сообщить тебе о результатах выборов! — Он подошел к матери и попытался взять ее за руку. Но Мария так посмотрела на него, что у Режиналду пропало всякое желание проявлять инициативу.

— Как мне объяснить тебе, что я не собираюсь подписывать мировую после того, что вы с Вивиан сделали? И чему, по-твоему, я должна радоваться? Ты же прекрасно знаешь мое мнение. Независимость приведет только к худшему!

— Нет, ты не права! — воскликнул Режиналду. — Ты цепляешься за старое.

— Подожди, дорогой! — остановила его Вивиан. — Дай объяснить моей свекрови элементарную вещь. — Впервые за все время она прямо посмотрела Марии в глаза. — Вы, конечно, очень много сделали для Виллы Сан-Мигель. Но сейчас наступили новые времена. Период перемен и прогресса, и мы вместе добьемся невероятных успехов, особенно, если начнем действовать немедленно, сейчас.

Ду Карму демонстративно проигнорировала слова невестки и обратилась к сыну.

— Ты слишком самоуверен и беспринципен как политик. Таких людей нельзя допускать к власти: ведь ты делаешь только то, что хочешь, что выгодно лично тебе! — возмутилась Мария.

— А как же иначе? Я просто уверен, что если будет хорошо мне, то и остальные тоже внакладе не останутся! Когда, наконец, мама, мы пойдем друг друга? Мы же одна семья, которая работала и крепла именно здесь. Зачем терять время на разногласия? Твой ничем не запятанный авторитет и репутация вместе с моим темпераментом и мастерством большого политика горы свернут! Вся Бразилия будет у наших ног! Наша семья должна объединять силы, а не рассредоточивать их, — Режиналду не был готов увидеть на лице матери озорную

улыбку. Мария действительно держалась из последних сил, чтобы не расхохотаться.

— Что с тобой, мама? Ты так странно улыбаешься! Так ты простила меня?

— Мне просто пришла в голову простая идея. Надо было назвать тебя по-другому.

— Как по-другому? — опешил Режиналду.

— Адольф.

— Вы опять издеваетесь! — взвизгнула Вивиан. — Как не стыдно глумиться над собственным ребенком, который добился успеха! Что такого, если сын просит помощи у собственной матери?

— Ничего, — лучезарно улыбнулась Мария. — Мы будем вместе при условии, что Режиналду изменится и прекратит использовать нужды народа в собственных целях.

— Мама, я пришел к тебе, чтобы поделиться радостью. Я хочу договориться, а ты все время нападаешь! Не хочешь уступить хоть раз!

— А в чем я должна уступить тебе? — удивилась ду Карму. — В принципах, в чувстве справедливости, в моральных устоях?

— Дорогой, — не выдержала Вивиан, — твоя мать слишком примитивна, чтобы понять, что настоящая политика не основана на сантиментах! Самое главное цель, а не средства!

— Вот именно! И так как у нас разные средства, нам не договориться! Все, вопрос закрыт! — Мария резко встала и указала на дверь. — Думаю, вам лучше уйти, пока твоей супруге не пришла в голову очередная идея по поводу устранения конкурентов.

Режиналду окинул мать ненавидящим взглядом и, не попрощавшись, выскочил за порог. Вивиан же демонстративно достала пудреницу, привела в порядок лицо и только затем неторопливо направилась к двери.

— Дона ду Карму! Может, придать ей ускорение? — предложила возбужденная Сиссера, которая все это время стояла на лестнице со шваброй в руках.

— В следующий раз, дорогая, я сама обязательно воспользуюсь твоим предложением, — засмеялась Мария. — И знаешь что? Пожалуй, я готова как следует позавтракать. Нарезь, пожалуйста, тарелку ветчины с сыром и принеси овощей побольше.

— А как же ваш любимый бобовый пирог с луком и оливками? Может, приготовить?

— Готовь, дорогая! Еще, пожалуйста, баранью ногу с розмарином! Гулять так гулять!

— Обожаю вас, когда вы так говорите! — Сиссера взвизгнула от избытка чувств и побежала на кухню.

— Моя мать никогда не поддержит меня, потому что она мелочная и ограниченная! — зло сказал Режиналду, как только за его спиной закрылась дверь.

— Нам надо идти вперед, несмотря ни на что, потому что мы широко мыслим, — невозмутимо сказала Вивиан. — Забудь о матери! Какая тебе разница,

будет она помогать тебе или нет?

Она взглянула на мужа и поняла, что он действительно огорчен и расстроен. В такие моменты он всегда смотрел исподлобья и теребил себя за подбородок со стильной бородкой. «Ну, начинается! — зло подумала Вивиан. — Чем эта ду Карму так привязала сына?» Она уже собралась сказать что-нибудь ехидное в адрес свекрови, но Режиналду сам перебил ее.

— Как ты не можешь понять! Народ прислушивается к словам моей матери. Это же настоящий троянский конь, который даст нам доступ в любое сердце! Это волшебная палочка, которая распахнет перед нами двери в любой дом!

— Милый, очнись, народ проголосовал «за»! — Вивиан решила занять жесткую позицию. — Ты скоро станешь авторитетней ду Карму здесь, на Вилле Сан-Мигель! Нам не нужны ни троянский конь, ни волшебная палочка. Мы уже внутри большой политики и больших денег!

— Ты, как всегда, права! — самодовольно хмыкнул Режиналду. — И заметь, что я добился этого без ее поддержки!

— Я горжусь тобой, дорогой! — Вивиан притянула его к себе и почувствовала, как сильно бьется его сердце.

* * *

Дирсеу и сам не заметил, как идиллия, в которой они пребывали с ду Карму еще некоторое время назад — страстные свидания, прогулки по вечернему пляжу, совместные ужины, — постепенно становились все более редкими и короткими. Как назло, строительный бизнес Марии требовал большего вложения сил и времени, да и идея Дирсеу организовать собственную газету теперь отнимала много сил.

Чуткий нос Джованни Импротты тут же уловил моментальную перемену в их отношениях и воспользовался временной заминкой. Джованни теперь старался как можно чаще видеться с Марией, быть в курсе всех ее дел.

А Дирсеу бесился от мысли, что старинный «друг» ду Карму только и ждет, когда можно будет занять его место.

Всю последнюю неделю Дирсеу пребывал в мрачном настроении. Все валилось из рук, работа не клеилась. Всегда острый, отточенный ум и молниеносная реакция впервые стали изменять ему. «Что это? Пресловутый кризис среднего возраста, когда одни мужчины сходят с ума от навязчивой и коварной установки: «я должен» или от излишеств жизни... А может, это ранняя старость?» — пытался проанализировать Дирсеу свое состояние.

Он с раздражением вспоминал об интриге Режиналду и Вивиан, которые так виртуозно столкнули его с ду Карму, сыграв на ревности Марии к Аретузе, новой горничной Дирсеу. Конечно, то, что в его доме появилась молоденькая и хорошенькая молодая женщина, не могло не пройти мимо злокозненной Вивиан, которая и дня не может прожить без интриг. Что такого они с Режиналду порассказали Марии о его якобы связи с Аретузой? Это так до сих пор и осталось для него тайной.

С того ужасного дня, когда ду Карму попыталась обвинить Дирсеу в измене

и между ними состоялся импульсивный и неприятный разговор, прошел целый месяц. И хотя недоразумение было улажено в одночасье, и Мария попросила прощения, между ними по-прежнему осталась полоса отчуждения и непонимания.

Невыговоренная и горькая обида встала между ними непреодолимой преградой. Дирсеу пытался понять, почему он до сих пор так сильно сердится на ду Карму, почему не может простить ей минутную слабость. Подумаешь, женщина приревновала его к обычной горничной, с кем не бывает?

Он хорохорился, дулся, давал себе слово не звонить Марии первым. Стал с ней холоден и неразговорчив, а когда довел ее до крайнего возмущения, сам перепугался не на шутку.

Но его гордыня не дала возможности решить все проблемы сразу, а превратила милого и веселого Дирсеу в угрюмого и вечно раздраженного ворчуна.

Он стал придираться к собственной горничной, которую до этого только нахваливал. Делал бесконечные замечания коллегам по работе. Дошло до того, что он даже поссорился со своим начальником и впервые получил выговор за заносчивость и конфликтность. «С кем не бывает?» — успокаивал он себя и продолжал дуться на весь свет.

И вот в один прекрасный день Мария приехала к нему без звонка.

— Извини, Дирсеу, — начала она с порога, — я приехала сюда, потому что решила, что так не может больше продолжаться. Мне непонятно, почему мои извинения за глупую ревность к твоей горничной Аретузе не принесли никакого результата. На словах ты простил меня, но на деле остался таким же сухим и черствым.

Ду Карму посмотрела на Дирсеу и увидела непроницаемую маску равнодушия и неприступности.

— Как же ты не понимаешь, что именно этого добивались Режиналду и Вивиан, когда подтолкнули меня к этой глупости! Они будут рады, если мы расстанемся, — привела она последний аргумент. — Неужели ты забыл то время, когда мы были счастливы вместе?

— Не притворяйся, ду Карму! — Глаза Дирсеу потемнели от гнева. — Твои переживания — лишь маска. Около тебя постоянно крутится этот выскочка, Джованни Импротта. И, похоже, что тебе это очень нравится!

— Ах, вот в чем дело! Теперь ты ревнуешь! — рассердилась Мария. — Когда ревновала я, ты упрекал меня в глупости, а теперь делаешь это сам!

Дирсеу понял, что Мария попала в точку, но от этого надулся еще больше.

— Знаешь что? — Расстроенная Мария поняла, что он намерен упираться до последнего. — Приведи свою голову в порядок. А потом поговорим! — Со слезами на глазах она вылетела из квартиры, чуть не сбив с ног растерянную Аретузу...

Потом Дирсеу не раз прокручивал в своей голове эту сцену, ведя горячие мысленные диалоги в свое оправдание, но лучше ему от этого не становилось.

«А может, ду Карму права? Это ревность разъедает меня изнутри и заставляет делать глупости? Я жду ее на протяжении двадцати лет, много раз делал предложение, но все время слышал отказ... Господи, как я устал!»

Дверной звонок на время привел его в чувство. Дирсеу даже обрадовался тому, что кто-то отвлечет его от грустных мыслей. Он поспешил открыть дверь, даже не посмотрев в глазок.

На пороге стоял Себастьян, старший брат Марии ду Карму. Судя по его встревоженному виду, что-то его серьезно беспокоило.

— Дирсеу, мне надо поговорить с тобой! — выпалил он с порога и, не дожидаясь приглашения, прошел в комнату.

Такое поведение всегда сдержанного и флегматичного Себастьяна никак не вязалось с его характером.

— Садись, Себастьян. Я рад тебя выслушать! — сказал Дирсеу и только сейчас заметил, что в руках его гостя находится объемный сверток. — Это, если не ошибаюсь, именно та причина, которая привела тебя ко мне?

Дирсеу помог Себастьяну развернуть сверток и застыл от изумления.

— Боже мой! Картина Сезанна! — воскликнул он. — Та самая. Я прекрасно помню оригинал, который когда-то висел в гостиной доны Жозефы. — Дирсеу аккуратно провел рукой по полотну. — Невероятно! Великолепная копия!

— Это не копия, а подлинник. Он висел у доны Жозефы.

— Но это невозможно! — горячо возразил Дирсеу. — Оригинал был украден.

— Именно так и было задумано, а на самом деле холст пролежал в тайнике до того дня, пока моя неаккуратная дочь не потеряла пудреницу, и Венансиу случайно не наткнулся на тайник в моей машине.

— Невероятная история. Эта картина, наверное, стоит баснословных денег, — сказал Дирсеу.

— Дорогой мой, ты смотришь на тридцать миллионов долларов, — довольно сказал Себастьян.

— Когда же ты успел ее оценить?

— Я проконсультировался с баронессой Лаурой, соблюдая, конечно, все меры предосторожности.

— Себастьян, а ты уверен, что можешь распоряжаться этим сокровищем?

— Вот как раз в этом я абсолютно уверен. Я нашел адвоката доны Жозефы. Он подтвердил, что в завещании написано так: «машина и то, что в ней находится, отныне и навсегда переходит в собственность Себастьяна Ферейра да Сильва».

— Вот это сюрприз! — обрадовался Дирсеу. — Да тебя можно поздравить, дорогой! — Он крепко обнял Себастьяна и дружески похлопал его по спине.

— Спасибо, Дирсеу. Я знал, что ты будешь рад за меня. — На глазах Себастьяна выступили слезы, но он быстро справился с минутной слабостью.

— Знаешь что? Давай выпьем за твой успех, а заодно помянем светлую память доны Жозефы, — предложил Дирсеу и вскоре вернулся с бутылкой настоящего французского «Мартеля». — Выпьем за великую женщину, на которую нам с тобой посчастливилось работать. Мир ее праху! И вечная память! — Дирсеу наполнил фужеры и протянул один из них Себастьяну.

Огненная коричневая жидкость неожиданно сильно обожгла горло. По всему телу разлилось приятное тепло. Дирсеу понял, что впервые за последнее время он расслабился по-настоящему. Все проблемы отодвинулись на задний

план. К нему вернулось хорошее настроение. Он взглянул на своего гостя. На его лице играла счастливая улыбка.

— О чем ты думаешь?

— Я вспоминаю дону Жозефу каждый день. То время, когда я работал на нее, было самым лучшим в моей жизни.

— Да, — согласился Дирсеу. — Нам можно позавидовать: мы были знакомы с одной из самых достойных женщин Бразилии.

— Интересно получается, — грустно улыбнулся Себастьян. — Сейчас ее нет с нами, но она продолжает творить добро!

— Кстати, а что же ты будешь делать с картиной?

— Вот ради этого я и пришел к тебе, — туманно ответил Себастьян.

— Что-то я не понимаю. Говори яснее!

— Я хочу так использовать картину, чтобы с ее помощью увековечить память доны Жозефы.

Сердце Дирсеу сладко заныло от счастливого предчувствия.

— Дирсеу, сколько стоит открыть газету? Мне хотелось бы это сделать как можно быстрее. Что ты думаешь насчет «DIARIO DE NOTICIAS»?

— Это самые прекрасные слова, которые я слышал за последнее время. — Он глубоко вздохнул, чтобы справиться с радостью, которая накрыла его, как цунами, быстро и неожиданно.

* * *

Только подойдя к дому, Назаре поняла, что совершила чудовищную ошибку: ее собственная сумка с документами и деньгами осталась в кабинете Мадруги, от которого она сбежала час назад.

«Как я могла? Почему только сейчас я вспомнила об этом? Мне достаточно было протянуть руку и взять сумку! — Назаре вспомнила, как сама повесила ее на кресло перед тем, как сесть на стол Мадруги. — Господи, почему ты в тот момент лишил меня разума?»

Она застыла на пороге собственного дома, погруженная в мрачные мысли, не замечая, что уже три минуты непрерывно жмет на звонок. Только когда перед ней появилась заспанная физиономия Фаусты, она на минуту пришла в себя, отвесила ей оплеуху и молча прошла в свою спальню. «Какая же я идиотка! Оставить самое ценное этому слону! Если Мадруга обнаружит сумку сейчас, то в считанные минуты здесь будет полиция! Надо срочно бежать из этого проклятого города».

Назаре подошла к шкафу и вытащила самый большой чемодан. Стремительным и энергичным вихрем она прошла по всем вешалкам, висящим в шкафу и, не вникая в детали и подробности, покидала в чемодан вещи.

«Поеду в Куритибу, потом приглашу туда Изабел. Она должна все бросить и приехать ко мне. Господи, если бы ты знал, как мне нужно время!»

Резкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

— Кто там? — В ее голосе появились истеричные нотки.

— Это я, Фауста!

— Что ты делаешь здесь, мерзавка? Убирайся вон! Меня здесь нет! Поняла?

— Я просто хотела вам передать...

— Ничего не хочу слышать! Убирайся!

— Именно так я и сделаю, — флегматично согласилась Фауста.

— Пошла вон! Я не хочу слышать твой голос!

— И все же, я должна сказать! Вам тут кое-что принесли...

— Принесли? — Назаре тут же распахнула дверь спальни.

В руках Фаусты была сумка Назаре и огромный букет алых роз.

— Что это? Моя сумка! — Назаре быстро проверила ее содержимое. — Все на месте. Какое счастье!

— Там еще записка, — горничная кивнула на конверт, вложенный в роскошный букет.

Трясущимися от возбуждения руками она развернула записку:

«Дона, ты подарила мне такое незабываемое удовольствие, что я решил все твои проблемы. Это была волшебная встреча. Навеки твой, сеньор Мадруга».

— Вот это да! — возбужденно воскликнула Назаре. — Жеребец влюбился в меня! Мой ключик к нему подошел!

— Какой жеребец с ключиком? — не поняла Фауста.

— Помолчи, дура! Ты даже не представляешь, как мне повезло! Ну, ступай, ступай! — Назаре захлопнула дверь перед носом горничной и закружилась по комнате.

«Цветы! Цветы! Подумать только! Этот боров проявил такую сентиментальность и галантность... А может, это плохо? — эта мысль внезапно пришла ей в голову. — Может, именно теперь я пропала по-настоящему? Вдруг этот жеребец больше не отстанет от меня, а поселится здесь в доме, будет следить за мной и превратит мою жизнь в сущий кошмар... У меня не будет покоя...»

Мрачные мысли опять сыграли с ней злую шутку. Она не заметила, как распотрошила весь букет, и теперь красное пятно из лепестков покрывало не только ее ноги, но и часть ковра.

«Боже мой! Что я наделала?» — Назаре распахнула дверь, чтобы позвать Фаусту, и чуть не столкнулась с Изабел.

— Дочка? — удивилась Назаре и попыталась взять себя в руки. — Ты давно пришла?

— Только что, — ответила Изабел, не в силах оторвать взгляд от странного зрелища. — В чем дело, мама? Что ты делаешь с цветами?

— Не знаю. Я не знаю... — Вопросы Изабел неожиданно поставили ее в тупик.

— О ком ты говорила? Кто не оставит тебя в покое? — Назаре поняла, что разговаривала сама с собой вслух. — Да твой отец, Изабел. Он все время является ко мне и пугает. Я купила ему цветы, чтобы успокоить душу Луиса Карлоса. Может, он перестанет являться в этот дом и оставит меня в покое? — Назаре скорее была готова играть роль вдовы, доведенной горем до сумасшествия, чем сказать настоящую правду.

— Мама, а я не одна, — попыталась остановить ее Изабел.

Только сейчас Назаре заметила, что за спиной дочери стоит смущенный

молодой человек.

— Вот же он, Луис Карлос! — указала она на Эдгара. — Изабел, как же так? Ты не видишь своего отца?

— Мама, прекрати, — чуть не плача воскликнула Изабел.

— А-а-а, это внук той старой сводни, мадам Берте! И угораздило же тебя, дочка, устроиться на работу к нему в ресторан! — Назаре с ненавистью посмотрела в его сторону и погрозила ему кулаком. — Уходи, оставь мою дочь в покое. Убирайся из нашего дома! Ты пришел вынюхивать! Ты хочешь забрать у меня мою единственную дочь!

— Мама, успокойся. Тебе нужно прийти в себя. — Изабел сделала Эдгару знак, чтобы он спустился вниз, и увлекла Назаре в комнату. — Давай, ты немного отдохнешь, а чуть позже мы все обсудим и примем решение, — предложила она.

— Да, дорогая, мне нужен покой, — внезапно согласилась Назаре. — Дочка, меня не оставляет мысль, что все вокруг меня плетут заговор. Они хотят отобрать тебя у меня. Этот, твой дружок, его бабка, Дженанни, Жеребец... все объединились, все! Почему ты меня не хочешь понять, дочка? — по лицу Назаре потекли слезы.

— Мама, успокойся, выпей лекарство. Ведь все не так! — воскликнула Изабел.

— Так, дочка, так! Нас окружают! И скоро мне придет конец. Ты же этого не хочешь? Правда? — Назаре обняла дочь и прижалась к ней мокрой щекой. — Знаешь, я сегодня же соберу чемодан. Давай, уедем в Куритибу! Это прекрасное местечко. Тебе там обязательно понравится.

— Мама, я никуда не поеду, — твердо сказала Изабел. — Ты нервничаешь. У тебя просто приступ паники.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! — крикнула Назаре. — Я пока не сошла с ума!

— Послушай меня, — Изабел серьезно посмотрела на мать, — если ты не возьмешь себя в руки, мне придется вызвать врача. Фауста сказала, что ты пришла домой очень встревоженная и расстроенная, вся комком нервов.

— И ты поверила этой идиотке? — опять возмутилась Назаре.

— Мама, не начинай снова!

— Ничего, дочка. Мое нынешнее состояние — всего лишь кризис вдовства и все.

— Выпей успокоительное и ложись, тебе обязательно надо отдохнуть.

Назаре послушно легла в кровать и отвернулась к стенке.

— Я подожду, когда ты заснешь, — сказала Изабел и подоткнула одеяло.

Глава 6

Мария лежала на огромной пустой кровати, накрывшись подушкой, и не хотела вставать. Почему испытания и неприятности вдруг посыпались на нее, как из рога изобилия?

Вот уже десять минут ее не покидало ощущение, что на нее кто-то смотрит.

«Странно, дверь закрыта, в замочной скважине ключ... — Мария

приподнялась и посмотрела в окно. — Так и есть! Жозевалду! Все никак не уймется! — Она увидела, как ее бывший супруг как ни в чем не бывало перевел линзы мощного бинокля в сторону, старательно делая вид, что рассматривает пейзаж.

— Старый кобель! — в сердцах воскликнула Мария и сердито задернула занавески. «Сколько уже времени он безнаказанно за мной подглядывает? Может, день, а может, неделю? А ведь все неприятности начались с того момента, когда Жозевалду появился в моем доме! Сначала он восстановил детей против меня и поселился здесь против моей же воли. Затем на выборах поддержал Режиналду... С ума сойти! Теперь даже голый спать нельзя в собственной спальне! Что же теперь делать? То одно, то другое! И от Дирсеу теперь поддержки не дождешься... — Мария посмотрела на фотографию двухлетней давности. Два счастливых смеющихся лица. Кто мог предположить тогда, что все так изменится. — Похоже, что Дирсеу стал ревновать меня не только к Джованни, но и к бывшему мужу. Вокруг меня столько мужчин, но из-за глупой ревности я вынуждена последнее время спать одна. Неужели преждевременная старость постучала в наши с Дирсеу двери?»

Подавленная этими мыслями, Мария оделась и спустилась вниз.

— Сеньора ду Карму, к вам гость! — сияющая Сиссера не могла скрыть своей радости.

— Дирсеу?

Мария стремительно сбежала с лестницы, так и не разобрав, что ей крикнула вслед горничная. Она ворвалась в гостиную, чтобы броситься ему на шею, и чуть не налетела на растерявшегося Джованни.

Он уже полчаса, ожидая ее пробуждения, исследовал все полки в книжном шкафу, перетрогал мелкие и крупные предметы, изучая страну их происхождения. Мария застала его за просмотром яркого глянцевого каталога пластиковых труб и фитингов.

— Доброе утро! — растерянно улыбнулась Мария. — Что-то произошло? Что-то важное?

Джованни замер от восторга, пытаясь собраться с мыслями.

За все долгое время их знакомства он ни разу не видел ее в простом утреннем пеньюаре. Он невероятно шел Марии, оттеняя нежный оливковый загар, подчеркивая огромные карие глаза. Она выглядела моложе лет на десять.

Он помнил до мелочей все ее одеяния двадцать лет назад: широкую деревенскую юбку с ситцевой кофтой, в которых Мария приехала в Рио, трикотажный свитер, скрывающий ее прелести во время бесконечных трудовых будней, первое нарядное платье, купленное на заработанные деньги.

— Джованни, что с тобой? Ты так странно смотришь на меня!

Мария заметила на его лице какое-то незнакомое ей прежде выражение.

— Здравствуй, ду Карму! Скажу честно, ты так хороша в этом розовом пеньюаре, что для начала я отважусь на дерзкую просьбу: позволь мне поцеловать тебя. Хотя бы в щеку.

— Какой ты смешной, Джованни! — засмеялась Мария и подставила лицо для поцелуя.

Сиссера всплеснула руками и в восторге застыла на месте. «Ну, хоть сеньор Импротта немного развеселит мою хозяйку!» — подумала она и медленно отступила к выходу.

Из всех мужчин, которые когда-либо ухаживали за ее хозяйкой, именно Джованни нравился Сиссере больше всего. Иногда, когда он приходил к ним в дом на какое-нибудь домашнее торжество в праздничном костюме и галстук, он казался ей совершенным итальянским божеством, сошедшим с картин из галереи Уффици.

В нем было все, что Сиссера так ценила в мужчинах: искренность, добросердечие, темперамент и та необъяснимая харизма, которая вызывала непреодолимую симпатию к нему не только женщин и детей, но даже и домашних животных. Для всех он мог за пять минут стать своим парнем без особого труда. «И почему ду Карму никак не может оценить этого замечательного человека?» — все время удивлялась она и в сердцах выбегала из комнаты. Вот и сейчас она решила не мешать своей любимой хозяйке и поспешила оставить их наедине.

— Джованни, перестань! Тебе не кажется, что ты слишком страстно здороваешься? — ду Карму с трудом вырвалась из его объятий.

— Мария, когда ты узнаешь, какие новости я принес, ты разрешишь мне поцеловать тебя по-настоящему.

— Неужели Бог услышал мои молитвы? Ты узнал что-нибудь о Линдалве? — обрадовалась Мария.

— Если ты пригласишь меня позавтракать вместе с тобой, я буду очень счастлив и обещаю рассказать подробности, — лукаво предложил Джованни. — Из твоей кухни идет такой умопомрачительный запах, а у меня с утра маковой росинки во рту не было. Полчаса пытки! Такое не каждый выдержит!

— Джованни, дорогой, как же ты ждал меня полчаса и не попросил разбудить? — удивилась Мария.

— Разве я мог позволить себе потревожить сон любимой женщины?

— Джованни, ты опять начинаешь? Мы же договорились с тобой, что останемся друзьями.

— Если тебе неприятно, что я говорю о своих чувствах, то я вообще могу набрать в рот воды и больше не говорить ни слова, — пообещал Импротта.

— Знаешь что? Пойдем для начала позавтракаем, — предложила Мария. — Я не хочу показаться неблагодарной хозяйкой. Думаю, что еда, приготовленная Сиссерой, компенсирует тебе полчаса ожидания в одиночестве.

— Должен признаться, что я давно мечтал об этом. За все время со дня нашего знакомства — это наш первый завтрак наедине! Ради этого я готов каждый день добывать для тебя хорошие новости!

— Не смей меня, Джованни! А лучше попробуй это чудесное рагу из цукини с мясом и красным перцем. Его лучше есть с сырным рулетом и тушеными помидорами.

— Спасибо, ду Карму. Хочешь, я приготовлю для тебя настоящий итальянский бутерброд?

Джованни отрезал кусок белого хлеба, густо намазал его сливочным маслом, положил сверху самый крупный кусок слабосоленой семги с оливками и

маслинами и завернул свой кулинарный шедевр в листок салата, предварительно сбрызнув лимоном.

— Прими как лекарство из любящих рук, — улыбнулся Джованни.

— Никогда бы не подумала, что к твоим прочим талантам прибавится этот. Когда ты научился готовить? — Мария откусила бутерброд и зажмурилась от удовольствия.

— Ду Карму, дорогая, не забывай, что во мне течет итальянская кровь. Когда-нибудь я приготовлю для тебя настоящую итальянскую пасту.

— Хорошо, Джованни, но давай все же обсудим новости. Что ты хотел мне рассказать?

— Только пообещай мне, что не будешь перебивать меня, пока не услышишь всей истории до конца.

— Хорошо, дорогой, тем более ты сам заткнул мне рот большим бутербродом, — улыбнулась Мария.

— Начну с того, что мой помощник, детектив Мад-руга, вышел на след нашей давней знакомой. Она совсем потеряла осторожность, и сама позвонила таксисту, который тогда помог бежать ей с деньгами. Я дал команду следить за этой парочкой. — Мария послушно кивала головой, боясь вставить слово. — К сожалению, эта хитрая бестия провела Мадругу прежде, чем он почувствовал неладное. Она сбежала. Но ровно через час судьба буквально преподнесла ему сюрприз на блюдечке с голубой каемочкой.

— О чем ты говоришь, Джованни? — не поняла Мария.

— Эта бестия попала под колеса его собственной машины! — воскликнул Импротта.

— Что? Эта мерзавка умерла? — не выдержала Мария. — Как же я смогу найти Линдалву?

— Какая ты нетерпеливая! — остановил ее Джованни. — Автомобиль Мадруги оставил на ней лишь небольшую метку в виде синяка. Слава богу, Мария, что он узнал ее и привез в свой офис. — Импротта сделал паузу. — Ну, как?

— Спасибо, Джованни! Новость действительно потрясающая! Что я могу для тебя сделать?

— Подожди с благодарностью, это еще не все! Дело в том, что мой помощник повел себя не совсем достойным образом. Понимаешь, эта чертовка уложила его... как бы это сказать...

— На лопатки, — подсказала Мария.

— Да! Отчасти ты права. Этот идиот переспал с ней на рабочем месте, а затем заснул.

— Заснул? — Мария поймала себя на том, что боится услышать продолжение этой истории.

Конечно, его можно понять: он целую ночь следил за домом Жилмара, а затем провел пять часов в засаде, прежде чем сам лично вышел на Назаре.

— Назаре? А кто такая Назаре? — удивилась Мария.

— Это настоящее имя той мерзавки, которая не дает тебе жить спокойно уже двадцать с лишним лет.

А весь фокус в том, что прежде чем сбежать от Мадруги эта дамочка проявила неосторожность. — Джованни сделал паузу, чтобы налить себе кофе.

— Господи, ты сводишь меня с ума! Умоляю, говори скорее! — поторопила его Мария.

— Короче, ду Карму, она оставила свою сумку с документами и разной ерундой. И теперь мы знаем о ней все! Ну, как?

— Неужели мы узнаем теперь, где находится Линдалва, — на глазах Марии выступили слезы. — Не могу поверить, что этот ужас может закончиться.

— Дорогая моя, эта Назаре теперь у нас в руках, — улыбнулся Джованни. — Я договорился с Мадругой немного поиграть с ней в «кошки-мышки», чтобы не спугнуть и усыпить бдительность.

— Да, Джованни! Это действительно потрясающая новость! — воскликнула Мария.

* * *

Последнее время Изабел стала замечать, что с матерью творится что-то неладное. Хотя та и раньше любила закатывать скандалы и истерики, но все же была веселой, энергичной.

Назаре обожала поваляться с Изабел на диванах и обсудить проблемы дочери, часто рассказывала ей веселые истории из своей жизни или смешно передразнивала знакомых. Раз в неделю они баловали себя посещением косметического салона, где делали массаж и всевозможные маски. Это мероприятие всегда проходило у них под кодовым названием «почистить перышки».

Теперь же Назаре возвращалась домой мрачной и раздраженной, без конца ссорилась то с Фаустой, то с Клавдией или запиралась в своей спальне и сидела там, как сыч. Стоило Изабел заговорить с матерью о будущем, как на ее лице сразу появлялись слезы, и она либо уходила к себе и горько рыдала, либо начинала фанатично говорить о своей огромной привязанности и больших чувствах к дочери.

Изабел из-за этого стала даже реже бывать дома.

Работа в ресторане съедала и личное время девушки. Но она готова была оставаться там и днем, и ночью, потому что сердечный интерес к Эдгару, хозяину ресторана, постепенно перерос в новое неизведанное прежде чувство.

«Как я раньше могла считать его занудой и пустозвоном? — удивлялась девушка. — Как сразу не разглядела его застенчивость и деликатность?»

Эдгар относился к тому редкому типу красивых и состоятельных мужчин, которые все время шутят, скрывая за легкой болтовней свои истинные чувства. На первый взгляд они кажутся ненадежными и легкомысленными, но при малейшей опасности или неприятности на них всегда можно положиться. Они всегда готовы подставить свое крепкое плечо, и если надо, снимут последнюю рубашку и станут лучшим другом или заботливой нянькой. В любой момент с ними хорошо, легко и надежно. В момент первой встречи она запомнила только зеленые смеющиеся глаза и застенчивую улыбку.

В нем не было и намека на амбициозность и властность, хотя в свои двадцать пять он уже был хозяином популярного ресторана, известного на всю округу. Он выделялся из многочисленных знакомых Изабел мягкой и ненавязчивой красотой, простодушной естественностью и французским шармом. Ни у кого из ее прежних знакомых не было таких добрых и красивых зеленых глаз, мягких вьющихся волос и завораживающего голоса.

В детстве ее угораздило влюбиться в образ отважного мальчика Питера Пена. Всю жизнь она представляла его кудрявым зеленоглазым пареньком и была очень удивлена, когда, придя наниматься на работу в ресторан, она впервые увидела его хозяина: перед ней стоял подросший Питер Пен.

Эдгар старался не загружать Изабел, организовал ей свободный график посещения, постоянно подвозил ее домой после работы, но за все время этого странного ухаживания ни разу не решился поцеловать ее, хотя бы по-дружески.

Изабел задирала нос, хорохорилась, но в один прекрасный вечер решила сама поцеловать его. Машина Эдгара подъехала к дому Изабел и, как всегда, остановилась у кованых ворот небольшого кипарисового скверика. Во дворе было непривычно тихо и темно. Изабел вздремнула под убаюкивающую кассету французского шансона и проснулась только тогда, когда машина Эдгара остановилась.

Изабел поймала себя на мысли, что не хочет выходить из уютного салона, и притворилась спящей, наблюдая за Эдгаром из-под опущенных ресниц. Молодой человек робко погладил ее руку, приглушил звук радио и замер, намереваясь охранять ее сон. Девушка улыбнулась, быстро повернулась к нему и ткнулась в его теплые губы, уловив приятный запах чистых волос и лосьона для бритья. Эдгар вздрогнул от неожиданности и затих, боясь пошевелиться. Когда Изабел отпрянула от него, она с ужасом заметила, что он в обмороке.

«Милый Эдгар, — подумала Изабел. — Кто бы мог подумать, что я влюблюсь во француза-девственника, который шлепнется в обморок от избытка чувств при первом же поцелуе».

С того самого дня они стали неразлучны. Казалось, ничто не могло омрачить ее счастья. Эдгар оказался сказочным любовником, тонким, чувственным и порядочным человеком. Он наполнил жизнь Изабел особым смыслом и огромной радостью.

— Девочка моя! Ты опять мечтаешь, — она не заметила, как в ее комнату вошла Назаре.

— Как ты себя чувствуешь, мама? — спросила Изабел.

— Спасибо, дочка, намного лучше. Твое внимание и забота для меня — лучшее лекарство. — Назаре села в кресло и поджала ноги.

— Мам, нам надо с тобой поговорить об Эдгаре. Почему ты недолюбливаешь его?

— Дочка, не забывай, что его бабка, мадам Берте, была содержательницей притона. Неужели ты хочешь, чтобы твои будущие дети навсегда носили это клеймо позора?

— О чем ты говоришь, мама? При чем тут дети? Эдгар сам по себе очень хороший и славный человек, и вы дороги мне одинаково.

— Послушай, Изабел. Если ты хочешь проверить свои чувства к Эдгару, то вам надо расстаться, хотя бы на время. Давай уедем в Куритибу, попробуем там жить вдвоем: только ты да я.

— Мама! О чем ты говоришь? В Рио у меня отличная работа, друзья, любимый дом, сестра Клаудия!

— Послушай меня, дочка! Я задолжала крупную сумму одним людям, и теперь они сделают все, чтобы найти меня. Если ты меня хоть немного любишь, поедem со мной в Куритибу. Я одна не вынесу разлуки и одиночества. Мне нужна твоя поддержка и твое внимание!

— Мама, ты собираешься прятаться всю жизнь? А как же я? Мне пришлось бросить юридический институт после смерти отца и устроиться на работу, чтобы у нас были хоть какие-то деньги. Я столько времени искала хорошее место, и когда, наконец, нашла, ты предлагаешь мне все бросить и уехать в другой город. Я так не могу. Из всей этой ситуации обязательно должен быть другой выход.

* * *

После того, как Жозевалду был застигнут врасплох, он тут же спрятал бинокль в надежное место, немного отсиделся в укрытии, а затем вновь предпринял попытку разведать подробности личной жизни Марии. Стоило ему выйти в коридор, как он сразу понял, что к Марии пришел гость. Заинтригованный Жозевалду сделал попытку пройти через садик с бассейном к окну кухни, чтобы подслушать разговор, но тут же остановился. Его младший сын Плиниу кокетничал там с Анжеликой, секретаршей ду Карму. «Окрутит парня эта девчонка, он и глазом не успеет моргнуть», — подумал Жозевалду и направился в комнату Марии.

В последнее время ему нравилось щекотать себе нервы частыми визитами сюда. Он дожидался момента, когда ду Карму уедет на работу или спустится вниз, и тут же бежал сюда, собирая, как мотылек, пыльцу новых впечатлений. Он открывал коробочки с косметикой, нюхал ее белье, ходил по комнате и нежился под одеялом.

В свой последний визит он утащил у нее любимую ночную сорочку и вскоре обнаружил, что Мария стала спать голышом. Жозевалду пришел в неописуемый восторг и в тот же день приобрел мощный бинокль с цейссовскими стеклами. Он жадно ловил впечатления от общения с ней, впитывал ее образ, ее слова и запахи. В его груди уживались одновременно два чувства: животной страсти и ненависти.

И самое ужасное, что он осознал, когда увидел ее впервые через двадцать с лишним лет разлуки, что жить без нее не может. Он ругал себя за слабость, злился, но ничего не мог поделать. Ревность толкала его на некрасивые, низкие поступки против женщины, о которой он мечтал все последнее время.

«Ду Карму! Какая же ты сладкая! Ты стала лучше, чем была двадцать лет назад!» — Он часто произносил мысленные монологи, разговаривая с ее вещами и единственной фотографией, которую утащил из комнаты Вириату. Жозевалду не удержался, откинул легкое льняное одеяло и уткнулся лицом в подушку, на

которой несколько минут назад еще лежала голова ду Карму. От темной и тягучей страсти у него потемнело в глазах.

Иногда ему казалось, что он доведен до грани отчаяния. Его собственная супруга щеголяла, в чем мать родила в комнате напротив, а он не смел к ней прикоснуться. При встрече она или не замечала его, или говорила колкости в его адрес. Все разговоры в последнее время заканчивались одинаковым вопросом: «Когда ты отсюда уедешь?»

Жозевалду вздохнул и открыл дверь. На пороге стояла Мария ду Карму.

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у нее. — Как ты посмел прийти сюда без приглашения?

— Ду Карму! Послушай меня! — Жозевалду соображал на лету, чем бы объяснить ей свое появление в ее комнате. — Я пришел, чтобы предложить тебе взаимовыгодную сделку.

— Как ты смеешь говорить о какой-то сделке со мной! — вспыхнула Мария.

— Я согласен покинуть твой дом, но при условии... — Жозевалду впервые взглянул на Марию и увидел, как на ее щеках заиграл розовый румянец.

— Ну, что ты замолчал? На ходу придумываешь очередную ложь?

— Если ты позволишь себя поцеловать по-настоящему и дашь мне содержание в десять минимальных зарплат ежемесячно, то я согласен не мозолить тебе глаза и уехать сразу же, как ты выполнишь условия договора.

— Интересное предложение, — задумалась Мария, — но и здесь я чувствую какой-то подвох.

— Ну, что ты, ду Карму! Решайся! Это очень выгодное предложение! Обрати внимание, я веду себя очень скромно. — Жозевалду тихо и бесшумно подошел к ней вплотную и жадно припал к ее губам. Через секунду Мария почувствовала у себя во рту его язык и сделала попытку освободиться. Но его руки крепко держали ее голову.

От возмущения и негодования Мария оцепенела и не могла рукой пошевелить, словно Жозевалду лишил ее последних сил.

«Что делать? Еще не хватало, чтобы этот подонок завалил меня на собственную кровать и изнасиловал», — эта мысль на миг отрезвила ее и придала сил. Ду Карму с силой сжала зубы и почувствовала соленый привкус во рту.

— Идиотка! — взвизгнул Жозевалду. Ты прокусила мне губу!

— Я рассмотрю твоё предложение, — сухо сказала Мария. — Но если ты еще хоть раз прикоснешься ко мне своими грязными лапами, я тут же прикажу выставить тебя за порог, и никакие дети тебе уже не помогут.

Жозевалду зло сверкнул на нее глазами и молча вышел из спальни. «Ну, погоди! Я тебя проучу! Только дай время. Ты еще в ногах у меня будешь валяться и просить о снисхождении!» — он быстро попытался проскользнуть мимо Сиссеры, но, как назло, она заметила его и застыла на месте от удивления.

— Сеньор Жозевалду! Что с вами? У вас так распухла губа...

— Оса укусила, — пробурчал он и закрылся в своей комнате.

«Сегодня же схожу к адвокату и узнаю, что можно получить в моем положении», — подумал он и подошел к зеркалу. Зрелище было жалким. Губа покраснела и раздулась, на языке была отметина от зубов. Теперь он сам

напоминал себе несчастного кролика. «Тьфу, с такой физиономией даже в бордель сунуться нельзя, засмеют! — Жозевалду еще раз исследовал свою рану и с отвращением отвернулся от зеркала. — Ну погоди, ду Карму! Ты мне за все ответишь! Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому». Он вытащил из ящика фотографию Марии, порвал ее на мелкие кусочки и подбросил вверх.

Стук в дверь застал его врасплох. Жозевалду не успел сказать: «Войдите!», как на пороге комнаты возникла встревоженная физиономия его младшего сына Плиниу.

Из всех его детей он был, пожалуй, единственным, кто питал к отцу неподдельные теплые чувства и всегда становился на сторону его интересов.

— Старик! Я войду? У меня к тебе разговор, — скороговоркой протараторил Плиниу и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату. Заметив мелкие кусочки разорванной фотографии, он растерянно остановился посередине и поднял один из них.

— Мама? — удивился Плиниу. — Вы опять поссорились? А что у тебя с губой?

— Сынок, тебе не кажется, что еще не прошло и двадцати секунд с момента твоего появления, а ты уже засыпал меня вопросами.

— Извини, пап. От женщин всегда одни неприятности.

— С каких это пор ты стал рассуждать, как взрослый? Чует мое сердце, что секретарша ду Карму опять дала тебе от ворот поворот.

— Я не понимаю ее, пап. Она то заигрывает со мной, то отталкивает меня.

— Если тебя это так задевает, то рано или поздно ты на ней женишься, — философски заметил Жозевалду.

— Да что ты, пап! Я к этому не готов!

— Так говорит каждый мужчина, но природу не обманешь, сынок. Тем более, что в ход рано или поздно включаются определенные обстоятельства.

— Ты что имеешь в виду?

— Твоя подружка может забеременеть в самый неподходящий момент или довести твое желание до состояния кипения, а тебя до сумасшествия. Если хочешь знать, я сам в свое время хитростью заманил ду Карму... — Жозевалду хотел похвастаться своей победой, но затем передумал и остановился. — Ну, это не важно... Самое главное, что я тоже не хотел жениться, и если бы не твой дядя Себастьян...

— Да, — рассмеялся Плиниу, — я представляю, что он мог с тобой сделать, если бы ты отказался от моей матери.

— Так что держись, сынок, и выкинь эту красотку из головы, иначе она найдет двести способов, чтобы отвести тебя под венец.

Глава 7

Баронесса достала из сейфа свой любимый изумрудный набор: две тяжелые серьги, сделанные в виде крупных виноградин на старинный венецианский манер, колье и перстень с красивым овальным камнем. «Господи, как красиво!» — в очередной раз восхитилась она, разглядывая зеленоватый искрящийся изумруд на

своей руке.

Эти изысканные камни давно стали для нее чем-то большим, нежели украшения. Лаура считала, что вместе с ними в ее жизни началась новая светлая полоса. Иногда ей казалось, что в них скрыты древняя мудрость и тайны их прежних владельцев. Она гордилась ими и всегда носила их с чувством благоговения и восторга, испытывая огромную радость, переходящую в почти физическое удовольствие. Ей всегда казалось, что они были созданы для нее, а их прежние владельцы были лишь временными хранителями этих сокровищ. Прежде ей никогда не приходила в голову мысль, что когда-нибудь она умрет и расстанется с ними.

И если бы ее невестка Жизела не спросила вскользь о завещании, она еще долго продолжала бы беспечно наслаждаться своими сокровищами, не думая о завтрашнем дне. Теперь же мысль о том, что ее любимое изумрудное кольцо когда-нибудь может оказаться на тощей шее Жизелы, приводила ее в исступление.

Ее бесцеремонная и жадная невестка никогда не скрывала своей неприязни к их браку с бароном Педру. Для того чтобы она оставила их в покое, Лаура отказалась от всех притязаний на наследство своего супруга. Педру и сам был не в восторге от отношений с сыном и Жизелой, но вынужден был поддерживать общение, хотя бы ради любимой внучки Дуды.

Баронесса сама в ней души не чаяла. Никто их не понимал и не поддерживал так, как Мария Эдуарда. Она умудрилась своим веселым нравом и характером пойти в родного деда, которого обожала больше всего на свете. С приходом Лауры в семью у нее появился еще один близкий человек. Баронесса тут же нашла с Дудой общий язык и интересы.

«Даже если я оставлю изумруды внучке Педру официально по завещанию, — подумала Лаура, — Жизела обязательно найдет способ прибрать их к рукам. Зачем обманывать себя, Мария Эдуарда принадлежит к другому поколению и ни за что не наденет на себя этот раритет. Остается одно: продать эти камни прежде, чем их присвоит себе Жизела». Эта простая мысль невольно развеселила ее.

Лаура вспомнила небольшой ювелирный магазинчик с ослепительной сверкающей витриной, куда ее водил прежний супруг Ипполит. «Надо немедленно отправиться туда и оценить мои камни!» — приняла баронесса скоропалительное решение. Она тихо зашла в спальню. Барон крепко спал на ее подушке, широко раскинув руки в стороны.

«Он бесподобен, даже когда спит», — подумала Лаура, поцеловала Педру и быстро выскользнула из комнаты.

От такого простого решения проблемы ей хотелось петь и танцевать. Баронесса прошла в гардеробную и сняла с вешалки костюм цвета фуксии с изысканной зеленоватой отделкой. Ей хватило двадцати минут, чтобы привести себя в порядок и спуститься в холл. Только сейчас она поняла, что не решила, в какой сумке она понесет к ювелиру камни. Решение пришло неожиданно быстро.

«А почему бы мне не надеть их на себя, — весело подумала она. — Тем более, что они так подходят к этому наряду». Лаура тихо прикрыла за собой дверь, чтобы не беспокоить прислугу и направилась к лифту.

— Дона Лаура? — удивился портье. — Доброе утро! Никогда не мог

предположить, что вы способны встать так рано!

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась баронесса. — Извините, у меня срочные дела.

Лаура поспешила побыстрее пройти через широкий холл, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. Портье удивленно посмотрел на часы. Стрелки застыли на без пятнадцати семь...

* * *

Анжелика дала себе слово, что ни за что не подпустит Плинию к себе ближе, чем на метр. Она прекрасно знала, что надо было молодому человеку, который привык порхать по жизни как мотылек, наслаждаться беспечно своей молодостью, и еще ни разу серьезно не задумывался о своем будущем. Девушка не раз давала ему понять, что если он намерен ухаживать за ней, то ему придется остепениться и стать более серьезным и ответственным.

С ее появлением в доме ду Карму Плинию сразу же сделал стойку и начал настойчиво ухаживать за Анжеликой, но поняв, что просто так ничего не получит, надулся и стал проводить время в ночных клубах, как и прежде. Несколько раз он даже не приезжал ночевать домой два дня подряд, и вскоре после этого у него в комнате появилась фотография молодой красивой женщины с короткой мальчишеской стрижкой и насмешливым взглядом.

Появление фотографии незнакомой особы так подхлестнуло чувства Анжелики, что она в тот же день решила срочно сменить тактику. Вечером после работы девушка специально выкроила время для того, чтобы съездить в магазин нижнего белья.

Анжелика долго ходила по огромной территории, внимательно приглядываясь к ценникам и фасонам и, наконец, остановила свой выбор на полупрозрачном кружевном пеньюаре белого цвета, откровенном бюстье и модном купальнике-бикини, на который ушло не больше десяти сантиметров ткани.

Действовать она решила тем же вечером. Убедившись, что Плинию остался дома, Анжелика выгадала момент, когда он в очередной раз спустился подкрепиться, и как бы невзначай попалась ему на глаза, когда спустилась в столовую.

— Анжелика! Это ты? Какая ты красавица! — Плинию не смог сдержать своего восторга и сделал попытку обнять девушку, но она увернулась и закрылась в своей комнате.

Молодой человек проторчал под дверью целый час, взывая к чувствам и снисхождению, но потом был вынужден ни с чем уйти к себе.

На следующий день Плинию спустился в бассейн и был удивлен, увидев там беспечно плавающую Анжелику.

На девушке был чересчур открытый купальник, к тому же через намокшую ткань призывно просвечивали все ее прелести. С этого момента Плинию понял, что пропал окончательно и бесповоротно.

Через час он сделал Анжелике предложение.

Мария первая пришла в восторг, когда молодые поведали ей о своих планах. Она давно мечтала о том дне, когда ее младший и несерьезный сын остепенится и найдет себе хорошую девушку.

— Дорогие мои! Я очень рада, что вы приняли такое решение! — сказала Мария молодым. — О лучшей девушке для моего сына я и не мечтала.

Через несколько дней они отметили официальную помолвку.

Дни перед свадьбой закрутились веселой и суетливой каруселью, наполнив жизнь семьи ду Карму приятными заботами и волнениями.

Мария взвалила большую часть обязанностей на себя, чтобы отвлечься от мрачных мыслей: надо было приготовить комнату для новобрачных, распорядиться насчет угощения для гостей и организации торжества. Дни летели со скоростью ветра. Мария искусно балансировала между работой и приятными обязанностями будущей свекрови.

По вечерам Анжелика приходила к ней в комнату обсудить события прошедшего дня или посоветоваться по поводу отношений с Плиниу. Марии очень нравилась эта девушка, красивая, умная, добрая и порядочная. Ее отношения с младшим сыном развивались бурно и стремительно. Плиниу притих, стал каждый вечер бывать дома, принимал активное участие в подготовке к свадьбе. Анжелика сразу поставила перед ним условие, что он войдет в ее спальню лишь с колечком на руке и с благословением ду Карму. Бедный Плиниу шел на всевозможные уловки, злился, но, в конце концов, смирился и стал считать дни до торжественного дня.

* * *

Баронесса Лаура пересекла проспект Атлантика и свернула в маленький переулок, который вел к парковой зоне. Пустынные и сонные улицы лишь иногда оживлялись от грохота проезжающих мусорных машин и скрипа колес велосипедов, на которых курьеры развозили почту.

«Как же все здесь изменилось!» — не переставала удивляться баронесса. Вместо уютных маленьких кафешек и рыбных ресторанчиков теперь везде сверкают полированными боками витрин строительные магазины и офисы.

Лаура подошла к высокой решетке парка и застыла от удивления. На воротах висела мощная цепь с навесным замком. Она растерянно посмотрела на чистую дорожку, которая должна была вывести ее на торговую улицу с ювелирными магазинами и модными ателье, и горько вздохнула.

— Сеньора, вы заблудились? — услышала она у себя за спиной и обернулась. Перед ней стоял молодой человек в рабочей спецовке. — Могу я вам помочь?

— Будьте любезны, подскажите, пожалуйста, как выйти к площади Свободы, — спросила Лаура.

— Да, сложная задача, — почесал переносицу молодой человек. — Прямая дорога через парк откроется только в девять часов. Вам лучше пройти через блошинный рынок, пока там не так много народу и спуститься на набережную, а там до площади Свободы рукой подать.

— Спасибо, — растерянно поблагодарила Лаура, прикидывая, сколько времени уйдет на незапланированный вояж в обход парка. Молодой человек по-своему истолковал ее молчание и попытался оправдаться.

— Я с удовольствием подвез бы вас, но моя машина не слишком подходящее место для такой красивой сеньоры, как вы, — он кивнул на огромный оранжевый мерседес, наполненный пластиковыми мешками для мусора.

— Что вы, что вы! — засуетилась баронесса. — Мне очень приятно самой пройтись по местам моей юности. Здесь так все изменилось. Вместо бульваров с фонтанами и казино теперь жилые районы.

— Ну, и замечательно! — обрадовался водитель. — Приятной вам прогулки.

Лаура еще раз тоскливо посмотрела на парковую дорожку и свернула налево, сразу окунувшись в совершенно иной мир рабочих бразильских кварталов. Грязные облупленные дома, тесно прилегающие друг к другу, были удивительно похожи между собой. Из распахнутых окон слышались разнообразные непривычные звуки. Детский плач и телетрансляция спортивных передач перемешивалась с темпераментной руганью и громкими звуками радио.

— Мамаша! Ты кого-то ищешь? — услышала она сверху грубый голос. Из окна второго этажа на нее смотрел, не скрывая любопытства, неопрятный пожилой мужчина в засаленной майке.

Лаура вежливо улыбнулась и отрицательно покачала головой. «Так, придется прибавить шаг», — решила она и быстро прошла через грязную детскую площадку, со всех сторон окруженную недавно выстиранными вещами. Лаура не заметила, что ее необычная персона привлекла внимание двух молодых людей, которые сидели на лавке под большим деревом и резались в карты, чтобы хоть как-то убить время до обеда.

— Слон, посмотри на эту цыпочку! — воскликнул Гонсалес, когда Лаура вошла к ним во двор и растерянно остановилась перед грудой сломанных велосипедов, перегородивших дорогу. — Мне не снится?

— Что эта благородная дамочка делает в такой дыре, как наша?

— Может, она проститутка? — неуверенно предположил Слон.

— Сам ты проститутка! — рассердился Гонсалес. — От нее за километр веет благородством и большими деньгами. — Молодые люди проводили баронессу любопытными взглядами и, не сговариваясь, отправились за ней.

Лаура шла как ни в чем не бывало, с любопытством вертя головой в разные стороны, здороваясь со стариками, которые грели старые косточки на солнце, сидя на лавках и табуретках перед домами.

— Если эта дамочка выйдет на набережную, мы не сможем покопаться в ее сумке, — сказал Гонсалес, когда увидел, что баронесса ускорила шаг.

— Что ты предлагаешь? — спросил Слон, уже заранее зная, что предложит его напарник.

— Сделаем, как всегда. Впереди будет темная арка. Ты сейчас свернешь в переулок, отрежешь выход на набережную, выхватишь сумку и снимешь «цацки». А я пойду сзади и перекрою ей дорогу назад. Встретимся во дворе.

Двадцатого июня Плинию надел парадный фрак, уложил волосы с помощью ароматного геля и отправился в церковь Святой девы ду Карму на огромном свадебном ролс-ройсе, украшенном фуксиями и орхидеями.

Невеста в шелковом свадебном платье, щедро украшенном ручной вышивкой и стразами от Сваровски, с прелестной диадемой в волосах выглядела как настоящая фея из сказки.

Когда девушка спустилась вниз, к подъезду, Леандру и Вириату потеряли дар речи, пораженные этим чудесным видением. Первым опомнился Вириату: он подал Анжелике руку и проводил ее до автомобиля.

К церкви молодые подъехали одновременно с разных сторон.

Плинию попросил шофера ехать по длинной дороге, чтобы последние мгновения насладиться холостяцкой свободой. В нем одновременно жили два чувства: одно толкало его на отчаянный побег из церкви, другое заставляло подгонять время, чтобы побыстрее остаться наедине со своей прелестной молодой невестой.

Когда машина, в которой находился Плинию, подъехала к храму Святой ду Карму, он был сосредоточен и расстроен. По дороге он так и не принял окончательного решения.

Молодой человек пригладил волосы, поправил фрак и вышел из ролс-ройса, старательно улыбаясь знакомым и незнакомым лицам, которые пришли поздравить его в торжественный день. Плинию не спеша подошел к машине, в которой сидела его будущая супруга, открыл дверцу и замер от восторга.

Анжелика была необыкновенно хороша, просто восхитительна. Он хотел ей сказать что-нибудь приятное, но почему-то не смог вымолвить ни слова. Ему стало легко и хорошо сразу после того, как Анжелика взяла его за руку и по-настоящему поцеловала в губы под радостный рев зрителей.

Плинию разглядел среди приглашенных гостей Джованни с семьей. Себастьян и Жаниси с дочерьми стояли рядом с его старшими братьями и радостно махали ему руками.

Что было дальше, он помнил, как сквозь пелену тумана.

— Плинию, дорогой, что с тобой? — Анжелика дернула его за рукав. — Церемония уже началась.

— Извини, — виновато пробормотал он и беспомощно посмотрел на священника, который держал в руке церковную книгу и дружелюбно улыбался.

— Ты забыл слова, сын мой? — терпеливо спросил святой отец. — Можешь прочитать.

— Спасибо, я сам, — сказал Плинию и глазами попытался найти среди толпы родственников мать.

Она стояла рядом с Дирсеу и Жозевалду, с которыми объявила временное перемирие в честь праздника, и улыбалась ему.

— Плинию, милый, у нас все будет хорошо! — прошептала ему на ухо Анжелика и нежно поцеловала в щеку. По церкви прошел веселый шум.

— Сынок, ну, решайся в конце концов, — не выдержал Жозевалду. — если

ты не окольцуешь сейчас же эту красавицу, ее уведут у тебя из-под носа.

Плинию набрал воздух в легкие, посмотрел на невесту и потянулся к подушечке, которую держал прелестный маленький ребенок.

— Анжелика, прими это кольцо в знак моей любви и верности. Во имя Отца и Сына и Святого духа, — громко сказал он, и схватился холодными пальцами за руку Анжелики. Невольно он еще раз отметил про себя, какие у нее красивые руки.

«А чего теперь собственно бояться? — подбадривал он себя. - Ведь главное уже сделано. Можно немного расслабиться. Кто знает, в женитьбе есть много приятных вещей. Одно то, что я буду каждый день спать с этой красоткой, стоит многих жертв».

Анжелика, словно прочитав его мысли, многообещающе улыбнулась ему и ловко надела ему на палец обручальное кольцо.

Плинию, прими это кольцо вместе со всей моей любовью и уважением. Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь! — Ее слова теперь показались ему сладкой музыкой.

* * *

Назаре почувствовала себя гораздо лучше. Лекарство, которое ее заставила выпить Изабел, не только дало возможность хорошо выспаться, но и вернуло ей хорошее настроение. Все неприятности и заботы, которые раньше почему-то казались ей неразрешимыми, отошли на задний план и теперь вызывали лишь легкое недоумение.

«Чего мне бояться? — успокаивала себя Назаре. — Тот бабуин у меня на крючке и теперь будет моим союзником. А если захочет мне помешать, то с ним может случиться такой же «несчастный случай», как с Жилмаром». Эта оригинальная, но не совсем оформившаяся мысль мелькнула в ее голове. Назаре сосредоточилась и заставила себя проанализировать все события прошлой недели.

«Самое неприятное в настоящий момент — это никому не нужная связь Изабел с этим французским выскочкой Эдгаром и нос вездесущей Дженанни... К крупному успеху можно отнести, пожалуй, две вещи: смерть таксиста, который слишком много знал, и приобретение нового покровителя с большими полномочиями. Мадруга уже один раз отмазал меня, сделает это и во второй раз, — радостно подумала она. — Все это, конечно, очень хорошо, но где взять денег?» — Назаре тоскливо посмотрела на свою сумку и вытряхнула все ее содержимое на кровать.

«Куча ненужных и бесполезных мелочей». Она почувствовала, как на нее опять накатывает волна раздражения.

Назаре тоскливо заглянула в пустой флакончик из-под духов и разлилась по-настоящему. Пустые кредитки, кошелек с мелочью. И зарплата у Изабел будет только через неделю... А кто сказал, что в одну реку нельзя войти дважды? Она поняла, что у нее есть единственная возможность получить настоящие деньги и только из одного источника.

«Ну, конечно! Один звонок ду Карму с информацией об Изабел, и можно

позволить себе то, о чем я сейчас только мечтаю!»

Наzare быстро оделась и выскочила на улицу. Она решила позвонить с улицы. Ей пришлось свернуть в ближайший переулок и зайти в кафе. Несмотря на внешнюю непрезентабельность, здесь варили чудный недорогой кофе, предлагали бесплатный интернет и возможность воспользоваться телефоном. Назаре привычно устроилась за барной стойкой и заказала себе чашечку кофе.

— Сегодня вы первый посетитель, — сказал улыбчивый бармен и налил ей чашечку крепкого кофе. — За счет заведения.

— Спасибо, э-э-э... — Назаре попыталась вспомнить его имя. Манфред, Матеус?..

— Мануэль, сеньора, — вежливо напомнил бармен. — В прошлый раз вы почему-то назвали меня Макбетом.

— Извини, Мануэль, я такая рассеянная. Ты позволишь сделать мне один звонок?

— Конечно, сеньора, вы можете взять трубку, — бармен протянул ей радиотелефон и любезно удалился в подсобное помещение.

— Спасибо за понимание, Мануэль!

Наzare взяла со стойки газету, выбрала укромное место в самом дальнем конце зала между игровым автоматом и искусственным деревом и набрала номер ду Карму.

Далекие гудки, казалось, звучали вечно. Назаре тоскливо посмотрела на улицу сквозь прозрачную витрину со скромной надписью «У Мануэля» и замерла от изумления. Напротив кафе стояла пожилая дама приятной наружности, увешанная изумрудами, как рождественская елка. Они сверкали и переливались на солнце, невольно привлекая к себе внимание.

«Что делает в таком занюханном районе бедняков эта богатая сеньора?» — удивилась Назаре. Она закрыла глаза и потрясла головой, чтобы избавиться от наваждения. Еще раз посмотрела на то место, где стояла богатая сеньора, но на этот раз ничего не увидела, кроме собственного отражения. «Неужели я действительно схожу с ума?»

— Алло! — вдруг услышала она детский голос и растерялась. — Говорите! Вас не слышно!

— Наверное, я ошиблась номером, — Назаре уже хотела разъединиться, но девочка остановила ее.

— Это дом Марии ду Карму! Кого вам позвать? — спросил ребенок.

— Сеньору ду Карму, пожалуйста, — до слуха Назаре долетел гул возбужденных голосов и звуки музыки. Похоже, что там праздник. Наконец, Назаре услышала на другом конце провода знакомый голос.

— Добрый день, — поздоровалась Мария. — Вы хотели меня слышать?

— Не только слышать, но и видеть, — усмехнулась Назаре. — Если хочешь получить исчерпывающую информацию о своей дочери, приходи завтра в пять часов на портовый склад и захвати с собой шестьдесят тысяч долларов. Встретимся на площадке между четвертым и пятым ангарами.

— Один раз мы уже встречались, и из этого не вышло ничего хорошего, — сухо сказала Мария. — Ты принимаешь меня за дуру?

— Как знаешь, — Назаре старалась говорить равнодушно. — Быть может, твоя дочь совсем скоро уедет в другую страну, и ты никогда, представь только, никогда ее больше не увидишь. Ты готова расстаться с ней навсегда?

— О чем ты говоришь? — голос Марии дрогнул.

— Хочешь узнать ответ на этот вопрос? Приходи завтра вечером с деньгами. Поверь, моя информация стоит многого. — Назаре быстро дала отбой и залпом выпила уже остывший кофе.

— Спасибо, Ма...

— Мануэль, сеньора, — подсказал ей бармен и вежливо улыбнулся.

— До свидания, Эммануэль! — Назаре привычным жестом вытащила помаду и с удовольствием подкрасила губы. В прекрасном расположении духа она вышла на улицу: ей очень нравилось дразнить этого парня, всегда смотрящего на нее с плохо скрываемым обожанием.

* * *

Зоркий взгляд Вивиан, тщательно изучающий торжественные одеяния пришедших в церковь женщин, выхватил из праздных зевак пожилую женщину, которая с плохо скрываемым отчаянием смотрела на Анжелику и горько плакала.

— Налду! — обратилась она к мужу, — посмотри налево. У самого входа в церковь стоит женщина в голубом платье.

— Ну, вижу, — простодушно отозвался супруг. — Каждый прохожий может расчувствоваться при виде такой красивой пары.

— Да ты на руки ее посмотри. Еще немного, и она разорвет собственную сумку. Посмотри, как она в нее вцепилась.

— Какая ты зоркая, — похвалил ее Режиналду. — Здесь действительно что-то не так.

— Может, она что-нибудь знает о прошлом Анжелики, — сказала Вивиан. — Когда бедная девушка появилась в доме моей свекрови, мне показалось очень странным ее поведение: слишком безупречно она всегда себя вела.

— Знаешь, Вивиан, я, пожалуй, «провожу» эту даму до дома и попробую навести справки. Чувствует мое сердце, что неспроста она пришла в эту церковь.

Режиналду дождался, когда незнакомка спустилась с лестницы, и пошел за ней, стараясь не упустить ее из виду. Как только женщина вышла за ворота церкви, силы изменили ей, и она тяжело опустилась на мраморную ступеньку.

Режиналду сразу воспользовался моментом. Он участливо наклонился над ней и сделал сочувственное лицо.

— Вам плохо? — спросил он голосом, полным искреннего участия.

— Это от волнения, — простодушно ответила женщина и попыталась улыбнуться. — Я всегда плачу во время свадеб.

— Вы знаете молодых? — Режиналду поторопился со вторым вопросом, и дама тут же насторожилась.

— Вы задаете столько вопросов. Вы случайно не из этой семьи? — Женщина внимательно посмотрела на Режиналду, словно пыталась вспомнить, где могла видеть его раньше.

— Конечно, нет. Я даже их не знаю, — поторопился ответить Режиналду. — Просто шел по улице, увидел, что вы в отчаянии, и решил помочь. Но если я помешал вам, извините меня. Я не намеренно.

— Это вы извините меня, если я была резка, — поспешно извинилась женщина. — Просто сегодня самый печальный день в моей жизни.

— Послушайте, может, я могу вам чем-то помочь?

— Молодой человек, мне уже никто не поможет. Та невеста, которая сейчас выходит замуж, — это моя дочь.

— Ну, тогда вам лучше быть вместе с ней, — подлил масла в огонь Режиналду.

— Нет! — испугалась женщина и снова заплакала. — Я очень виновата перед ней... Это долгая история...

Режиналду больше не стал мучить свою жертву расспросами, чтобы ее не спугнуть. Теперь у него был главный козырь, который он еще не знал, как будет использовать. Дав возможность незнакомке дойти до автобусной остановки восьмьсот семьдесят пятого маршрута, он быстро нашел свою машину.

— Не теряй из виду автобус, Алфреду, — приказал он шоферу и уселся на переднее кресло.

Незнакомка вышла на последней остановке и медленно поплелась в убогую лачугу с крошечным окошком. Режиналду поморщился и, преодолевая брезгливость, вошел в неопрятный дворик, к которому примыкали два абсолютно одинаковых дома. У крыльца соседней лачуги стояла молодая девушка с ворохом чистой, выстиранной одежды в руках.

— Извините, — Режиналду привлек ее внимание, — я видел, как в этот дом вошла женщина. Это, по-моему, супруга моего друга.

— Дона Далмира? — удивилась соседка. — Быть не может. Вы, наверное, обознались. Она давно вдова и живет одна.

— Значит, я ошибся, — разочарованно сказал Налду и вышел на улицу.

Через полчаса он подъехал к дому матери, где уже все было готово к проведению дальнейшего пиршества. Пройдя через зал, украшенный герберами и лилиями, он обратил внимание на роскошное убранство свадебного стола с великолепными цветочными композициями и ледяными фигурами в виде экзотических животных и амурчиков со стрелами. Большая часть приглашенных толпилась в гостевых комнатах вокруг столов с закусками. На блюдах томилась в ожидании фаршированные таралетки с фуагра и белужьей икрой. Вивиан пристроилась у серебряного ведерка с шампанским и экзотическими фруктами.

— Ты здесь, моя сладкоежка? — радостно воскликнул Режиналду и отобрал у жены бокал с шампанским.

— Дорогой, у тебя хорошее настроение, значит, ты узнал что-то интересное, — Вивиан потянула супруга за галстук и вывела в соседнюю комнату.

— Дорогая, все очень странно. Та дама, что была в церкви, уверяет, что она мать Анжелики.

— Так, а почему же она не откроется своей дочери? — удивилась Вивиан.

— Как я понял, есть некая причина, которая мешает ей подходить к ней.

— А если Анжелика сама что-то скрывает? Вдруг она настоящая охотница

за приданным?

— Все на это указывает, — уверенно сказал Режиналду.

— Не торопись, дорогой, надо сперва все проверить. Вдруг эта женщина сумасшедшая?

— Вивиан, а какой толк нам от этой интриги с Анжеликой?

— Очень большой, Налду, — она приблизила лицо к его уху и горячо зашептала: — Ведь она личный секретарь твоей мамы. А это строительство и черная касса... Если у нее рыльце в пушку, то мы сможем делать, что захотим.

— Ты гений, Вивиан! — воскликнул Налду и тут же захлопнул рот.

— Говори потише, — Вивиан оглянулась. — В этом доме и у стен могут быть уши.

— Все правильно! Мне самому пора построить новое здание. А закупать материал мы будем по завышенным ценам, — мысли Режиналду лихорадочно запрыгали. — Этим будет заниматься наша любимая золовка. И она будет молчать, лишь бы остаться в доме ду Карму.

— Дорогой, за это надо срочно выпить! — предложила Вивиан. — Скоро у нас появятся большие деньги и большие возможности!

Глава 8

Мария, радостная и возбужденная, приехала домой после торжественной свадебной церемонии.

Этот день начался идеально и обещал быть одним из самых счастливых в ее жизни. С утра она обнаружила у своей кровати Дирсеу, который приехал просить прощения с букетом белых орхидей. И после бурного и страстного примирения, стоившего ей шикарной прически, сделанной накануне, и разорванной простыни, ду Карму поняла, что еще немного, и она умрет от переполнявшего ее счастья.

— Дорогая, я очень соскучился. Прости за эти разрушения... — виновато сказал Дирсеу, оглядев порванную простыню, когда все закончилось.

— Я готова принимать твои извинения каждый день, — лукаво улыбнулась Мария.

— В таком случае мы скоро разоримся на простынях и парикмахерской, — рассмеялся Дирсеу.

— Мне так тебя не хватало, милый, — Мария обняла его и прижалась лбом к горячей груди. — Давай больше не будем ссориться...

— Не будем. Эти три недели мне показались вечностью...

— В твое отсутствие Жозевалду так распоясался, что мне даже пришлось пригрозить ему полицией и выселением.

— Не беспокойся, дорогая, теперь у тебя есть защитник.

Брачная церемония пролетела стремительно и незаметно. Все гости собрались в доме Марии, где начинался торжественный прием. Все шло великолепно. Мария в предвкушении праздника находилась в прекрасном расположении духа, когда раздался голос Бьянки:

— Бабуля! Тебя к телефону!

— Иду! — Ду Карму поднялась наверх, в маленькую гостиную, и взяла

трубку.

— Добрый день, — поздоровалась Мария. — Вы хотели меня слышать?

Голос на другом конце провода заставил ее забыть о счастье, которое вновь посетило ее дом. У нее мгновенно пересохло во рту, язык не слушался. Ду Карму старалась отвечать твердо и бесстрастно. Но больше всего она боялась, что незнакомка вдруг бросит трубку и больше никогда не позвонит вновь. Чтобы ничего не забыть, Мария записала информацию косметическим карандашом на зеркале.

«Когда же кончится этот кошмар? — подумала она, положив трубку. — Где же я возьму шестьдесят тысяч долларов?»

В растерянности она вышла в коридор и попала в объятия Джованни Импротты.

— Ду Карму! Что с тобой? Ты выглядишь, как привидение! Ты что, впала в оцепенение от счастья?

— Джованни! Ты не представляешь, с кем я сейчас говорила.

— Тебя поздравил Фидель Кастро?

— Мне не до шуток, Джованни. Я только что разговаривала с той мерзавкой, которая похитила мою дочь. Если я завтра принесу ей шестьдесят тысяч долларов, она обещает мне дать полную информацию о Линдалве.

— Ты уже встречалась с ней. Помнишь, что из этого получилось?

— Она сказала, что моя дочь собирается покинуть Бразилию. В таком случае найти ее будет почти невозможно! Что мне делать, Джованни?

— Ты знаешь, Мария, не удивляйся, но это даже хорошо, что так вышло!

— О чем ты говоришь? Ты сошел с ума?

— Дорогая ду Карму, у нас появился хороший шанс засадить ее в тюрьму.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

— Завтра ты встретишься с ней и передашь ей фальшивые доллары. Если мы не можем ее привлечь за преступление, которое она совершила много лет назад, за давностью лет, то привлечь за фальшивомонетничество будет очень легко. Тем более, дорогая, не забывай, что нам известно о ней все: как ее зовут, где она живет и чем занимается. Так что она сама дает нам повод засадить ее в тюрьму на долгие годы.

До Марии медленно доходил смысл сказанного. Наконец, она улыбнулась.

— Ты умница, Джованни, как я могу отблагодарить тебя?

— Очень просто, ду Карму, выходи за меня замуж.

* * *

Барон открыл глаза и привычно повернулся, чтобы поцеловать Лауру, но вместо этого наткнулся на аккуратно сложенную шелковую пижаму своей супруги.

— Вот это сюрприз! — удивился он. — Неужели сеньора баронесса вспомнила, что сегодня именно тот день, когда я предложил ей руку и сердце, и решила сама приготовить мне завтрак?

Педру немного полежал в постели, вспоминая подробности их первого

страстного объяснения в любви, которое произошло в необычном месте — на балконе роскошного особняка местной политической знаменитости.

«Надо придумать сегодня что-нибудь особенное, -подумал он. — Может, ужин на яхте с живым оркестром или путешествие в Европу на два дня?»

Барон тщательно оделся, побрызгал себя любимой туалетной водой «Eau Sauvage» от Dior и спустился в столовую. На столе стоял привычный набор утреннего завтрака: кувшин со свежевыжатым апельсиновым соком, кофейник, свежие круассаны, мюсли и фруктовый салат. Место Лауры пустовало.

— Ничего не понимаю! — Нехорошее предчувствие заставило его сердце тревожно забиться.

— Барон Педру, а баронесса спустится к завтраку или ей отнести кофе в постель? — вопрос Альфреда застал его врасплох.

— А разве Лаура не на кухне? — спросил он севшим от волнения голосом.

— Нет! Я думал...

— Альфред! Срочно беги к портье и спроси, не выходила ли она из дома! — приказал барон и бросился к телефону. Дрожащей рукой он набрал номер Джованни Импротты.

«Ну, давай, Джованни, возьми трубку! — подгонял он своего нового друга. — Только ты можешь помочь!»

— Сеньор Педру! — Глаза Альфреда возбужденно горели. — Дона Лаура ушла рано утром при полном параде.

— Что ты имеешь в виду?

— Баронесса вышла из дома без двадцати семь, надев свой любимый изумрудный набор. Мне звонить в полицию? — выпалил Альфред на одном дыхании.

Барон знал, что когда он взволнован, то начинает тараторить, как трещотка.

— Подожди! — остановил его Педру. — Я должен срочно дозвониться до Джованни.

— До сеньора Импротты? Насколько я знаю, сегодня все его семейство должно быть на свадебной церемонии младшего сына Марии ду Карму. Об этом вчера говорил Себастьян...

— Ах, да! — вспомнил барон. — Умоляю, Альфред, свяжись с Себастьяном и попроси его передать Джованни, что я жду его звонка.

— Слушаюсь, сеньор! — Альфред удалился с грацией дикой кошки.

Барон Педру поднялся наверх, долго метался по спальне в поисках своего костюма, а затем спустился в гардеробную и впервые в жизни надел на себя первое попавшееся: брюки от серого летнего костюма, рубашку в клетку и шерстяной пуловер.

— Сеньор Педру, сеньор Джованни уже едет к вам на проспект Атлантика. Я взял на себя смелость рассказать ему о нашем происшествии.

— Спасибо, Альфред.

— Сеньор Педру, я готов пешком обойти всю Бразилию, если это поможет найти баронессу.

— Спасибо, пока останься дома на случай, если Лаура вернется.

Плинию выглянул в окно и застыл на месте.

На другой стороне улице стояла его бывшая подружка Яра, с которой он год назад проводил время. Роман был страстным и бурным. Одно время они даже встречались по три раза в день, и почти всегда все заканчивалось бурными ласками и сексом. Плинию вспомнил, как это случилось в первый раз, когда он остановился у ее машины со спущенным колесом и предложил свою помощь. Симпатичная девушка поблагодарила его за то, что он помог поменять ей колесо, и предложила перекусить в своем офисе.

В ближайшем ресторанчике они заказали навынос жареную кукурузу, рагу из грибов с овощами и салат из мидий со спаржей и креветками, но так и не дотронулись до еды. Экзотический обед плавно перешел в ужин, но затем вечер так же внезапно закончился, как и начался.

Яра, так звали его новую знакомую, холодно поцеловала его и дала понять, что ее рабочий день уже закончился, и он может ехать домой. Плинию обиделся, потому что по своей природе он был довольно чувствительным и нежным человеком. Тогда он дал себе слово, что больше не приедет в офис к этой снежной королеве, но ровно через сутки он уже караулил ее у входных дверей при полном параде с букетиком фиалок в руках.

— Ты? — удивилась Яра. — Обычно избалованные мальчики вроде тебя предпочитают со мной больше не встречаться.

— Почему? — удивился Плинию.

— Потому что, малыш, я всегда делаю только то, что хочу и когда хочу.

— А может, мне это в тебе и нравится, — Плинию был готов говорить любую ерунду, лишь бы она не прогнала его от себя.

Яра тогда пристально посмотрела на него, и он выдержал иронический взгляд этих темных аквамариновых глаз.

— Тогда приходи сюда через неделю. Спасибо за цветы, — сказала она, села в машину и уехала в неизвестном направлении.

Так в его жизни начались эти странные встречи, обжигающие ласки и яростный секс, сменяющиеся странной холодностью и равнодушием. Плинию никак не мог понять, почему Яра ведет себя так странно. Она не была похожа ни на одну из его прежних знакомых девушек.

«Я разгадаю ее тайну!» — решил он и вскоре сделал ей предложение руки и сердца.

Его искренний порыв вызвал у нее лишь истерический приступ хохота. Яра ушла в ванную и скоро вернулась с маленьким календариком.

— Ты это видишь? — спросила она.

Плинию взял его в руки и вопросительно посмотрел на девушку.

— Неужели ты так наивен и до сих пор не понял, что ты мне нужен был только для того, чтобы забеременеть.

Сердце Плинию было вмиг разбито. Он и вообразить себе не мог, что его могут воспринимать только как производителя, породистого кобеля с хорошей родословной.

— Но почему я? — воскликнул Плинию.

— У тебя хорошая спортивная фигура, красивое лицо и светлые волосы.

— А почему ты не хочешь соединить свою судьбу с моей, раз я тебе приглянулся?

— Я слишком ценю свою свободу и независимость, — ответила Яра. — И я в состоянии воспитать ребенка одна и дать ему достойное образование.

— А как же я? — обиделся Плинию. — Я тоже имею право знать, что происходит с моим ребенком. Может быть, я тоже хочу общаться и жить вместе с ним...

— Да что ты? — засмеялась Яра. — Ты слишком наивен, ленив и легкомыслен, чтобы брать на себя такую ответственность...

Через неделю она скрылась в неизвестном направлении, и никакие усилия Плинию ее найти не привели к успеху.

И вот теперь Яра растерянно стояла перед белым свадебным кадиллаком с младенцем на руках.

Плинию похолодел от ужаса. «Что теперь будет? Почему она пришла сюда в такой день?» Усилием воли он взял себя в руки и заставил не впадать в панику.

Плинию махнул Яре рукой и указал на черный ход со стороны кухни. Как назло, в его голове не было ни одной более или менее стоящей мысли. «Что я скажу Анжелике? Неужели день свадьбы станет и днем моего развода?» — расстроенный, он спустился с лестницы и столкнулся с Ярой.

— Привет, Плинию! Мне надо срочно поговорить с тобой!

Она заметно похорошела и немного поправилась, но это даже шло ей, делало более женственной и очаровательной.

Плинию поймал себя на мысли, что боится взглянуть на младенца.

— Надеюсь, тебя никто не видел?

— Нет, — подтвердила девушка.

— Ты хочешь скандала? Зачем ты явилась ко мне в дом да еще в такое время?

— Где мы можем поговорить? — холодно спросила Яра.

Плинию не успел ответить на этот вопрос, как совсем рядом раздался голос Анжелики.

— Милый, ты где?

Плинию заметался по коридору, не зная, что предпринять.

— Сынок, идите ко мне! — Жозевалду услужливо открыл дверь и поманил его рукой.

— Папа! Ты подслушивал?

— Это неважно, — отмахнулся Жозевалду. — Главное, что я открыл свою дверь вовремя. В мою комнату навряд ли кто сунется.

* * *

После разговора с ду Карму Джованни сделал несколько нужных звонков и хотел уже спуститься вниз, как перед ним материализовалось встревоженное лицо Себастьяна. Он был сильно возбужден и растерян.

— Что случилось? — спросил Импротта.

— Барону срочно нужна ваша помощь! Умоляю вас, поехали! По дороге я расскажу, что случилось!

Джованни поспешил за ним.

Вскоре они подъехали к проспекту Атлантика. Барон Педру возбужденно ходил около входной двери.

— Джованни! — воскликнул он и бросился к нему навстречу.

— Не беспокойтесь, барон! Я уже предпринял кое-какие шаги. Будь баронесса Лаура даже иголкой в стоге сена, мы и в этом случае ее бы обязательно нашли.

— Спасибо, Джованни, но я не могу сидеть на месте и ничего не делать!

В таком случае давайте проедем по местам, где любит бывать дона Лаура. Кто знает, быть может, мы ее разыщем скорее, чем мои ищейки.

— Да-да, конечно! — согласился барон. — Вы знаете, я думаю, что раз она вышла из дома в своем любимом изумрудном колье, то, скорее всего, она отправилась в ювелирный магазин.

— Барон, у вас проблема с деньгами? — удивился Джованни. — Я с удовольствием повышу вам зарплату. Ваши советы очень ценны для меня. Вы делаете для меня гораздо больше, чем можете себе представить.

— Спасибо, Джованни, дело не в зарплате. Просто дона Лаура не хочет, чтобы ее любимые украшения попали в руки моей невестки Жизелы.

— Ох, эти женщины! — вздохнул Джованни. — А впрочем, знаете что? Если баронесса Лаура не будет возражать, я готов купить эти украшения не глядя. У меня есть очень достойная знакомая дама, которая с удовольствием будет их носить.

— Сеньор Импротта, вы просто ангел-хранитель нашей семьи! — расчувствовался барон.

— Приехали. Дальше пешеходная зона, — сказал Себастьян и остановил машину.

— Думаю, что не пройдет и получаса, как мы ее найдем, — уверенно улыбнулся Джованни, заметив, как барон резвой рысью уверенно затрусил вперед.

— Подождите меня, пожалуйста! — крикнул ему вслед Импротта, — а то мы потеряемся.

— Вы не поверите, сеньор Джованни! Мой чуткий нос почуял запах ее любимых духов.

— Это очень хороший знак, барон. Еще долго до вашего ювелирного?

— Немного в горку и направо.

— Не думал, что вы такой спортивный! — искренне удивился Импротта.

Барон Педру легко преодолел крутой склон и сделал лишь небольшую передышку, чтобы подождать едва поспевающего за ним Джованни.

— Идите вперед, барон, а то я чувствую себя чугунной гирей на ваших ногах. Сейчас дорога каждая минута! Мы можем разминуться с баронессой!

— Идите до переулочка, а затем направо, — почти прокричал барон и побежал в сторону магазина.

«Завтра же начну делать зарядку и запишусь в фитнес-клуб, — пообещал себе Джованни. — Что подумает обо мне ду Карму, если когда-нибудь увидит меня обнаженным? Раз я хочу очаровать эту женщину, то должен быть совершенным во всем».

После разговора с Назаре Мария взяла себя в руки и заставила спуститься вниз. Гости разделились на небольшие шумные группки, развлекающиеся светскими разговорами и легкими закусками. Все терпеливо ждали, когда молодые спустятся вниз для того, чтобы начать торжество. Бьянка возбужденно бегала с новеньким фотоаппаратом в руке, стараясь запечатлеть как можно больше смешных моментов на свадьбе дяди. Она успела щелкнуть Вивиан, когда она открыла большой рот, чтобы откусить яблоко, прикорнувшего в уголке Венансиу, сына Себастьяна. Дона Флавиана, теща Джованни, немного подыграла ей — она подошла к огромному серебряному блюду с лобстерами, выбрала самого большого и сделала вид, что она борется с ним.

— Дона Флавиана! Вы прелесть! — восхитился Вруну и повесил себе на уши грозди винограда. — Ну, сними меня! Сними! — торопил он сестру. — У меня сережки!

Молодых все не было.

«Ну, Плинию в своем репертуаре, — подумала Мария, — не может потерпеть до вечера!» — она быстро поднялась наверх и постучала в комнату сына.

— Плинию, сынок, гости ждут! Я считаю до десяти и вхожу! — ду Карму немного подождала и открыла дверь.

Анжелика и Плинию стояли у окна, взявшись за руки.

— Дети мои, — улыбнулась Мария, — я думала, что вы никогда не покинете эту комнату. Давайте спустимся вниз.

— Конечно, мама, — Плинию потянул за собой невесту.

— Вы слышите? — вдруг сказала Анжелика. — Детский плач!

Звук был четкий и протяжный, как будто младенец находился совсем рядом.

— Да что ты! — занервничал Плинию. — Детский плач здесь может раздаться месяцев через девять. Давайте пойдём к гостям, — настаивал он. — Нехорошо заставлять их ждать.

— Подождите, — остановила их Мария, — я тоже явственно слышу, как плачет ребенок. И крик этот доносится из комнаты Жозевалду...

— Мама, скорее всего папа включил телевизор и смотрит кино. Пойдем вниз! Ты сама говоришь, что гости ждут.

— Нет уж, дружок, больше всего я не люблю неизвестность и обман, пойду узнаю, в чем дело.

Мария подошла к комнате Жозевалду, постучала и распахнула дверь. К ней тут же метнулся испуганный муж, пытаясь загородить собой то, что происходило в глубине комнаты.

— Боже мой, что происходит? Откуда здесь этот ребенок? — растерялась ду Карму.

На кровати сидела растерянная молодая девушка с младенцем на руках. В комнату тихо заглянул Плинию, за ним вошла любопытная Анжелика.

— Ду Карму, я тебе сейчас все объясню, — заметался Жозевалду. — Это моя девушка. А этот мальчик — мой сын...

— Да ну? — Мария насмешливо посмотрела ему в глаза. — Я почему-то тебе не верю. Эта красивая девушка с интеллигентным лицом твоя возлюбленная? А этот милый ребенок твой сын? Не смей меня, Жозевалду.

— Ну, почему? Наш папа еще хоть куда! — не очень уверенно воскликнул Плинию.

— Да, ду Карму! Я еще в самом расцвете!

— Я тебе не верю. Иди сюда, моя прелесть, — ду Карму потянулась к ребенку. — Сказочный! — улыбнулась она. — Теперь я прекрасно вижу, на кого он похож! Это же вылитый Плинию в детстве! — она обернулась на сына. — Дорогой, это же твой сын! Почему ты скрыл это от меня?

— Мам, я сам узнал об этом только несколько минут назад.

— Правда? — Мария строго взглянула на молодую женщину, державшую ребенка.

— Дайте мне время, и я все объясню.

— Так, друзья мои, мне кажется, что, мы влезает в центр смерча. Нас ждет невиданный скандал. Пожалуйста, оставьте нас с девушкой наедине. Мне нужно поговорить с ней, — попросила ду Карму.

— Ни за что! — воскликнула Анжелика. До нее медленно доходил смысл происходящего. Нынешние события, происходящие со скоростью летящей реактивной ракеты, словно парализовали ее мозг и волю. Она не чувствовала реальности и смотрела на все как через пелену странного тумана.

— Я не уйду отсюда... — Анжелика с ненавистью посмотрела на свою соперницу.

— Ладно, разбирайтесь между собой сами! — вспылила Мария, но Плинию умоляюще схватил ее за рукав.

— Мама! Только не уходи! Нам нужна твоя помощь!

— Я могу попросить вас об одолжении? — девушка обращалась только к Марии. — Мне будет лучше, если отец моего сына останется здесь. Нам надо выяснить все до конца.

— А как же я! Я что? Пустое место? — Анжелика была готова разрыдаться.

— Пойдем, девочка! — Жозевалду легонько подтолкнул ее к выходу. — Ты же знаешь, и я, и Мария, мы на твоей стороне. Тебе нечего бояться!

Инстинкт самосохранения подсказывал Анжелике, что сейчас лучше не поднимать скандала и выждать, иначе можно потерять все. Несколько минут они с Жозевалду постояли в коридоре, выжидая, кто из них уйдет первым, а потом, не сговариваясь, прильнули к двери.

— Не могу поверить, что тебе понадобился всего лишь мужчина — производитель! Как это? — до Анжелики долетел взволнованный голос Марии. — Неужели ты не могла найти себе достойного мужа? Ты вела себя, как королева-медалистка. Вокруг столько мужчин, готовых жениться, а ты, дочка, сделала самую большую глупость.

— Мам! Поверь, для меня это полная неожиданность! Я не хочу терять Анжелику из-за такой глупости!

— Глупости? — возмутилась ду Карму. — Как ты можешь называть своего сына и его мать глупостью? Раньше ты ходил к этой девушке с удовольствием.

— Мама! Но тогда мы с Анжеликой не были знакомы! Мы едва разговаривали... Это была простая интрижка на стороне. Меня использовали вслепую! Если бы я мог предположить!

— Да ладно, это сейчас не главное! — остановила его Мария. — Что должно произойти, то произойдет обязательно. И пусть это, сынок, будет тебе хорошим уроком! Главное, что этот прекрасный ребенок — наш внук, а его мать пришла к нам просить помощи.

— Мама, что нам делать? Что я скажу Анжелике? Она не переживет такого удара!

— Если любит, простит, — вставила свое слово Яра.

Плинию посмотрел на нее, не скрывая ненависти и раздражения.

— Так! — задумалась Мария. — Значит, ты все потеряла: дом, машину, работу. У тебя сейчас черная полоса, и ты ждешь помощи от моего сына?

— Это не совсем так, — вспыхнула Яра. — Я не охотница за деньгами и всегда сама себя содержала. Мне нужна временная помощь, я смогу выкрутиться. Мне нужно только, чтобы ребенок временно пожил у вас...

— У меня? — воскликнул Плинию и растерянно посмотрел на мать.

— Плинию, ты — его отец. И пока я не смогу заботиться о нем, ты должен это делать, — в голосе Яры появились привычные командные нотки.

* * *

— Любезный! — Барон обратился к молодому человеку, который стоял у прилавка магазина подарков. — Раньше на этом месте был ювелирный магазин. Мужчина вскинул на него насмешливые бархатные глазки и странно улыбнулся.

— Сеньор! Я хозяин этого магазина уже больше восьми лет и ничего не знаю о его прежних владельцах, — он еще раз любезно улыбнулся и пожал плечами.

— Извините! — растерянно сказал барон.

— Сегодня все словно сговорились! Вы уже пятый, кто об этом спрашивает, — сказал он и поправил свои безупречные острые усики.

Кровь прилила к вискам Педру.

— Пятый? — воскликнул он.

— Да! — как ни в чем не бывало подтвердил хозяин магазина. — Все, кто заходил ко мне сегодня, начинали с одного и того же вопроса: «Куда переехал ювелирный салон?» Минут двадцать назад сюда заходила пожилая сеньора, которая хотела оценить свои изумруды.

— Лаура! — вырвалось у барона. Он обессиленно сел на выступ витрины.

— Вам плохо? — забеспокоился молодой человек и бросился к странному посетителю. — Я сейчас принесу воды! — он исчез на несколько секунд в подсобном помещении и вернулся со стаканом в руке.

— Спасибо, любезный! У меня просто закружилась голова. Сейчас все пройдет.

— Давайте все же вызовем врача, — настойчиво предложил молодой человек.

— Не надо! — остановил его барон. — Скажите лучше, кто еще спрашивал про ювелирный салон. Вы сказали, что я был пятым...

— Да! Сперва сюда зашла сеньора с изумрудами, — молодой человек наморщил лоб, вспоминая подробности, — следом за ней зашли два каких-то странных и неприятных типа. Они покрутились здесь, ничего не купили, а когда выходили, один из них спросил, где здесь ближайший ювелирный салон. Минут через десять прибежал бойкий молодой человек с удостоверением полицейского, все здесь обнюхал и тоже задавал вопросы. Я даже испугался. Изя Фогельсон всегда занимался только легальным бизнесом! Как говорила моя покойная мама Муся: «Живи, работай, радуй всех! И в жизни ждет тебя успех!»

— И что же было дальше? — прервал его барон.

— Он меня засыпал вопросами! Мне пришлось рассказать ему про пожилую сеньору и молодых людей. Я сказал ему, что посоветовал даме сходить в ювелирный салон моего приятеля. Адрес я записал на бумаге. Здесь совсем недалеко! Площадь Свободы, сорок! Эта сеньора, должно быть, страшная преступница, раз ее ищет столько народу. Ни за что бы не поверил, что такой очаровательный божий одуванчик может украсть драгоценности...

Барон не нашел в себе сил что-то объяснять ему, он вскочил как ошпаренный и метнулся к двери.

— Я же говорю, банда! — Фогельсон растерянно посмотрел вслед странному посетителю и отхлебнул из стакана.

Барон выскочил из магазина и растерянно завертел головой, пытаясь вспомнить, с какой стороны находится спуск на площадь Свободы. Сильное волнение совершенно парализовало его память и внимание. Но ноги сами вынесли его в небольшой просвет между домами, где можно было протиснуться только боком, рискуя при этом остаться без пуговиц. Он знал одно: стоять нельзя, надо двигаться. Мысль о том, что с Лаурой может произойти что-то плохое, подстегивала его, давая дополнительную энергию. Неведомая сила заставила его повернуть налево, обойти небольшое строение и остановила перед глухим деревянным заграждением.

От отчаяния он со злостью грохнул кулаком по доскам забора и громко крикнул:

— Лаура! Где ты?

— Я здесь, Педру! — раздалось вдруг с другой стороны забора. — И по моему, меня хотят ограбить...

Голос Лауры так подействовали на славного потомка рода Бонсучесу, что он, откровенно плюнув на элитную родословную и безукоризненное воспитание, издал нечеловеческий крик и лихо перепрыгнул через забор.

— Боже, Педру! Я не знала, что ты умеешь летать? — удивилась Лаура, когда ее супруг внезапно появился откуда-то с небес.

Педру инстинктивно закрыл ее своей спиной и повернулся лицом к грабителям, чтобы принять удар на себя, но увидел лишь два удаляющихся силуэта.

— Как ты, дорогая? Они не причинили тебе вреда? — спросил он.

— Что ты? Я даже не успела испугаться. Я думала, что ты привел с собой какого-то самурая. Ты так бесподобно кричал, что они не стали дожидаться, пока кто-то выскочит из-за забора и расправится с ними.

Педру улыбнулся и обнял Лауру:

— Я просто подумал, что, если с тобой что-нибудь случится, я не смогу жить дальше.

— Педру, дорогой! Я совсем не хотела доставлять тебе столько хлопот. Мне просто хотелось оценить изумруды...

— Я знаю, знаю, милая! Не волнуйся, я уже нашел покупателя, который хочет их купить для очень достойной женщины. Да вот и он! — Барон указал на Джованни, которых волочил за собой две обмякшие испуганные тушки.

— Баронесса! Этих двух хорьков поймали мои ребята на выходе из арки. Это они вам угрожали?

— Да! Сеньор Импротта, сначала они преследовали меня, а потом загнали в этот тупик, — баронесса попыталась улыбнуться ему сквозь слезы.

— Спасибо, донна Лаура, это все, что я хотел выяснить. Мои парни проведут с ними небольшую воспитательную работу. Думаю, что после этого они больше не захотят нападать на добропорядочных людей.

Глава 9

Эдгар всегда чувствовал себя белой вороной в кругу золотой молодежи, среди которой он должен был существовать и набираться жизненного опыта, пока учился в престижном французском колледже.

За семь долгих лет жизни в Париже Эдгар так и не обрел ни одного настоящего друга. Ему не нравились увлечения сверстников: бесконечные легкие связи, курение травки, групповые вечеринки, заканчивающиеся попойками и приводами в полицию.

Единственная для него родная душа — бабушка приезжала очень редко, не чаще двух раз в год, зато исправно отправляла внуку посылки, баловала деньгами. Но Эдгар скучал, писал письма, читал книги и исправно учился. Его дальнейшая карьера была предопределена: Сорбонна, ученая степень и бескрайний и соблазнительный мир науки.

Но его планам не суждено было сбыться.

В одно не очень прекрасное утро мадам Берте встала, как всегда провела полчаса за утренним туалетом, выпила чашечку зеленого чая с жасмином, поела абрикосов и... нечаянно подавилась абрикосовой косточкой.

Все произошло так быстро, что, пока прислуга бегала по дому, не зная, что делать, ее грешная душа отправилась напрямиком на небо.

Мадам Берте была мудрой женщиной. Она заранее составила завещание, в котором все, что имела, предусмотрительно перевела на имя своего единственного и любимого внука.

Когда Эдгар вернулся в Бразилию, он стал владельцем огромной пятикомнатной квартиры в престижном районе и хозяином небольшого

французского рестораника, который его бабка умудрилась купить накануне смерти. Юноша сразу принялся за дело, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей о потере своей бабушки.

Он много и усердно работал, напрочь забыв о личной жизни, пока в дверях его ресторана не появилась Изабел. Взглянув на эту милую и стройную девушку, Эдгар сразу понял, что потерял не только голову, но и сердце. Он завоевывал ее два месяца, долго и неумело из-за отсутствия опыта, пока в один прекрасный день у него не опустились руки, и он решил, что такая девушка, как Изабел, никогда не сойдет с Олимпа ради его жалкой персоны. И случилось чудо. Изабел сама поцеловала его и легко и естественно стала его возлюбленной. Он был ошарашен и потрясен, ему казалось, что он не достоин такого счастья, но Изабел умудрилась переубедить его и в этом. Все было бы идеально, если бы не встреча с ее матерью...

Эдгар долго не мог прийти в себя после этого. Назаре смотрела на него так брезгливо, будто перед ней был раздавленный таракан или ободранная крыса. Ее бестактные вопросы по поводу его бабушки несколько раз ставили его в тупик. Ему пришлось собрать в кулак не только всю свою волю, но и присущее ему благородство и доброжелательность, чтобы не нахамить.

Эдгару долго не могло прийти в голову, что эта вульгарная, агрессивная и невоспитанная особа может иметь какое-то отношение к такой милой и славной девушке, как Изабел. Но главная проблема состояла в том, что ему сразу стало понятно, что его избранница очень любит свою мать. Ради нее она забросила свое образование в юридическом университете, работала с утра до вечера и буквально поставила крест на своей личной жизни. То, что Изабел встретила Эдгара на своей же работе, было простой случайностью и лишило ее несчастной перспективы умереть старой девицей. По, похоже, ее матери было наплевать на личную жизнь и счастье Изабел: она эгоистично требовала к себе повышенного внимания и не хотела ни с кем делить дочь.

«Моей любви должно хватить на то, чтобы выдержать и это испытание, — успокаивал он себя. — В конце концов, у меня просто будет классическая теща».

Эдгар сел в кресло и с наслаждением вытянул ноги. В своем кабинете ему удавалось посидеть не больше двадцати минут перед обедом. Он наслаждался ничегонеделанием, иногда ему даже удавалось вздремнуть. В последнее время дела его ресторана шли очень хорошо. Клиенты сыпались, как из рога изобилия. Ходить в «Месье Вотель» стало модно и престижно.

«Если так пойдет дальше, — мечтал Эдгар, — то совсем скоро я смогу купить дом на берегу моря и жениться».

— Эдгар! — Изабел вошла в его кабинет и уселась напротив.

— Да, дорогая? — улыбнулся он.

— Моя мама вбила себе в голову, что мы с ней должны уехать в Куритибу, — вздохнула Изабел.

— И что ты думаешь по этому поводу? — насторожился Эдгар

— Я не собираюсь этого делать, и уже сказала, что никуда не поеду, — успокоила его девушка. — Ты же знаешь, я просто не смогу жить вдали от тебя.

— А почему она вбила себе это в голову именно сейчас?

— Не знаю. Думаю, на нее слишком много всего свалилось. Смерть отца, приступы, которыми она страдает, непростые отношения с Клаудией.

— А почему она собирается перебраться так далеко и при этом хочет забрать тебя?

— Должно быть, Куритиба — это спокойное место. Перемена климата должна пойти ей на пользу.

— Ты считаешь, только поэтому? — ухмыльнулся Эдгар. — И тебе больше ничего не приходит в голову?

— Что ты хочешь сказать? — насторожилась Изабел.

— Мне это кажется странным.

— Ты думаешь, что она хочет разлучить нас? У нее ничего не выйдет, и я останусь здесь с тобой. — Изабел устроилась у него на коленях и положила голову на грудь.

— Ангел мой! Нас ничто не разлучит.

* * *

Для Плинию день его бракосочетания был безнадежно испорчен. Он еле дождался того момента, когда, наконец, разошлись все гости. Скандал, который угрожал в один миг разбить его брак, был кое-как замят. Ребенка, по обоюдному согласию сторон, было решено на время оставить в доме ду Карму. Анжелика, конечно, дулась, как мышь на крупу, но пока решительных действий не предпринимала.

Плинию выждал момент, когда они с Анжеликой остались, наконец, наедине, и обнял ее сзади.

— Будет здорово, если мы окончательно помиримся. И я жду, что ты подаришь мне то, чего я так долго ждал, — промурлыкал он ей в ушко.

— Нет, Плинию, нет! — Анжелика вырвалась из его объятий и отошла в дальний угол комнаты.

— В чем дело? — обиделся Плинию. — Ты простила меня или нет?

— Во-первых, я хочу, чтобы ты поклялся, что сам будешь ухаживать за своим сыном. Я близко к нему не подойду!

— Клянусь! — быстро согласился Плинию и поспешно стал расстегивать брюки. — Буду ухаживать сам. Ложись сюда, дорогая! — Он призывно похлопал ладонью по покрывалу. — Тебе помочь раздеться? Ну, сколько можно ждать? Пожалей меня.

— Хорошо! Раз ты поклялся... — неуверенно согласилась Анжелика и посмотрела на дверь.

— Тебе не кажется, что там кто-то есть?

— Какая разница! По дому вечно кто-то ходит. Мы не должны на всех реагировать. — Плинию подошел к Анжелике вплотную.

— Перестань, ты слышишь стук?

— Это слуховые галлюцинации! — слукавил Плинию. — Никого нет дома! Приходите завтра!

— Нам можно войти? — раздалось за дверью.

— Кому это нам? — не удержалась Анжелика и вышла из комнаты.

— Мне и моему сыну. — За дверью стояла Яра со спящим младенцем на руках.

— Ты решила провести брачную ночь вместе с нами? — съязвила Анжелика.

— Ошибаешься, дорогая, просто мне надо поговорить с тобой прежде, чем я покину этот дом. Это не моя инициатива, а просьба ду Карму.

— Хорошо! — согласилась Анжелика. — Правда, ты уже в течение получаса говорила непонятно о чем... Чего ты хочешь? Скажи честно, тебе ведь нужен Плиниу!

— Господи! — Яра закатила глаза. — Сколько можно! Я больше всего на свете не хочу помешать вашему браку Мне совершенно не нужен Плиниу.

— Он уже и так мой, — повысила голос Анжелика, — вместе с сыном, которого ты нам подкинула.

— Что ты так кричишь? Ты можешь испугать ребенка, ненормальная, — разозлилась Яра.

— Это ты ненормальная: рожает от первого встречного! — Анжелика вызывающе подбоченилась.

— Извините! Вы так шумели, что мне пришлось подняться, — на пороге стояла ду Карму. — Я думала, что вы уже все выяснили, девушки.

— Ду Карму, — Анжелика бросилась ей навстречу, — из-за этой дряни я осталась без медового месяца. Я готова ее на куски порвать!

— Полегче, Анжелика, ты все-таки ругаешься с матерью моего сына!

— Ах, вот ты как заговорил! — возмутилась девушка. — Сперва связался со шлюхой, которая принесла тебе «подарочек» на свадьбу, потом...

— Я не собираюсь выслушивать оскорбления! — перебила ее Яра.

— Да тебя линчевать не жалко! — вскипела Анжелика.

— Замолчите сейчас же! — попыталась остановить ссору Мария. — Иначе обе пойдете проветриться на улицу! Я прекрасно понимаю, что для вас это сложная ситуация, но еще я знаю, что ничто не длится вечно! И вам теперь, дорогие мои, придется уживаться друг с другом без скандалов. В моем доме живут только те, кто уважает и любит друг друга. А кто настроен на скандал, сразу же уйдет отсюда! — Ду Карму взяла себя в руки и добавила более мягко: — Я могу рассчитывать на ваше понимание? Я не собираюсь делать из вас лучших подруг. Но прошу одного — ведите себя вежливо по отношению друг к другу Что ты скажешь, Яра?

— Клянусь, ду Карму, я не хочу мешать Анжелике и Плиниу. Я постараюсь видеться с ними как можно реже. И кроме того, я уже попрощалась с сыном. Мне пора идти! — Яра поднялась, поцеловала малыша и направилась к двери.

— погоди! — остановила ее Мария. — Зачем же так спешить? У меня большой дом: на всех места хватит. Я не хочу, чтобы мать моего внука, ходила по улицам одна в такое время. Тем более ехать уже поздно, а пижаму и халат я тебе найду.

— Спасибо, дона ду Карму, — улыбнулась девушка. — Я принимаю ваше приглашение.

— А ты что думаешь по этому поводу? — повернулась к Анжелике ду Карму.

— Хорошо, я буду терпеть временное присутствие этой женщины.

— Спасибо, — поблагодарила ее Мария. — Тогда мы пойдем. Спокойной ночи.

— Ты прелесть, Анжелика! — обрадовался Плинию, когда за матерью и его бывшей любовницей закрылась дверь. — Как хорошо, что ты все понимаешь, дорогая!

— До определенной степени, — поджала губы девушка.

— Как это?

— Пока Яра и этот ребенок будут находиться здесь, я не дам тебе то, чего ты так долго добиваешься.

— Нет, Анжелика! Не говори так даже в шутку! Мы же женаты! — возмутился Плинию.

— Я не могу себя чувствовать спокойно, пока в доме спит чужая женщина!

— Но, дорогая! Послушай меня! — умоляюще просил Плинию. — Поцелуй, хотя бы поцелуй!

— Нет, Плинию, будет так, как я сказала.

— Что ты делаешь со мной, Анжелика?

Девушка взяла свою подушку и демонстративно удалилась в гостевую комнату. Ей хотелось не просто рыдать, ей хотелось выть. Анжелика быстро миновала длинный коридор и вышла на лестницу. Дивные запахи кухни продолжали летать повсюду.

«Наверное, Сиссера что-то готовит на завтра», — подумала она и решила спуститься вниз. Она вспомнила, что за весь вечер лишь пригубила шампанского и съела небольшую порцию перепелиного суфле. Запах горячего сыра и жареной колбасы смешивался с запахом кофе. Девушка распахнула дверь и застыла на месте — перед ней сидела Вивиан и многозначительно улыбалась.

— Проходи, дорогая! На ловца и зверь бежит! — промурлыкала она и подвинула ей навстречу маленькую чашку кофе.

— Ты меня ждала? — удивилась Анжелика. — Но я сама не знала, что спущусь сюда минуту назад.

— Какая разница! — воскликнула Вивиан. — Встретила бы я тебя часом раньше или часом позже. Важно, что я специально осталась здесь, в доме свекрови, чтобы кое о чем поговорить с тобой, дорогая.

— Не понимаю...

— Сперва сядь и съешь хоть чего-нибудь. Я весь вечер за тобой наблюдала: ты совсем ничего не ела! С сытым желудком лучше соображается.

Вивиан достала из микроволновой печи горячие бутерброды и положила их на стол. Анжелика послушно взяла угощение и положила себе в рот крохотный сэндвич. Взгляд Вивиан приводил ее в замешательство. Ее невестка смотрела холодно, иронично и многозначительно, будто владела какой-то особой информацией, позволяющей ей так бесцеремонно вести себя.

Ты умная девушка, — начала издалека Вивиан, — и тебе должно быть не безразлично, как отнесется к тебе ду Карму, когда узнает о тебе кое-что

интересное...

— Что ты хочешь сказать! Мне не в чем упрекнуть себя: я ни с кем не изменяла Плинию, честно работаю на ду Карму, а оставила меня в этом доме сама Мария. Это была ее инициатива. Ду Карму — умная женщина, она представляет, каково было одинокой девушке в чужом городе, которая приехала сюда, чтобы найти свою мать.

— Ну, и как?

— Что «как»? — не поняла Анжелика.

— Нашла? — Вопрос Вивиан поставил ее в тупик.

Это была ее единственная и страшная тайна.

Через неделю после выступления ду Карму по телевидению с рассказом о том, как она потеряла дочь, и нескольких интервью в газетах, где мимолетно проскользнула информация об Анжелике, к девушке обратилась незнакомая пожилая женщина, которая утверждала, что является ее родной матерью.

Чуть позже Анжелика выяснила, что ее были вынуждены отдать в состоятельную семью сразу после рождения из-за невозможности прокормить малышку и дать ей достойное воспитание и образование.

— Что ты молчишь? Почему ты до сих пор скрываешь от ду Карму, что нашла мать? Ты явно не так проста, как думает моя свекровь.

— Вивиан, могу тебя огорчить, я не охотница за деньгами. Я была очень счастлива, когда попала в этот дом. А о матери я не сказала, потому что узнала об этом лишь недавно...

— Я понимаю, ты не хотела уходить отсюда, — Вивиан ласково посмотрела на невестку. — Не бойся, девочка, я тоже буду молчать.

— Спасибо, Вивиан! — Анжелика кинулась ей на шею. — Я действительно чиста перед ду Карму. У меня просто не было времени, чтобы рассказать, о том, что произошло.

— погоди радоваться, — остановила ее Вивиан. — Если ты хочешь спать спокойно, мне вскоре от тебя тоже кое-что понадобится.

— Все что угодно! — обрадовалась Анжелика.

* * *

Весь день Мария не находила себе места. Все валилось из рук. Она невпопад отвечала на звонки клиентов, перепутала документацию, в конце концов позвонила Дирсеу, чтобы он пораньше забрал ее с работы. Сегодня она должна была встретиться с Назаре. Они пообедали в небольшом итальянском ресторанчике, куда через час приехал Джованни. Он многозначительно потряс большой кожаной сумкой и поставил ее на стол.

— Я выполнил твою просьбу, ду Карму, и, по-моему, заслужил поцелуя, — он подождал, когда Мария чмокнет его в щеку и торжествующе посмотрел на ее спутника.

— Клоун, — огрызнулся Дирсеу.

— Этот, как ты выразился, «клоун» достал шестьдесят тысяч долларов!

— Фальшивых, — уточнил Дирсеу.

— Так что?

— В этом-то и соль!

— Не ссорьтесь, мальчики, — успокоила их Мария, — нам надо еще раз обсудить все детали предстоящей операции. Хочется верить, что сегодняшней день будет одним из самых ужасных в ее жизни. Честно скажу, что много бы отдала за то, чтобы узнать, что она сейчас делает.

А Назаре с утра решила устроить себе маленький праздник. До двенадцати она нежилась в постели, затем позавтракала в ресторанчике, посетила косметический салон, сделала массаж и педикюр, затем отправилась по магазинам, где истратила весь месячный запас, который Изабел вчера положила в шкатулку на хозяйственные расходы и питание.

«Ничего! — думала она. — Сегодня вечером у меня будет столько денег, сколько и не снилось. Даже если я буду жить на широкую ногу, мне с лихвой хватит этой суммы на переезд в Куритибу и на привычные радости».

Она подъехала к месту встречи задолго до назначенного времени встречи с ду Карму, и еще раз внимательно обошла уже знакомую ей площадку строительного склада, которую она выбрала не случайно. Назаре прекрасно знала: обстоятельства могут сложиться так, что ей придется незамедлительно исчезнуть отсюда, как только деньги окажутся у нее в руках.

— Ну, что, ду Карму! — усмехнулась Назаре. — Такая большая дура, как ты, сегодня опять наступит на те же грабли и останется без денег и без Изабел!

— Ошибаешься! — слова, прозвучавшие за спиной, заставили ее вздрогнуть и обернуться. — Я не такая дура, как ты думаешь. Мне хватило ума прийти немного пораньше. — У выхода из помещения стояла ее соперница с кожаным саквояжем в руке.

— Ты? — от неожиданности Назаре даже задохнулась.

— Как видишь, — спокойно ответила Мария и сделала шаг навстречу. — Так что ты хотела мне сказать? Где моя дочь?

— Не подходи близко, ду Карму, иначе я ничего не скажу. — Назаре инстинктивно попятилась к противоположной стене. — Ты принесла с собой деньги?

— Ты их получишь, если дашь мне полную информацию о Линдалве.

— Думаешь, я смогу улетучиться с пятого этажа и оставить тебя ни с чем? Крылья у меня пока не выросли. А ты явно приехала не одна, и твои овчарки сторожат вход. Так? — Назаре внимательно посмотрела на ду Карму.

— Так, — не стала отпираться Мария.

— Значит, в этой ситуации скорее всего я нахожусь в мышеловке. Так что сначала открой сумку и покажи, что там внутри, — потребовала Назаре.

— Хорошо, — Мария открыла саквояж.

— Теперь брось мне пачку. Хочу посмотреть, как ты выполняешь мои требования. — Назаре ловко ухватила деньги и внимательно изучила верхнюю купюру.

— Ну! — поторопила ее Мария. — Теперь ты довольна?

— Что ж, неплохо! — улыбнулась Назаре. — Поверь, моя информация стоит этого. Твою дочь зовут Клаудия. Ее после смерти моей сестры восемь лет

назад усыновила семья Робинсонов из Израиля, и теперь она живет в Тель-Авиве.

— Ты же говорила, что она в Бразилии, а теперь утверждаешь, что она уехала.

— Мне пришлось слукавить, чтобы заставить тебя поскорее прийти на встречу, — очаровательно улыбнулась Назаре. — Давай саквояж. Быстро.

Мария поставила сумку с деньгами на пол.

— Чем ты можешь доказать, что сказала правду?

— Я не буду давать никаких гарантий: у меня их просто нет. Поверь мне на слово, я простая женщина, которая совершенно случайно узнала твою тайну и решила немного заработать на ней.

— Ты опять лжешь, — воскликнула ду Карму. — Я узнала тебя, хоть и прошло много лет. Это именно ты двадцать лет назад влезла ко мне в доверие и под видом помощи украла мою девочку.

В руках ду Карму появился маленький черный браунинг. Назаре отпрянула к стене.

— Говори! — потребовала Мария. — Или эти серые стены будут последним местом, которое ты увидишь.

— Ду Карму! Я могу поклясться на чем угодно, даже на Библии. Не я украла у тебя дочь! Это сделала моя сестра. Моя вина только в том, что я хотела заработать на этой информации. — Назаре незаметно подходила к Марии все ближе.

Увидев сомнение в глазах ду Карму, Назаре решилась на дерзкий поступок. Она спокойно подняла сумку с деньгами, немного отвела ее в сторону, и резко ударила саквояжем по руке с пистолетом. Пистолет со стуком шлепнулся на пол в метре от ног Назаре. Мария потянулась к нему, но тяжелый саквояж с деньгами тут же обрушился ей на голову.

— Какая же ты дура, ду Карму! — услышала она откуда-то сверху насмешливый голос Назаре. — Не можешь справиться со мной даже с пистолетом. Да у тебя кишка тонка выстрелить! А у меня нет! Смотри, как я решаю свои проблемы и поэтому всегда выигрываю.

Назаре прицелилась в лежащую Марию и не раздумывая нажала на курок. Раздался громкий щелчок, и из короткого дула вылетел яркий флажок с надписью: «BANG-BANG!».

— Клоунесса! — рассвирепела Назаре. — Ты даже на охоту ходишь с игрушечным оружием. — Она со злостью отшвырнула игрушку и бросилась к окну загороженному фанерным листом.

— До встречи! — крикнула она и спрыгнула в подъемник.

Дальше произошло все как в кино. Назаре, не рассчитав, с такой силой дернула за рычаг механизма, что корзина со страшной скоростью помчалась вниз. «Вот и все!» — подумала Назаре и зажмурилась. Перед глазами пролетела целая галерея многочисленных знакомых и незнакомых лиц. Последняя, о ком она подумала, почему-то была Фауста...

— Тьфу! — разозлилась она и стала цепляться за рейки и выступы, которые попадались ей навстречу.

Это несколько замедлило падение всей конструкции, но когда корзина

рухнула на землю, неведомая сила вышвырнула Назаре из кабинки и больно ударила о бетонную плиту.

Все тело пронзила нестерпимая боль, она почувствовала, как по лицу побежали теплые струйки крови. «Только бы не сломать ноги!» — подумала Назаре и, когда поняла, что уже может дышать, тщательно ощупала их. Неужели повезло? Она не верила собственному счастью. Тело болело так, словно она попала под асфальтный каток, но все же она могла двигаться.

Назаре медленно поднялась и поковыляла к заранее приготовленной лазейке, которая должна была вывести ее в глухой переулок между складскими помещениями. «Я богата! Боже мой! Я богата!» — подбадривала она себя. Где-то недалеко вдруг зазвучала полицейская сирена. Она выждала момент, когда сирена стихла вдалеке, и кинулась к остановке муниципального автобуса.

* * *

Разъяренная Жизела ходила по комнате не в силах усидеть на месте. Все в ней кипело от злости и негодования.

— Подумать только, эта старая маразматичка провела меня, когда сказала, что пожертвовала изумруды детскому приюту. А теперь как ни в чем не бывало она утверждает, что собирается продать их!

— Не принимай все так близко к сердцу, дорогая, — успокаивал ее Леонардо. — Ты же знаешь, что Лаура никогда не посмеет их продать. Пройдет несколько лет, и они все равно перейдут к тебе. Надо лишь подождать!

— Я не могу ждать, пока она их потеряет или забудет где-нибудь в гостях! Это слишком важно для меня. Ты должен, слышишь? — ты просто обязан поговорить с бароном. Пусть он оставит их на хранение в нашем сейфе. Никто не даст гарантии, что в своем нынешнем состоянии баронесса не выкинет чего-нибудь еще.

— Успокойся, Жизела! Первой претенденткой на камни будет твоя собственная дочь Дуда. Лаура в ней души не чает, и рано или поздно изумруды все равно попадут к нам, — успокоил ее Леонардо.

— Кто знает, что может выкинуть человек в таком состоянии. Ее же нельзя теперь выпускать из дома! Выйти утром искать ювелирный магазин...

— Согласен, — усмехнулся Леонардо. — Хорошо еще, что она не вышла в ночной сорочке. Представляю, что написали бы газеты, если хоть кто-нибудь узнал в ней баронессу Лауру.

— Обещай мне дорогой, что ты меня пристрелишь, когда я впаду в старческий маразм, — Жизела обняла мужа за шею и поцеловала его в затылок.

— Не шути так, дорогая! Нам это не грозит. Давай завтра же съездим к отцу и разведем обстановку. Нанесем, как говорится, визит вежливости.

— Куда это вы собираетесь, дорогие родители? — в дверях гостиной стояла Дуда.

— К твоему деду, дочка! Ты же знаешь, что учудила его супруга, — сказал Леонардо. — Я и твоя мама считаем, что драгоценности баронессы лучше забрать и поместить в надежное место.

— Но вы не можете этого сделать. Они же являются ее собственностью! — возразила Дуда.

— Но я — прямая претендентка на наследство. Я жена сына барона и рано или поздно все равно получу их. Так что, дорогой, придумай что-нибудь, чтобы вытащить изумруды оттуда.

— Иногда ты пугаешь меня, мама, — Дуда демонстративно встала и отправилась в свою комнату.

— Подумаешь, какие мы благородные! — крикнула ей вслед Жизела. — Через двадцать лет они все равно перейдут к тебе!

Дуда захлопнула дверь своей комнаты и упала ничком на кровать.

«Ну почему судьба послала мне таких толстокожих и непробиваемых родителей. Вместо того чтобы помочь хорошему человеку справиться с бедой, они думают лишь о наследстве».

Девушка потянулась к телефону и набрала номер Вириату.

Вириату едва успевал проводить одних клиентов, тут же встречал других. Сегодняшний вечер обещал побить все рекорды. С каждым часом публика все прибывала. Слышался веселый смех и звяканье столовых приборов.

— Если так пойдет, то через полчаса мы станем отказывать даже постоянным клиентам, — посетовал он Изабел.

Девушка стояла у входа в большой зал и с сочувствием смотрела на официантов, которые метались с заказами от столика к столику.

— Знаешь, что мне пришло в голову? — улыбнулась она.

— Сбежать отсюда! — пошутил Вириату.

— Я друзей в беде не бросаю! — засмеялась Изабел. — Мне кажется, если мы займем сегодня территорию внутреннего дворика — это даст нам возможность посадить туда еще человек пятнадцать.

— Умница, — похвалил ее Вириату. — Тем более, мебель у нас есть.

— А еще один столик можно поставить в погреб. Для особо важных персон. Там прохладно и очень уютно.

— Тебе никто не говорил, что у тебя золотая голова? — сделал ей комплимент Вириату.

— Спасибо! — улыбнулась Изабел и подошла к вновь ожившему телефону. — Извини! Я подниму трубку. — Добрый вечер! «Месье Вотель»... — Изабел лукаво улыбнулась. — Вириату, тебя к телефону! Это Дуда!

— Привет, радость моя! — обрадовался Вириату. — Да кручусь! Часа через три буду свободен! Давай встретимся на квартире у Эдгара. Ключи у меня есть...

Изабел деликатно отошла от телефона, дав ему возможность поговорить без свидетелей и, отдав распоряжение внести пластиковую мебель во внутренний дворик ресторана, вышла на улицу.

— Вы Изабел? — Голос раздался совсем рядом.

— Да! — Девушка вскинула светлые ресницы. Перед ней стоял улыбающийся темноволосый юноша с очаровательной ямочкой на подбородке.

— Я — брат Вириату. Он много рассказывал о вас.

Изабел протянула руку и улыбнулась:

— Сейчас попробую угадать ваше имя... — Изабел прикрыла глаза, словно

вспоминая что-то. — Леандру! Так?

— Точно! — восхитился молодой человек. — Но откуда?..

— Я много знаю о вашей семье — Вириату мне рассказывал о жизни своей семьи, и я буквально влюбилась в вашу мать. Пережить такое! Потерять собственную дочь, одной вырастить четырех малышей и при этом сохранить оптимизм и любовь к жизни! Не каждая женщина способна на это...

— Да, моя мама очень сильная женщина, — подтвердил Леандру. — Па Вилле Сан-Мигель простые люди иногда называют ее Хозяйкой судьбы.

— Да, это очень точно подмечено!

— Как-нибудь мы с Вириату пригласим ее поужинать в ваш ресторанчик. Тогда вы сможете познакомиться.

«Для меня это большая честь», — хотела сказать Изабел, но застыла на месте от удивления. Ей навстречу спешила Клаудия.

Она только что вышла из такси и быстрым шагом направилась к сестре. Внутри у Изабел все похолодело. «Что-то страшное случилось дома», — подумала она.

— Вы так побледнели! — забеспокоился Леандру. — Вам плохо?

— Пока не знаю, — ответила Изабел и сделала шаг навстречу сестре.

— Успокойся! Все живы! — сказала Клаудия, когда поняла, что Изабел готова упасть в обморок. — Просто Назаре потребовала, чтобы я срочно привезла тебя домой.

— Она опять заболела? — спросила Изабел.

— Ну, как сказать? — замялась Клаудия. Девушка впервые посмотрела на спутника сестры и улыбнулась.

— Извините, я вас не познакомила! — Изабел тоже приветливо улыбнулась. — Это моя сестра Клаудия. А это брат Вириату — Леандру.

— Очень приятно, — Клаудия протянула ладонь.

— Ой! Леандру шутливо отдернул руку. — Вы не девушка, а электрический скат!

— Могу сказать точно, если моей сестре кто-то начинает нравиться, то она сразу превращается в электростанцию.

— Тогда я очень польщен! — Леандру изучающе посмотрел на новую знакомую.

Клаудия сразу смутилась и покраснела. Молодой человек вызывал в ней смутное, но приятное волнение. В голове тут же произвольно возникла главная женская мысль: «Интересно, он женат?»

— Клаудия! Так что с Назаре? Очередной приступ эгоизма? Или она боится, что сегодня я останусь ночевать у Эдгара? — спросила Изабел. — Почему такая срочность? У нас в ресторане работать некому! Столько посетителей!

— На самом деле все достаточно серьезно, Изабел! Она вернулась совершенно разбитая. Сказала, что на нее напала шайка малолеток, а когда я захотела вызвать «скорую» и полицию, заругалась на меня и потребовала привезти тебя. Сейчас она сидит в своей комнате и никого к себе не пускает.

— Извини, Леандру! — заторопилась Изабел. — Передай, пожалуйста, брату, что я вынуждена была срочно уехать домой! — И девушки кинулись в

сторону такси.

Глава 10

Дженанни замерла от удивления, когда увидела, как Назаре, спрыгнув с подножки муниципального автобуса, поковыляла в сторону дома, с трудом волоча за собой большой кожаный саквояж.

«Интересно получается! — подумала она. — Похоже, в этой сумке что-то очень ценное, раз она не рассталась с ней, несмотря на свое плачевное состояние».

Лицо Назаре представляло собой сплошной синяк. Лоб был поцарапан и испачкан кровью. Одежда порвана.

Дженанни дождалась, когда Назаре войдет в дом, и устроилась на ближайшей лавке, чтобы вести наблюдение за входной дверью. Буквально через пять минут из дома выскочила взволнованная Клаудия и поймала такси. «Ага, пора пойти проверить подругу!», — решила она и подошла к двери.

Ей пришлось несколько раз позвонить, прежде чем на пороге появилась разгневанная Фауста:

— Ноги моей больше не будет в этом доме! — крикнула она и, сопя от обиды и негодования, стала спускаться по ступенькам, волоча за собой две тяжелые полосатые сумки.

— Что случилось? — участливо поинтересовалась Дженанни.

— Моя хозяйка спятила. Сначала пришла возбужденная и впервые в жизни поцеловала меня. Сказала, что «моя рожа не дала ей умереть». Я, правда, ничего не поняла, но так расчувствовалась, что захотела помочь поднять ей наверх тяжелый саквояж...

— И что?

— А потом, как всегда! Наорала, надавала оплеух и послала меня неприлично сказать куда! — пожаловалась Фауста.

— Может, мне удастся ее успокоить? — предположила Дженанни и беспрепятственно вошла в дом.

Она поднялась по широкой лестнице и направилась к спальне Назаре. Дверь комнаты была закрыта. Дженанни присела на корточки и заглянула в замочную скважину.

Назаре сидела на широкой кровати спиной к двери и, по-видимому, была чем-то очень занята. Дженанни догадалась, что перед ней стоял саквояж. «Может быть, в сумке деньги?» — подумала она.

Назаре, словно почувствовала, что за ней наблюдают, и резко обернулась к двери.

— Вот чертовка! — вырвалось у Дженанни. — У нее всегда было звериное чутье на опасность... и на деньги.

Она подняла руку и уверенно постучала.

— Я тебя сейчас спущу с лестницы, Фауста! — со злостью крикнула Назаре. — Убирайся отсюда!

Дверь со стуком отворилась.

— Вот это наглость! — зрачки Назаре сузились от злости. — Чего тебе опять понадобилось в моем доме? Ты уже один раз ушла отсюда с деньгами!

— Ты не рада старой подруге? — нагло улыбнулась Дженанни. — Может, я пришла поддержать тебя? Вижу, что ты не в форме, решила узнать, что с тобой случилось, не надо ли помочь...

— Ты мне очень поможешь, если исчезнешь из моей жизни навсегда!

— А где тот милый саквояж, который ты так самоотверженно волокла за собой до самого дома? — нагло спросила Дженанни и без приглашения зашла в комнату.

— Убирайся отсюда! Слышишь? Или я вызову полицию! — Назаре с ненавистью смотрела на непрошеную гостью. — В доме Клаудия и Фауста. Они в два счета выставят тебя на улицу!

— Ошибаешься! — очаровательно улыбнулась Дженанни. — Только что и одна, и другая покинули этот дом...

— Чего ты хочешь? — Назаре обессиленно опустила на кровать. — Деньги ты уже получила и обещала молчать.

— Ты ведь сама знаешь, денег много не бывает! А то, что так легко мне попало в руки, так же стремительно и пропало.

— О чем ты говоришь?

— Меня ограбили! И теперь я вынуждена обратиться к тебе как к своей подруге и попросить у тебя помощи!

— У тебя есть совесть? — возмутилась Назаре.

— А у тебя? — невинно переспросила Дженанни. — Украсть маленького ребенка. Разбить хорошую семью...

— Прекрати! Мне проще убить тебя, чем видеть твою наглую физиономию, приходящую раз в месяц в этот дом, чтобы поживиться. — Назаре подошла к кровати и засунула руку под подушку.

У Дженанни все похолодело внутри. «Неужели у нее там пистолет? Дома никого нет.. На улице выстрела будет не слышно. Труп можно зарыть в садике...»

— На! Подавись! — Назаре швырнула ей в лицо пачку денег. — Здесь две тысячи долларов. Это последнее, что у меня есть!

— Спасибоочки! — радостно взвизгнула Дженанни и попятилась к выходу.

— Двигай, двигай отсюда скорее! Иначе я спущу тебя с лестницы! — Назаре швырнула ей вслед свою домашнюю туфлю.

Дженанни ловко увернулась и открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь едкое, но передумала. Хрустящая пачка долларов повлияла на нее самым благоприятным образом: ей очень захотелось танцевать, петь и веселиться.

Она радостно выпорхнула из дома и остановилась в нескольких метрах от калитки. В это время к дому подъехало такси. Из машины поспешно вышли Клаудия с Изабел и тут же поспешили в дом.

«Слава богу, что я провернула все без свидетелей. Можно сказать, пронесло!» — подумала она и тяжело опустилась на лавку. Она не заметила, как рядом с ней тут же присел седой пожилой мужчина в светлом костюме.

— Добрый день, сеньора! — вежливо поздоровался он. Дженанни улыбнулась и удивленно повела бровью. — Вы, конечно, не помните меня.

— Нет-нет, — возразила Дженанни. — Я вас точно где-то видела.

— У вас хорошая память. Позвольте представиться. Сеньор Жак! — Он вежливо приподнял парусиновую шляпу. — Я сосед Назаре. В прошлый раз вы искали дом Назаре и справлялись об этом именно у меня. — Жак галантно встал и протянул руку. — Могу я пригласить такую замечательную сеньору на бокал красного вина?

— С удовольствием! — согласилась Дженанни. «Похоже, что у меня сегодня удачный день!»

— Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

Дженанни задумчиво наклонила голову и просияла:

— Знаете, месье Жак, я такая рассеянная. Выскочила сегодня из дома без паспорта и кошелька. Хорошо, что в сумке была записка! Вы меня очень выручите, если разменяете в банке сто долларов.

— Сочту за честь! — согласился Жак. — Только вам придется подождать меня немного, я возьму документы.

— Это не проблема! — обрадовалась Дженанни. — Как приятно иметь дело с настоящим сеньором!

* * *

Мария метнулась к окну, когда Назаре со страшным грохотом стала спускаться на подъемнике, рискуя разбиться насмерть. Такого финала ни Джованни, ни тем более Мария не могли предусмотреть заранее.

Они своевременно обнаружили несколько лазеек в здании и приняли соответствующие меры, но вообразить, что Назаре, как ведьма на метле, вылетит из окна, до этого плотно забитого фанерой, никто из них вообразить не мог. Теперь кабинка подъемника стремительно летела вниз, унося с собой последнюю надежду ду Карму найти дочь. В последний момент Мария заметила огромный гаечный ключ, забытый кем-то на подоконнике.

«Я не могу позволить этому чудовищу умереть так просто!» — подумала ду Карму и успела вставить ключ в шестеренку, которая в тот же миг сбавила обороты.

Раздался страшный треск. Кабинка пролетела еще пару метров и остановилась. Мария видела, как ее соперница выбралась из кабинки, доковыляла до кучи картона и буквально растворилась в этой куче мусора.

— Как ты, ду Карму? — Джованни подошел к окну и взглянул вниз. — Вот дьявол в юбке! Ни за что бы не подумал, что она выберет этот путь.

— Все нормально, Джованни, — улыбнулась ду Карму. — Она сбежала с фальшивыми долларами и, скорее всего, сегодня же ими воспользуется. Нам осталось лишь немного подождать, и капкан захлопнется!

— Я пошлю к ее дому людей. Мы будем знать о каждом ее шаге. Кстати, у Дирсеу есть интересная информация для тебя. Он позвонил мне недавно и сказал, что едет сейчас в ресторан «Месье Вотель».

— В ресторан, где работает Вириату? — удивилась Мария.

— Совершенно верно, — подтвердил Джованни. — Только давай все-таки

сядем в мою машину и там все обсудим. Кое-какие новости есть и у меня.

Они молча спустились вниз, миновали узкий грязный дворик и подошли к черному мерседесу.

Джованни любезно распахнул дверь перед ду Карму, подождал, когда она устроится на заднем сиденье, и уселся рядом.

— Это как-то касается моей дочери? — спросила Мария.

— Не хочу тебя обнадеживать. Но мне кажется, что мы подошли к решению этого вопроса очень близко, почти вплотную. Дело в том, что к Дирсеу неделю назад пришла на стажировку студентка. Клаудия, по-моему. Она учится на факультете журналистики. Так вот, она очень интересовалась историей, связанной с мадам Берте...

— А при чем здесь эта мадам? — перебила его Мария.

— Эта девушка заподозрила свою мачеху во лжи и стала разнюхивать ее прошлое. Интернет, свидетели...

— Ох, говори скорей... — разволновалась Мария.

— Эта девушка оказалась падчерицей Назаре!

— Я знала, что судьба на нашей стороне! — обрадовалась ду Карму. — А это девушка, Клаудия... С ней можно увидеться?

— Конечно! Когда она узнала твою историю про Линдалву, она просто помешалась на том, чтобы встретиться и поговорить с тобой.

— А может, Клаудия и есть моя дочь? — Голос Марии дрогнул.

— Если бы! — воскликнул Джованни. — Я задал Дирсеу тот же вопрос. К сожалению, это не так! Ее родной отец — Карлос Тедеску. Именно его охотула впоследствии наша «охотница за младенцами».

— А что делает Дирсеу в «Месье Вотеле»?

— Он пошел взглянуть на сестру Клаудии.

— Сестру?

— Эта девушка — ее сводная сестра, дочь Назаре. Но с некоторых пор у Клаудии появились сомнения... Она просто уверена, что ее мачеха завладела девочкой незаконно.

— О, господи! Неужели мы нашли Линдалву?

* * *

Дирсеу внимательно посмотрел на Клаудию и задал последний вопрос.

— Откуда ты узнала, что эта женщина еще до брака с твоим отцом была бесплодна?

Глаза девушки лихорадочно заблестели, на щеках выступил румянец.

— Я провела настоящее расследование после того, как моя мачеха попыталась выставить из дома свою знакомую, Дженанни. Эта дама достаточно вульгарная и невоспитанная, но передо мной почему-то стала разыгрывать сеньору

— А может, так и есть и тебе показалось?

— Ну, что вы! — обиделась Клаудия. — Она вела себя, как типичная уличная девка.

— Ладно-ладно! — успокоил ее Дирсеу. — Так что же она сказала?

— Она обрушила на меня такой поток информации, что я потом еще долго приходила в себя. От Дженанни я и узнала про мадам Берте! Когда же я задала Назаре невинный вопрос об этой даме, то она пришла в страшное негодование и сразу вытолкала свою подругу из дома, а потом наорала на меня...

— И тогда ты начала свое расследование... — подсказал Дирсеу.

— Совершенно точно, — согласилась Клаудия.

— Я перерыла все старые альбомы и нашла фотографию шестьдесят восьмого года, где она сфотографирована в медицинском халате на фоне старинного здания местной больницы. Его ни с чем не перепутаешь! Ворота, башенки...

— Я хорошо знаю это место! Именно там у Марии украли дочь, — заволновался Дирсеу.

— Чуть позже я побывала в больнице и выяснила, что никакая Назаре там никогда не работала.

— Не работала?.. — растерялся Дирсеу.

— Она там лечилась от бесплодия, и именно тогда ей поставили диагноз! У нее никогда не могло быть детей! Понимаете? Никогда! — Клаудия закрыла лицо руками и горько зарыдала. — Эта гадина разбила жизнь моих родителей!

— К сожалению, слезы и переживания не помогут вернуть ваших близких. Теперь мы объединим наши усилия, — попытался успокоить ее Дирсеу, — и она получит по заслугам за все зло, которое причинила.

— Спасибо, что понимаете меня! — Клаудия пыталась справиться со спазмом в горле. — Я готова жизнь отдать, лишь бы разоблачить ее.

— Тогда давай составим план наших действий. Ты готова?

— Конечно! — согласилась Клаудия и вытерла слезы.

— Если не возражаешь, я хочу посмотреть на твою сводную сестру Изабел. Ты сможешь организовать это?

— Конечно! — Глаза Клаудии возбужденно заблестели. — Изабел сегодня до одиннадцати вечера работает в ресторане «Месье Вотель». А можно я поеду с вами? — робко попросила Клаудия. — Я буду сидеть тихо, чтобы не привлекать внимание.

— Конечно! — согласился Дирсеу. — По дороге мы еще кое-что обсудим. И еще я должен познакомить тебя с Марией ду Карму, настоящей матерью Линдалвы.

Здание ресторана «Месье Вотель», окруженное высокими кипарисами и пальмами, ярким пятном выделялось на фоне морского пейзажа бухты. Аккуратный и чистенький пляж начинался в пятидесяти метрах от необычного элегантного здания, построенного в стиле модерн с причудливо изогнутыми растительными узорами из кованого железа на миниатюрных балкончиках с консолями. Фасад ресторана был облицован яркой майоликой: огромные розовые маргаритки и герберы капризно изгибались вдоль стены изящными вытянутыми линиями.

Небольшая веранда ресторана и внутренний дворик пользовались особой популярностью у любителей ночных бризов и романтических вечеров. В

основном здесь сидела молодежь, и лишь изредка попадались парочки преклонного возраста. Их можно было сразу отличить по клетчатым шотландским пледам, в которые они кутались от вечерней морской прохлады. Респектабельная публика предпочитала находиться внутри здания, где играла живая музыка.

Дирсеу вынужден был сделать два круга вокруг ресторана, прежде чем нашел свободное место для парковки.

— Ну, как? Неплохое местечко? — спросила Клаудия.

Дирсеу рассеянно кивнул головой. Неожиданно он понял, что ужасно волнуется: по телу пробежал озноб, ладони вспотели от напряжения. «Я нервничаю, как будто встречу сейчас родную дочь. Дочь... А ведь у нас с ду Карму мог бы быть собственный ребенок. Все не хватало времени, чтобы создать новую семью», — подумал он и нахмурился.

— У вас все в порядке? — Клаудия почувствовала, что настроение собеседника изменилось, стоило им подъехать к ресторану.

— Да, кажется, — рассеянно ответил он. — Никогда бы не подумал, что буду так волноваться. Не знал, что «Месье Вотель» пользуется такой популярностью. И я не представляю, как среди этой толпы мы разыщем вашу сестру?

— Подождите пару минут, и Изабел сама выйдет. Вот увидите, вам даже не придется вылезать из машины. Смотрите! — Клаудия возбужденно заерзала в кресле. — Вот она!

Дирсеу подался вперед, чтобы получше рассмотреть девушку.

— Так слишком плохо видно! Мне придется выйти, — Дирсеу зачем-то схватил записную книжку и выскочил из машины. Он еще не знал, что скажет Изабел, когда подойдет поближе, и поэтому шел медленно, пытаясь сообразить, как лучше начать разговор.

Опасаясь, что Изабел может вновь уйти внутрь ресторана, Дирсеу ускорил шаг, но неожиданно потерял равновесие и чуть не упал, чудом успев ухватиться за спинку стоящей рядом скамейки. На асфальте остался мокрый след от кожуры банана.

— Вы не ушиблись? — Дирсеу вдруг услышал рядом с собой голос ду Карму. Изабел говорила немного нараспев, вытягивая гласные.

«Господи, — испугался Дирсеу, — если ее увидит родная мать, она просто сойдет с ума. Надо срочно подготовить Марию».

Девушка оказалась точной копией молодой ду Карму: тот же нежный овал лица, чуть вздернутый носик, миндалевидные глаза, чувственный южный рот. Только волосы намного светлее и небольшая родинка на ключице.

«Именно про нее рассказывала Мария», — подумал Дирсеу и попытался взять себя в руки. Он подавил желание обнять девушку и тут же рассказать ей всю правду.

— С вами все в порядке? — повторила свой вопрос Изабел.

— Спасибо! Руки-ноги целы, — улыбнулся Дирсеу.

— Извините, я сейчас же распоряжусь, чтобы убрали мусор, — виновато сказала Изабел. — Столько посетителей сегодня, что за всем уследить просто невозможно.

— Не беспокойтесь, — успокоил ее Дирсеу, — ничего страшного не произошло. Вы, очевидно, администратор этого заведения?

— Да! — оживилась Изабел. — Вы хотите поужинать или зарезервировать столик? — И она так же, как ду Карму, чуть наклонила голову. Дирсеу с трудом отвел глаза от нее.

— Если у вас еще есть места на завтрашний вечер, буду вам очень благодарен.

* * *

Дженанни села на скамейку, приняв эффектную позу, и приготовилась ждать месье Жака. Она рассеянно изучила все надписи на витрине ближайшего магазина, поглазела на прохожих, успела составить список милых мелочей, которые собиралась купить в первую очередь и, когда поняла, что ей не о чем больше думать, впервые забеспокоилась. Сеньор Жак не выходил из банка уже полчаса. Она хотела было пойти посмотреть, что случилось, но картина, представшая ее взору, заставила тут же опуститься обратно на лавку.

Двое полицейских вывели ее нового знакомого из дверей банка и усадили его в машину. «Этого еще не хватало! Что мог сделать этот божий одуванчик? Оскорбил охранника или наступил кому-нибудь на мозоль? И почему он даже не посмотрел в мою сторону, почему не подал какой-нибудь знак? А что, если зайти в банк самой и попробовать хоть что-нибудь разузнать?»

Дженанни поспешила наверх по ступенькам, ведущим к главному входу.

Стоило ей переступить порог, как ее охватило чувство непонятной тревоги. Какие-то смутные предчувствия, возникающие у нее, когда должна была случиться крупная неприятность.

Дженанни направилась в сторону двух молоденьких девушек, которые что-то живо обсуждали. До ее слуха долетела фраза одной из них.

— Такой серьезный сеньор и вдруг фальшивые доллары...

«Фальшивые? — удивилась Дженанни. — Назаре! Грязная сучка! Хотела подставить меня!» Она все поняла, быстро направилась к выходу и выскочила на улицу. Ей понадобилось всего полчаса, чтобы добраться до дома Назаре и найти укромное местечко в небольшом садике. Дженанни села на лавку, которая скрывалась за пышным кустарником и приготовилась ждать. «Подожди, белобрысая уродина, я сегодня тебе все кости пересчитаю. Только дождись, когда ты останешься одна».

Назаре услышала, как в дом вошла Изабел, и сделала несчастное лицо. Острая боль прошла, осталась лишь глухая ломота в области поясницы и поцарапанного локтя.

— Мамочка! Что с тобой? — Девушка бросилась было к ней, но тут же остановилась в нерешительности, боясь причинить новую боль. — Я не могу даже обнять тебя.

— Не волнуйся, Изабел, самое страшное позади, — сказала Назаре тихим голосом. — Главное, я жива, а остальное — не важно.

— Мама! Надо срочно вызвать полицию! Кто сделал это с тобой?

— Что ты, Изабел! Какая полиция? На меня напали какие-то подростки лет по двенадцать. Пытались выхватить сумку. Я стала сопротивляться и упала. Они даже ничего не успели украсть!

— Мамочка, что мне сделать для тебя?

— Посиди немного со мной, пока я не засну. Мне сейчас очень нужны твоя любовь и внимание. — Назаре положила голову на подушку и закрыла глаза.

— Через пять минут Изабел спустилась вниз. Сестра сидела на небольшом диванчике в прихожей.

— Ну, как она? — поинтересовалась Клаудия, которая все это время провела в своей комнате, чтобышний раз не дразнить Назаре.

— Заснула. — Девушка устало села напротив сестры и грустно улыбнулась.

— А что она сказала по поводу того, кто на нее напал?

— Говорит, что это какие-то подростки.

— Странно! — хмыкнула Клаудия. — Когда я ее увидела в таком состоянии, мне показалось, что она слетела с дерева и сильно при этом поцарапалась... По-моему, она что-то скрывает...

— Тебе не кажется, что она все же имеет право на личную жизнь?

— Кажется, — огрызнулась Клаудия, — но не думаю, что этот случай из этой сферы.

— Тогда рано или поздно мы все равно узнаем тайну, — философски заметила Изабел.

Дженанни прекрасно видела Клаудию и Изабел, которые сидели в холле и о чем-то разговаривали. Чутье подсказывало ей, что у нее еще будет шанс повидаться с Назаре и высказать все, что она о ней думает. А заодно и потребовать компенсацию,

Она посмотрела на окно спальни Назаре, и ей показалось, что оттуда за ней кто-то наблюдает. «Неужели она заметила меня? — Дженанни инстинктивно втянула голову в плечи. — Попробую обойти дом с другой стороны и посмотреть, нельзя ли проникнуть через черный вход. Надо ковать железо, пока оно горячо! Может, мне удастся пожить чем-нибудь более весомым, чем фальшивые доллары. Например, какими-нибудь драгоценностями...»

Дженанни вылезла из своего убежища и откровенно помахала рукой, заметив, как длинная тень тут же отпрянула в глубину комнаты. «Что же, игра в прятки закончилась, теперь поиграем в салочки-отнималочки». Она решительно направилась к маленькой узкой двери входа в подвал. Но стоило ей завернуть за угол дома, как она увидела, что девушки, недавно сидевшие в холле, теперь вышли во двор. До Дженанни донесся голос Клаудии.

— Говорю тебе, Изабел! Возвращайся на работу. Ты же знаешь, как Назаре любит поспать. Раньше завтрашнего обеда она точно не проснется.

«Хорошие новости! — подумала она. — Без свидетелей еще лучше: я смогу не церемониться с этой цыпочкой».

Девушки вышли из дома и направились в сторону автобусной остановки. Проводив взглядом две стройные фигурки, Дженанни проскользнула в дверь и сразу же направилась в спальню Назаре.

— Куда это ты прешь? — услышала она голос сверху. Назаре словно

поджидала ее, стоя на верхней ступени лестницы, и с нескрываемой ненавистью смотрела на нее. — Или тебе мало того, что ты уже получила?

— А что я получила? — Дженанни перешла в наступление. — Фальшивые доллары?

Она заметила на лице Назаре неподдельное недоумение:

— О чем ты говоришь?

— О тех деньгах, которые ты подсунула мне утром, чтобы меня арестовали! — гневно воскликнула Дженанни.

Она медленно поднималась по лестнице, пристально глядя Назаре в глаза:

— Хороший выход! Нет свидетеля — нет проблем! А ты не подумала, что в полицейском участке я непременно бы указала на тебя, и поднялся бы такой скандал... — Дженанни замолчала на полуслове и изумленно посмотрела на Назаре. В руках у той была солидная массивная трость, которую она до этого все время держала за спиной. «Что она собирается...» — Это была последняя мысль, которую Дженанни не успела додумать...

Тупой конец палки уперся ей в грудь. Бедняга, потеряв равновесие, завалилась на спину и со страшным грохотом покатила вниз. Она еще пыталась ухватиться за любой выступающий предмет или ступеньку, но руки беспомощно скользили не в силах удержать грузное тело от стремительного падения.

До слуха Назаре долетел характерный хруст, и она содрогнулась от безгливости. Мысль о том, что внизу лежит человек с переломанной шеей, ничего не вызывала в ней, кроме отвращения.

— Заметь, я тебя даже пальцем не тронула! — Голос Назаре громко прозвучал в пустом доме.

«Знала бы смуглянка, как закончит свою ничтожную жизнь! — подумала она и ощутила, что это событие никак не взволновало ее. Назаре не спеша спустилась вниз и на всякий случай ткнула ее тростью. Тело осталось неподвижным. Назаре присела на корточки и откинула длинные темные волосы Дженанни.

— Боже! — отпрянула она и перекрестилась. На Назаре смотрели широко распахнутые неподвижные глаза.

Вдруг до ее слуха долетел скрип калитки. Она выглянула в окно и увидела, как во двор вошла Клаудия. «Надо действовать быстро! — она кинулась в спальню и распахнула створки шкафа. — Где же эти побрякушки?» Сдвинув несколько коробочек, она, наконец, нашла то, что искала.

Шкатулка с украшениями была завернута в легкий газовый шарфик. Она чуть не разорвала его, пытаясь достать драгоценности. Назаре с закрытыми глазами могла сказать, сколько сережек, колец, брошек, цепочек, кулончиков и браслетов лежит в перламутровой шкатулке. Почти все из них были подарены ее любовниками, и только огромную брошку в виде рубиновой бабочки и пару золотых цепочек она купила сама.

Зная привычку Клаудии проверять в это время почту, она успокаивала себя, что у нее еще есть шанс все повернуть по своему сценарию. Назаре выглянула из спальни и прислушалась, Клаудия еще была на улице.

Она быстро спустилась вниз и положила в сумку Дженанни крупные

серебряные серьги и жемчужные бусы, а небольшую брошку, украшенную желтыми топазами, зажала в руке несчастной. Затем она вернулась в спальню, проглотила две таблетки снотворного, оставленные Изабел на блюде, и легла в кровать. «Спокойной ночи, дорогая!» — сказала она себе и закрыла глаза.

Глава 11

Дубовая входная дверь особняка ду Карму широко распахнулась, как только Дирсеу поднялся на последнюю ступеньку.

— Джованни? — удивился он. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

— Отчего же. Нам с ду Карму всегда есть о чем поговорить, — улыбнулся Импротта.

— Теперь, должно быть, придумываешь предлог, чтобы вернуться и послушать, о чем мы будем разговаривать?

— С каких это пор борзописцы стали такими тонкими психологами? — съязвил Джованни. — Лучше скажи, как ты съездил в «Месье Вотель». Подозрения Клаудии оправдались?

— Как сказать... Пока ничего неясно, — Дирсеу не хотел, чтобы первым узнал о Линде кто-нибудь другой, кроме ду Карму.

— Я так и думал, что это очередной холостой выстрел. — Дирсеу почувствовал, что его собеседник тянет время, очевидно, отыскивая предлог, чтобы вновь войти в дом, поэтому решил действовать более решительно.

— Ты рассказал Марии о Клаудии? — спросил он как можно более равнодушно.

— Конечно! Она уже час ждет тебя с хорошими новостями!

— Тогда я пойду. Думаю, что тебе будет неприятно увидеть, как она в очередной раз разочаруется.

— Раз ты говоришь «ничего неясно», я действительно не хочу присутствовать при этом, — Джованни похлопал соперника по плечу и спустился к машине.

Дирсеу выждал, когда машина Импротты скроется из виду, и вошел в дом. Все внутри его ликовало. Он преодолел два лестничных пролета за пару секунд и чуть не врезался в Жозевалду. Его внушительный ширококостный зад игриво торчал у замочной скважины спальни ду Карму. Дирсеу, не говоря ни слова, дал ему хорошего пинка, и когда тот распрямился от удивления, схватил за шкирку и с силой оттащил от двери. Все происходило в полной тишине. Дирсеу не хотел портить Марии настроение. Жозевалду боялся очередного скандала. Он сложил ладони в знак мольбы и умоляюще посмотрел на соперника. Дирсеу кивнул и приложил палец к губам.

Дождавшись, когда незадачливый бывший супруг Марии спустится вниз, он постучал в дверь и вошел в спальню.

Ду Карму лежала на кровати на правом боку, обняв соседнюю подушку рукой. В последнее время она так засыпала, когда рядом не было Дирсеу. Волна нежности накрыла его с головой. С течением времени страсть к этой женщине из острой и пламенной перешла в более глубокую и тихую радость. Теперь он знал о

ней все: что она любит, чему радуется, из-за чего огорчается. «Надо же, при сильном волнении она либо много ест, либо спит, как сурок. — Он тихо задернул занавеску, накинул на Марию плед и лег рядом. — Пусть я буду первым, кто принесет ей хорошую новость,» — подумал он и тоже закрыл глаза.

Мария почувствовала во сне его присутствие, прижалась к нему всем телом, по привычке положив на него ногу. Дирсеу улыбнулся и устроился под пледом. «Сейчас поспим полчаса и...» Спокойный легкий сон оборвал его мысли и разгладил морщинки на лбу.

Жозевалду достал бинокль и прилип к своему окну в надежде разглядеть, хоть что-нибудь пикантное в спальне ду Карму, но тут же потерял всякий интерес, когда Дирсеу задернул занавески. «Чем бы заняться?» — подумал он и переключил внимание на комнату молодоженов. Там то и дело мелькали лица, пятки и другие части тела Анжелики и Плиниу.

— Молодые идиоты! Вместо того, чтобы заняться делом, играют в догонялки, — фыркнул он. — С таким подходом к делу внуки у меня будут не скоро. А что там во дворе? Клементина пошла за покупками. Сиссера вынесла мусор. Мусор! — Глаза Жозевалду загорелись.

У каждого человека есть маленькие слабости и секреты. У Жозевалду же была своя особая «маленькая слабость» — страсть к мусору. Обычно он позволял себе «это» примерно раз в месяц.

Проходя мимо урны в каком-нибудь безлюдном месте, он как бы ненароком опрокидывал ее, чтобы внимательно исследовать ее содержимое, иногда он шарил в мусорном баке где-нибудь в переулке рядом с крупным торговым центром или жилым домом, жадно втягивая запах чужих вещей, трогая упаковки и вещи, которые когда-то были нужны и любимы. Почти всегда в каком-нибудь пластиковом пакете можно было найти кучу полезных и нужных вещей.

Жозевалду почувствовал прилив энергии и быстро направился вниз.

Он немного выждал, пока служанка уйдет в дом, и, как голодный койот, накинулся на мусорный ящик.

Эта страсть впервые появилась у него в двенадцать лет, когда он вместе со старшей шпаной из своего района совершал набеги на местные помойки в надежде найти что-нибудь интересное.

В один из обычных зимних вечеров ему удалось среди грязи и слякоти найти одну забавную книжку самопального производства. На обложке была загадочная надпись — «Камасутра». Вскоре к первому экземпляру коллекции прибавилась пачка бракованных презервативов, дамский бюстик, чулки и прочие шалости.

Но стоило Жозевалду жениться и обрасти детьми, как привычка на время улетучилась. Он и представить себе не мог, чтобы молодая ду Карму, которая мыла плинтус два раза в день и начищала дверные ручки до блеска, позволит ему что-нибудь подобное.

Жозевалду на время приспособился, находя временное наслаждение в семейной жизни с красивой и горячей женщиной. Он особенно не напрягался на работе, закрутив роман с дочерью хозяина лавки колониальных товаров, не горбился по хозяйству, которое целиком лежало на хрупких плечах ду Карму, и

полз по жизни улиткой: медленно и осторожно, не отказывая себе ни в чем.

Однажды, после крупной ссоры из-за черноглазой соседки, ду Карму кинула ему в лицо:

— Ты как дворняжка! — вскипела она. — Что увидишь, то сразу пробуешь на зуб, если не можешь съесть, то прячешь или метишь!

Он чуть не стукнул ее тогда, потому что осознал, что это правда. И эта правда ему не понравилась.

Сейчас же он был предоставлен сам себе и мог позволить хоть немного развлечься.

Пять минут осторожной возни — и ему удалось завладеть солидным пластиковым пакетом. По опыту он знал, что на кухне у Клементины пакеты голубого цвета, так что нарваться на тухлую рыбу или несвежее мясо он не боялся.

Жозевалду поднялся к себе, высыпал мусор на пол и тут же погрузился в созерцание своих «сокровищ». Без труда определив, где пакет из комнаты Плиниу, Вириату и Леандру, он остановился на последнем. Это был мусор ду Карму.

Он, испытывая сильное волнение, вытащил пустой флакончик для снятия лака, использованные ватные шарики, салфетки, несколько скомканных листов, которые сразу же развернул. На одном из них много раз было написано имя Дирсеу в окружении сердечек и цветов.

— Тьфу! — рассердился Жозевалду и разорвал листок на мелкие кусочки. Больше ничего интересного в пакете не было.

«Похоже, что я здесь больше ничего не найду. Да и в самом деле, чего я ищу? Ведь грязное белье ду Карму не выбрасывает, а отдает Сиссере, и та стирает его».

Он снова подошел к окну и принялся разглядывать в бинокль подробности жизни обитателей большого дома.

* * *

Назаре провела в ванной не меньше двух часов после того, как полиция облазила все уголки ее дома и задала кучу вопросов по поводу знакомства с жертвой несчастного случая.

Все получилось именно так, как она предполагала заранее.

Клаудия, вернувшись домой, подняла шум и вызвала полицию. Органы правопорядка провели в их доме достаточно долгое время, прежде чем Назаре проснулась и огорошила всех своим полным неведением о случившемся. Подтвердив шапочное знакомство с жертвой и добавив пару пикантных штрихов к ее сложному характеру, она без особого труда вывела всех на мысль о неудавшейся попытке ограбления, тем более что иначе нельзя было объяснить, как в сумку Дженанни попали драгоценности хозяйки дома.

«Где ты теперь, жирная корова?» — ухмыльнулась Назаре и нырнула в горячую воду Часы, проведенные в ванной, не прошли даром. К вечеру у нее в голове сложился четкий план действий: побывать на квартире у Дженанни и

проверить, не оставила ли она какого-нибудь компромата на бывшую подругу, а затем поговорить с Изабел по поводу их срочного отъезда из города.

В сумерки Назаре вышла из дома и направилась к стоянке такси.

Через полчаса она уже была в старом и бедном районе на окраине Рио.

— Подожди здесь, — приказала она таксисту и вышла из машины.

Грязная улица вела к панельному двухэтажному дому с обсыпавшейся штукатуркой. Она хорошо помнила этот район, в котором мыкалась со своей напарницей больше двадцати лет назад в маленькой квартирке на втором этаже.

Назаре поднялась по грязной лестнице, никого не встретив по дороге, и, приподняв коврик, достала маленький металлический ключ.

— Так я и знала. Ленивые коровы не меняют привычек даже со временем! — ухмыльнулась она и беспрепятственно прошла в квартиру.

Обои на стенах полиняли от времени и выглядели теперь жалкими выцветшими полосами. Вся мебель в квартире состояла из одного старенького кресла, заваленного грязным бельем, полированного шифоньерчика шестидесятых годов и огромной широкой кровати с прозрачным пологом и приспособлением для крепления наручников.

— Жалкое зрелище! Столько трахаться впустую: за все время купить один-единственный сексодром! — воскликнула она и устало опустилась на сиреневое покрывало. — Где же у нее был тайник, куда она прятала от меня деньги? — Назаре встала, быстро обшарила комнату и прошла на кухню.

— По-моему, где-то здесь, — она открыла кухонный шкафчик и брезгливо отпрянула назад. Вся внутренняя стенка была облеплена жирными тараканами, которые даже не собирались прятаться от внезапного источника света.

«Похоже, Дженанни завела тараканью «ферму» и могла бы открыть приличный китайский ресторанчик», — подумала Назаре и, подавив брезгливость, сдвинула открытую банку с персиковым джемом в сторону. Жестяная коробочка из-под чая стояла далеко, у самой стенки. Назаре взяла ее в руки и поддела малиновым ногтем крышку.

— Вот мерзавка! — не удержалась она.

На нее смотрел первый подарок Луиса Карлоса — жемчужная брошка в виде стебелька ландыша. — Сколько слез я пролила, когда потеряла ее, а эта гадина еще смела меня утешать! — Она вытряхнула свой трофей из коробки и положила в сумку.

Проведя в комнате не больше пятнадцати минут и обшарив все, что было можно, Назаре внезапно вспомнила, что иногда Дженанни любила подолгу сидеть в небольшом чуланчике, объясняя это тем, что это единственное место, где она может хоть немного помечтать и подумать. «Кто знает! Может, сейчас повезет?» — подумала Назаре и распахнула дверцу чулана.

В тесном помещении, больше похожем на шкаф, стояло две табуретки. На одной из них лежало несколько карт «Таро» в виде разложенного католического креста. Рядом в стеклянной банке стояла парафиновая белая свечка. Назаре нащупала коробок со спичками. Ровное пламя осветило тесное помещение, по стенам которого сразу поползли причудливые тени. Она посмотрела вниз.

Справа от гадального карточного креста лежали две карты, символизируя

жуткое предзнаменование: на одной был изображен зловещий козел, сидящий на троне, а на другой — смерть с косой, скачущая на коне. По спине невольно забегали мурашки. Она и раньше знала, что ее бывшая приятельница увлекается гаданиями, но не предполагала, что та до сих пор сохранила привычки молодости.

Назаре собрала волю в кулак и заставила себя тщательно обыскать помещение. Потратив на это солидную часть времени, но так ничего и не обнаружив, она со злостью стукнула кулаком по стоящей рядом табуретке. Раздался треск, и ...табурет со стуком развалился на составные части.

Назаре просияла и подняла отвалившуюся ножку:

— Я знала, что не уйду отсюда с пустыми руками! — воскликнула она и достала из выдолбленной полости несколько бумаг, упакованных в прозрачные файлы. — Дома разберусь! — решила она, опрокинула горящую свечу набок и направилась к двери.

Уже выйдя из подъезда, Назаре последний раз посмотрела на окна ненавистой ей квартиры.

— Прощай, гнездо разврата! — сказала она и направилась к ожидающей ее машине.

* * *

Марию разбудило пение птиц. Она проснулась в отличном настроении, полная сил и энергии, и сразу почувствовала присутствие Дирсеу.

Он спал, как всегда, на правом боку, поджав свои длинные ноги и положив ладони под щеку. Мария почувствовала острое желание дотронуться до его теплого, разнеженного сном тела, и осторожно запустила руку под футболку.

Кожа была горячая и шелковая на ощупь. Она погладила его ключицы, грудь, нашла пупок и опустила ладонь ниже. Затем снова вернулась наверх и почувствовала, как быстро забилося его сердце и кожа покрылась мелкими мурашками.

— Негодник! Ты притворяешься! — воскликнула она и сделала попытку придавить его своим телом.

Дирсеу перехватил ее запястья и подмял под себя. Он давно уже так не волновал ее: ласки его были острыми и жадными, а поцелуи обжигающими.

Мария закрыла глаза и целиком отдалась требовательному натиску и обжигающему желанию его тела. Дирсеу совсем потерял голову. Недавняя размолвка с ду Карму настолько обострила его чувства, что сейчас он чувствовал себя изголодавшимся матросом, пришедшим из дальнего плавания после долгой разлуки. Он совсем забыл о том, с какой новостью приехал к Марии, и целиком погрузился в сладкие ощущения тела и чувств. На щеках Марии выступил румянец, глаза блестели от счастья.

— Как здорово, что мы помирились! — наконец сказала она, когда опустошенный и довольный Дирсеу вытянулся около нее на животе. — Господи! Как давно я мечтала об этом! — Ду Карму приподнялась на локте и внимательно посмотрела на Дирсеу.

— Что ты меня так внимательно издаешь? — поинтересовался он.

— Просто впервые вижу тебя в таком эротическом костюме: носки и футболка.

— Угу! Я теперь все время буду так ходить, если тебе понравилось. — Он дотронулся до ее волос и повернул лицом к себе. — У тебя сегодня самый счастливый день в жизни!

— Какой ты самоуверенный! — улыбнулась Мария и поцеловала его в кончик носа.

— Ты даже не представляешь, какую весть я принес тебе!

— Раз начал, говори! — улыбнулась Мария. — Ты хочешь сказать, что та девушка, Клаудия, оказалась права? Ты ездил в «Месье Вотель»?..

— Мария! Ты должна сама все увидеть! — Дирсеу вскочил с кровати и начал лихорадочно одеваться. — На сегодняшний вечер я заказал там столик на двоих, но думаю, что ты не утерпишь, и мы отправимся туда раньше.

— Скажи, лишь одно слово! Да или нет! — она умоляюще посмотрела на него.

— Да! Тысячу раз «да»! — воскликнул он. — Только не проси меня объяснять! Тебе надо просто увидеть все самой!

Он почувствовал, как в ней борются две стихии: жгучее желание увидеть дочь и предательский страх в очередной раз разочароваться в своих надеждах.

— Ну, поднимайся! В конце концов мы сможем разглядеть ее, не привлекая внимания. Она даже ничего не почувствует.

— Дирсеу, мне страшно! Если на этот раз все опять окажется ошибкой, мое сердце просто не выдержит! Мария автоматически одевалась.

— Постой, что ты делаешь! — остановил ее Дирсеу. — В платье наизнанку встречать родную дочь! Что о тебе подумает Изабел?

— Изабел?

— Да, теперь ее зовут Изабел! — И я клянусь тебе на чем угодно, что когда ты увидишь ее, тебе не надо будет волноваться по поводу всяких анализов и экспертиз.

— Почему?

— У этой очаровательной девушки на лице написано: «Я дочь ду Карму!»

— Ты меня не обманываешь? — всхлипнула Мария и тут же вытерла слезы.

— Ну, дорогая! Только не это! Поехали! Он помог застегнуть ей платье и увлек за собой.

За всю дорогу Мария не проронила ни слова. Дирсеу, прекрасно понимая ее состояние, включил радио и нашел ретро-волну. Мягкие ностальгические мелодии заполнили все пространство просторного «фольксвагена». Он подумал, что перед визитом к ду Карму надо было бы заскочить в магазин и купить шампанского или любимого Марией мозельского вина.

Дирсеу опять строил дерзкие планы по поводу очередного предложения Марии руки и сердца и последующего свадебного отдыха в Сингапуре или на Бали.

— Дирсеу! Я вижу ее! — воскликнула Мария, когда машина подъехала к ресторану. Он посмотрел туда, куда указывала рукой ду Карму.

У входа в «Месье Вотель» стояла девушка.

— Давай я подойду первым, — предложил он.

Мария никак не отреагировала на его предложение, а без промедления направилась навстречу своей судьбе. Дирсеу почувствовал, как вся она напряглась, как натянутая струна.

Девушка была одета в элегантный брючный костюм и белоснежную сорочку. Волосы были собраны в золотистый пучок с кокетливым хвостиком в центре. «Матерь Божья! — удивилась Мария. — Она даже прическу делает, как я».

Девушка говорила по телефону, рассеянно наблюдая за медленно проплывающей мимо яхтой.

Ду Карму буквально впились глазами в дорогие черты лица: вздернутый носик, брови взлет, красивый чувственный рот; маленькая родинка около шеи.

«Это она! Здесь не может быть сомнений!» — Мария не смогла сдержать слезы.

— Ду Карму! Подожди меня! — Голос Дирсеу заставил Изабел повернуться.

Она увидела стройную симпатичную женщину, которая шла ей навстречу. Брови Изабел взлетели вверх. «Почему она плачет?» В ее спутнике она узнала мужчину, который заказал столик вчера вечером.

— Добрый день! — поздоровалась Изабел. — Я могу чем-то помочь?

— Спасибо! — Дирсеу лихорадочно придумывал, чем объяснить странное состояние своей спутницы. — Все в порядке, у моей дамы обычная аллергия, — быстро сказал он и подхватил Марию за локоть. — Ну, теперь ты убедилась, что это приличное место? Дорогая, давай поужинаем здесь, а потом можно немного отдохнуть на пляже.

Мария кивнула головой в знак согласия и улыбнулась.

— Ну, теперь другое дело! — обрадовалась Изабел. — Тем более, ваш спутник уже заказал столик.

— Изабел! Телефон! — услышал Дирсеу незнакомый голос.

Девушка извинилась и тут же вернулась внутрь здания.

— Это она! — вскрикнула Мария и сделала попытку пойти за ней.

— Стой, ду Карму! Посмотри на меня! — Мария упрямо потрясла головой и по-щенячьи уткнулась лбом в его грудь. — Я прекрасно тебя понимаю, но нельзя же так сразу огорошить беднягу новостью о том, что та женщина, которую она всю жизнь считала своей матерью, на самом деле преступница!

— Подожди меня здесь, Дирсеу. — В ее голосе появились незнакомые ему до этого нотки.

Ду Карму медленно поднялась по ступенькам ресторана и вошла внутрь. Изабел стояла у телефона, повернувшись к ней спиной.

— Да, мамочка, ты моя лучшая подруга! Ну, конечно, я люблю тебя! — Долетел до нее голос девушки...

«И эту гадину она называет «лучшей подругой»! А ведь Дирсеу прав! Только что я чуть не совершила глупейшую ошибку. Кто знает, как отреагирует Линда на мои слова? Ведь ее мир, в котором она жила до сих пор, обрушится. Ей надо будет свыкнуться с мыслью о том, что женщина, вырастившая ее,

преступница».

Мария обессиленно прижалась к стене. Простая и ясная мысль внезапно пришла ей в голову: «Пусть она узнает меня поближе. Может, я тоже смогу стать для нее лучшей подругой, а потом выберу удобный момент и расскажу ей обо всем, что с нами случилось за последние двадцать лет, покажу ей ее комнату, заставленную подарками, мои открытки, написанные к Рождеству».

Мария еще раз взглянула на дочь, стараясь запомнить милые ее сердцу подробности и, собрав все свое мужество, заставила себя выйти из ресторана.

— Ты не смогла? — Дирсеу стоял внизу лестницы, мертвой хваткой вцепившись в перила. Мария посмотрела на побелевшие костяшки его пальцев и улыбнулась.

— Все в порядке. Ты был прав. Нельзя выливать на человека такую информацию без подготовки.

— Какая же ты умница! — Дирсеу помог ей спуститься с лестницы и прижал к себе. — Думаю, у нас есть хороший повод купить бутылочку твоего любимого мозельского вина...

* * *

Милая девочка, наконец-то я вижу, что ты улыбаешься! — воскликнула Фауста, войдя в спальню Клаудии.

Девушка лежала на кровати с тонкими ломтиками огурцов на веках.

— Наконец-то ты решила заняться собой, а то эта изнуряющая работа на компьютере, невозможная нервотрепка...

— Фауста! Посиди, пожалуйста, со мной, как в детстве! — Клаудия сдвинулась к стене, освободив место для горничной.

Фауста с опаской взглянула на дверь, на всякий случай повернула ключ в замочной скважине и села рядом.

— Соблюдаешь меры предосторожности? — улыбнулась Клаудия. — Лучше сделай себе маску. Чашка на столике.

— Ты сама знаешь, какая змея ползает по этому дому, — вздохнула Фауста, пытаясь зацепить пальцем тонкие ломтики огурца. Наконец, она поймала несколько кусочков, прилепила их на лицо и легла на постель рядом с Клаудией. — Хорошо-то как! Вот так лежать и ничего не делать!

— Кое-кто только этим и занимается с утра до вечера, — съязвила Клаудия.

— Кое-кто оторвет мне голову, если застучает меня здесь да еще в твоей компании. Как она, кстати, отошла от побоев? — поинтересовалась Фауста.

— Целыми днями донимает Изабел: заставляет ухаживать за собой, выполнять все ее прихоти, а теперь взяла моду звонить в ресторан и вести душещипательные разговоры на тему: «Ты меня любишь?»

— О-о! Это в ее духе! — философски заметила Фауста. — Когда вы были крошками, она устраивала потрясающие спектакли! С талантом Назаре надо работать в Голливуде или на Бродвее.

— Точно, тамошним актерам показывать мастер-класс: «Изабел, дорогая! — сказала Клаудия писклявым голосом. — Я так люблю тебя! Ты моя лучшая

подруга! Оставь денежки на тумбочке!» С той самой поры, как умер папа, она ни разу не сделала ничего, чтобы помочь дочери хоть как-то свести концы с концами. Изабел бросила учебу, вкальывает в две смены, а она ни разу не сделала ни одной попытки устроиться на работу. Либо дрыхнет целыми днями, либо проворачивает свои темные делишки, а потом приходит домой невменяемая: то слишком веселая, то наоборот... Я права, Фауста? — Клаудия услышала ровное дыхание «собеседницы». — Даже в детстве тебе всегда удавалось заснуть раньше меня. — Девушка тихо, чтобы не разбудить Фаусту, прошла в ванную.

В просторном и уютном помещении, выложенном итальянской плиткой с красивыми разводами цвета индиго, были отчетливо видны следы недавнего пребывания мачехи: флакончики на полках перепутаны, на полу валялось небрежно брошенное белье, дно ванны было усыпано тонкими короткими волосками.

«Опять брила ноги! — Клаудия потянулась к верхней полке, где хранилась ее косметичка. — Так и есть, гадина! И снова пользовалась моей бритвой! — Девушка включила до упора горячую воду и подставила под струю лезвие. — Все! Даю себе слово, что не буду реагировать на ее провокации. У нее и так уже началась черная полоса, раз она теперь приходит домой разукрашенной, как картинка».

Клаудия, преодолевая брезгливость, вымыла ванну и включила горячую воду. Внезапно ей в голову пришла простая идея. Она открыла шкафчик мачехи.

«Сейчас мы почистим ее запасы! И почему я не делала этого раньше? — подумала она. — Так! Пена с запахом иланг-иланга. Отлично! — Клаудия вылила весь пузырек в воду. — Шампунь с гаммелисом... Ну и крыса! Это же мой флакончик! — Девушка переставила пузырек в свой шкафчик. — Ароматные шарики! Все в воду!»

Клаудия с удовольствием посмотрела на свой «шедевр». Над ванной возвышалась огромная белоснежная шапка с потрясающим запахом. Отлично! И девушка исчезла в плотной пене.

Кожа вначале покрылась мурашками, но затем разгладилась и привыкла к горячей воде. Клаудия открыла глаза и увидела над собой воздушную белую стену. Как хорошо! Тепло и уютно! Она закрыла глаза и представила, что лежит на облаке. Мысли стали светлыми и веселыми. Ей вспомнилось, как вместе с Изабел они придумывали истории о сказочных принцах и рассказывали их друг другу на ночь.

Внезапно девушка вспомнила молодого человека, с которым ее познакомил Изабел у ресторана, в котором работает. «Леандру. Какое красивое имя!» Он очаровал ее с первого взгляда: высокий, ладный, с лицом испанского барона. А как он смотрел на нее? Будто хотел сказать без слов: что она, Клаудия Тедеску, тоже очень интересна ему! Когда их руки нечаянно встретились, он покраснел и опустил ресницы.

«Боже мой! Неужели такая девушка, как я, может кому-то понравиться? А почему бы и нет? Ведь это только Назаре всегда называла меня уродиной, а в школе и университете на меня обращали внимание молодые люди, но никто так и не тронул мое сердце».

Клаудия вынула ногу из воды и пошевелила пальцами. И совсем недурно: стройные лодыжки, маленькие округлые коленки, красивые ступни, идеальная форма ногтей. Да с такими ногами можно горы свернуть! Девушка засмеялась и закрыла руками лицо.

«Решено! Я сделаю все, чтобы очаровать Леандру. Я чувствую — это мой мужчина!»

Глава 12

Жозевалду прошелся по большому сонному дому ду Карму в поисках новых ощущений. Это было уже его пятое путешествие. Сама идея быть таким образом в курсе всех событий пришла к нему в голову внезапно, когда однажды утром он, мучимый жаждой, спустился на кухню.

Проходя по длинному коридору мимо закрытых комнат, он сделал маленькое открытие. Почти у всех обитателей дома были свои интимные тайны. Анжелика шепотом, чтобы не разбудить Плинию и его ребенка, выясняла отношения с Ярой, которая имела обыкновение приходить в шесть утра покормить малыша.

— Ты специально это делаешь! — услышал он голос невестки. — Не даешь нам покоя ни днем, ни ночью! Почему бы тебе не забрать кровать с собой? Ты же живешь в соседней комнате!

— Плинию сам попросил меня оставить сына у него, чтобы он привык у нему и научился ухаживать, пока я буду искать себе работу и достойное жилье, — возражала Яра.

— Я знаю, ты завидуешь мне и делаешь все, чтобы помешать нашему медовому месяцу! Я готова разорвать тебя на куски! — В ярости воскликнула Анжелика, потеряв контроль над собой.

«Никогда бы не подумал, что моя невестка такая темпераментная», — ухмыльнулся Жозевалду и пошел дальше.

Из комнаты Вириату раздавались милые его сердцу звуки: кровать тихонько поскрипывала и охала, наводя на игривые мысли. Ноги Жозевалду в одно мгновение стали ватными от приятного волнения. Он приник к замочной скважине, сумев разглядеть лишь тонкое запястье спутницы Вириату и ее коротко стриженный затылок.

— Что ты со мной делаешь? — услышал он голос девушки, приложил ухо к замочной скважине и запустил руку в штаны.

С тех пор у него появилось новое увлечение: скользить незаметной тенью по дому, жадно впитывая его утренние запахи и звуки.

В последнее время он узнал много интересного. Стоя у комнаты Леандру, например, он стал свидетелем неприятного разговора по телефону

— Нет, Налва! Между нами все кончено! Поздно говорить о том, что ты любишь меня! Нет! Это мое окончательное решение!

Жозевалду почувствовал новый прилив энергии, жадно впитывая каждое слово. Любые скандалы действовали на него самым благотворным образом, разгоняли старую кровь и прибавляли сил. Он дослушал раздраженные реплики

Леандру до конца и поменял объект своего исследования.

Любимым десертом была комната Марии. Тут он вспомнил, как однажды его застукал Дирсеу, проклятый журналистишка, и именно в тот момент, когда Жозевалду приник к замочной скважине в дверях спальни ду Карму. Тогда, правда, все закончилось хорошо — у журналиста не было желания устраивать скандал. И дело ограничилось пинком в костлявый зад Жозевалду. После этого противники разошлись в разные стороны, не поднимая лишнего шума.

Сегодня любопытный нос Жозевалду заглянул на кухню, прошелся по верхним этажам дома и несолоно хлебавши спустился вниз. Было уже достаточно поздно, и почти все разъехались по делам. Устроившись на мягком диване, Жозевалду внимательно пригляделся к новым мелочам, украшавшим холл дома. На низком столике появились две нефритовые статуэтки в виде влюбленных кошечек, изящная низкая вазочка в японском стиле и новая фотография ду Карму.

Жозевалду взял ее в руки, потерся носом и мечтательно закрыл глаза. Ему вспомнился знойный летний день в Белен-ди-Сан-Франсишку, когда он впервые встретил ду Карму. Она пришла вместе с братом Себастьяном на ярмарку, чтобы купить кукурузных лепешек и кофе. Девушка была невероятно хорошенькой, на нее заинтересованно поглядывали многие молодые парни, но суровый взгляд ее старшего брата моментально охлаждал их пыл. Именно тогда он дал себе слово, что обязательно завоюет эту юную красотку, чего бы это ему ни стоило.

Громкая трель звонка заставила его вздрогнуть. Он и сам потом не мог объяснить, что заставило его моментально спрыгнуть с дивана и спрятаться за тяжелой портьерой. Жозевалду услышал, как Сиссера открыла дверь, и затаил дыхание.

В дом вошел Дирсеу с ду Карму.

— Доброе утро, сеньора Мария! Вы так рано уехали! — воскликнула служанка. — Сейчас я приготовлю вам завтрак.

— Спасибо, Сиссера! Чуть попозже, — поблагодарила ее ду Карму. — Мне надо поговорить с Дирсеу. И, пожалуйста, дорогая, проследи за тем, чтобы нам никто не помешал.

— Можете спокойно разговаривать здесь, сеньора Мария. Сеньор Жозевалду еще не выходил из своей комнаты. Спит, наверное. А Плиниу, наконец, уединился с Анжеликой.

— А кому же он подкинул моего внука, ведь Яра с самого утра уехала на работу?

— Мне, — растерялась Сиссера.

— Опять потекаешь его капризам? Так он никогда не перестанет перекладывать свои проблемы на плечи других.

— Не беспокойтесь, сеньора Мария. Я поставила условие, что даю ему ровно полчаса на всякие шалости, а потом за это он поможет мне вынести мусор в контейнеры.

— И он принял твоё условие? — удивилась Мария. — Он же такой брезгливый!

— Охота пуще неволи, — засмеялась Сиссера. — Если бы я тогда попросила его вымыть полы во всем доме, он бы обязательно согласился: так ему

не терпелось уединиться с Анжеликой.

— Как это на него похоже! — засмеялась Мария. — Спасибо тебе, Сиссера, ты всегда относилась к моим детям с большой любовью.

Мария дождалась, когда служанка уйдет на кухню, и только тогда заговорила с Дирсеу.

— Ты уверен, что мы должны пока все оставить, как есть?

— Конечно! Ты же умная женщина, ду Карму! — воскликнул Дирсеу. — Подумай сама. Надо выбрать самое удобное время, чтобы рассказать правду твоей дочери и не нанести Изабел эмоциональную травму.

«Изабел? Дочь ду Карму!» — Жозевалду весь превратился вслух. В его голове начала формироваться отчетливая идея, как можно использовать эту информацию для шантажа.

— Я думаю, один из моих сыновей сможет нам помочь, — сказала Мария

— Ты говоришь о Вириату?

— Да! Он же работает вместе с Изабел в «Месье Вотеле»!

Жозевалду сиял от счастья: теперь он знал, куда отправится в скором времени, если ду Карму не даст ему денег.

* * *

После удачной операции с «наследством» Дженанни Назаре несколько дней провела в заточении у себя дома. В перерывах между очередным массажем и косметическими процедурами она занималась тем, что упорно училась выводить игривую роспись: Дженанни Перейра. Переведя кипу бумаги, она достигла своей цели.

«Знала бы эта жирная корова Дженанни, кому достанутся ее деньги! — подбадривала она себя, выводя корявую «Ж». — Еще полчаса, и я смело смогу заявиться в банк и получить все ее денежки. Какой надо быть душой, чтобы жить в вонючей дыре, имея на счете тридцать пять тысяч долларов! И при этом она еще рассказывала мне сказку об ограблении! Жадная идиотка, где ты теперь? На кладбище для бедных. А все потому, что посмела угрожать мне! Мне — Марии Назаре Тедеску! — Она отодвинула от себя исписанный листок и, довольная собой, улыбнулась. — По-моему, идеально! Теперь надо сделать все, чтобы уговорить Изабел уехать со мной в Куритибу. Кто знает, может, оттуда мы вернемся с состоятельными мужьями, и не надо будет думать, где достать деньги. А когда все уляжется, мы обязательно сюда вернемся. — Назаре внимательно посмотрела на себя в зеркало. — Царапин почти не видно, а небольшую синеву, оставшуюся под глазами, можно прикрыть солнцезащитными очками. В конце концов, если поинтересуются, скажу, что попала в автокатастрофу».

Через полчаса она подкралась к спальне Клаудии и прислушалась. В комнате было тихо. Тогда Назаре приоткрыла дверь и застыла от удивления.

На кровати падчерицы мирно посапывала Фауста в салатových леггенсах со свежими огурчиками на веках. Больше в комнате никого не было...

Назаре помотала головой, отгоняя безумное наваждение. «Привидится же такое! Если так пойдет дальше, буду пить успокоительное утром и вечером, —

подумала она и плотно закрыла дверь.

Ей хватило двух часов, чтобы беспрепятственно провернуть очередную аферу и перевести на собственную кредитку крупную сумму в размере тридцати тысяч долларов. Пять тысяч она получила наличными.

Окрыленная неожиданной удачей, в прекрасном расположении духа, она решила порадовать себя шопингом и поехала в самый большой универмаг Рио.

Стеклянные двери послушно раздвинулись, впуслав ее в огромный прохладный зал со множеством блестящих витрин и разодетых манекенов. Назаре немного прогулялась по первому этажу, приглядываясь к модному текстилю, обуви и экзотическим сувенирам, миновала отдел косметики и поднялась на эскалаторе на третий этаж.

Здесь находился ее любимый отдел нижнего белья, где она купила себе новый пеньюар вызывающе красного цвета, прозрачную ночную сорочку и шелковую пижаму. После удачных покупок она впала в приятную эйфорию, почувствовав себя на вершине блаженства. Теперь пару глотков хорошего кофе с коньяком, а потом тайский массаж, решила она, и спустилась в маленький итальянский ресторанчик на втором этаже универмага, который славился на весь город обилием модных ресторанов, кафе и закусочных, а также массой всевозможных услуг от парикмахерской и косметики до массажа и иглоукалывания.

Стоило ей выбрать столик с краю, чтобы издали любоваться на роскошные витрины всевозможных отделов, как к ней тут же поспешил официант.

— Здравствуйте, сеньора! Что желаете? — Перед ней стоял молодой человек, облаченный в темные легкие брюки, белоснежную рубашку с бабочкой и короткую жилетку. Назаре привычным взглядом снизу вверх, которым она всегда «сканировала» прислугу мужского пола, прошла по достоинствам фигуры официанта и замерла, когда ее глаза встретились с немного насмешливым и наглым взглядом молодого человека.

— Вы готовы сделать заказ?

— Конечно, — улыбнулась Назаре. — Одна «Маргарита» и клубничное суфле.

* * *

Вириату взволнованно положил трубку и повернулся лицом к Эдгару.

— Что-нибудь случилось дома? — Эдгар участливо заглянул ему в глаза. — Или что-то с Дудой?

Вириату молчал и лишь хлопал длинными ресницами. Его лицо выражало испуг и радость одновременно.

— Что случилось, Вириату? Ты выглядишь, как привидение! — Эдгар достал из шкафчика бутылку коньяка и плеснул в рюмку немного жидкости. — Сделай глоточек. Тебе сразу станет легче.

Вириату кивнул головой и не говоря ни слова влил в себя все содержимое.

— Ну?

— Сядь, тебя это тоже касается. — К Вириату вернулась способность говорить.

Сердце у Эдгара тревожно заняло.

— Подожди, — сказал он, открыл дверь кабинета и посмотрел в зал. Изабел, как ни в чем не бывало, стояла у столика администратора и отвечала на звонки клиентов. — Фу, ты меня до инфаркта доведешь. Я грешным делом подумал, что что-то случилось с Изабел...

— Изабел это касается в первую очередь.

— Не пугай меня, Вириату, — не на шутку рассердился Эдгар. — Ты же знаешь, как я люблю Изабел. Не мне тебе объяснять. Ты сам в таком же состоянии с тех пор, как встретил Марию Эдуарду. Ну! Не молчи.

— Изабел — моя сестра.

— Что ты сказал? — Эдгар помотал головой, пытаясь осмыслить всю информацию.

— Мне только что позвонила мама, — объяснил Вириату и вкратце рассказал Эдгару всю историю обретения Линдалвы.

— Выходит, ваша семья нашла Линду, и та ужасная женщина, Назаре, вовсе ей не мать? — повеселел Эдгар. — Бог услышал мои молитвы! У меня будет нормальная теща, Мария ду Карму Ферейра да Силва! — Он достал вторую рюмку из шкафчика. — По этому поводу у меня есть бутылка настоящего столетнего коньяка.

— Открывай, была не была! — согласился Вириату. — Давай выпьем за эту потрясающую новость. Эдгар привычным жестом откупорил бутылку и наполнил рюмки маслянистой янтарной жидкостью.

— За чудесную встречу! — Эдгар приподнял рюмку и смакуя втянул в себя все содержимое. — Божественная вещь. Даже не надо закусывать.

Вириату по привычке опытного сомелье подержал немного жидкости во рту и лишь потом сделал глоток.

— Я никогда не пил ничего подобного. Превосходная вещь! Эдгар, сколько же стоит этот напиток королей?

— Не бери в голову! — Эдгар легкомысленно махнул рукой. — Четыре бутылки достались мне по наследству от бабушки. — Сегодня мы открыли первую за хорошие новости.

— Звучит обнадеживающе! — к Вириату вернулось отличное настроение.

— Мне не дает покоя один вопрос, — Эдгар вновь наполнил рюмки. — Ду Карму казалась всегда такой деликатной и умной женщиной. Почему же тебе она сообщила все это по телефону?

— Я не рассказал тебе всего. Она боится, что Назаре что-нибудь выкинет, потому что чувствует, что до ее разоблачения остались считанные дни. Мама не хочет, чтобы из-за этого пострадала Изабел.

— Понимаю, — кивнул головой Эдгар. — А как ду Карму думает действовать дальше?

— Она хочет сначала хорошенько познакомиться с Изабел, чтобы девушка привыкла к ней, вошла в нашу семью, а сделать она это может только через нас. Мы ведь работаем вместе. А ты вообще козырная карта — ее любимый мужчина!

Ну, как?

— Гениальный ход! — Щеки Эдгара от волнения налились пунцовым румянцем. — Мы будем молчать и подстраховывать Изабел, чтобы какая-нибудь гадина не смогла помешать нашим планам. Давай по третьей! У меня есть тост! За самую мужественную и смелую женщину, Марию ду Карму Ферейра да Силва... — внезапно Эдгар запнулся. На него смотрели удивленные глаза Изабел.

— Понятно, пьете за женщин. А кто же такая, эта Ферейра да Силва? — спросила девушка, не скрывая раздражения.

— Не ревнуй, Изабел! Мы пьем за мою мать, — тут же нашелся Вириату. — Помнишь, я тебе про нее рассказывал?

— Конечно, историю вашей семьи долго смаковали все газеты Рио.

— Так вот, у нас сегодня хорошие новости. Она вышла на след Линды...

* * *

Назаре увидела в окно, как к дому подъехала машина Эдгара и демонстративно задернула шторы.

«Противный француз! Выскочка! Он продолжает игнорировать меня! Ну, погоди, я сделаю все, чтобы Изабел забыла о твоём существовании. Можно подумать, что в Бразилии мало симпатичных девушек! Точно свет клином сошелся на моей дочери! — Она подошла к зеркалу и с остервенением стала расчесывать волосы. — Сейчас же поговорю с Изабел. Откладывать больше нельзя».

Назаре дождалась, когда девушка попрощается со своим возлюбленным, и поспешила вниз.

— Дочка, нам надо серьезно поговорить. — Назаре решила не миндальничать с девушкой.

— О чем, мама? — на лице Изабел играла растерянная улыбка.

— Я прекрасно понимаю тебя, дочка! Ты влюблена! — Назаре старалась говорить как можно мягче.

— Мама, о чем ты?

— Изабел, послушай меня. — Назаре прижалась лицом к дочери. Я не могу больше оставаться в Рио... мне грозит большая опасность. И нам надо уехать как можно скорее.

— Мама, пожалуйста!

— Как ты не понимаешь, я не хочу оставлять тебя здесь. Я не могу без тебя жить! — Назаре заглянула в глаза дочери. Ее взгляд изменился. От прежней рассеянности не осталась и следа. — Изабел, умоляю тебя, иди к себе, собирай вещи.

Изабел знала, что рано или поздно обязательно наступит момент, когда со старой жизнью придется покончить. Но принять решение, которое перечеркнет все, что было ей важно и дорого, она была не в состоянии.

— Мама! Но у меня здесь хорошая работа, любимый человек, мне здесь хорошо! У нас все наладилось.

Назаре поняла, что теряет терпение: еще немного, и она потеряет контроль

над собой.

— Изабел, я не спрашиваю твоего мнения, я приказываю тебе! — прорычала Назаре. — Живо в свою комнату, и мы обе уедем отсюда немедленно, ни с кем не прощаясь, ни с Клаудией, ни с Эдгаром.

— Мама! — воскликнула Изабел. — Хочешь знать, что я думаю? Тебе надо срочно обратиться к доктору. У тебя проблемы. Тебе надо лечиться!

— Если мы не уедем отсюда, они из меня сделают рагу. Ты должна мне верить! — Назаре решила перейти на более лояльный тон и сделала неудачную попытку заплакать.

— Кто «они», мама? Кто тебе угрожает?

— Верь мне, дочка! И не задавай вопросов! Верь мне, пожалуйста.

— После смерти папы у тебя сплошные тайны, откройся мне!

— Если я это сделаю, ты никогда меня не простишь... — Назаре закрыла лицо руками.

— Попробуй! — Изабел обняла мать. — Ты не веришь в мою любовь? Ну! Не скрывай от меня правду, какой бы страшной она ни была.

— Тогда поклянись, что простишь меня!

— Я не понимаю, мама!

— Сначала поклянись! — потребовала Назаре.

— Хорошо, клянусь! — поспешно согласилась Изабел.

— Мне давно следовало тебе рассказать, но я боялась сделать тебе больно. Я наделала столько ошибок, запуталась... — Назаре подошла к шкафу и распахнула створки, приглядываясь к вещам Изабел. Она сняла несколько вешалок и бросила их на кровать. — Если мы не успеем вовремя сбежать, я очень дорого за это заплачу. Меня избили по заказу одного ростовщика.

— Ростовщика? Мамочка, у тебя что-то с головой. Ты веришь в то, чего нет! — вспылила Изабел.

— Деньги, которые я достала для выплаты наших долей, были не от друга отца, а от ростовщика, бандита... Ты понимаешь?

— Я не верю, мама!

— Он берет страшные проценты, а теперь угрожает мне смертью, — Назаре сделала вид, что не расслышала последней реплики дочери. — Меня разукрасили по его приказу.

— Зачем ты это сделала, мамочка?

— Я не могла больше выносить издевательства Клаудии. Я не доверяю ей и не хочу, чтобы однажды мы все потеряли.

— Я все улажу, мама. Пожалуйста, перестань собирать мои вещи. — В голосе Изабел появились твердые нотки.

— Поговоришь со своим женихом?

— Нет, мама, я найду другой выход!

— Есть только одна возможность все уладить: сбежать отсюда как можно быстрее! Исчезнуть!

— Дай мне время, ну хотя бы до конца дня.

Вириату не заметил, как частые свидания с Дудой на квартире Эдгара, эти ужины при свечах, романтические пикники и прогулки по ночному пляжу стали ему необходимы как воздух, а симпатия к девушке переросла в глубокую и сильную страсть. Прошло всего полгода с тех пор, как судьба устроила им первую встречу. Они вместе пережили неприятные моменты, связанные с безумной страстью к Вириату Миналвы и ее отъездом. Они преодолели категорическое неприятие родителями Дуды выбора дочери и плавно подошли к логическому завершению — решили оформить свои отношения, заключив брак.

Настроение у Вириату было отличным с тех самых пор, как он дал понять отцу Дуды, что сделал предложение своей избраннице, и она приняла его. Сеньор Леонардо был взбешен, но не рискнул противоречить дочери, зная твердый характер девушки.

Мария ду Карму радовалась выбору сына и была готова прийти к нему на помощь при любых обстоятельствах, не зная того, что в скором времени ей самой придется искать помощи.

Несколько дней назад, вернувшись домой после рабочего дня в ресторане, Вириату с порога был оглушен новостью: маленькая и симпатичная девушка, подруга его босса Эдгара, на самом деле — его родная сестра Линда, которую его мать ищет уже больше двадцати лет.

Ду Карму предупредила его, чтобы он до поры до времени был очень осторожен и никому об этом факте не проболтался.

— Когда придет время, я все обязательно расскажу, — пообещала она. — А пока держи язык за зубами.

Когда в большом зале «Месье Вотеля» появилась грузная фигура Жозевалду, Вириату глазам своим не поверил. «Не может быть! Что могло привести сюда отца?»

Он знал, что тот ничего не делает просто так, и насторожился.

«Неужели он что-то разнюхал об Изабел? — подумал Вириату. — Ведь этот шпион мог подслушать разговор матери с Дирсеу или как-то иначе выйти на информацию о Линде... Ясно одно: если это так, то ничего хорошего от отца ждать не придется: или он устроит какое-нибудь представление, или сразу начнет выпрашивать деньги у бедной девочки, огорошив ее тем, что он ее родной отец».

Вириату небрежной походкой направился в сторону Жозевалду, моля Бога, чтобы тот не поднял шум раньше времени. Все его поведение говорило о том, что он сильно возбужден и пришел сюда не только пообедать.

Жозевалду скользнул взглядом по Вириату, едва кивнув ему головой. Он внимательно всматривался в лица сотрудников ресторана, явно кого-то разыскивая. «Так и есть! — понял Вириату. — Каким-то образом он разнюхал об Изабел и теперь хочет или помешать матери, или получить очередную выгоду от ситуации».

— Послушай, — он схватил Жозевалду за локоть и развернул к себе, — если ты пришел сюда устроить скандал или еще какую-то гадость...

— погоди, Вириату! — отец не дал ему договорить. — Посмотри, какая

прелестная девушка! — он указал толстым пальцем на Изабел.

Она стояла у сервировочного стола и разговаривала по телефону.

— Я нечасто ужинаю в ресторанах, могу я у вас найти столик? — спросил Жозевалду нарочито громко, так, чтобы Изабел услышала его.

— Сегодня все места заняты! Наши клиенты бронируют столики заранее! — Вириату решительно отгеснял отца к двери.

— Ну, что ты, Вириату, — остановила его Изабел, — только что освободился седьмой столик, и если вы немного подождете, то сможете поужинать в «Месье Вотеле».

— Конечно, — с энтузиазмом согласился Жозевалду. — У меня уйма времени...

— Тогда пройдите за мной, — предложила Изабел и увлекла его в глубь зала.

Вириату опрометью бросился в кабинет к Эдгару.

Все последнее время они оба пытались найти подходящий повод рассказать Изабел правду, но повод все никак не находился. И теперь сама мысль о том, что кто-то другой, грубый и бесцеремонный, обрушит на неподготовленную и ранимую душу страшную правду, приводила Вириату в трепет.

— Эдгар! В зале мой отец! — Вириату влетел в кабинет своего начальника без стука. — Он явно что-то замышляет. Пришел сюда и уставился на Изабел...

— А он знает, что это его дочь? — удивился Эдгар.

— К сожалению! Я думаю, каким-то образом он подслушал разговор мамы.

— И что же?

— Пока не знаю! Надо срочно связаться с матерью.

— Иди пока к Изабел, — приказал Эдгар Вириату. — А я сам обслуживаю твоего отца.

Крупный, чуть лысоватый мужчина с грубыми, но притягательными чертами лица сидел в глубине зала за седьмым столиком и ковырял зубочисткой в зубах. Эдгар медленно шел по залу в направлении седьмого столика, пытаясь справиться с удивлением, как такой неотесанный и грубый человек, у которого на лбу было написано только одно слово «самец», мог стать отцом такой замечательной девушки, как Изабел. Потертые джинсы, огромные тexasские кожаные сапоги с вышивкой. Эдгар поморщился. «Этот тип мужчин всегда изображает из себя мачо, много ест и пьет. Не удивлюсь, если он ведет счет своим амурным победам и собирает «трофеи» после свиданий...» Два года учебы в университете на факультете психологии научили Эдгара хорошо разбираться в людях и подмечать разные важные мелочи... Незаметно он подошел к седьмому столику вплотную.

Жозевалду поднял глаза. В них Эдгар сразу уловил какой-то лихорадочный блеск. «Видать, уже решился на очередную подлость», — подумал молодой человек и решил не церемониться.

— Я знаю, что вы — отец Вириату и Изабел, — огорошил он Жозевалду своим заявлением. — Я хочу предупредить вас, что я встречаюсь с вашей дочерью. Даже больше того, я очень люблю ее, и любой мерзавец, который захочет сделать ей больно, будет иметь дело со мной.

— Ну что ж, приятно с вами познакомиться, — выдавил из себя Жозевалду.
— Вы ведь, если я не ошибаюсь, хозяин заведения?

— Верно. В моем заведении очень хорошо обслуживают клиентов, если они достойно себя ведут. Я уверен, что вы пришли сюда попробовать мои блюда.

— Как сказать... — игриво отозвался Жозевалду.

— Не люблю церемониться, поэтому скажу начистоту. — Эдгар низко склонился над столиком. — Я никому не позволю нарушать наши планы в отношении вашей дочери.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что вы уже слышали, — спокойно улыбнулся Эдгар. — У меня в подсобке — великолепная коллекция ножей. И я без колебания пушу их в ход, если возникнет нужда заткнуть ваш рот. Так что ведите себя прилично!

— Не волнуйтесь, сеньор, э — э... — Жозевалду посмотрел на бейджик хозяина «Месье Вотеля», — сеньор Эдгар! Я буду вести себя прилично!

— В таком случае ваш заказ — за счет заведения, — улыбнулся Эдгар. По личному опыту он знал, что лучшая политика — это политика кнута и пряника. — Сейчас к вам подойдет официант. Заказывайте, что хотите.

— О, благодарю вас! — обрадовался Жозевалду и впился глазами в меню.

В этот вечер Жозевалду заказал пять раз фуагра, съел две порции трюфелей с горгонзолой и проволоне и несколько раз прошелся по морскому меню, запивая все это самыми дорогими винами и редкими сортами коньяка. Когда счет за его гастрономические излишества перевалил за тысячу долларов и он в очередной раз щелкнул пальцами, подзывая официанта, Вириату сам подошел к отцу.

— Папа, уже слишком поздно! Тебе пора домой. Я закажу тебе такси.

— Нет, сынок! — покачал головой Жозевалду. — Раз за все платит сеньор Эдгар, я, пожалуй, выпью немного бразильского портвейна и съем чего-нибудь.

— Папа, я лично закажу тебе целую бутылку и оплачу такси до дома, если ты сейчас же уйдешь отсюда.

— Оплатишь такси? — разомлевшие мозги Жозевалду тут же уловили запах выгоды, и он сделал попытку подняться.

— Хорошо, сынок! По рукам! Бутылка портвейна и... — он мечтательно закатил глаза.

— Нет, папа! Только портвейн и такси! Это мое условие. Если тебя это не устраивает, плати за все сам, — возразил Вириату. — Я и пальцем не пошевелю, если ты заснешь на улице вместе с бродячими собаками.

— Ну ладно-ладно! — примирительно похлопал по плечу сына Жозевалду. — Я пошутил, — он поднялся и нетвердой походкой пошел к двери.

Глава 13

Только сердце Марии успокоилось за Леандру, который пережил страшное потрясение из-за разрыва с Миналвой, как ее сын опять потерял покой.

Миналва, несколько месяцев потосковав на чужбине, приехала в Рио, чтобы любым способом вернуть себе утраченное счастье. Мягкий климат Италии пошел ей на пользу: сделал более женственной, наполнил глаза особым блеском,

который часто появляется у молодых женщин, давно расставшихся со своими прежними спутниками, но еще не встретившими новых. Она явно похорошела. Но только вдали от родины Миналва поняла, что любовь к Вириату была иллюзией, и единственный человек, кто действительно ей нужен — ее собственный супруг Леандру...

Налва перебирала в памяти мельчайшие подробности совместной жизни и ни к чему не могла придаться: Леандру был безупречен во всех отношениях, даже тогда, когда она собственными руками воздвигла между ними холодную стену.

Мысль о том, что Леандру по-прежнему дорог ей, появилась внезапно и из робкой и несмелой переросла в глубокую убежденность в том, что ее брак был большой удачей. Она тогда впервые вздохнула спокойно и осознала, что ее безответная страсть к Вириату была лишь временным помешательством.

В тот день на улице шел мелкий морозящий дождик. У нее пропал очередной выходной. Отель, выходящий на маленькую кривую улочку небольшого итальянского городка Лидо ди Езоло, был крохотным и скучным. Налва в попытке убить еще один свободный день бродила по пустынному пляжу и собирала ракушки, затем заходила подряд во все продуктовые магазинчики, аптеки и сувенирные лавки. Ее зарплата позволяла ей чувствовать себя свободной и независимой, она могла позволить себе любой дамский каприз, но не стремилась к этому, временно потеряв вкус к жизни. Ее чувства пережили со времени разрыва с мужем несколько этапов. Сначала безумную страсть и отчаяние, затем опустошенность и безразличие, теперь же душа ее наполнилась тихим светом, будто снова кто-то включил его внутри.

Налва открыла в себе драматический талант. Будни она проводила в бесконечных репетициях. А вечерами она участвовала в выступлениях небольшой итальянской труппы, с артистами которой у нее сложились ровные и спокойные отношения. Такая размеренная и однообразная жизнь сначала пошла ей на пользу, заставила успокоиться и отвлечься, но затем перешла в беспросветную тоску по любимому пляжу Каиакабана, по шумному и суетливому Рио.

Образ Вириату постепенно терял свою привлекательность и загадочность. Все чаще ей вспоминалось милое и улыбочное лицо Леандру, маленькая ямочка на подбородке, насмешливые антрацитовые глаза.

Налва стала звонить по вечерам в дом ду Карму и с трепетом ждать, когда в трубке раздастся знакомый голос. Судьба словно испытывала ее терпение. К телефону подходили все, кроме Леандру. Когда же в трубке прозвучал незнакомый женский голос, Налва по-настоящему испугалась. Именно тогда она приняла решение все бросить и вернуться назад.

«Леандру всегда испытывал ко мне сильную страсть, — рассуждала она, — и если я вернусь с повинной, он не откажет мне. Может быть, мы заживем лучше прежнего?» Миналва уладила все дела в течение недели и, накупив сувениров, вернулась в родной город.

Из аэропорта она сразу отправилась в свою бывшую квартиру, которую снимала еще до отъезда в Италию, привела себя в порядок и, предвкушая страстную встречу и быстрое примирение, направилась к офису, где работал

Леандру.

Судьбе было угодно сразу расставить все по своим местам. Заглянув на всякий случай в кафе, где обычно обедал Леандру, Налва в смятении остановилась на пороге, не в силах сдвинуться с места.

Она еще в самолете представляла, как произойдет их первая встреча после разлуки, как Леандру бросится к ней и будет умолять вернуться и начать все сначала, как они помирятся...

Предчувствия ее оправдались лишь частично: Леандру действительно сидел за столиком, но рядом с ним был вовсе не свежий номер газеты и тарелка с его любимой бараниной, а то, что она была не в состоянии предвидеть. Вернее, та... Юная темноволосая девушка нежно держала ее Леандру за руку. Причем счастливый вид обоих говорил о том, что их отношения уже перешли грань очень близких...

Налва в смятении бросилась на улицу и лишь там немного пришла в себя.

Вернувшись домой, она еще раз проанализировала ситуацию и решила сделать вид, что ничего не знает. «Не мог же молодой и темпераментный мужчина обходиться без женской ласки так долго, — успокаивала она себя. — Но стоит мне появиться на его горизонте и все изменится. Он не мог так быстро меня забыть!»

Налва долго выбирала подходящее платье. Тревожные мысли и нехорошее предчувствие не давали ей возможности сосредоточиться. Наконец, она остановила свой выбор на маленьком красном платье, которое так любил Леандру. В последнее время она не надевала его лишь потому, что знала, какое ошеломляющее впечатление она производит в нем на окружающих ее мужчин.

«Период уныния и одиночества прошел! — решила она и внимательно посмотрела на себя в зеркало. — Сейчас я выгляжу даже эффектнее, чем раньше. Если Леандру не набросится на меня раньше, чем я скажу хоть одно слово, значит, я не женщина!»

* * *

Душа Марии разрывалась от желания одним разом разрешить ситуацию с найденной дочерью. С тех пор, когда она увидела Изабел впервые, все ее сомнения отпали. Достаточно было взглянуть на лицо и фигуру девушки, чтобы уверенно сказать, что это именно ее ребенок.

Мария не сразу привыкла к мысли, что наконец-то обрела давно утраченное, что закончились бессонные ночи и горькие мысли. Теперь ее волновало лишь одно, как сказать милой девушке, с которой она теперь встречалась почти каждый день в «Месье Вотеле», что вся ее прошлая жизнь — обман и ложь, что она и есть ее настоящая мать, которая искала ее больше двадцати лет.

Ду Карму использовала теперь любой повод, чтобы пообедать или поужинать в ресторане, где работала Изабел. Она зачастила сюда с визитами, и однажды ее союзники Вириату и Эдгар даже помогли ей по-настоящему пообщаться с дочерью.

Мария приехала раньше обыкновенного и заказала французское жаркое с

гранатовым соусом. Эдгар сделал вид, что для приготовления этого блюда понадобится много времени, и попросил Изабел развлечь клиентку. Именно тогда Изабел как администратор ресторана подошла к Марии с извинениями, и начавшаяся беседа постепенно перетекла в увлекательный разговор.

Ду Карму представилась девушке как Мария, рассказала о своем строительном бизнесе и большой семье, умолчав о некоторых подробностях жизни. Вириату азартно поглядывал в их сторону, не подавая вида, что имеет отношение к посетительнице, и ликовал внутренне, ощущая приятное волнение из-за своего присутствия на поистине исторической встрече.

Изабел не заметила, что проговорила с новой знакомой больше часа. Эдгар тянул время, сколько мог, постоянно подогревая давно готовое блюдо, и лишь когда Изабел встала, чтобы встретить новых посетителей, которые бойкими ручейками стали заполнять пространство зала, сам обслужил Марию.

Он с нетерпением ждал, когда уже, наконец, все раскроется и встанет на свои места.

За этой встречей последовали другие. Время шло, но ничего не менялось. Мария никак не могла найти подходящий момент, чтобы сказать о главном. Изабел уже стала воспринимать ее как старшую подругу. Эдгар и Вириату приложили немало усилий, чтобы организовывать «случайные» встречи в магазине или на рынке, тайно наблюдая за тем, как развиваются их отношения.

И чем счастливее становилась ду Карму, тем больше волновался сам Эдгар. Ощущение, что ему приходится постоянно обманывать любимую девушку, не покидало его ни на минуту. Наконец, он решился на серьезный разговор с Марией.

Дождавшись вечера, Эдгар завершил дела в ресторане, и через полчаса его машина остановилась у офиса строительной фирмы ду Карму.

Мария встретила его приветливо, но она словно почувствовала, что задумал Эдгар.

Пригласив его в свой кабинет, Мария закрыла дверь на ключ и села напротив.

— Чувствую, что ты приехал со мной серьезно поговорить, — сказала она и нахмурилась.

— Я хотел попросить вас как-то вывести меня из этой игры с Изабел. — Эдгар увидел, как быстро забились жилки на ее шее. — Дона ду Карму, не могу я больше врать. Я чувствую себя последним предателем и подлецом.

— И что ты хочешь? — спросила Мария.

— Чтобы вы наконец сказали Изабел, что вы ее мать! Рискните!

— Нет! — Мария упрямо затрясла головой.

— Мы все на вашей стороне! Прошу вас! Вы не одна! Хватит откладывать! — воскликнул Эдгар.

— Я еще не готова, — грустно улыбнулась Мария. — Я боюсь потерять, что имею!

— Дона ду Карму, Изабел уже почувствовала, что что-то витает в воздухе. Это похоже на заговор: мы водим ее за нос, устраиваем случайные встречи, Вириату делает вид, что не знаком с вами...

— Ты собираешься сам ей все рассказать? — перебила его Мария.

— Да! Если вы не сделаете этого! — Эдгар с трудом выдержал ее взгляд, полный ужаса и отчаяния. — Прошло много времени с тех пор, как вы убедили меня, что так будет лучше.

— Но так оно и есть! Как ты не понимаешь, Эдгар, что ее мир рухнет в одночасье. Та женщина, которая была ей матерью, превратится в злейшего врага. Дай мне еще время! Она должна получше узнать меня.

— Если вы не скажете Изабел правду, я должен буду нарушить данное вам слово молчать и сделаю все сам. — Он упрямо решил сдвинуть дело с мертвой точки.

— Нет, Эдгар, ты не можешь так поступить со мной! — Из глаз Марии потекли слезы. — Это моя дочь! И узнать всю правду она должна только от меня! Я ее мать! И только я знаю, когда это сделать!

— Но я люблю вашу дочь и не могу больше играть и обманывать Изабел! Поверьте, донна ду Карму, чем дальше, тем хуже! Я очень люблю вашу дочь, но из этой паутины лжи, которую мы все успели сплести, я не могу спокойно смотреть ей в глаза. Мы сами себе расставляем сети. — Эдгар впервые почувствовал, как смертельно устал от этой запутанной ситуации.

— Выслушай меня, Эдгар, — сказала Мария после некоторого молчания. — Я искала ее больше двадцати лет, и каждый день я мечтала о том, как протяну к ней руки, обниму ее и скажу, что я — ее мать.

— Так сделайте это сейчас!

— Не могу! Хочу, но не могу! Я чувствую, что Изабел еще не готова выслушать всю историю своей жизни.

— И никогда не будет готова!

— Я думаю, если Изабел узнает меня поближе, и будет мне доверять, она найдет в себе силы пережить все это. Я уверена, что она сможет... но только нам нужно время. Не лишай меня счастья сказать ей, что я — ее мать, — грустно улыбнулась Мария.

— А когда это произойдет?

— Скоро, когда она придет в этот дом, и здесь соберутся все родные.

* * *

После неприятного разговора с Вивиан Анжелика всячески избегала встречи со своей новой родственницей, старалась забыть в работе и новых впечатлениях семейной жизни. Лишь иногда она ловила ее пристальный и насмешливый взгляд, который четко давал понять, что рано или поздно за молчание придется заплатить.

Однажды девушка набралась мужества и уже подошла к двери кабинета ду Карму, чтобы рассказать ей обо всем, но и в этот раз разговору не суждено было состояться. Марии срочно пришлось уехать из офиса.

В этот же день Вивиан, словно почувствовав, что жертва может сорваться с крючка, нанесла визит в магазин ду Карму и затащила Анжелику в подсобное помещение под предлогом посмотреть товар.

— Зачем ты пришла сюда? — накинулась на нее Анжелика, как только Вивиан закрыла за собой дверь.

— Ты предала мою свекровь, когда скрыла от нее правду о твоей родной матери, — промурлыкала Вивиан. — И я пришла сюда, чтобы напомнить о твоём обещании.

— Но ты же знаешь, как все было на самом деле! Я же рассказала тебе правду! — воскликнула Анжелика.

— Или ты сделаешь, как нужно нам, или я приму меры, и завтра же ду Карму выставит тебя из дома. — Вивиан не сводила глаз с девушки. — Пойми, мне ничего не стоит расторгнуть твой брак с Плиниу. А если ты сделаешь то, что нам нужно, то никто не пострадает. Нам нужна лишь самая малость, — перешла она на более мягкий тон.

— Я уже поняла, что у меня большие неприятности... — Анжелика держалась из последних сил, чтобы не заплакать.

— Девочка, — засмеялась Вивиан, — или ты предпочтешь наше покровительство, или ты бросишь нам вызов, и мы будем реагировать...

— Что вам надо от меня? — резко бросила Анжелика.

— Просто кое-что подправить в кое-каких документах. И все! — беспечно улыбнулась Вивиан. — Ну! Это не так страшно, в конце концов. Никто ничего не узнает.

Анжелика чувствовала, как на ее шее затягивается петля лжи, но ничего не могла поделать. Отношения ее с Плиниу после скандала с Ярой стали уже налаживаться. Она почувствовала вкус к тому, чтобы быть молодой хозяйкой семейства. Ей нравилось дружить с Марией, и даже ради иллюзии спокойствия она была готова на многое.

— Хорошо, я попробую, — сказала девушка, избегая смотреть в глаза невестке.

— Вот и умница! — обрадовалась Вивиан. — А за это мы тебя отблагодарим. Положим на счет твоей матери кое-какие комиссионные. Как ты на это смотришь?

— Мы можем поговорить об этом потом? — Анжелика открыла дверь, давая понять, что разговор окончен.

Вивиан, не торопясь, вышла из магазина, села в машину и вытасила из сумочки телефон.

— Дорогой, — промурлыкала она в трубку, — все в полном порядке: она оказалась гораздо слабее, чем мы думали. Так что готовь документацию. Часть денег, «потраченных» префектурой, теперь пойдет на наш счет, прямым ходом на остров Джерси.

Давно она не была в таком благодушном настроении. Возможность насолить ду Карму всегда приводила ее в состояние легкой эйфории. Вивиан сама не могла понять, почему с самого начала так возненавидела будущую свекровь. Мысль, что перед ней женщина с очень сильным характером и к тому же полная ее противоположность, приводила ее в бешенство. При каждом удобном случае она напоминала мужу:

— Твоя мать дискредитирует тебя, если ты не раздавишь ее первым. Тебе

удалось стать префектом, но если ты собираешься пойти дальше, ты должен расправиться с ней. Она, как балласт: постоянно тянет тебя на дно, не дает взлететь. А я хочу, чтобы ты поднялся высоко. Очень высоко.

— Да. Хватит мне жалеть ее. — Режиналду в этом случае всегда говорил одно и то же. — Надо придумать, как убрать ее с дороги.

Свежая интрига против ду Карму наполнила их жизнь новыми ощущениями и надеждами на легкую и скорую удачу. Афера с деньгами давала им возможность не только получить большие деньги, но раз и навсегда запятнать репутацию Марии. А этого они хотели больше всего на свете.

От Жозевалду, который все вынюхивал и подслушивал при каждом удобном случае, проку было не слишком много, так как даже самую ничтожную информацию о ду Карму он умудрялся продавать за большие деньги.

За последнюю новость Жозевалду потребовал двести долларов. Вивиан по глазам видела, как ему не терпится рассказать о том, что он разузнал. Она выдержала долгую паузу и все же дала ему деньги.

Он тут же суетливо убрал их в карман и огорошил ее информацией о том, что Мария вышла на похитительницу своей дочери и устроила на нее самую настоящую охоту.

— А теперь ты мне заплатишь еще столько же за самую важную новость, — важно сказал он и вальяжно развалился в кресле, наблюдая за ее реакцией.

— Знаешь что? — вскипела Вивиан. — Попридержи ее для собственного сына! От меня ты больше ни копейки не получишь. Нам с Режиналду проще поставить жучки в кабинете ду Карму, чем платить тебе!

— Ну, не сердись! Я пошутил, — тут же сдал позиции Жозевалду.

— Я слушаю, — сказала Вивиан каменным голосом.

— Ду Карму нашла дочь.

— Что ты сказал? — Она не верила собственным ушам.

— Я говорю, что ду Карму нашла Линду. Правда, ее сейчас зовут Изабел и самое смешное, что она давно работает администратором в «Месье Вотеле».

— Это же ресторан Вириату!

— Вот именно! Но они почему-то скрывают это от всех!

— А вы не заливаете, сеньор Жозевалду? Все это очень похоже на фантастическую историю.

— Я лично все слышал своими ушами. Я стоял за занавеской, когда Мария с Дирсеу обсуждали это.

— Кстати, я видел Изабел, но Вириату и ее женишок точно сговорились и не дали нам пообщаться.

— Неужели вы, сеньор Жозевалду, так и ушли с пустыми руками?

— Ну, не совсем, — хитро улыбнулся Жозевалду. — Хозяин ресторана Эдгар разрешил мне поужинать за счет заведения.

— Уж ты своего никогда не упустишь... — усмехнулась Вивиан.

Жозевалду не совсем понял, невестка упрекнула его или сделала комплимент. И поэтому промолчал на всякий случай.

Назаре впала в настоящую панику после рассказа Изабел о встрече с женщиной, назвавшей себя Марией.

Странное поведение Клаудии и события последних недель вывели ее из равновесия. Врожденное звериное чутье подсказывало ей: «Беги, беги отсюда, как можно скорее!» Она делала неоднократные попытки убедить Изабел в необходимости уехать, но та была непреклонна. Все разговоры заканчивались обычно одной и той же фразой: «Не беспокойся, мама. Я все улажу!»

Вчера она заметила крупного импозантного мужчину, который демонстративно прогуливался около ее дома, многозначительно поглядывая на окна.

Первая мысль, которая пришла ей в голову, заставила ее в очередной раз кинуться к шкафам и начать судорожно собирать вещи.

— Как они смеют! Никто не имеет права устанавливать слежку за домом! — возмущалась Назаре.

Время шло, но ее никто не арестовывал. Мужчина на улице вел себя так, будто нарочно пытался привлечь к себе внимание любым способом.

«Что-то здесь не так!» — решила Назаре. Она не стала тратить время на всякие ненужные размышления, а надела самое красивое платье и вышла на улицу.

Стоило ей появиться на пороге, как мужчина тут же подскочил к ней:

— Прошу прощения за назойливость! Я давнишний ваш поклонник! Какое счастье, что вы обратили на меня внимание!

— И когда же мы с вами успели встретиться? — поинтересовалась Назаре. — Всех своих воздыхателей я знаю наперечет, и ни один из них не похож на вас.

— О-о, это давняя история. Вы встречались мне несколько раз, но обстоятельства не давали возможности познакомиться с вами. Только недавно судьба улыбнулась мне. Я проезжал мимо и увидел, как вы вошли в этот прекрасный дом.

От незнакомца исходила просто волна обаяния. Назаре сразу почувствовала, что перед ней стоит стопроцентный самец, и призывно улыбнулась.

— Что ж, раз вы утверждаете, что вы давнишний мой поклонник, то я просто обязана пригласить вас в дом на чашечку кофе.

— О такой удаче я даже не мечтал! — воскликнул Жозевалду, (а это был именно он), прикидывая, когда можно приступить к более решительным действиям.

Тонкий аромат опасности, который исходил от Назаре, подействовал на него возбуждающе. «Погоди, блондиночка, я слишком много знаю о тебе и обязательно получу выгоду из всего этого...» Эта женщина была в его вкусе: высокая, длинноногая, с большой грудью и тем особенным блеском в глазах, которые отличали почти всех голодных самок, которых ему удавалось встречать в своей жизни немало.

— Позвольте представиться, сеньор Антонио, вдовец, и ваш большой поклонник, — улыбнулся Жозевалду и склонил голову

— Судя по акценту, вы приехали с Севера? — уточнила Назаре, приглашая его пройти.

— Совершенно верно. Мои родители, довольно зажиточные люди, тридцать лет назад продали всю нашу недвижимость и переехали в Рио. В этом городе я женился и через десять лет овдовел.

— Значит, вы перспективный жених? — обрадовалась Назаре.

— Значит. — Жозевалду подхватил ее кончики пальцев и поцеловал ладонь.

— Какой вы темпераментный!

— Вы еще не видели меня в деле, — Жозевалду притянул ее к себе и впился губами в шею, почувствовав, как Назаре призывно провела ладонями по его бедрам. — Похоже, мы из тех, кто не теряет времени даром.

Назаре приложила палец к губам и увлекла его за собой в спальню.

Фауста вынырнула из кухни в тот момент, когда ее хозяйка, хлопнув дверью своей комнаты, заперла ее на ключ. В воздухе чувствовался сильный запах духов. Аромат был такой непонятный, что невозможно было определить, женские это духи или мужские. Любопытная Фауста сняла тапки и босиком, стараясь не скрипеть половицами, поднялась по лестнице и застыла у дверей спальни Назаре.

Звуки, раздававшиеся из комнаты, заставили ее чертыхнуться.

— Тьфу! Блудница! — в сердцах сказала Фауста и в смятении отправилась на кухню.

Но неумное любопытство неоднократно заставляло ее выглядывать из своего укрытия. Она поднималась вверх, прикладывала ухо к двери, но за три часа так ничего и не изменилось. В какой-то момент она даже подумала, не постучаться ли с невинным видом в комнату под предлогом уборки, а затем заглянуть внутрь...

«Интересно, этот мужчина молодой или старый, — думала Фауста. — А может, я его знаю? — Она задумчиво заглянула в духовку и вытащила сковородку. — Вот бы увидеть этого осла!»

Потолкавшись бесцельно на кухне, Фауста все же решилась на безрассудный поступок подняться вверх и подслушать разговор. Но стоило ей очутиться у спальни хозяйки, как в двери комнаты Назаре заворочался ключ. Фауста чудом успела прошмыгнуть в комнату Клаудии и затаилась.

— Давай быстрее! — услышала она шепот Назаре.

— Я скоренько, моя птичка! — голос звучал насмешливо и игриво. Фауста не удержалась и чуть приоткрыла дверь. Мимо нее прошел высокий мужчина с волосатыми руками и грудью.

«Ну и гамадрил! — хихикнула Фауста и прикрыла рот. — Сегодня вечером будет что рассказать Клаудии».

* * *

Весь день Джованни пребывал в прекрасном настроении. Счастливые события в жизни ду Карму сделали ее веселой, а от этого еще более привлекательной. Теперь вся ее жизнь вертелась вокруг вновь обретенной Линды. Мария искала любой повод, чтобы увидеться с дочерью: обедала и ужинала в

«Месье Вотеле», «случайно» встречала девушку на улице или на рынке. В результате такого тесного общения они очень сблизились, и Изабел сама не заметила, как обрела новую подругу.

Джованни с радостью чувствовал себя в центре бурно развивающихся событий: обсуждал с ду Карму дальнейшую стратегию борьбы против Назаре. Благодаря нужным связям и собственному авторитету в особых кругах он имел возможность следить за каждым ее шагом, терпеливо выжидая момента, когда можно будет схватить и наказать злодейку.

Сегодня утром ему удалось уговорить ду Карму встретиться с комиссаром полиции.

Его «мерседес» подъехал к дому Марии к восьми утра. Джованни вынул из машины корзину со свежими фруктами и осторожно постучал в дверь, чтобы не разбудить всех домочадцев. Ему открыла Сиссера.

— Доброе утро, сеньор Джованни! — Она, не отрываясь, смотрела на его бордовую бабочку в горошек. — Какой же вы сегодня хорошенький!

— Спасибо, дорогая. — Импротта вынул из корзины большую папайю и протянул служанке.

— Вы меня балуете, как всегда, — улыбнулась Сиссера, принимая подарок. — Дона ду Карму ждет вас.

Импротта довольно улыбнулся и прошел в столовую. Мария в одиночестве сидела за столом и задумчиво пила кофе.

— Доброе утро, — поздоровался Джованни и поставил корзину с фруктами на стол. — Вижу, что ты все еще не приняла решение.

— Здравствуй, Джованни, — грустно улыбнулась ду Карму. — Я долго думала сегодня ночью... Мне совсем не хочется подключать к нашему делу официальные власти... на этом этапе. Ведь до сих пор мы справлялись сами. — Она с надеждой посмотрела на него.

— Дорогая ду Карму, я, как никто, понимаю тебя и даю слово, что нас только выслушают и дадут совет. А что касается вмешательства в твою частную жизнь, только тебе решать, когда и что делать. — Джованни сел напротив и заглянул ей в глаза. — Поверь мне! Я об этом позабочусь.

— Хочется в это верить, — вздохнула Мария. — Тогда поехали!

— Вот и умница, — обрадовался Импротта. — Через двадцать минут мы будем на месте.

Всю дорогу Джованни говорил без умолку, стараясь развеселить Марию. Она же была задумчива и безучастна.

Комиссаром полиции оказался кругленький лысый мужчина лет пятидесяти с веселыми голубыми глазами, которые скрывали толстые линзы очков, и маленькими рыжими усиками.

— Джованни, это и есть комиссар? — удивилась ду Карму.

— Да! Как видишь, он совсем не страшный, а даже наоборот.

— С такой внешностью хорошо работать садовником или почтальоном, — улыбнулась Мария.

— Между прочим, ты попала в точку. В молодости сеньор Мануэль попробовал то и другое. А сейчас он — примерный отец пятерых дочерей[^] и по

совместительству комиссар полиции, — пошутил Импротта. — Так что он, как никто, поймет твои чувства.

— Пожалуйста, садитесь! — комиссар кивнул головой в направлении двух кожаных кресел, которые с трудом втиснулись в небольшое пространство небольшого кабинета.

— Благодарю вас, комиссар, — улыбнулась Мария.

— Сеньор Джованни очень подробно изложил мне вашу ситуацию с похищением дочери и просил ничего не предпринимать без вашего ведома.

— Спасибо, сеньор комиссар, — поблагодарила его ду Карму. — Я очень хочу знать, возможно ли привлечь похитительницу в настоящее время за преступление двадцатилетней давности.

Комиссар задумчиво снял очки и протер стекла.

— К сожалению, сеньора Мария. За самое страшное преступление — кражу младенца — она не может быть привлечена к суду за истечением срока давности. Но не вешайте носа, — комиссар весело подмигнул ей круглым голубым глазом. — У меня для вас есть и хорошие новости. В соответствии со статьей двести сорок второй уголовного кодекса Бразилии за два предусмотренных в ней преступления — выдавать чужие роды за свои и тайно регистрировать чужого ребенка без ведома настоящих родителей — она получит по полной программе.

— Значит, срок давности этих преступлений еще не прошел? — обрадовалась Мария. — Сколько же ей дадут?

— От двух до шести лет. Если вас интересуют юридические тонкости, могу сказать одно. Мы уже сегодня можем открыть уголовное дело Марии Назаре Тедеску. От вас потребуется лишь заявление с подробным описанием существа дела.

— А что будет после?

— Затем я лично запрошу ордер на ее арест и передам дело в суд. Судья изучит вопрос и, когда убедится на основании документов, что Назаре не могла рожать, и зарегистрировала чужого ребенка как своего, вынесет свой вердикт, конечно, в вашу пользу.

— Как я мечтаю увидеть Назаре в наручниках, — воскликнула Мария.

— Все теперь зависит от вас, — покачал головой сеньор Мануэль. — Джованни взял с меня слово, что я не буду вмешиваться в это дело, пока вы не решите проблему со своей взрослой дочерью.

Мария с благодарностью посмотрела на своего спутника. Он сидел в кресле и наблюдал за комиссаром.

— Что бы я без тебя делала, Джованни! — Мария порывисто поцеловала его в щеку.

— Вот это другое дело! — обрадовался Импротта. — Давно бы так!

* * *

Домой Жозевалду вернулся под утро, сытый и довольный. Он долго звонил, пока разгневанная Сиссера не открыла ему дверь.

— Что вы, спятили? Весь дом переполошили! — накинулась она на него.

— Не горячись, крошка! — Жозевалду игриво шлепнул ее по задку. — У такого важного сеньора, как я, могут быть неотложные дела.

— Что ж это за дела, на ночь глядя? — язвительно спросила Сиссера и на всякий случай отошла от него подальше.

— А что, ду Карму волновалась?

— Ну, вот еще! Даже ни разу не спросила, где вы. А вот ваш младший, Плинию, даже в морг звонить порывался и до позднего вечера проторчал с малышом внизу, надеясь, что вы скоро придете.

— Какие телячьи нежности! — довольно улыбнулся Жозевалду, растянулся на коротком диванчике, положив свои длинные ноги на подушку, даже не сняв обувь, и мечтательно закрыл глаза.

— Постыдились бы. Вламываетесь в дом сеньоры Марии под утро, до этого шатаетесь незнамо где, да еще пачкаете вещи! — возмутилась Сиссера.

— Пошла вон, дура! — беззлобно ругнулся Жозевалду. — Мне сейчас слишком хорошо, и я не собираюсь выслушивать твои глупости. Иди-ка лучше на кухню и свари мне кофе.

— Как ты смеешь так разговаривать с Сиссерой? — это был голос ду Карму. Она стояла на лестнице в домашнем пеньюаре и с гневом смотрела на бывшего супруга.

— Знаешь, ду Карму, если ты пришла меня ругать, не трудись, это уже лишнее. Хватит с меня и твоих защитников. Мне без конца угрожает то твой борзописец, то сеньор Джованни. Послушай, ду Карму...

— Нет, это ты послушай! Мне рассказали Эдгар и Вириату, как ты приперся в «Месье Вотель» и безобразно вел себя там! Зачем ты пытался встретиться с Изабел?

— Как «зачем»? Думаю, что моя единственная дочь наградит меня любовью, лаской и вниманием...

— Ах ты, подлец! Обходи мою дочь стороной! Угрожать я тебе не буду, нет. Я просто с тобой покончу, пусть меня потом арестуют, но я сделаю это!

— Должно быть, ты ревнуешь меня из-за того, что я не ночевал дома? — нагло ухмыльнулся Жозевалду.

— Какое самомнение! — разозлилась ду Карму. — Убери свои грязные ноги с моей подушки. Если хочешь валяться, делай это дома у своей шлюхи.

— Ты все-таки меня ревнуешь, ду Карму. Как не стыдно!

— Что за глупости! Забирай свои пожитки и выметайся отсюда!

— Я не уйду, — возмутился Жозевалду. — И никто меня отсюда не выгонит!

— Какая наглость! — Мария подскочила к дивану и яростно вцепилась в подушку, на которой лежали ноги Жозевалду.

— Эта вещь тоже принадлежит мне по праву. Пока нас не развели, я официально по-прежнему твой супруг.

— Да как ты смеешь? — дыхание Марии перехватило от волнения, и она схватилась рукой за горло. — У тебя нет ни совести, ни сердца! Ты трус и подлец! Жозевалду поднялся и подошел к ней вплотную.

— С этого момента я заявляю, что запросто отсужу у тебя часть этого дома.

И хватит со мной так разговаривать! — Он легко оторвал Марию от пола и тряхнул, что есть силы. — Сейчас ты узнаешь, кто в этом доме хозяин!

Мария не успела понять, что происходит, как с чудовищной быстротой к ней стала приближаться стена. Она зажмурилась и успела выставить руки вперед. Последовал сильный удар и мгновенная темнота. Ду Карму очнулась от боли. Ей показалось, что голова раскололась на две половинки, и она с ужасом подняла руку вверх, чтобы ощупать лоб.

Жозевалду увидел, что она очнулась, намотал густые волосы на кулак и стал хлестать огромной ручищей по лицу. Когда его рука устала, он приблизил к ду Карму свое озверевшее лицо и требовательно спросил:

— Ну, как тебе? Давно я мечтал поставить тебя на место, деревенская выскочка!

Мария открыла глаза и увидела, как на лестнице появился Леандру. Безобразная сцена, свидетелем которой он стал, словно парализовала его на мгновение.

— Что ты делаешь? Ты ударил маму! — Леандру пришел в себя и стремительно слетел с лестницы вниз.

— Да, а что? — как ни в чем не бывало ответил Жозевалду. — Она сама напросилась.

— Что ты такое говоришь? — Леандру помог матери подняться и усадил ее на диван.

— Уйди с дороги, иначе ты тоже узнаешь, какая у меня тяжелая рука! — Жозевалду с силой толкнул сына.

— Если ты тронешь моего мальчика, я уничтожу тебя, мерзавец! — воскликнула Мария и попыталась вцепиться в руку, которую Жозевалду поднял для удара.

Через мгновение по комнате катались два сцепившихся тела. Мария бросилась в комнату Вириату.

— Скорей, сынок! Там Леандру подрался с отцом!

Сон мгновенно слетел с Вириату, и он бросился вслед за матерью.

Плинию и Анжелика уже были внизу. И Плинию прилагал невероятные усилия, чтобы разъединить два сцепившихся тела.

Помощь Вириату подоспела, как нельзя более кстати. Ему удалось вклиниться между противниками, и через мгновение два рассерженных драчуна уже стояли в разных углах комнаты.

— Что здесь произошло? — спросил Вириату.

— Он меня ударил, — спокойно произнесла Мария. Она уже взяла себя в руки. — Леандру увидел и вступился за меня.

Жозевалду исподлобья смотрел на сына. В его глазах плескались ярость и презрение.

— Вон! Уходи из этого дома немедленно! — Ду Карму указала мужу на дверь.

— Подумаешь, — улыбнулся он, обнажив крепкие желтоватые зубы, — я всеми вами сыт по горло! Я получил, чего хотел. Ты будешь содержать меня до конца жизни! И я получу то, на что имею право! — сказал он и презрительно

посмотрел в сторону Марии.

Когда его грузная фигура скрылась из виду, она тяжело опустилась на стул и сказала:

— Если кто-нибудь из вас после того, что произошло, останется на стороне отца, я не буду считать вас своими детьми.

— Ну, что ты, мама! — к ней тут же подскочил Плину. — Бить женщину — это подлость. Мы все тебя поддержим. Пусть отец уходит отсюда! Вириату, ты ведь тоже так думаешь? — Брат кивнул головой в знак согласия.

— Поверить не могу. — Все это время Жозевалду стоял наверху и слушал, что происходит внизу. — От меня отвернулись родные дети!

— А ты помнишь, отец, ведь то же самое произошло, когда мы были совсем маленькими, когда ты отвернулся от нас! — напомнил ему Плину.

Слова младшего сына вновь болью отозвались в душе ду Карму.

— Больше двадцати лет ты не интересовался, что с нами происходит, — воскликнула она, — поэтому нам теперь тоже нет дела до того, что с тобой будет. Забирай свои пожитки и убирайся! Имей хотя бы хоть немного достоинства! Я сейчас же хочу увидеть, как этот призрак уходит из нашей жизни.

— Прежде, чем я уйду, я положу тебя мордой вниз! — прокричал Жозевалду.

— Опять угрозы? — возмутилась ду Карму.

— Я должен открыть вам кое-что! — Жозевалду приготовил свой последний козырь. — Ваша мать не доверяет вам и скрывает важную информацию. Это очень важные вещи, и они касаются всей семьи...

— О чем ты говоришь? — удивился Плину.

— О Линде! О ком же еще... — устало сказала Мария. — Это единственный мой секрет. И о нем уже знает Вириату.

— Что такое знает Вириату, чего не знаем мы? — насторожился Леандру.

— Я нашла вашу сестру. Клянусь, что все вам расскажу, но позже. Линда еще сама не знает о том, что она моя дочь... Все в божьей власти, быть может, завтра она уже будет здесь.

— Ты не представляешь, в какую разборку ты ввязываешься! — Жозевалду с нескрываемой ненавистью посмотрел на ду Карму и скрылся в своей комнате.

Глава 14

Вернувшись в родной Рио после долгих странствий по Италии, Миналва обнаружила неприятные для себя перемены.

Первая встреча с мужем привела ее в состояние шока. Она никак не могла предположить, что Леандру так быстро забудет ее и сразу начнет встречаться с другой женщиной. Миналва, не отрываясь смотрела на счастливую пару, сидевшую на открытой веранде ресторана.

Ее муж в обществе юной темноволосой девушки потягивал коктейль из большого кокоса, и они мило щебетали друг с другом.

Судя по нежности, которая так и разливалась между ними, Миналва могла сказать точно, что у них именно та связь, которая связывает людей на долгие

годы.

Второй удар ждал ее в этот же день, когда она приехала в Школу самбы, где успешно солировала в течение пяти лет.

Ее прежнее место теперь занимала новая шестнадцатилетняя солистка, которая смотрелась ничуть не хуже самой Миналвы и претендовала на звание королевы парада.

Режина Ферейра да Силва, младшая дочь Себастьяна и племянница ду Карму, поглядывала теперь на нее свысока и многозначительно улыбалась, давая понять, что время Миналвы уже прошло.

Пережить этот второй удар ей помог управляющий школы Убираси, смешливый белокурый гей с вертлявой задницей и гениальными задатками прирожденного менеджера. Его безупречный вкус и талантливые идеи прекрасно сочетались с организационными способностями и способствовали процветанию самой Школы самбы.

Прорывав на его женственном плече полдня, Миналва, наконец, успокоилась и приняла простое и единственно разумное в этой ситуации решение: через месяц во время Карнавала принять участие в конкурсе лучших исполнительниц самбы и вернуть себе титул королевы Школы. Это ее немного успокоило и заставило переключиться на другую проблему.

Но вот однажды Миналва улучила момент и поймала один на один своего бывшего мужа. И тут, мир для нее в очередной раз рухнул. Леандру отчетливо дал ей понять, что начал новую жизнь, и в ней нет больше места для Налвы.

Чего только она не предпринимала: пыталась пробудить в нем жалость, соблазнить, заставить ревновать — он был непреклонен. А все это означало только одно: в его сердце появилась другая женщина, да еще и моложе Налвы лет на десять. Оставалось самое последнее средство: уложить бывшего супруга в постель и пробудить ту страсть, которая согревала их отношения на протяжении брака.

Первую попытку она предприняла во время выступления в Школе самбы. Убираси выбрал для Миналвы самый сексапильный наряд, который состоял из купальника с тоненькой полоской сзади и двумя небольшими звездочками впереди, лишь слегка прикрывающими грудь. Небольшой треугольник спереди лишь подчеркивал впечатление, что Миналва танцует обнаженная.

Персиковый цвет хитрого наряда почти полностью сливался с кожей, создавая иллюзию наготы.

Зрители взревели от восторга, когда Миналва появилась на сцене. Она ловила на себе возбужденные взгляды, но ее интересовала реакция только одного человека.

Леандру, как обычно, сидел в офисе Джованни Импротты, приводя в порядок документацию босса. Окна кабинета, в котором он работал, выходили на основную площадку, где и проходило представление.

Миналва увидела знакомый силуэт у окна и почувствовала, что Леандру не может оторвать от нее глаз. Ее тело приняло самую соблазнительную позу и завибрировало в такт ритмичной мелодии. Публика ревела от восторга. Когда ее танец закончился, несколько возбужденных поклонников тут же устремились к

ней, но были остановлены охраной. Прорвался только один из них, представительный молодой человек в костюме цвета слоновой кости.

— Томас Джеферсон! — сказал он и улыбнулся, оголив безупречные белые зубы. Через мгновение в руках Миналвы оказалась платинового цвета визитка. «Депутат Томас Джеферсон».

— Позвоните мне, пожалуйста, — улыбнулся он. — Я буду ждать!

Миналва скользнула по нему равнодушным взглядом, посмотрела на окно, в котором она несколько секунд назад видела силуэт мужа, и нахмурилась.

«Неужели мне показалось? — подумала она и направилась в сторону его кабинета под восторженное улюлюкание зала. — Если Леандру там, то он обязательно сдастся! Уж мне ли не знать, от чего загорается мужчина, с которым я прожила столько времени».

Она без стука распахнула дверь и увидела мужа, сосредоточенно рассматривающего бумаги.

— Уходи! — сказал Леандру, даже не посмотрев в ее сторону. Если ты думаешь, что стоит тебе раздеться и я брошусь к твоим ногам, ошибаешься: между нами все кончено.

«Значит, он видел танец», — с радостью подумала она и приблизилась к столу.

— А как ты узнал, что это я? Может, к тебе пришла твоя новая подружка?

— Клаудия никогда не пользуется духами. У нее на них аллергия.

— Как тебе повезло, — съязвила Миналва, — сэкономишь на этом. Мне приходилось покупать духи раз в месяц...

— Что было, то прошло! — отрезал Леандру, — а теперь оставь меня, пожалуйста, в покое.

— Давай хотя бы останемся друзьями! — воскликнула Миналва и сделала шаг навстречу.

— Стой там, где стоишь. Я не войду в одну и ту же воду дважды: я был тебе и мужем, и другом, и любовником...

— Не продолжай, пожалуйста! Я и так наказана за свою глупость.

— Это ты называешь глупостью? — возмутился Леандру. — Ты в одночасье сломала мне жизнь, поссорила с любимым братом, а когда моя рана стала затягиваться и я встретил Клаудию, ты приезжаешь и требуешь вернуться к прежним отношениям! Не проси меня о невозможном!

— Я не верю, что ты мог забыть меня в течение нескольких месяцев! — с отчаянием воскликнула Миналва. — Ты просто еще обозлен на меня, но пройдет немного времени и твое сердце забудет, что произошло.

— Уходи, Налва! Теперь в моей жизни есть другая женщина.

— Я не верю, что та страсть, которую ты испытывал ко мне, могла так быстро испариться! — всхлипнула Миналва.

— Послушай, я не желаю тебе зла. Наоборот, я хочу, чтобы ты была очень счастлива, только подальше от меня. Но, по-видимому, это невозможно: мы постоянно будем сталкиваться в разных местах. Поэтому я прошу тебя, не пытайся заговорить со мной. Наша любовь закончилась. Я счастлив и влюблен, и Клаудия всегда будет со мной рядом. Нам с тобой больше нечего сказать друг

другу, поэтому лучше не начинать...

— Я не хочу слушать эти глупости, поэтому ухожу, но когда ты приведешь свои мысли в порядок, я вернусь, и мое сердце будет открыто для тебя, — сказала Миналва и вышла за дверь.

* * *

— Помоги мне, Господи, помоги сделать правильный шаг! — ду Карму стояла на коленях перед иконой Божьей Матери в комнате Линдалвы и горячо молилась. — Пресвятая Богородица! Разве не была я права, когда ни на минуту не теряла надежды? Все эти годы я была уверена, что доживу до этого дня! А теперь, когда он пришел, я прошу у Тебя благословения и покровительства. Матерь Божья, смилуйся над нами, будь нашей заступницей и покровительницей!

Мария перекрестилась в последний раз и решительно поднялась с колен. Медлить было нельзя: разгневанный Жозевалду мог выкинуть, что угодно. Она оценила обстановку и мгновенно приняла решение. Именно сегодня Изабел должна узнать правду о своем прошлом.

У Марии почти не оставалось времени. Она успокаивала себя мыслью, что Жозевалду еще не знает, где живет Изабел, и поэтому не сможет опередить ее.

«Он кинется в «Месье Вотель», но будет тут же остановлен Эдгаром, — подумала Мария и вытерла слезы. — Дочка не должна видеть меня заплаканной».

Она припудрила лицо, собрала волосы на затылке, как делала всегда перед ответственным решением, и спустилась вниз, где ее ждали сыновья.

— Мам, ты как? — Плинию испуганно смотрел на нее.

— Спасибо, сынок! Я в порядке!

— Ты на что-то решилась? — не выдержал Вириату.

— Я еду к Изабел и сейчас же! Нельзя позволить, чтобы меня опередил Жозевалду. Он спит и видит, как насолить мне! Слава Богу, он не знает ее адреса, поэтому, скорей всего, поедет в ресторан и будет там караулить мою девочку, чтобы сразу вылить на нее ушат с помоями лжи. Он обязательно чего-нибудь придумает, лишь бы очернить меня!

— Мама, хочешь ты или нет, но мы тебя одну не оставим! — вмешался Леандру. — Жаль, что с нами нет Режиналду, но и без него состав хороший! — попытался пошутить он.

— Конечно, сынок! Я буду рада, если Линдалва сразу увидит кого-нибудь из своих братьев, — улыбнулась ду Карму — Ну, не будем терять времени. Поехали!

Мария решительно направилась к машине Плинию.

Жозевалду проявил поистине невероятную прыть, когда с огромным чемоданом домчался на такси до дома Назаре.

Он предвкушал близкую победу. Его веселила мысль, что ду Карму не имеет представления о том, что он не только заранее разнюхал адрес Изабел, но и успел несколько раз переспать с ее самозванной матерью. Удача сейчас была на его стороне.

Жозевалду долго нажимал на кнопку звонка, прежде чем ему открыла

рассерженная Фауста.

— Матерь Божья! — воскликнула она, глядя на его огромный чемодан. — Вы, должно быть, перепутали жилой дом с гостиницей.

— Это ко мне, Фауста! — Назаре оттолкнула горничную и растерянно уставилась на чемодан Жозевалду. — Как это понимать?

— Решил взять тебя на абордаж, дорогая! — попытался пошутить он, но увидел плохо скрываемое недовольство в глазах Назаре.

Фауста тут же вспомнила волосатые ноги и хитро улыбнулась, незаметно пятясь к лестнице, чтобы позвать Клаудию посмотреть представление. Но девушка сама вышла из комнаты и уже спускалась по лестнице в холл.

— Интересно, что привело сюда сеньора Антонио с таким большим чемоданом? — ехидно спросила Назаре, еще не зная, как реагировать на такую бесцеремонность.

— Назаре, ты ошибаешься, — поправила ее Клаудия. — Это сеньор Жозевалду, отец Леандру и Вирриату.

В одно мгновение лицо Назаре стало напоминать серый пергамент.

— Как это понимать? — взвизгнула Назаре. — Зачем ты пришел в мой дом? Что ты хочешь?

— Ты же сама все знаешь. Зачем спрашивать? — Жозевалду медленно проходил вглубь помещения, заставляя ее пятиться назад. — Изабел, дочка! Твой папа пришел! — громко крикнул он и посмотрел вверх.

В голове Назаре со страшной скоростью мелькали разные мысли, но ни за одну из них она не могла зацепиться. Мозг, усталый от постоянного напряжения и лжи, стал сдавать позиции одну за другой.

— Антонио, или как там тебя, Жозевалду, прошу тебя об одном. Дай мне самой рассказать Изабел о случившемся. После этого делай, что хочешь, оставайся и живи здесь, я слова тебе не скажу, — умоляла Назаре. — Только дай мне шанс! Прошу тебя!

Назаре метнулась в комнату Изабел.

Фауста с тревогой посмотрела на Клаудию. Девушка едва держалась на ногах от волнения. Она с нетерпением ждала этого дня, но не могла предположить, что развязка наступит так быстро и неожиданно.

«Господи! Это же все правда! Разрушенный брак моих родителей. Смерть мамы... Отец!» — у нее сильно закружилась голова. Ловкие руки Фаусты подхватили ее под локоть и увели в сторону кресла.

— Посиди, девочка моя! — сказала служанка ласково. — Я принесу тебе водички.

Все остальное, что увидела Клаудия, происходило, будто в страшном сне.

Она беспомощно наблюдала, не в силах ничего предпринять, как удаляется спина ее мачехи. Новый звонок в дверь не произвел на нее никакого впечатления, пока она не увидела, как в дом вошла ду Карму.

— Назаре уже там! — сказала девушка и указала рукой на дверь. Мария словно не слышала и не видела Клаудию. Ее глаза, не отрываясь, смотрели на Жозевалду.

— Как ты посмел? — воскликнула она, не зная, что предпринять в данный

момент.

Жозевалду по-хозяйски развалился в кресле и самодовольно улыбался, глядя на нее.

— Не надо, мама, — сказал Вириату. — Тебе сегодня понадобится много сил. Собери их для разговора с Линдой.

Только сейчас Клаудия осознала, что рядом с ней сидит Леандру и растирает ее холодные пальцы.

— Ну, слава Богу! — улыбнулся он. — Минуту назад ты выглядела, словно лунатик. Смотрела сквозь меня и ничего не видела.

— Леандру! — обрадовалась Клаудия и прижалась к нему.

* * *

Барон Педру с ужасом осознавал, что болезнь Лауры начала непреодолимо прогрессировать. С того дня, когда его супруга ушла из дома в изумрудном колье с подвесками, прошло несколько месяцев. И с тех пор Педру охранял ее, неотступно следуя за ней повсюду — либо сам скользил за ней невидимой тенью, либо посылал Себастьяна или кого-нибудь из слуг. Иногда Лаура выходила прогуляться на пляж, по воскресеньям возобновила посещения парикмахерской. Внучка барона, Мария Эдуарда, единственная посвященная в тайну болезни Лауры, сопровождала баронессу в парикмахерскую, «случайно» сталкиваясь с ней на улице или около дома.

Ничего не подозревая о своей болезни, Лаура была счастлива, как ребенок, и радовалась каждому дню, лишь иногда замечая тревогу в глазах Педру. Он неоднократно показывал ее врачам, тайно приглашая к себе в гости лучших специалистов Бразилии под видом давнишних знакомых.

Лаура мило щебетала с ними за столом на любые темы. В ее памяти всплывали картины давнего прошлого. Она хорошо помнила тех, с кем была знакома тридцать — сорок лет назад, но моментально забывала всех, кто общался с ней совсем недавно.

— События настоящего проплывают через сознание баронессы, как вода через дуршлаг, не задерживаясь ни на минуту, — объяснил Педру молодой светилу из столицы. — Советую вам пройти полное обследование, и чем раньше, тем лучше.

— Но как это сделать, чтобы Лаура ничего не заподозрила? — в отчаянии воскликнул барон.

— Попробуйте пройти обследование вместе. Я вижу, как на вас смотрит баронесса. Она вас обожает.

— Спасибо, вы подали мне гениальную идею! — обрадовался Педру. — Вы единственный из всех, кто дал мне по-настоящему дельный совет.

— Я заметил, барон, что интуитивно вы делаете все правильно. Дону Лауру может спасти либо чудо, либо ваша любовь.

После этого разговора у Педру выросли крылья. Он был классическим оптимистом и умел видеть хорошее в любой ситуации.

Сегодня было необычное воскресенье — именины Лауры. Барон встал в

десять часов, распорядился насчет праздничного завтрака и тихонько присел на край кровати спящей супруги.

Во сне лицо Лауры всегда разглаживалось, исчезали морщинки на лбу и переносице, делая ее на много лет моложе и прекрасней. Он всегда любил на нее смотреть, замечал, когда на лице появлялась новая черточка. Вот и сейчас он заметил еще одну у краешка рта, не удержался и нежно поцеловал баронессу.

— Педру? — Лаура открыла глаза.

— Что, дорогая?

— Ты смотришь на меня? Как хорошо так просыпаться!

— Я люблю смотреть на тебя спящую, — барон провел рукой по ее волосам. — От тебя всегда веет таким покоем.

— Значит, мне снился ты! — улыбнулась Лаура.

— Это был хороший сон. Но теперь уже поздно.

— Неужели, я так долго спала?

— Нет. Вчерашний день был суматошный. Ты не помнишь?

Лаура наморщила лоб, пытаясь вспомнить подробности, и хитро улыбнулась.

— Мы, должно быть, вернулись очень поздно, потому что ездили на чемпионат по бриджу, — сказала она и с надеждой посмотрела на супруга. Как всякий больной человек, она чувствовала, что последнее время с ней что-то не так, но гнала от себя страшные мысли и не давала им поселиться в своей голове.

— Мы много лет уже не играем в бридж, — покачал головой Педру.

— Где мы были, дорогой?

— Мы были здесь...

— Ну, конечно, как же я забыла! — воскликнула баронесса и схватилась за голову.

— Отлично, Лаура, одевайся! Нас ждет праздничный завтрак: ведь сегодня у тебя именины.

Барон подождал супругу за дверью и торжественно сопровождал вниз.'

Еще спускаясь по лестнице, Лаура увидела огромную вазу с охапкой белоснежных цветов.

— Педру, белые тюльпаны, боже мой! — обрадовалась баронесса.

— Ты помнишь?

— Конечно, дорогой! Мы только что поженились и провели три медовых месяца в Швейцарии... — баронесса закрыла глаза и улыбнулась.

— И что еще?

— Ты попросил принести завтрак на веранду. Дул свежий ветерок...

— И что еще?

— Приказал, чтобы мне принесли белые цветы...

— И что еще?

— Вдруг в ворота въехала огромная телега, нагруженная белыми тюльпанами. Педру, дорогой, это было незабываемо! — прослезилась Лаура.

— Да, теперь их не так много, — барон кивнул на вазу с цветами. — Но, признаюсь, люблю я тебя еще больше прежнего!

Изабел читала журнал и слушала музыку, вытянувшись на кровати, когда в комнату ворвалась взволнованная Назаре.

— Дочка! Выслушай меня! — начала она с порога, предусмотрительно повернув ключ в замочной скважине.

Девушка сняла наушники и с удивлением посмотрела на мать.

— Что случилось? На тебе лица нет!

— Дочка! Дай мне слово, что простишь меня, даже если то, что я сейчас скажу тебе, покажется ужасным! — потребовала Назаре.

— Что ты такого могла сделать? — удивилась Изабел. — Нечаянно раздавила бабочку или наступила на ногу Фаусте?

— Дорогая! Мне не до шуток! Прошу тебя! Дай мне слово, что простишь!

— Хорошо! — улыбнулась Изабел. — Я даю тебе слово...

Назаре вплотную подошла к дочери и взяла ее за руки.

— Там внизу стоит твоя родная мать, — выдавила Назаре.

— Не понимаю. Ты опять выпила, мама?

— Дочка, послушай меня! Я говорю серьезно! Двадцать три года назад твой отец, чтобы жениться на мне и порвать со своей прежней женой, заставил меня украсть ребенка...

— О чем ты говоришь, мама? — Изабел в ужасе отшатнулась от нее.

— Сегодня я вынуждена признаться тебе, что твой отец Луис Карлос Тедеску спланировал и организовал твое похищение, чтобы жениться на мне...

— Но почему? — Изабел отказывалась верить в услышанное.

— У меня не могло быть детей, а ребенок от другой женщины был единственной возможностью развестись с законной супругой. Я нашла тебя маленькую и незащищенную, совершенно больную девочку, когда твоя мать побиралась, как нищенка, и ночевала на вокзале не пойми с кем. Ей было совершенно наплевать, умрешь ты завтра или нет... А ты была такой очаровательной крохой. Вот я и подумала, а почему бы не взять тебя.

— Ты хочешь сказать, что ты мне не родная мать?

— Доченька! Мать — это не та, кто родила, а та, кто воспитала! — воскликнула Назаре. — Кто научила тебя ходить, разговаривать, кто не отходила от тебя, когда ты болела. — Она увидела, как глаза Изабел потемнели и стали стеклянными, будто кто-то внутри ее выключил лампочку.

Стук в дверь заставил их вздрогнуть.

— Кто там, внизу? С кем ты сейчас разговаривала? Ответь мне! — Изабел не сводила удивленных глаз с матери.

— Твой отец. Он пришел, чтобы отобрать тебя у меня...

— Изабел, открой, пожалуйста, это я, Клаудия! У нас гости!

— Сейчас не время принимать гостей! — крикнула Назаре.

— Изабел! Внизу тебя ждет твоя настоящая мать. Выйди, пожалуйста!

— Так эта ведьма с Севера приперлась, чтобы забрать тебя у меня! — захохотала Назаре. — Она ничего не получит! Правда, дочка?

Лицо Изабел вмиг осунулось и стало серым, под глазами появились тени.

Чудовищное открытие лишило ее воли, привело в состояние непонятного ступора. В памяти стали вспыхивать яркие картины.

Вот Вириату рассказывает историю своей матери Марии ду Карму, которая одна с пятью детьми вынуждена была приехать в Рио, чтобы не умереть от голода... Клаудия подсовывает статью про похищение младенца у женщины с Севера, делает ей намеки на то, что Назаре скрывает тайну... Недавно в ее жизни появилась новая подруга Мария. Этот факт вызвал бурю чувств у Назаре... Эти странные взгляды Эдгара и Вириату... Истина постепенно обретала понятные формы. Изабел поняла, кто пришел к ним в дом.

«Ну, почему надо было устраивать заговор против меня? Почему никто: ни Клаудия, которая встречалась с Леандру и была в курсе событий, ни Вириату, ни Эдгар ничего не сказали мне? Почему Мария изображала подругу и ни словом не обмолвилась о том, что произошло двадцать три года назад? Зачем надо было врать? О, Господи! Сколько кругом лжи! Я выросла в ней!»

— Открой, пожалуйста! — вновь попросила Клаудия.

Изабел подошла к двери и повернула ключ.

— Что ты делаешь, дочка! Они уничтожат меня! Никто не будет любить тебя так, как я! — сделала последнюю попытку Назаре.

Изабел подошла к краю лестницы и заглянула вниз. В холле стояла Мария с растерянной улыбкой, рядом с ней — Вириату, Леандру и незнакомый симпатичный молодой мужчина. В самом углу сидел пожилой человек, в котором она узнала странного клиента ресторана, назойливо разглядывавшего ее несколько дней назад.

«Они все знали и молчали! — промелькнуло у нее в голове. — Они все заодно!»

— Изабел, мне очень больно, что все получилось именно так, а не иначе! — воскликнула Мария и сделала попытку подняться к ней по лестнице.

Но Изабел остановила ее жестом руки.

— Хочешь ты или нет, — сказала Мария, — но нам обязательно надо поговорить...

— Хорошо, — согласилась Изабел, — только пусть другие уйдут.

Девушка дождалась, когда в холле останется одна ду Карму, и спустилась вниз. Мария села на диван, нервно сцепив руки на коленях.

— Надо было тебе сразу все рассказать. Еще в тот день, когда я увидела тебя в ресторане... — сказала она и посмотрела на Изабел. — Как только Дирсеу сообщил мне, что ты нашлась, я сразу помчалась туда, чтобы обнять тебя, дочка. А когда увидела тебя, я расплакалась, потому что ты очень похожа на меня... — Голос Марии срывался от волнения, но она продолжала говорить, боясь, что в любую минуту Изабел может отвернуться от нее и уйти. — Мне было столько лет, сколько тебе сейчас, когда тебя украли... И я испытала неописуемое счастье, что нашла тебя после стольких лет поисков. Оно смешалось с болью: тебя не было рядом со мной столько лет, я не могла воспитать тебя, не видела, как ты росла. У меня тогда пропал голос, я рыдала и не могла остановиться... Я вернулась в тот же день. Ты помнишь?

Мария опять посмотрела на Изабел. Девушка стояла в нервном оцепенении,

низко опустив голову.

Взяв себя в руки, я хотела все рассказать, но услышала, как ты говорила по телефону с той женщиной, которая похитила тебя у меня. Хотя мне было очень больно, я поняла, как ты ее любишь, и тут я дрогнула, засомневалась. Я подумала, что ты не готова для такой новости, я убедилась, что лучше познакомиться с тобой поближе, подружиться... Это я втянула в это других, включая Эдгара. Он долго не соглашался, но я убедилась, что так будет лучше.

Не один раз он говорил, что все тебе расскажет, а я умоляла его дать мне время и держать рот на замке, пока не наступит нужный момент. Это была попытка не причинить тебе лишних страданий, когда ты узнаешь правду... — Мария с надеждой в глазах придвинулась к дочери.

— Попытка не удалась, — холодно сказала Изабел и отвернулась. — Это было больше похоже на заговор, и я узнала все при самых ужасных обстоятельствах. А что касается тебя... После всего, что ты наплела за дружескими беседами, я не знаю, кто ты, и не знаю, как тебя называть... — Изабел с вызовом посмотрела на Марию.

— Познакомившись с тобой, я допустила ошибку, но это не преступление по сравнению с тем, что сделала твоя самозванная мать. Она украла тебя у настоящей матери, у братьев. Она украла ту часть жизни, которую уже не восстановишь. Больше двадцати лет я плакала и страдала от того, что рядом не было тебя. Твои братья росли, видя боль в моих глазах оттого, что тебя нет, видя, как спальня их сестры наполнялась подарками на каждый день рождения и каждое Рождество. Я искала тебя больше двадцати лет и ни разу не отступилась, находила твой след и теряла его. Когда я узнавала, что все было напрасно, сердце мое наполнялось болью, но я не падала духом. Да, я совершила ошибку, но не надо меня за это казнить и тем более тех, кого я в это вовлекла.

— Может быть, со временем мы это преодолеем, — вежливо ответила девушка и отвернулась.

— Да, я просто уверена! — Мария схватилась за ее слова, как за соломинку. — Только, пожалуйста, не закрывайся от меня, позволь мне войти в твою жизнь.

— Хорошо, но у меня есть условие: пообещай, что ничего не сделаешь с моей мамой.

— Ты не можешь меня об этом просить, — воскликнула Мария. — Дело не во мне, а в правосудии. Государство просто обязано арестовать преступницу, пусть даже мы, ее жертвы, пытались этому помешать. Она должна ответить за свои деяния!

— Я очень устала, — холодно сказала Изабел. — Мне надо отдохнуть и подумать.

— Когда мы снова увидимся? — с надеждой в голосе спросила Мария.

— Я тебя найду, когда получше во всем этом разберусь.

— Я очень надеюсь! — обрадовалась ду Карму. — Ты можешь хотя бы обнять меня?

— Я не могу, — устало сказала Изабел, избегая смотреть ей в глаза. — Не сейчас.

— Я понимаю, — покачала головой Мария. — И не буду тебя принуждать.

Я так тебя люблю. Пока тебя не было, каждую минуту твоей жизни я молила Бога только за тебя. Моя любовь к тебе была сильнее боли и утраты. Моя любовь к тебе заставила меня жить, чтобы найти тебя.

Мария физически чувствовала, как ее слова разбиваются о холодную стену обиды.

Глава 15

Когда Дирсеу приехал в дом ду Карму, к нему навстречу тут же бросилась Сиссера и буквально с порога вывалила на него информацию о том, что произошло час назад.

— Этот негодяй Жозевалду посмел поднять на Марию руку после всего того, что она для него сделала? — возмутился он и сжал кулаки, чтобы хоть как-то унять дрожь в руках.

— Именно так, сеньор де КаSTRU! — подтвердила Сиссера. — Но мальчики не дали ему возможности разгуляться. Так что он собрал чемодан и был таков!

— Много бы я отдал сейчас, чтобы проехаться по его сытой морде.

— Как я вас понимаю! У меня самой до сих пор кулаки чешутся! — воскликнула Сиссера. — Такое невозможно представить даже в страшном сне! Все произошло на моих глазах так быстро, что я даже не успела помочь Марии. Если бы Леандру не вышел на шум, не знаю, чем бы все могло закончиться. Жозевалду просто озверел. Он и на собственного сына накинулся!

— Надеюсь, что теперь его, наконец-то, выкинули на улицу?

— Конечно! — подтвердила Сиссера. — Он ушел с огромным чемоданом через черный ход и при этом очень торопился.

— Торопился, говоришь? — насторожился Дирсеу. — Чувствует мое сердце, что это неспроста.

— Вот и дона ду Карму так подумала и решила опередить его! — В глазах Сиссеры вспыхнули озорные огоньки. — Вы готовы услышать самую главную новость, сеньор Дирсеу?

— Это еще не все? Ты меня пугаешь! — Дирсеу на всякий случай сел в кресло и подался вперед.

Сиссера не отрывала глаз от лица Дирсеу. Она хотела увидеть эффект от произнесенных ею слов.

— Сеньора Мария сегодня во всеуслышание заявила, что нашла Линдалву и даже знает, где она живет!

Дирсеу помрачнел на глазах. Сиссера никак не ожидала такой реакции и поэтому не могла удержаться от вопроса.

— Неужели вы не рады?

— Ну, эта информация для меня уже перестала быть новостью, — вздохнул Дирсеу. — Я был с Марией в тот день, когда она впервые встретила Линду. Странно другое: что заставило ее так поторопиться раскрыть карты? Она еще вчера мне говорила, что ей нужна хотя бы неделя, чтобы все уладить...

— Дорогой, ты знаешь, как судьба бывает жестока! — На пороге стояла ду Карму.

Дирсеу тут же бросился к ней. Она устало облокотилась на его руку и прошла в комнату. В ее походке появилось что-то новое, чего Дирсеу раньше не замечал.

— Судя по твоим глазам, произошло что-то плохое, — сказал он и дотронулся до небольшой ссадины на лбу. — Сиссера рассказала мне, что здесь устроил Жозевалду.

— Если бы не он, вся эта история не была бы так ужасна, — взгляд Марии застыл: она не отрываясь смотрела в одну точку. — Произошло то, о чем меня предупреждали ты и Эдгар. Я потеряла контроль над ситуацией... Эта мерзавка рассказала моей дочери свою версию похищения...

— Но тебе хотя бы удалось поговорить с Линдой?

— Да! Но она будто не слышала меня. Все слова разбивались о холодную стену. Мне показалось, что прошла целая вечность... — На глазах Марии появились слезы. — Это был самый длинный день в моей жизни.

— Ты проявила большое мужество. — Дирсеу обнял ее и поцеловал в макушку.

— Не знаю. Все было не так, как я представляла все эти годы. Одно дело мечты и другое — жизнь.

— Изабел теперь нужно время. Так?

— Она обещала подумать и даже не позволила себя обнять.

— Дорогая ду Карму! Самое трудное уже позади. Что произошло, то произошло. Ты проявила редкое мужество. И, пожалуйста, не падай духом. Изабел теперь знает правду. Жозевалду сам сорвал с себя маску, и никто из твоих сыновей теперь не посмеет поддерживать его!

— Ты прав. Все так. Но у меня совсем не осталось сил ни на какие эмоции. Мне до сих пор кажется, что я оставила свою душу в комнате Линды.

— Тебе сейчас нельзя хандрить! Прими ванну. Давай я помассирую тебе ступни. Потру спинку, — Дирсеу нежно потерся носом о ее щеку.

— Знаешь, что я тебе скажу. Не будь я в таком состоянии, я бы очень обрадовалась твоему предложению, — впервые улыбнулась Мария.

— А я и хотел взбодрить тебя. В конце концов, друзья для этого и существуют.

— Но друзья не трут спинку друг другу.

— А как же я? Я ведь твой старый и преданный друг, который уже двадцать лет занимается этим. Так что иди ко мне!

* * *

— Открой, дочка! — Назаре изо всех сил барабанила в дверь комнаты дочери. — Эта мерзавка Клаудия во всем виновата. Сейчас наверняка затаилась у себя и подслушивает. Какая я была наивная. Пригрела на груди змею! Теперь ты знаешь, дорогая, она тебе даже не сестра! Она нам чужая! Мы можем спокойно...

Изабел резко распахнула дверь перед носом Назаре.

— Она — моя сестра, как ты — моя мать! — сказала девушка и пристально посмотрела на Назаре. Тяжелый взгляд дочери немного остудил ее и заставил от

вести глаза.

— Знаю, дочка, ты любишь ее всем сердцем, но она в ответе за все, что происходит. Это же она добилась всего. Она отомстила нам, разрушила наше счастье. Она все испортила!

— О чем ты говоришь?

— Она недаром стала встречаться с Леандру и поощряла твою работу в «Месье Вотеле»... — Взгляд Изабел заставил ее запнуться. — Не смотри на меня так, я этого терпеть не могу. Дочка, я знаю, как ты страдаешь, но мне тоже не просто признать прошлые ошибки, предстать перед тобой такой слабой, с обычными человеческими недостатками.

— Ты не боишься, что тебя арестуют?

— Дочка! Что ты говоришь! Ты им поверила? Ты всегда думала своей головой, а теперь попала под влияние Клаудии, которая явно желает тебе зла! Она не просто так связалась с журналистом и целыми днями сидела в библиотеке, а потом задавала мне всякие провокационные вопросы!

— Ты не боишься, что тебя арестуют? — повторила Изабел.

— Ты хочешь на меня заявить? — в ужасе воскликнула Назаре. — Я душу в тебя вложила. Я никогда никого не любила, как тебя. Я дала тебе материнскую любовь и ласку, я вырастила тебя. Не всякая родная мать любит так своего ребенка, как я. Как эта Мария ду Карму может любить тебя, если она совсем не знает тебя? А я могу предугадать каждое твое движение, я могу читать твои мысли! Назаре опустилась на пол и уткнулась лицом в колени девушки. — Хочешь, я докажу, что твоя настоящая мать — я? Хочешь, я отдам за тебя жизнь и глазом не моргну! Верь мне!

— Я все же хочу знать, ты не боишься, что тебя посадят? — От бесстрастного голоса Изабел кожа Назаре покрылась мурашками.

— Я боюсь, Изабел! Боюсь потерять твою любовь, твоё восхищение, но, если ты останешься со мной, дочка, мне ничего не будет страшно! Без тебя жизнь ничего не стоит.

— Насколько я знаю, тебя будут судить.

— Мой единственный судья — это ты. На все воля Божья! — воскликнула Назаре и еще сильнее прижалась к дочери.

— В каких еще преступлениях ты замешана?

— Похищение! Настоящий виновный не я, а твой отец. Это он организовал все это и спланировал. Но это преступление уже не преступление за сроком давности, и меня не могут за это обвинить. Самое серьезное — это подделка документов. Мы с твоим отцом пошли на это, когда зарегистрировали тебя. Восемь лет, Изабел, это минимальный срок, который мне могут дать. Адвокат сказал, что за это под залог не освобождают...

— Но ведь вы совершили преступление! Вы украли меня у родной матери!

— Как ты можешь, Изабел! Ты не имеешь права меня осуждать! Мы спасли тебя от нищеты и голода! Если ты не простишь меня, я покончу с собой, брошусь с высоты, навстречу смерти!

— Прекрати, мама!

— Изабел, мне нельзя в тюрьму! Я не могу чистить тюремные унитазы, у

меня не тот возраст! Дочка! Скажи, что поможешь мне! Умоляю тебя, скажи! Ну, не молчи и не отворачивайся от меня в трудную минуту! Умоляю тебя, Изабел!

— Я тебе помогу, — еле слышно произнесла девушка.

— Я знала! Я знала, что могу на тебя рассчитывать! — обрадовалась Назаре. — Ты поможешь мне? Ведь твоя любовь ко мне неизменна, так ведь? Да? — она робко заглянула в глаза дочери.

— Я помогу тебе... но только из чувства долга!

* * *

Жизнь Анжелики превратилась в сплошной кошмар. Все началось в день бракосочетания, когда покой и счастье молодоженов были грубо нарушены бесцеремонным вторжением Яры с маленьким ребенком. Затем эта интриганка Вивиан, которая поставила ей жесткое условие: или она работает на нее и Режиналду, или завтра же ее не будет в доме ду Карму.

Анжелика пыталась тянуть время, но угрозы Вивиан заставили ее решиться на эту авантюру. И через фирму ду Карму стали проходить сомнительные документы... В конце концов она так запуталась, что стала бояться собственной тени.

Единственный человек, который был посвящен в эту тайну, была родная мать Анжелики — Белмира, живущая в беднейшем квартале на окраине Рио. Вся жизнь этой женщины была борьбой за выживание, но к сорока пяти годам, совершив кучу ошибок и промахов, она так и не устроила свою личную жизнь и не сделала карьеры. Стоило на горизонте появиться какому-нибудь мужчине, как она бросала все и жила только его интересами, надеясь, что рано или поздно на ее пальце появится обручальное кольцо. Но время стремительно летело, унося с собой нереализованные возможности, молодость и здоровье.

К двадцати пяти годам судьба дала шанс Белмире: у нее родилась дочь. Отцом ребенка был учитель португальского из школы в долине Фламиненсы, человек положительный и веселый.

Дон Гонсалес как порядочный сеньор даже сделал предложение девушке, но до свадьбы не дожил, а скончался от инсульта на любовном ложе в возрасте пятидесяти семи лет.

Может, удар судьбы, а может, гормональная перестройка привели Белмиру в состояние эмоционального ступора, но девушка, не отдавая себе отчета, продала ребенка в богатую семью сразу же после родов. Через неделю она поняла, что совершила чудовищную ошибку, но было поздно. О людях, которым отдала дочь, она знала лишь то, что они родом из Каталонии и успешно занимаются ресторанным бизнесом. Многие годы она продолжала поиски, пока не нашла дочь и не открылась ей, рассказав всю неприглядную правду своей жизни.

Анжелика сначала стеснялась и сторонилась ее, но потом невидимые нити, родственная кровь и душевное одиночество все же дали о себе знать, и девушка пошла на контакт с матерью, и уже через месяц они стали подругами.

Раз в неделю дочь прибегала к матери излить душу.

Белмира терпеливо выслушивала дочь, не смея вмешиваться в ее жизнь, а на

прощание тайно крестила ее и уходила плакать в свою каморку.

— Я знаю, что ты очень разочарована, — робко сказала она Анжелике, — но не все еще потеряно...

— Как не все? — заплакала Анжелика. — Я не отпраздновала свадьбу как следует, у нас еще не было медового месяца, а Плинию уже держит на руках чужого ребенка...

— Но ты же много раз говорила, что хочешь выйти замуж за Плинию, чтобы иметь семью.

— Да, мама, как только я попала в дом ду Карму, я поняла, что это именно то, чего я хочу от жизни. Крепкую и сплоченную семью.

— А я не в счет? — позволила себе упрек Белмира.

— Когда я узнала о тебе, я уже жила в доме ду Карму, работала в ее магазине. Я не хочу все это потерять, — попыталась оправдаться девушка.

— Анжелика, хорошо это или плохо, но я — твоя мать. Этого ты не можешь изменить. Но если ты так хочешь стать членом семьи ду Карму, вернись и скажи мужу, что ты поможешь растить этого ребенка и расскажи правду о нас. Этим ты сразу прекратишь шантаж со стороны старшего сына ду Карму и его супруги.

— Ни за что! возмутилась Анжелика. — Я вернусь назад, и никто не должен знать, что ты моя мать. Иначе я буду выглядеть проходимкой. Ду Карму очень добрая и благородная, но боюсь, что она просто не сможет понять меня.

— Ты ничего плохого не сделала! — воскликнула Белмира. — Я готова подтвердить твои слова! Уверяю тебя, что ду Карму все поймет. Дочка! У лжи короткие ноги. Поступок твоего мужа доказывает это.

— Знаю, мама! Но дай мне время! Я не могу все решить сразу.

— Знаю, дочка, и буду терпеть столько, сколько надо. — Белмира проводила Анжелику до остановки и долго смотрела ей вслед, пока автобус не скрылся за поворотом.

Обычно после этих встреч Анжелика возвращалась на работу и запиралась в своем маленьком кабинете, рыдая от унижения и отчаяния.

Совсем недавно ду Карму застала ее в заплаканном виде и, ничего не спросив, лишь погладила по голове и улыбнулась. Девушка была ей благодарна за то, что Мария не стала ее мучить расспросами и нравоучениями.

«И эту святую женщину я предаю каждый день, — всхлипнула Анжелика и закрыла лицо руками. — Нет! Так дальше не может продолжаться, надо что-то предпринять».

Она взяла чистый бланк с печатью и подписью ду Карму и сама напечатала приказ о том, что ни один документ не должен уходить из офиса без подписи Марии. Ей хватило пяти минут, чтобы решить затянувшуюся проблему.

«Вот и все! — улыбнулась она. — И как я раньше не смогла додуматься до этого простого решения? Теперь ни одна бумага не пройдет мимо ее стола. погоди, Режиналду, как только Мария посмотрит на твои фальшивые документы, она сразу выведет тебя на чистую воду!»

В хорошем расположении духа Анжелика вернулась в торговый зал.

После страшного скандала, который разразился в доме, Фауста долго стояла под дверью Клаудии, ей очень хотелось хоть немного поддержать несчастную.

Во всем доме повисла зловещая тишина. Лишь изредка поскрипывали половицы да слышался шум ветра. Кто-то забыл закрыть форточку на кухне.

Фауста уселась в коридоре на пуфик и стала наблюдать за стрелками часов, то и дело подходя к двери комнаты Клаудии и прислушиваясь к разным звукам.

Наконец, она набралась смелости, поскреблась в дверь и вошла. Клаудия лежала на кровати ничком и горько плакала.

— Бедная девочка, — кинулась к ней Фауста, — как же тебе тяжело! Ты знала все и не могла сказать. Ты жила рядом с этой мерзавкой... — Из глаз служанки брызнули слезы.

— Фауста! Не надо. Ты пришла меня успокаивать, а сама плачешь!

— Ну, не буду, не буду больше, — она вытерла слезы краешком фартука, а затем промокнула тем же кусочком ткани лицо Клаудии, все в черных дорожках от туши и заставила ее высморкаться.

— Ты так все время делала в детстве, когда заставляла меня со слезами на глазах, — вспомнила Клаудия.

— Все-то ты помнишь, моя милая девочка! — обрадовалась Фауста. — Ну, говори, чего ты сейчас расстроилась?

— Мне кажется, Изабел приняла сторону Назаре и отвернулась от меня... Она очень странно поступила с родной матерью. Кажется, что ее мозг отказывается принимать то, что есть на самом деле. Теперь я совсем одна.

— Девочка моя, пока я здесь, ты не одна! — попыталась успокоить ее Фауста. — Я очень тебя люблю. Ты мне, как дочь. Я начала работать в доме твоей матери, когда ты родилась. Ты выросла на моих глазах. Помнишь, как ты называла меня в детстве? Фалтой! — Фауста смешно суксила лицо и произнесла капризным голосом: «Фа-а-алта, принеси мне молочка! Фа-а-алта, у моего медвежонка отвалилась лапка!» Помнишь?

На лице Клаудии впервые появилась улыбка. " ~

— А потом, когда донна Мария Кристина умерла, я поклялась, что не оставлю тебя, не позволю остаться одной. Все эти годы я сносила издевательства Назаре ради тебя, моя девочка. Я всегда буду с тобой, и ты вовсе не одна...

— Ты не представляешь, как мне важно сейчас это слышать, — Клаудия крепко обняла служанку и спрятала лицо на ее груди.

— Родными становятся не только по крови, — философски заметила Фауста. — А ты давно поселилась в моем сердце... Так что, пока Фауста жива, она будет всегда рядом с тобой!

— Спасибо, дорогая.

Клаудии было легко и хорошо в объятиях Фаусты. Слезы высохли, и ей очень захотелось спать.

Когда дверь комнаты резко распахнулась и на пороге появилась Назаре, она по-настоящему испугалась, потому что была не готова к такой скорой встрече. Глаза мачехи пылали ненавистью.

— Уйди, старая дура! — сразу набросилась она на Фаусту. — Дай нам поговорить! Ну! Мне повторить свой приказ?

— Я и с места не сдвинусь! — не очень уверенно сказала горничная. — Я не прислуживаю самозванкам, по которым тюрьма плачет!

— Ах, вот ты как заговорила! — завелась Назаре. — Давно я не давала тебе тумачков! — Назаре стала медленно приближаться к кровати, давая ясно понять, что она не шутит.

— Фауста, — Клаудия попыталась разрядить ситуацию, — пожалуйста, завари мне чай с ромашкой и мятой: мне надо успокоиться.

— Хорошо, Клаудия, но если эта сеньора будет распускать руки, у меня внизу есть хорошая палка. Вместе мы запросто с ней справимся! — Она с вызовом посмотрела на Назаре и встала.

— Иди, иди, толстая корова! — бросила ей в спину Назаре. — Пока меня еще ни в чем не обвинили.

— Пока! — бросила через плечо Фауста и гордо скрылась за дверь.

— Это ты во всем виновата! — сразу накинулась на Клаудию Назаре, как только осталась вдвоем с девушкой.

— В чем?

— Не прикидывайся! Ты сама знаешь! Ты не могла успокоиться, пока не докопалась до правды. Ты поддерживала сестру, когда она устроилась в этот проклятый ресторан. Ты сошлась с сыном ду Карму! Ты подслушивала и подглядывала при каждом удобном случае, считая дни, когда меня разоблачат!

— Да, не буду скрывать: все так и было, — спокойно ответила Клаудия. — Я смогла отомстить за мать и за отца.

— Поздравляю! — развеселилась Назаре. — А теперь скажи, что тебе дала эта месть? Твои родители — покойники. Изабел будет ненавидеть тебя до конца дней, потому что ты скрывала от нее правду и всегда ей завидовала! И теперь ты одинока, как никогда.

— Неправда, как только Изабел успокоится, она поймет, какая ты жестокая и подлая, и возненавидит тебя до конца жизни! Я просто уверена в этом! — воскликнула Клаудия. — Разве не так?

— Хороший игрок не трубит о победе раньше времени. Не думай, что побил мою карту. Эта игра еще не скоро закончится, — недобро улыбнулась Назаре и вышла из комнаты.

Теперь оставалось самое важное: уговорить Изабел бежать из Рио куда-нибудь подальше от ду Карму и полиции.

«Куритиба — хорошее комфортное местечко. Я смогу весело проводить время и, быть может, подцеплю какого-нибудь осла, да и Изабел пора устраивать жизнь с сеньором постарше и побогаче». Назаре немного постояла у комнаты Изабел и, выдавив из себя слезу, появилась перед дочерью в самом трогательном виде: на лице была маска неподдельной скорби и смирения.

— Дочка, выслушай меня! Если сегодня мы не улетим в Куритибу, меня арестуют! Заклинаю тебя! Помоги мне бежать! Мне очень нужна твоя помощь! — она сделала попытку броситься на колени, но Изабел остановила ее.

— Хорошо, мама. Что ты хочешь?

— Только одного, Изабел, только одного! Поддержи меня! — Назаре пыталась понять, какие чувства вызывают у дочери ее слова, но лицо девушки оставалось бесстрастным. — Ты слышишь меня, Изабел?

— Да, мама... — Голос девушки звучал холодно и равнодушно.

Назаре впервые испугалась потерять главный козырь во всей игре — привязанность Изабел. Совершенное чутье говорило ей: надо бежать с дочерью и как можно скорее. «Я ни за что не пойду в тюрьму», — подумала Назаре.

— Дочка, тебя никто не будет любить, как я. Эта ведьма играла твоими чувствами, чтобы отнять тебя у меня. Она нанесла тебе страшную рану, перевернула всю твою комфортную и счастливую жизнь! Ду Карму не любит и не знает тебя! Ты для нее трофей, каприз, а не родная дочка!

— Не надо, мама! — остановила ее Изабел. — Ты предлагаешь мне бежать, а как же Клаудия? Я не могу просто так взять и бросить человека, с которым прожила всю жизнь...

— О чем ты говоришь, дочка? — возмутилась Назаре. — Клаудия поступила с тобой, как коварная змея: таилась, обманывала, скрывала от тебя правду! Она не любит тебя и недостойна твоих чувств!

— Прекрати, мама! Мне больно это слышать!

— Дочка! Неужели ты оставишь меня на растерзание этим гиенам? Дочка, я повешусь в камере...

— Мама! Ты опять за свое? Я же сказала, что помогу тебе!

— Вот и славно, девочка моя! — обрадовалась Назаре. — Ты поможешь твоей матери избежать несправедливого наказания. Сегодня же мы улетим в Куритибу и будем жить в свое удовольствие! Поверь мне, Изабел, жизнь обязательно наладится, если мы будем вместе!

* * *

С того дня, когда Леандру в очередной раз дал понять, что не собирается прощать Миналву, девушка впервые подумала о крайних мерах.

«Ребенок! Вот кто бы мог решить мою проблему! Когда-то Леандру мечтал о наследнике, а я не хотела портить фигуру...» — Налва нахмурилась. Сейчас она отдала бы многое, лишь бы повернуть время вспять. — Но как же уложить его в постель, если он и разговаривать со мной не хочет? Леандру по-прежнему оплачивает мои счета, лишь бы я лишний раз не появлялась у него на глазах... Господи, какая я была дура! Упустила свое счастье и осталась ни с чем».

Незнакомая мелодия заставила ее вздрогнуть. Звук шел из маленькой дамской сумки, с которой она не расставалась ни на минуту.

Миналва перевернула ее и вытряхнула на кровать все содержимое.

«Так, помада, зеркала, пудра... а это что?»

На ее ладони лежал маленький сотовый телефон, блестя отполированными серебряными боками и украшенный десятью бриллиантиками в виде сердца.

«Как эта вещь могла попасть ко мне в сумку?» — удивилась Миналва и нажала на кнопку.

— Алло!

— Здравствуйте, Миналва! Это депутат Томас Джефферсон. Вы видели меня на представлении в Школе самбы. Вы помните меня? Я тогда дал вам визитку.

Миналва вспомнила холеного молодого человека с идеальной улыбкой и нахмурилась.

— Да, я вас помню, — сдержанно сказала она.

— Я звоню, чтобы принести вам свои извинения за то, что пришлось вам сделать подарок таким экстравагантным способом.

— Да, до вас в мою сумочку еще никто не лазил без спроса, — упрекнула его девушка.

— А здесь вы ошибаетесь. Когда я попросил вашего приятеля из Школы самбы Убираси посодействовать нашему знакомству, он пришел в восторг от моей идеи подарить вам сотовый телефон таким экстравагантным способом...

— Вам помог Убираси? — растерялась Миналва. — И ничего не сказал мне об этом?

— Не сердитесь на него, пожалуйста, это была моя просьба.

— Зачем вы сделали мне такой дорогой подарок? Неужели мой приятель не сказал вам, что я до сих пор замужняя женщина. Нас с Леандру пока никто не развел.

— Миналва, вы удивительная женщина, и мне наплевать, замужем вы или нет, но на данном этапе я очень хочу стать хотя бы вашим другом. Пожалуйста, не отталкивайте меня! Позвоните, когда у вас будет настроение. Я брошу все и примчусь, чтобы снова увидеть вас. — Слова депутата несколько смягчили настроение Миналвы, и она впервые улыбнулась. — Можете мне ничего не отвечать, только, пожалуйста, оставьте у себя мой подарок. Я же ничего не прошу взамен.

— Хорошо, — ответила Миналва и дала отбой.

«Много бы я сейчас отдала, если бы на месте этого Джефферсона был Леандру», — подумала она, разглядывая подарок.

К вечеру от былой хандры не осталось и следа. Налва всегда знала, как бороться с плохим настроением. Она провела почти десять часов в салоне красоты, где ей сделали настоящий аюрведический массаж с растираниями и обертываниями под протяжную восточную музыку. Вместе с новой силой и желанием жить к ней вернулась надежда на лучшее, и выход из сложившейся ситуации уже обрел смутные, но реальные контуры.

К вечеру она уже знала, что будет делать. Просидев в кафе напротив основного офиса больше часа, она была вознаграждена за свое терпение. Ровно в шесть вечера Леандру вышел из ворот Школы самбы и направился в сторону ресторана «Месье Вотель». Налва тайно последовала за ним, но в здание ресторана входить не стала, зная, что Вириату сразу предупредит брата.

Ей пришлось устроить себе временное убежище на пляже. Она оттащила одинокий шезлонг от яркого фонаря и закуталась в забытый кем-то из посетителей «Месье Вотеля» клетчатый плед.

Легкий бриз и шум волн сделал ее мысли ленивыми и приятными. Налва перебирала в памяти те моменты, когда Леандру в первый раз потерял голову, увидев ее, как красиво ухаживал до свадьбы и даже за месяц выучился играть на

саксофоне, узнав, что невеста питает слабость к этому инструменту.

Веки потихоньку отяжелели, Налве захотелось спать.

«Сказал бы мне кто полгода назад, что я буду добиваться встречи с собственным мужем, я бы рассмеялась этому человеку в лицо», — горько подумала она и вздохнула.

Прошло уже два часа, из двери ресторана, которая была хорошо освещена фонарем, вышли еще две веселые парочки и направились в сторону пляжа.

Она скинула плед и подошла поближе к выходу, чуть не столкнувшись с Клаудией.

На девушке было эффектное обтягивающее платье на тонких ляпочках и красивое кольцо из черного жемчуга.

Клаудия спустилась вниз первой. Леандру задержался у дверей, разговаривая с братом. Миналва быстро прошла вперед, не дожидаясь, пока соперница ее рассмотрит, и села в стоящее неподалеку такси.

Через полчаса Миналва уже знала новый адрес квартиры Леандру, располагающейся на первом этаже небольшого особнячка. Щедро расплатившись с шофером, она вышла из машины и приготовилась ждать.

Окна особняка выходили в небольшой садик с пышными кустами и располагались достаточно низко, так что за всем, что происходит в квартире, можно было наблюдать без особых усилий.

Леандру зашел в квартиру, зажег настольную лампу, стоящую у кровати и зашторил окна. У Налвы от жгучей ревности сильно закружилась голова. Она, не осознавая, что делает, подобрала скользкий гладкий камушек, но остановилась в последний момент.

«Господи! Дай мне силы вытерпеть это! Я могла бы все испортить!» — Налва отошла от окна подальше и устроилась на каменном парапете.

Она уже потеряла счет времени, когда к дому подъехало такси. Скользнув невидимой тенью за густой кустарник, она ловила каждое слово вышедшей из дома влюбленной парочки.

— Клаудия, дорогая, позволь мне тебя проводить, — просил Леандру. — Я не усну, если не буду знать, что ты дома.

— Даже не думай об этом! — сопротивлялась девушка. — Ты же знаешь, если я приеду вместе с тобой, мы можем спугнуть Назаре, и тогда завтра некого будет арестовывать. А такси довезет меня до самого дома! До свидания, милый! Я тебе позвоню. — Клаудия высунулась из окна и поцеловала Леандру.

По телу Налвы пробежал нервный озноб. Она еле сдержала себя, чтобы не накинуться на молодую соперницу.

— Если передумаешь, возвращайся! — крикнул Леандру и долго смотрел в след удаляющемуся такси.

«Пора действовать!» — решила Налва и осторожно прошмыгнула в приоткрытую дверь.

Леандру принял душ и растянулся на кровати с книжкой в руках, ожидая звонка.

Прошло полчаса. Глаза молодого человека стали предательски закрываться. Он понятия не имел, что штепсель от телефона был вынут из розетки.

Миналва дождалась, когда голова Леандру безвольно упадет на подушку, выключила свет и скользнула под одеяло. Ее ноздри жадно втянули родной запах кожи.

«Сколько же я ждала этого момента!» — подумала она и прижалась к мужу.

— Клаудия! Я знал, что ты вернешься, — сонно пробормотал Леандру и обнял Налву.

* * *

Растерянная ду Карму позвонила Джованни, когда стрелки на часах показывали пять утра.

— Джованни! Мы опоздали! Они бежали вместе!

— Подожди! — Импротта мгновенно проснулся. — Откуда у тебя эти сведения?

— Только что звонила Клаудия. Она недавно приехала домой после свидания с Леандру и обнаружила страшный кавардак в своей комнате. Ее мачеха искромсала ножницами всю ее одежду, забрала драгоценности и деньги из сейфа и бежала. Клаудия бросилась в комнату сестры, но наткнулась на пустые шкафы и полки...

— Это еще больше облегчает нашу задачу, — обрадовался Джованни. Я сейчас приеду к тебе. Не расстраивайся, через пятнадцать минут мои люди перекроют все выходы в аэропорту. Не пройдет и часа, как она будет сидеть в кабинете комиссара полиции.

— Спасибо, Джованни, я знала, что ты не оставишь меня! — поблагодарила его ду Карму и повесила трубку.

Ей оставалось одно. Сидеть и ждать, когда приедет Импротта, который всегда разрешал любые трудности и проблемы с грацией и легкостью настоящего сицилийского мужчины.

Если бы не Дирсеу, она, не раздумывая, отдала бы свое сердце Джованни. Ей было с ним всегда уютно и спокойно, а мысль, что он по-настоящему любит ее вот уже больше двадцати лет, щекотала ее самолюбие.

Мария всегда гнала от себя мысли о том, что было бы, если бы она ответила ему взаимностью и вышла за него замуж. Он был очень красив, по-своему изящен и, самое главное, в его груди билось благородное сердце. Ему всегда удавалось ладить с людьми из разных слоев общества. К нему постоянно тянулись дети и животные, его обожали собаки.

По сравнению с Дирсеу он был более прост, деятелен и никогда ни на что не обижался. С ним всегда было легко, хорошо и интересно.

Ду Карму сама не заметила, когда из приятельских отношений они перешли в более серьезные. Мария не позволяла себе расслабляться в его присутствии и всегда делала вид, что место любимого мужчины в ее сердце давно занято. Но при мысли, что Джованни когда-нибудь исчезнет из ее жизни, приводила ее в ужас.

«О чем я думаю?» — упрекнула себя Мария.

Она откинулась на спинку кресла и вспомнила недавний разговор с Дирсеу сразу после того, когда она, разбитая и опустошенная, вернулась в свой дом после

трудного разговора с дочерью. Дирсеу тогда предлагал попросить комиссара, чтобы он установил слежку за домом Назаре...

«Ну почему я не послушала тогда Дирсеу? — упрекнула себя Мария. — Он как в воду глядел и предвидел, что эта мерзавка рискнет сбежать, зная, что ее могут объявить в розыск...»

Наконец, она услышала звук подъезжающей машины и вышла из дома.

* * *

Все складывалось как нельзя лучше. Такси доставит их в аэропорт в пять часов утра. Останется лишь выкупить забронированный билет на имя Дженанни Перейра и Изабел Тедеску, а дальше сесть в самолет и добраться до приличного отеля в Куритибе.

«Вот Клаудия «обрадуется», когда увидит, что стало с ее любимом джемпером и костюмом, — ухмыльнулась Назаре. — Представляю, как она придет под утро и откроет свою комнату...»

— Мама, о чем ты думаешь? — прервала ее мысли Изабел. — У тебя такое странное лицо.

— О тебе, дочка, — улыбнулась Назаре. — Я ругаю себя за то, сколько горя тебе принесла.

— Не надо, мама. Мы приняли решение, поэтому давай не будем вспоминать плохое.

— Правильно, дорогая! — Назаре нежно поцеловала Изабел и почувствовала, как по телу дочери прошла судорога.

— Что с тобой? Ты вся дрожишь? — по-настоящему испугалась Назаре.

— Все в порядке. Это нервное, — попыталась успокоить ее Изабел и потеряла сознание. Она очнулась через несколько секунд в объятиях матери.

— Дочка, не покидай меня! Дочка! — молила Назаре, растирая щеки Изабел.

Девушка подняла глаза и увидела испуганное лицо таксиста. В ушах звенел высокий голос матери.

«Господи, как я устала», — подумала Изабел и опять закрыла глаза.

— Дочка! Не пугай меня! Не закрывай глаза! Прошу тебя!

— Может, вызвать «скорую»? — предложил молодой человек и потянулся за рацией.

— Не вздумайте! — перехватила его руку Назаре. Он недоуменно уставился на странную пассажирку.

— Если я не ошибаюсь, это ведь ваша дочь, — сказал он. — Не хочу вас обидеть, но мне кажется, что вы можете потом об этом пожалеть...

— Я лучше знаю своего ребенка! — вскипела Назаре, но тут же взяла себя в руки. — Молодой человек, — сказала она более мягким тоном, — ее все время укачивает в машине. Я мучаюсь с ней с самого детства.

— Тогда другое дело! Мы можем ехать в два раза медленнее, — предложил он.

— Нет, так ей будет еще хуже, — категорично заявила Назаре. — Чем

скорее мы приедем в аэропорт, тем быстрее все это кончится.

Таксист пожал плечами и завел мотор.

«Умник какой! — зло подумала Назаре. — Ехать в два раза тише! Тише едешь — больше платишь. — Она посмотрела на счетчик. — Двадцать два реала! Неплохой бизнес, а нам еще ехать десять минут!»

Назаре посмотрела на дочь. Ее лицо было измученным и какого-то зеленоватого оттенка.

— Дочка, тебя не тошнит? — спросила она.

— Нет, мама, просто я сегодня совсем ничего не ела.

— Вот и славно, — повеселела Назаре. — Сейчас приедем в аэропорт и перекусим в ресторане.

У Изабел не было сил возражать матери, и она закрыла глаза. В душе было пусто и темно. Потом она не могла восстановить в памяти, как они вышли из машины, добрались до нужного терминала и встали в очередь. Состояние безразличного ступора сменяли приступы дурноты и болезненного озноба. Очнувшись, девушка обнаружила себя сидящей на неудобной лавке среди снующих и шумных людей с огромными сумками и чемоданами, никого рядом не было.

«Сейчас я встану, дойду до остановки такси и вернусь домой», — вяло подумала Изабел и посмотрела по сторонам, но стоило ей встать, как цепкие пальцы соседки вцепились ей в запястье.

Незнакомая дама с темными прямыми волосами и изящными очками улыбнулась и сказала знакомым голосом.

— Дочка! Это я!

— Мама? — удивилась Изабел. — Зачем этот маскарад?

— Видишь тех людей, которые стоят у выхода? — она указала на полного лысоватого мужчину и двух помощников, стоящих рядом. — Это страшный человек, Изабел. Я успела с ним познакомиться.

— Что же нам делать?

— Мы просто поменяем маршрут. Они ждут, что мы полетим рейсом на Куритибу, а мы поменяем направление. Как тебе Порт Алегри?

— Ты же знаешь, мне все равно.

Назаре взяла Изабел за руку и потащила ее в противоположный конец зала. Девушка не сопротивлялась.

Очередь быстро продвигалась вперед. Вскоре и Назаре оказалась перед стойкой паспортного контроля. За компьютером сидела симпатичная темноволосая девушка с короткой стрижкой и строгим лицом.

— Здравствуйте, ваш паспорт и билет, — попросила служащая аэропорта.

Назаре смело протянула чужой документ и улыбнулась.

— Пожалуйста! Дженанни Перейра, — сказала она весело. — Изменилась, да?

— Очень, — девушка не сводила с нее глаз.

— Знаю. Лицо у меня уже давно не такое, как на документе.

— Именно это я и заметила.

— А знаете почему? Тут подправить, здесь подтянуть. Эти волшебные

уколы. Золотые нити. А потом смотрю, ничего прежнего не осталось. Когда я вернулась в свой родной город Бекас, меня никто не узнал. Даже мама, доня Эрительда, сказала: «Ты не моя дочь!»

Девушка терпеливо выслушала всю информацию, которую вылила на нее Назаре, и спросила холодно.

— У вас нет документа с фотографией поновее?

— Нет! — очаровательно улыбнулась Назаре и беспомощно посмотрела в сторону Изабел. Она уже прошла контроль и стояла у соседнего терминала, бесстрастно наблюдая за тем, что происходит.

Назаре увидела, как к стойке приближаются два человека в форме работников аэропорта.

«Ну вот и все», — подумала она и инстинктивно попятилась назад.

— Лурдес! Быстро сдавай смену и дуй в комнату отдыха: тебя там муж ждет, — весело сказала напарница и заняла место за стойкой той, которая чуть было не сломала Назаре все планы. Она немного повозилась с компьютером, рассеянно скользнула по фотографии и поставила штамп.

— Приятного полета. Ваш посадочный талон, — сказала она и улыбнулась.

Назаре, не помня себя от радости, чуть не прошла мимо Изабел.

— Ты куда? — окликнула ее дочь

— Извини, дорогая, нервы. Сейчас сядем в самолет, и я окончательно успокоюсь.

Они миновали длинный коридор и подошли к выходу сорок шесть.

— Добро пожаловать на борт! — профессионально улыбнулась бортпроводница.

— Спасибо, лапочка! — Назаре чувствовала себя пьяной от счастья. Ей опять удалось выпутаться из неразрешимой ситуации. Она тайком посмотрела на дочь. Если раньше ее пугала мысль, что Изабел может в любую минуту развернуться и уйти, то сейчас было видно, что девушка находится в состоянии глубокой апатии и плохо понимает, что делает. Она безвольно сидела в кресле и смотрела в иллюминатор.

Последовал небольшой толчок, и самолет стал тихонько выруливать на взлетную линию.

«Боинг-747» оторвал шасси от земли и, задрвав нос, взмыл к небу. Изабел прислонила горячий лоб к прохладному стеклу иллюминатора. Мысль о том, что от нее ускользает все самое дорогое, смутно застучала в голове, но она усилием воли переключила свое внимание на живописные картинки удаляющегося города.

Аэропорт «Сантус-Дюмонт» быстро скрылся из виду, и Изабел последний раз попыталась запомнить дорогой сердцу пейзаж.

Внизу осталась узкая полоска Капакабаны, ограниченная с одной стороны заливом Гуанабара и Атлантическим океаном, а с другой горами.

Большой сквер между пляжем Фламенго и проспектом Бейра был похож на огромную кляксу, от которой шли путаные линии автомагистрали, ведущие к центру города. Горб Корковадо величественно выделялся на фоне массива Сьерра-да-Кариока. Внизу остались роскошные старинные здания, церкви, дворцы, виадуки, отели-небоскребы, а также ветхие постройки фавел, небрежно

упирающиеся в скалы.

Глава 16

Себастьян еще раз взглянул на картину и спрятал ее в тайник. С тех пор, как он поговорил с Дирсеу о своих сокровенных планах, прошел месяц, и события начали развиваться с фантастической скоростью.

Барон Педру, посвященный одним из первых в тайну Себастьяна, умудрился уговорить Джованни вложить деньги в полотно Сезанна. Импротта был в восторге от идеи, что станет собственником картины, и с нетерпением ждал того дня, когда сможет взять ее в руки.

До назначенного аукциона было еще три недели, но Себастьян уже сильно нервничал.

— Что ты так дергаешься? — говорила Жаниси мужу. — Ведь все идет как по маслу!

— Вот это-то меня и беспокоит! — не унимался Себастьян. — Все слишком хорошо и гладко. Моя интуиция подсказывает, что обязательно что-то случится.

Такие разговоры происходили в доме Себастьяна уже не первый раз, и он ждал с нетерпением, когда наступит долгожданный день, и он сможет на вырученные деньги открыть «DIARIO DE NOTICIAS».

«Знала бы дона Жозефа, — мечтал он теперь по вечерам, — что ее имя не будет забыто и главное детище жизни переживет ее и будет приносить радость прежним и новым поклонникам газеты».

Себастьян был рад, что судьба приготовила ему именно такую миссию. В успехе дела он не сомневался. Его интерес совпал с сокровенной мечтой Дирсеу, в котором он видел не только прекрасного напарника, но и единственного человека, который сможет, несмотря ни на что, справиться с любой трудностью.

Себастьян часто вспоминал дни, когда Дирсеу, правая рука доны Жозефы, рискуя жизнью, не пошел на компромисс с властью, а упрямо продолжал вести принципиальную политику газеты. Как тогда завидовал ему Себастьян, ревновал и сердился, с трудом сдерживая свои чувства.

Жаниси чувствовала, что с появлением «подарка из прошлого», именно так ее муж называл находку, в жизни всей семьи должна была начаться новая полоса. Жаниси не знала, бояться ей неизвестного будущего или радоваться ему. Прежняя налаженная жизнь безвозвратно уходила в прошлое. Дети выросли и немного отдалились от родителей. У них была своя личная жизнь. Если раньше Себастьян строго следил за тем, чтобы младшая дочь Режина вовремя возвращалась домой, то теперь по вечерам блаженно засыпал на диване перед телевизором, погруженный в свои мечты и планы.

Жаниси беззлобно ворчала на него, обзывала лунатиком и заботливо укрывала пледом, когда программа передач заканчивалась.

Ее сердце чувствовало тревогу и волнение, когда старшая дочь, умница и отличница, Элеонора почти перестала бывать дома. Если сначала она объясняла себе ее частое отсутствие по вечерам интенсивной учебной и тяжелой работой в

клинике, то потом стала списывать все на тайные встречи с молодым человеком, которые девушка почему-то скрывала от родных.

Жаниси пошла на хитрость. Она подъехала к больнице, где работала девушка, в надежде увидеть симпатичного молодого человека рядом с ней, но была глубоко разочарована. Вместо этого за Элеонорой приехала ее закадычная подруга Дженнифер.

Девушка вышла из машины и страстно прижалась к ее дочери. Жаниси застыла на месте с открытым ртом. Затем последовал недвусмысленный поцелуй, объятия, после чего девушки сели в машину.

Через приоткрытое окно автомобиля она увидела, как Элеонора опрокинула свою подругу на кресло и жадно впиалась губами в ее шею.

«Матерь Божья! Этого не может быть! — ее сердце бешено колотилось, а глаза отказывались верить увиденному. — Что скажет Себастьян, если узнает, что его любимая дочка, его гордость...»

Из глаз Жаниси хлынули слезы. Она медленно побрела в сторону своего дома.

* * *

Сегодняшний день стал самым ужасным в жизни Марии за последний год. Оставалась неделя до Нового года, и она всем сердцем верила, что произойдет чудо: ее дочь вернется к ней, и Назаре будет наказана...

Но судьбе опять захотелось проверить ее на прочность. Утренняя новость, принесенная Клаудией, привела ее в состояние эмоционального шока. Произошло то, чего она интуитивно боялась больше всего на свете. Назаре вновь исчезла с ее дочерью.

Если бы не Джованни, она сошла бы с ума. Он примчался рано утром и нашел именно те слова, которые смогли ее успокоить. Его люди на всякий случай тщательно прочесывали не только аэропорт для внутренних линий «Сантус-Дюмонт», но и организовали контроль в огромном международном «Галеа», а также на железнодорожном вокзале.

К сообщению Клаудии, что ее мачеха интересовалась картой Куритибы и даже приобрела несколько туристических проспектов, Джованни отнесся очень внимательно. В «Сантус-Дюмонт» был отправлен лучший из его людей, детектив Мадруга. Несмотря на грузное телосложение и внешнюю нереспектабельность, он обладал особым чутьем, которое всегда отличало хороших следователей.

Исследовав с грацией и свирепостью, добермана всех пассажиров рейса № 145, проходящих регистрацию на Куритибу, он принялся методично исследовать зал ожидания. У выхода сорок шесть он оказался на пять минут позже, чем туда вошли Назаре с дочерью.

Через час после взлета самолета он узнал, что именно на рейс Рио-де-Жанейро — Порт Алегри зарегистрировались некая Дженанни Перейра и Изабел Тедеску.

Эта новость обрадовала Джованни: узнать, куда улетела Изабел, он почти не рассчитывал, зная о коварстве и изобретательности ее матери.

Он провел вместе с Марией полдня, развлекая ее различными байками и убеждая, что поиск места, где скрылась Назаре, — лишь дело времени.

Дирсеу появился в доме Марии лишь к обеду.

— Клаудия сказала мне, что произошло, и я сразу примчался, — он с плохо скрываемой неприязнью посмотрел в сторону Джованни. Но я вижу, у тебя есть, кому утешить.

— Ты опять вздумал меня ревновать? — возмутилась Мария. — Найди, пожалуйста, для этого другой повод!

— Ду Карму! Позволь мне откланяться, — деликатно попросил Джованни. — Вечером я позвоню, если будут новости. — Не глядя на Дирсеу, он вышел и захлопнул за собой дверь.

— Тебе не стыдно? — набросилась на Дирсеу Мария.

— А почему я должен стыдиться своих чувств? — с вызовом спросил Дирсеу. — У меня такое ощущение, что ты играешь моей душой, как кошка с клубком ниток. Сколько раз я звал тебя замуж? Сколько раз признавался в любви? И что? До сих пор живу на краю чужого гнезда. А я ведь уже не юный мальчик...

— Что ты хочешь? — устало спросила Мария.

— Дай мне вольную... Я не могу больше целиком отдавать себя без взаимности... Прошу тебя — отпусти меня, отпусти] Мне нужно заниматься своими делами и продвигать проект газеты. Я не могу постоянно находиться в твоём распоряжении, прибегать по первому твоему зову, как Джованни... — он украдкой посмотрел на нее, боясь непредсказуемой реакции.

— Я понимаю, — тихо сказала Мария, — в этом доме полно конфликтов и проблем. Ты всегда помогал мне.

Мария с ужасом поняла, что дорогое прошлое уплывает от нее безвозвратно, и ничего изменить уже нельзя.

— Я понимаю, — смягчился Дирсеу ее странной покорностью. — Отчасти я сам виноват. Я всегда помогал тебе во всем, но больше я не могу... — Он запнулся и вновь посмотрел на Марию, — не могу решать не только твои проблемы, но и проблемы всех остальных.

— Хорошо. Как ты хочешь, так и будет, — холодно заметила Мария. — Что ты собираешься сделать?

— Ду Карму, наша дружба остается неизменной, но я буду заниматься своими делами, а ты своими. Конечно, если я действительно тебе буду срочно нужен, я все брошу и примчусь по первому зову...

— Я обещаю, что не буду тебя дергать по разным пустякам. Только если случится что-то действительно серьезное.

— И если это будет касаться тебя. — С души Дирсеу словно камень свалился, он не думал, что Мария так быстро поймет его и не сделает попытки закатить ему скандал. — Ну, ладно, мне пора.

— Звони. Я буду рада услышать твой голос.

Дирсеу поцеловал ее в щеку и направился к двери.

Мария взволнованно смотрела в его широкую надежную спину.

«Остановись! Скажи, что ты пошутил! — молила она. — Неужели ты нанесешь мне удар именно тогда, когда я больше всего нуждаюсь в твоей

помощи?»

Дирсеу неожиданно замер у двери и повернулся к ней лицом. Сердце Марии радостно забилось.

— А по пустякам тебе есть к кому обратиться. Я уверен, что Джованни поможет тебе с большим удовольствием.

Слова Дирсеу больно хлестнули по самолюбию:

— Ни шагу больше, сеньор Дирсеу де Кастру! Ты думаешь, что бросил мне в лицо такие слова и теперь можешь уйти?

— А почему нет? Ты именно так всегда и делаешь.

— Теперь я начинаю понимать, что скрывается за этой пустой болтовней: ты ревнуешь к Джованни! Ты все валяешь в кучу! Это возмутительно!

— Да, ревную и не собираюсь это отрицать. Я не хочу больше подстраивать свою жизнь под тебя!

Яростно хлопнув дверью, Дирсеу вышел из дома.

* * *

За тридцать шесть лет своей жизни Гилермина усвоила две вещи: никому не верить на слово и надеяться только на себя.

Все ее детство прошло в многочисленных пансионах, где девочек учили этикету, разным наукам и верховой езде. К двенадцати годам она знала, каким ножом есть рыбу, а каким мясо, что такое светские беседы, и как можно произвести благоприятное впечатление на взрослого человека. К пятнадцати стала разбираться в ценных бумагах и заинтересовалась рынком у недвижимости. В двадцать два закончила Сорбонну и увлеклась работой над диссертацией «Менталитет народов Южной Америки».

Ее жизнь редко пересекалась с жизнью матери — доны Жозефы. Живя вдали друг от друга, они так и не сблизились.

Ее мать не знала, что Гилермина все детство и юность зачитывалась Диккенсом и мечтала о жизни в собственном доме с родителями и рождественской елкой, а дочь не могла предположить, что ее суровая мать повсюду таскает ее фотографию, которую целует на ночь...

Кто знает, может, они могли бы быть счастливы вместе, но одна была слишком увлечена борьбой против несправедливости, а у другой просто не было времени.

О том, что бывший шофер матери доны Жозефы внезапно разбогател, Гилермина узнала из газет и тут же связалась со знакомым юристом. Через два часа после разговора она вылетела из Порта Алегри, где у нее был великолепный пентхаус на сорок втором этаже небоскреба, и к вечеру была в Рио.

В аэропорту ее встречал сеньор Джордж Мартинес, который в свое время консультировал ее мать в вопросах юриспруденции, а затем стал оказывать подобные услуги ее дочери.

Гилермина не видела сеньора Джорджа лет пять и лишь изредка общалась с ним по телефону. За эти годы он успел немного поправиться и полысеть.

— Здравствуйте, сеньор Мартинес, — Гилермина первая протянула ему

руку.

— Здравствуйте, — как всегда немного сконфузился Джордж.

— Вы все такой же несмелый. Годы вас не меняют.

— А где же ваш багаж? — попытался сменить тему Мартинес.

— Я подумала, что куплю здесь все, что необходимо. Зачем таскать за собой бесполезные вещи? — засмеялась Гилермина.

— Вы тоже остались прежней.

— Это звучит как комплимент. Спасибо. — Она взяла его под руку и доверительно наклонила голову. — Давайте поговорим о деле. Вы уверены, что этот Себастьян — честный человек?

— Да, донна Гилермина. Ваша мать доверяла ему во всем.

— Сеньор Мартинес, жизнь научила меня мудрости: у каждого своя цена. Я не раз была свидетелем ситуаций, когда человек менялся на глазах, если речь заходила о миллионах. Не буду утверждать, но Себастьян мог воспользоваться тем, что мою мать выслали из Бразилии и присвоить эту картину.

— Себастьян недавно был в нашей конторе, консультировался по поводу завещания. Он узнавал у бывшего адвоката донны Жозефы сеньора Альфонсо, на каких условиях ваша мать оставила ему наследство.

— Это очень интересно!

— Он еще раз уточнял формулировку завещания о том, «что все, находящееся внутри машины, принадлежит ему». Не думаю, что он ведет какую-то хитрую игру. Здесь должно быть все чисто.

— Вы слишком порядочны и добросердечны к людям, так что простите, но это буду решать я. Себастьян мог спокойно украсть картину из дома мамы и спрятать ее на время. Когда она умерла и оставила ему небольшое наследство, он мог воспользоваться этим случаем и заявил, что нашел ее в машине.

— Да, донна Гилермина, чувствую, что мне не удастся убедить вас в невинности этого человека.

— И не пытайтесь сделать это. Я доверяю лишь фактам. Если Себастьян говорит, что моя мать подарила ему эту картину, то пусть докажет мне, иначе ему придется вернуть полотно мне.

Через час в Гранд-отеле Гилермина заказала себе в номер ужин и накрыла яркой салфеткой небольшой сервировочный столик на огромной террасе.

«Сначала пикник на свежем воздухе, потом деловые звонки», — решила она и отключила сотовый телефон.

* * *

Прошло только четыре дня с тех пор, как Изабел и Назаре поселились в небольшом отеле на окраине города, а девушка все больше хандрит. Чувство тоски и ощущение, что она совершила чудовищную ошибку, не покидало ее с того момента, как самолет взмыл над родным городом, унося их в неизвестность.

Ощущение дурноты не покидало ее всю дорогу.

— Сдается мне, дочка, что скоро тебе понадобится обратиться к врачу. Похоже, ты беременна.

— Не пугай меня, мама, — отмахнулась Изабел. — Это нервы.

На следующий день приступ повторился, и она поняла, что мать права.

Небольшой отель, в котором они остановились, представлял собой узкое темное здание с приземистым крыльцом и тридцатью крохотными номерами. На фасаде горела неоновая надпись «Dos Ramras».

— Настоящая роскошь для VIP-клиентов, — пошутила Назаре, поднимаясь на второй этаж по высоким крутым ступенькам. — Зато здесь нас точно никто искать не будет.

Персонал отеля состоял из девяти человек: портье, двух работников на ресепшн, трех горничных, повара и двух официантов.

Хозяин сего заведения Луис Фернанду был человеком скромным и неамбициозным, страстно увлекался нумизматикой и содержал заведение в ущерб себе.

Персонал всячески пользовался его мягкостью и лояльностью, позволяя себе опаздывать на работу и частенько выяснять отношения с клиентами.

В первый же день Назаре дала понять, что полотенца в номере должны меняться вовремя, кофе лучше подавать горячим, а работники ресепшн должны быть на месте в случае необходимости.

Изабел тенью скользила за Назаре, вяло слушая, как она ругается с горничной, официантами и администратором. На следующий день она сделала попытку устроиться на работу, но, обойдя почти все рестораны и кафе поблизости, так и вернулась ни с чем.

Назаре полдня провалялась в кровати, затем два часа нежилась в ванне и, наконец, спустилась в маленький холл и напрямик направилась к Луису Фернанду знакомиться. Он встретил ее приветливо, угостил коньяком и полчаса рассказывал про свое увлечение монетами, пока Назаре не уселась к нему на колени и не закрыла рот поцелуем.

Выйдя через час из его кабинета, она не сомневалась, что даже если полиция поинтересуется их местопребыванием, то ничего не узнает.

Изабел пришла под вечер, бледная и усталая, и, не раздеваясь, повалилась на кровать.

— Дочка, ты нашла работу? — поинтересовалась Назаре.

— Нет, мама. Представляешь, им не нравится мой акцент.

— Господи, никогда бы не подумала!

— Мы произносим «с», как в Рио, поэтому смотримся, как иностранцы.

— Чтобы не выделяться на общем фоне, ты должна научиться произносить «ч-ч-ч».

Изабел невольно улыбнулась.

— Как я рада видеть твою улыбку. Я так соскучилась по ней! Дочка, прости! Прости, что я втянула тебя в это дело, — Назаре обняла Изабел и положила ей голову на плечо. — Извини, что не была идеалом. Я так хотела стать для тебя лучшей матерью в мире. Я всегда старалась дать тебе самое хорошее. Ни одна женщина в мире не могла бы стать лучшей матерью, чем я. Так решили звезды. Мы еще будем с тобой счастливы, не сомневайся. Это судьба. — Она говорила тихо и ритмично, словно пела колыбельную.

— Я знаю, мама, — успокоила ее Изабел и отвернулась.

Следующий день был, как две капли воды похож на предыдущий. Назаре осталась дома под предлогом опасности, которая может ей грозить в чужом городе, Изабел бродила по городу в поисках хоть какого-нибудь заработка.

— Спасибо, сеньора. Вы слишком привлекательны для такого места, как мы... Мы не можем вас принять из-за акцента... — все говорили почти одно и то же, но Изабел понимала, что жители этого городка не очень жалуют тех, у кого на лбу написано, что они из Рио.

В отель она вернулась раньше обычного, из-за того что у нее разболелась голова.

Она тяжело поднялась по лестнице и постучала в дверь. Ей никто не ответил.

Изабел спустилась вниз, надеясь забрать ключ от номера у портье. И увидела, как Назаре откровенно кокетничает с мужчиной.

— Мама?

Назаре обернулась.

— Я спустилась вниз, чтобы поменять матрас. Я сегодня проснулась из-за того, что мне было нечем дышать, — затараторила Назаре.

— Зачем ты мозолишь глаза портье? Ты могла бы сообщить о своей проблеме по телефону.

— Я лишь просила его сделать то, что надо, — упрямо возразила Назаре.

— Ты привлекла его внимание. Так нельзя, мама. Мы же скрываемся! Мы должны быть невидимыми!

— Изабел, не говори глупостей!

— Я прошу тебя не показываться так откровенно на людях и поменьше болтать.

— Мне нравится, как ты говоришь, дочка. Я понимаю, что наделала глупостей, но я исправлюсь, моя красавица, а теперь поднимайся вверх. Тебе надо отдохнуть, — Назаре открыла сумку и протянула ключ.

— Ты куда, мама?

— Мне надо кое-что обсудить с Луисом Фернанду. Он меня ждет в своем кабинете. Ложись спать, дочка! Ты так устала! Я ненадолго, — Назаре поцеловала Изабел в щеку и махнула рукой на прощание. — Иди, дорогая, не жди меня!

Девушка устало прислонилась к стене.

— Могу я чем-нибудь вам помочь? — поинтересовался портье.

— Вы не подскажете, где находится кабинет сеньора Луиса Фернанду? — улыбнулась Изабел. Какие-то неясные подозрения бродили в ее душе. Она сама не очень понимала, зачем это делает.

— Конечно, второй этаж по коридору до конца. Вы узнаете его кабинет по медной дощечке.

— Спасибо! — поблагодарила девушка и направилась вверх.

Подойдя к нужной двери, она так и застыла на месте, услышав голос Назаре:

— Ну, отшлепай меня, грязное животное!

Через небольшую щель кабинета было видно, как ее мать пытается стянуть

брюки с пожилого мужчины с отечным лицом и пивным брюшком. Изабел со злостью захлопнула дверь и побежала в сторону лестницы.

«Ну, зачем я в это полезла? Зачем я уехала с ней? Почему не осталась дома?» — корила она себя.

Девушка добежала до своего номера и попыталась его открыть. Ключ не слушался и все время выскальзывал из рук.

— Дочка, это была ты?! — запыхавшаяся от быстрого бега Назаре схватила ее за локоть. — Я видела, как ты бежала по коридору.

— Оставь меня, пожалуйста! Я очень жалею, что осталась с гобой!

— Не говори так!

Наконец, Изабел удалось открыть дверь номера. Девушка бросилась в комнату и раскрыла шкаф.

— Что ты задумала? Нет, я не позволю от себя избавиться! Неблагодарная! Тебя замучают угрызения совести! Ты еще меня вспомнишь! — Назаре плохо соображала, что говорит.

— Тебе не стыдно? — Изабел внимательно посмотрела на мать.

— Как ты смеешь говорить мне такое? — не на шутку разозлилась Назаре. — Я вернусь, когда ты окончательно успокоишься, — сказала она и хлопнула дверью.

* * *

Жизела долго размышляла о будущем изумрудов доны Лауры. Она не могла смириться с мыслью, что эти сокровища могут уйти из семьи.

«А что, если подойти к этой идее с другой стороны? — эта мысль пришла к ней в голову внезапно. — Если мне не светит получить наследство от доны Лауры как представительнице семьи де Андраде и Коуту, то можно добраться до них другим путем...»

Идея подружиться с баронессой настолько овладела Жизелой, что она неоднократно пыталась затащить ее и барона на очередную вечеринку. Педру в таких приглашениях чувствовал особый подвох и всячески избегал встреч с невесткой. Жизела сделала соответствующие выводы и решила пригласить родственников на чай. Тем более, что раз в полгода отец с сыном обсуждали финансовые дела семьи, составляя что-то вроде финансового отчета.

— Дорогая, мы уже в четвертый раз отказываем Леонардо и Жизеле, может быть, заглянем к ним на чай? — спросил барон Лауру.

— А почему бы и нет? — беспечно согласилась баронесса. — Я себя отлично чувствую сегодня.

— Вот и хорошо. Мажордом Леонардо приготовил сегодня какой-то замечательный десерт.

Через час Себастьян доставил чету к дому Леонардо и Жизелы.

Педру на время уединился с сыном, чтобы обсудить деловые вопросы, пока дамы развлекались светскими разговорами.

Лаура была в хорошем настроении. Она мило щебетала с Жизелой на разные темы и нахваливала стряпню Алфреда.

— Алфред, какой великолепный кекс, — восхищалась Лаура. — Просто тает во рту. Это пища богов!

— Я очень рад, баронесса, что угодил вам.

Мажордом Алфред, выписанный семьей барона из Англии двадцать лет назад, действительно превзошел себя. Сербировка стола была безупречной.

Жизела не поскупилась выставить на стол старинный эксклюзивный фарфор, а Алфред лично приготовил десерт, который очень любила Лаура.

— О! Кремовый торт! Как давно я его не ела, — баронесса положила себе небольшой кусочек на тарелку.

Жизела мило улыбалась и даже позволила себе испортить фигуру двумя ложками апельсинового джема. Пока она намазывала маленький тостик тонким слоем изысканного лакомства, от нее ускользнул тот момент, когда на лице баронессы появилось весьма странное выражение: взгляд остекленел, рот немного приоткрылся, будто ей не хватало воздуха.

Лаура застыла с поднятой ложкой в руках, не в силах пошевелиться.

— Дона Лаура! Что с вами? — удивилась Жизела и дотронулась до ее руки.

Ее прикосновение подействовало на баронессу, как удар током: она подпрыгнула и случайно смахнула блюдо.

— Господи! Я разлила чай! Извини меня, Жизела! Эта чашка из дорогого фарфора.

— Ничего, — выдавила из себя Жизела. — Это всего лишь посуда. Что с вами случилось? У вас было такое странное выражение, будто вы ушли глубоко в себя и не слышали, что вам говорят.

— Не знаю, — пожала плечами Лаура. — Я задумалась, а чашка выскользнула у меня из рук...

— Дона Лаура, не обращайтесь внимания, — улыбнулся Алфред и смахнул со стола осколки специальной щеточкой.

— Жаль! Стол был таким красивым. Так мог накрыть лишь наш дорогой... — Лаура беспомощно посмотрела на мажордома.

— Алфред, мадам.

— Алфред! Алфред! Ну, конечно! Алфред! Господи! Что стало с моей памятью?

— Вы можете объяснить, что с вами происходит, дона Лаура? — невозмутимо спросила Жизела.

— Я хочу поехать домой! Педру! — обратилась она к мужу, который только что вошел в комнату. — Поехали поскорее. Мне надо отдохнуть.

— Барон! — вмешалась Жизела, увидев, что на лице Лауры вновь появилось то же странное выражение. — Мне кажется, что все очень серьезно! Надо срочно вызвать врача. С доной Лаурой не все в порядке. Мне кажется, что она специально разбила чашку, чтобы насолить мне.

— Кто ты такая, чтобы так говорить со мной? — неожиданно возмутилась Лаура. — Ты просто бездельница. Ничтожество! Вот кто ты такая?!

— Барон! Она же сумасшедшая! — воскликнула Жизела и попятилась к двери.

В глазах баронессы вспыхнула ярость. Она схватила тарелку с тортом и с

силой швырнула ее в сторону невестки.

Тарелка сделала кульбит в воздухе и приземлилась на голову несчастной.

— Леонардо, Барон! Сделайте что-нибудь! — закричала Жизела, пытаясь снять крем с волос.

— Успокойся, дорогая! Через пять минут здесь все будет убрано... — попытался успокоить ее муж.

— Ты посмотри, в каком я виде!

— И это легко исправить! — Леонардо протянул ей салфетку.

Барон Педру незаметно вывел Лауру в другую комнату и усадил на диван. Ее била мелкая нервная дрожь.

— Что со мной происходит, Педру? Я все забываю, не могу сосредоточиться! Меня это тревожит! А сегодня я неожиданно для самой себя впала в ярость.

— Не надо так нервничать, Лаура! — Барон погладил ее по руке.

— Я что-то сказала, и это оскорбило Жизелу? Я не могу вспомнить, так что я сделала, Педру? Что я натворила?

— Успокойся, дорогая! Ты всего лишь назвала нашу невестку бездельницей. Вот и все, — слукавил барон.

— Бездельницей? Какой ужас! — схватилась за голову баронесса. — У меня нет привычки обижать других. Бедная Жизела, она в полном праве считать себя оскорбленной и униженной!

— Сейчас все успокоятся, и мы помиримся. Так ведь? — Педру заглянул Лауре в глаза.

— Конечно, дорогой. Я просто обязана это сделать.

— Посиди здесь немного в одиночестве, — попросил ее барон. — Я разведу обстановку.

Педру вышел из комнаты и тщательно закрыл за собой дверь. К нему навстречу бросился Леонардо.

— Отец! Что происходит? Я знаю, что вы ходили с доной Лаурой к врачу и сдавали анализы. Что сказал врач?

— Врач ничего не сказал, — сухо ответил Педру.

— Доне Лауре совершенно очевидно стало еще хуже, — из угла огрызнулась Жизела.

— Не говори так, пожалуйста, — упрекнул ее барон.

— О чем ты говоришь, отец? Лаура набросилась на мою жену и оскорбила ее. Она посмела назвать ее бездельницей!

— Я понимаю, это неприятно, но постарайся ее простить! — барон примирительно улыбнулся и посмотрел на невестку, с лицом которой явно творилось что-то неладное. Жизела делала все возможное, чтобы не заплакать.

— Я знаю, что многие так думают, только не осмеливаются сказать мне это прямо. Дона Лаура лишь озвучила то, что в голове у многих, потому что она говорила, что думает.

— Ну что ты, дорогая! — Леонардо схватил ее за руки.

— Я знаю, что я бездельница. Я знаю, что я ничтожество, Леонарду! — тело Жизелы затряслось в истерике. — Я знаю все это! Знаю! Знаю!

Леонардо растерянно посмотрел на отца.

Барон лишь пожал плечами и сделал знак, что ему необходимо вернуться к супруге. Он тихо приоткрыл дверь и бросился к Лауре.

Бедняжка сидела на полу, схватившись за голову.

— Я видела, видела! Жизела плачет, и это все из-за меня! Педру, мне так плохо! Я должна пойти туда и вымолить у нее прощение!

— Подожди, дорогая! Пусть сначала Жизела успокоится! Дорогая, все хорошо! Не плачь! Лаура, ты же не виновата! Ты сама не ведаешь, что творишь! А твои слова, между прочим, разбудили нашу снежную королеву: она впервые задумалась о смысле жизни.

— Как это? — удивилась Лаура.

— Жизела просто поняла, что живет, как сорняк. Никому не светит, никого не греет.

— Педру, посмотри, пожалуйста, сейчас я могу попросить у нее прощения?

Барон выглянул в гостиную. Жизела сидела на диване с бокалом холодной воды в руках и безразлично смотрела перед собой.

— Извини, Жизела! Баронесса очень хочет попросить у тебя прощения.

— Это совсем не обязательно, — скривила губы Жизела, но быстро взяла себя в руки. — Я готова поговорить, — она отставила стакан в сторону и, к великому изумлению барона, вытерла губы рукавом.

«А она не такая вредная, какой кажется», — подумал барон и улыбнулся.

— Лаура, дорогая! Путь открыт! — радостно констатировал барон.

Баронесса робко выглянула из-за двери. Жизеле она напомнила старую нашкодившую собаку, и она улыбнулась. Это самым благоприятным образом повлияло на Лауру, и она вышла из своего укрытия.

— Жизела, я не знаю, в какой форме попросить у тебя прощения. Я знаю, что ты вправе не прощать меня... — Лаура путалась в словах.

— Конечно, я вас прощу, — подбодрила ее невестка. — Но при одном условии. — Она хитро улыбнулась. — Вы отбросите светские условности и прямо ответите мне, что с вами происходит? Давайте воспользуемся ситуацией. Возможно, мы, наконец-то, станем подругами. Дона Лаура, я хочу помочь. Я же вижу, вам нехорошо. Вы страдаете...

— Я тронута твоей заботой, Жизела, но могу тебя заверить: беспокоиться не о чем.

— А эти ваши приступы забывчивости?

— Чепуха! Любой может забыть имя, слово...

— Я вижу, что вы не готовы к откровенности. Ну и Бог с вами. Оставим все на потом.

* * *

Елку поставили в холле за день до начала нового года.

Полдня Сиссера с Бьянкой и Бруну ползали на коленях, тщательно разбирая коробки с игрушками.

В этом году решили украсить елку в модном синезолотом тоне. Теперь

Бьянка отбирала из огромной коробки только белоснежных ангелочков с золотыми крылышками и шары синего цвета.

— Какая красавица! — восхитилась Сиссера, когда на елку повесили электрическую гирлянду. Дети притихли в углу, не в силах оторвать взгляд от фантастического зрелища. Первым опомнился Бруну.

— Бьянка, тебе не кажется, что сейчас самое время поискать спрятанные подарки?

— Что ты как маленький? Потерпеть не можешь? — упрекнула его сестра. — До нового года осталось несколько часов.

— Да мало ли что случится, — философски заметил Бруну и отправился в комнату бабушки.

— Как знаешь! — крикнула ему вслед Бьянка и залезла на диван с ногами, подвинув к себе большую тарелку с имбирным печеньем.

Через пять минут идиллию девочки нарушила Вивиан.

— Пришлось самой приехать, чтобы забрать вас домой, — недовольно сказала она, критически оглядывая елку. — Из дома бабушки вас шоколадом не вытянешь.

— Нравится? — простодушно спросила девочка.

— Оригинально! Елка в стиле Christian Dior! У меня такое ощущение, что я открыла косметичку и вытащила тушь, пудреницу и помаду. — Она насмешливо посмотрела на Бьянку. — Кто придумал эту сине-золотую вакханалию?

— Мыс Бруну, — спокойно ответила девочка. — Но если у тебя плохое настроение, не обязательно срывать на мне.

— Какие мы нервные. Даже замечание сделать нельзя. Сразу портится настроение.

Бьянка сжала зубы и промолчала.

— Вот ты и надулась, как мышь на крупу. Не хочешь разговаривать? — Вивиан проводила взглядом гордо удаляющуюся Бьянку. Уловка удалась: она всегда знала, как разозлить падчерицу и пользовалась этим, когда ей было это нужно.

Сегодняшний визит в дом ду Карму, чтобы забрать детей, был лишь предлогом для личной встречи с Анжеликой, которая попыталась выйти из-под контроля очень хитрым способом. Если бы не случайно подслушанный Режиналду разговор матери, которая недоумевала по поводу собственного приказа, они так бы ничего и не поняли и махинации со стройматериалами по завышенным расценкам пришлось бы прекратить.

«Кто бы мог подумать, что эта соплячка выкинет такое! Подписать приказ о личном контроле ду Карму заявок. Вот змея! Мы чуть не попались. Пора прижать ей хвост!» Она набрала по внутреннему телефону номер Анжелики:

— Здравствуй, дорогая. Это Вивиан! — промурлыкала она в трубку, когда услышала голос девушки. — Я приехала, чтобы отдать тебе кое-какие документы. Не сочти за труд: спустись вниз, чтобы мне не беспокоить вас с Плиниу.

Ей нравилось дразнить Анжелику. Она давно отметила про себя, что при появлении Режиналду девушка покрывалась красными пятнами и отводила глаза, чувствуя себя кроликом, которого хотят скормить удаву. В присутствии Вивиан

она держалась более смело, но все же голос выдавал ее с потрохами. Он предательски дрожал и срывался.

— Ты решила испортить мне праздник? — Анжелика не скрывала своего раздражения.

Вивиан критически осмотрела ее легкомысленный пеньюар, отметила след от страстного поцелуя на шее и ухмыльнулась.

— Прости, что оторвала тебя от супружеских утех, но ты сама заставила нас поволноваться. Зачем нужно было разыгрывать фарс с документами? На что ты рассчитывала? Что Режиналду не узнает, чьих это рук дело?

— Я ничего не буду делать, что навредит ду Карму, — не очень уверенно сказала Анжелика.

— Это решать не тебе, — заметила Вивиан.

— Я сейчас же пойду к свекрови и расскажу все.

— Правильно. Еще скажи, что ты лично запретила своей матери приходить на свадьбу собственной дочери. И все из-за корысти: ты хотела внедриться в семью Ферейра да Силва! Потому что ты хочешь занять кресло ду Карму. Ведь верно? Управлять делами семьи! Как это тешит твое самолюбие!

— Неправда! Как ты умешь все очернить! — возмутилась Анжелика.

— Не корчи из себя паиньку! Я знаю женщин твоего пошиба.

Анжелика смотрела на нее исподлобья, не произнося ни слова.

— Не хочешь говорить, не надо, — отрезала Вивиан. — Я привезла тебе новые заявки. — Она вынула из сумки тяжелую папку с документами и положила ее на диван. Ты знаешь, что с этим делать.

Глава 17

В эту ночь Леандру превзошел сам себя. Миналва никогда не могла бы предположить, что в одном человеке могут сочетаться неумемная дикая страсть и робкая нежность. То ли сказалось ее любовное воздержание, то ли Леандру действительно изменился, и страдания сделали его более утонченным и жадным до ощущений.

— Ты вернулась, Клаудия. Я ждал тебя, — прошептал он сонно и блаженно вытянулся на спине. Миналва стиснула зубы и промолчала. Она знала, что делать.

Родное и до боли знакомое тело стало еще более привлекательным и страстным. Сначала Миналва вела себя робко, боясь скорого разоблачения, но затем целиком отдалась своим чувствам и ощущениям.

«А ведь он и раньше был таким. Только я «хотела этого замечать. — Эта мысль пришла ей в голову, когда все закончилось. — Много бы я сейчас отдала, чтобы спать в этой постели каждый день», — подумала Миналва и прижалась к теплой спине Леандру.

Утром, проснувшись от холода, она долго не могла прийти в себя. Ей понадобилось несколько минут, чтобы восстановить в памяти события минувшей ночи. Она вспомнила, как с замиранием сердца следила за окнами спальни Леандру, как незаметно прошмыгнула в комнату и...

— Я тебя еще раз спрашиваю. Что ты делаешь в моей постели? — Сердитый

голос мужа вернул ее на землю. — Как ты могла сделать такое? — Миналва увидела перекошенное злобой лицо Леандру и испугалась по-настоящему.

— Я лишь хотела доказать тебе еще раз, что люблю тебя. — Миналва посмотрела в глаза Леандру. Они были неприступные и холодные.

— Если ты думаешь, что после того, что было между нами, я вернусь к тебе, то ты ошибаешься! — эти слова больно хлестнули по ее самолюбию и вернули на землю. Она впервые осознала, что сидит на кровати голая и ей стыдно. Раньше это чувство у нее отсутствовало полностью.

Миналва встала и, стараясь не уронить достоинство и не заплакать, медленно натянула на себя платье и вышла за дверь.

Несмотря на ярость Леандру, она чувствовала себя гораздо лучше, потому что знала, что просто так не уступит любимого мужчину. А ей было что терять.

Леандру метался по комнате, как раненый зверь. Его только что наладившаяся жизнь готова была треснуть.

«Клаудия не простит измены, когда узнает, что здесь произошло. Объяснять бесполезно...» Леандру вспомнил, как был счастлив утром, пока не увидел, что рядом — Миналва. Он зажмурился, отказываясь верить собственным глазам, но кошмар не улетучился, а напротив, стал еще более реальным. Леандру многое бы отдал за то, чтобы это оказалось сном, но изменить обстоятельства он был не в силах.

«Почему Клаудия не позвонила из дома? Эта мысль заставила его насторожиться. А вдруг произошло что-то ужасное, и она нуждается в помощи?»

Леандру подошел к телефону и чуть не споткнулся о выдернутый из розетки провод.

— Ты не остановишься ни перед чем, Миналва! процедил сквозь зубы Леандру.

* * *

Назаре вернулась в номер иод утро, надеясь, что Изабел спит и ей удастся сделать вид, что она провела в своей постели уже не меньше пяти часов. По планам ее не суждено было сбыться. Изабел всю ночь просидела, не сомкнув глаз, и теперь выглядела измученной и усталой.

— Дочка, почему ты не спишь? спросила Назаре.

Изабел так посмотрела на мать, что та была готова провалиться на месте.

— Не сердись на меня, дочка, я немного задержалась, промямлила Назаре и попыталась улыбнуться.

Изабел даже не взглянула на мать.

— Мне надо уйти, сказала она и резко встала.

— Куда уйти, дочка?

— Неважно! Ты не отчитывалась передо мной, где и с кем провела эту ночь.

— Как ты можешь...

— Не ломай, пожалуйста, комедию! Выслушай меня, хоть раз! На все мои просьбы вести себя осторожнее ты просто не реагируешь, будто специально добиваешься, чтобы тебя арестовали. Если хочешь, прыгай в эту пропасть одна. И

не тащи меня за собой! Изабел схватила сумочку и почти выбежала из номера.

Последние слова дочери подействовали на Назаре, как удар хлыста. Минуту она стояла неподвижно, а затем подошла к шкафу и стала судорожно выдвигать ящики. Назаре еще не осознала, чего она ищет и как будет действовать.

— Я тебя накажу, накажу! Я заставлю тебя пожалеть о том, что ты сказала! — шептала она исступленно. Ее пальцы наткнулись на что-то твердое.

— Что это? Назаре вытащила из ящика пластиковую коробку. Она открыла ее и заглянула внутрь. На дне лежали две таблетки снотворного. План сам собой выстроился в стройную схему. Изабел будет дуться час — два, затем вернется домой и увидит мать в плачевном состоянии. Мама не смогла выдержать упреков дочери и покончила с собой! Пожалуй, надо написать прощальную записку. Назаре схватила косметический карандаш и вывела на обратной стороне ресторанного счета: «Прощай, Изабел! Я за все расплатилась. Моя любовь к тебе сильнее смерти»

Назаре переделалась, освежила макияж и сбросила на ковер шелковое покрывало.

«Учитывая бурную ночь, заснуть я смогу и без лекарства», — подумала Назаре и вытряхнула на ладонь две таблетки снотворного.

Еще подходя к отелю, Изабел почувствовала странное чувство тревоги. Ну, хватит! В конце концов у нее своя жизнь, а у Назаре своя. Изабел дотронулась рукой до живота и улыбнулась. Она не сомневалась, что теперь ей понадобятся силы на двоих.

Неделю назад она узнала, что через семь месяцев станет мамой. Эта новость не испугала ее, несмотря на сложившиеся обстоятельства, а наоборот, вселила радость и надежду на лучшее будущее.

Изабел открыла дверь и в ужасе замерла на пороге. Назаре лежала на ковре, беззаботно раскинув руки. Золотистые волосы веером рассыпались по шелковому покрывалу. Лицо было спокойным и умиротворенным.

— Мамочка, что с тобой? — воскликнула Изабел и кинулась к матери. Девушка заметила в руке Назаре пузырек со снотворным. — Что же ты наделала? Зачем? Господи! Помогите кто-нибудь! — крикнула она и бросилась из номера.

Через десять минут к отелю подъехала машина скорой помощи. Изабел отстраненно наблюдала за происходящим, ощущая непонятную пустоту.

Она вспомнила, что лично бросила в сумку снотворное на случай, если не сможет заснуть в самолете.

«И здесь дешевый розыгрыш! — подумала она, вспомнив, что во флаконе оставалось лишь две таблетки. — Еще одно дешевое шоу, которое должно было заставить меня почувствовать вину».

— Девушка, вы поедете с матерью? — вопрос врача вывел ее из задумчивости.

— Конечно! — согласилась Изабел и устроилась напротив носилок, на которых лежала Назаре. Всю дорогу она не могла оторвать глаз от капельницы, которая ритмично отсчитывала очередную дозу лекарства.

— Господи! Сколько лжи уже сказано и сколько еще будет? Изабел посмотрела на лицо Назаре. Оно было спокойным и умиротворенным.

Все попытки Джованни выйти на след Назаре оказались безуспешными. Он задействовал все свои связи и лучших людей, но пытаться найти вновь прибывших в огромном городе было сродни тому, чтобы искать иголку в стоге сена.

Джованни осунулся, под глазами залегли тени. Все важные дела и встречи пришлось переложить на старшего сына Жоау-Мануэля.

Ему было невыносимо больно видеть страдания Марии, которая пыталась держаться на людях, но, оставаясь наедине с собой, горько плакала и молилась.

— Ничего, ду Карму, — говорил он при каждой встрече. — Мои люди натасканы, как немецкие овчарки. Рано или поздно они обязательно возьмут след. Разрешение на арест Назаре получено. Она объявлена в розыск. И если не мои ребята, то полиция обязательно найдет преступницу.

— Спасибо за поддержку, Джованни, — благодарила его Мария. — Самое страшное для меня в этой истории, если Изабел вдруг не захочет вернуться ко мне, а останется с этой преступницей...

— Твоей дочери нужно время. Она обязательно во всем разберется. Сейчас надо набраться терпения и ждать.

«Сколько ждать? Неделю, месяц, год, а может, вечность?» — хотелось крикнуть Марии, но она упрямо молчала и улыбалась, сдерживая слезы. — Я сильная, я сильная! — упрямо твердила она про себя.

За неделю бесконечных поисков и отчаяния ду Карму поняла, что их прежние отношения с Джованни меняются. В них появляется что-то новое. Никогда прежде Мария не замечала, что во всех жестах и словах Джованни, обращенных к ней, скользит настоящая утонченная чувственность и ничем не прикрытое желание стать ее единственным мужчиной.

Если раньше она отмахивалась от его ухаживаний и переводила все в шутку, то теперь прочувствовала и поняла, что не имеет права играть с чувствами другого близкого ей человека. Джованни мужественно сносил в течение двадцати лет все беды и несчастья ее семьи и всегда был рядом. Когда ситуация была неразрешима, он всегда подставлял свое крепкое плечо, и все заканчивалось хорошо. Но чаще всего лавры доставались Дирсеу, который был рядом. Он всегда был обласкан и любим. Джованни же стойко наблюдал за страстным романом ду Карму и, уважая ее чувства, просто терпеливо ждал момента, когда она поймет, что именно он достоин большего.

Ситуация с бегством Изабел и ссорой с Дирсеу сама подтолкнула их друг к другу.

Мария впервые осознала, что у Джованни есть молодая любовница Даниэлла и это почему-то было ей неприятно.

«Этого еще не хватало! — возмущалась она про себя. — Ревновать Джованни к человеку, с которым он живет уже семь лет! О чем я думаю? Даниэлла стала для всей семьи Джованни кем-то вроде родственницы...» Она отчаянно гнала эти мысли, но сердце ее учащенно билось в его присутствии, а ноги становились ватными от его прикосновений.

Джованни тоже почувствовал значительную перемену в их отношениях и стал более настойчив. А после того, как узнал, что между ду Карму и Дирсеу наметился очередной разрыв, так обрадовался, что впервые за долгие годы на прощанье поцеловал Марию по-настоящему.

— Не делай так больше! Так друзья не целуются, — не совсем уверенно попросила ду Карму, с трудом вырвавшись из его жарких объятий.

— Рано или поздно ты выйдешь за меня замуж, ду Карму! Я умею ждать! — улыбнулся Джованни и ушел, окрыленный надеждой.

— Мама, прости: я спускался по лестнице и случайно увидел ваш поцелуй, — извинился Леандру. — У вас что, наметились какие-то перемены?

— Ты же знаешь Джованни, — смущенно улыбнулась Мария. — Время от времени на него что-то находит, и он набрасывается на меня.

— Но ты всегда умудрялась избегать этого, а сегодня нет. Почему? Из-за того, что снова ушел Дирсеу?

— Не знаю, только ли поэтому, — пожала плечами Мария. — Я начинаю думать, может, нам действительно остаться с Дирсеу только друзьями.

— Но вы же любите друг друга.

— Возможно, я слишком долго тянула, чтобы сделать очередной шаг в сторону Дирсеу. Или он устал. Или уже слишком поздно...

— Никогда бы не подумал, что услышу от тебя такое.

— Ты же знаешь, я поклялась самой себе, что когда найду свою дочь, то закончится определенный этап моей жизни, и можно подумать о свадьбе. Но, несмотря на ту большую любовь, которая нас объединяет, Дирсеу не совсем тот человек, с кем можно начать общую жизнь. А Джованни...

— Он тебе больше подходит?

— Возможно, — рассеянно заметила ду Карму.

Словно почувствовав опасность окончательно потерять ду Карму, Дирсеу впервые за три дня первый позвонил с извинениями за излишнюю вспыльчивость.

— Ты простишь меня, ду Карму? — спросил он виноватым голосом.

— Конечно, Дирсеу, — обрадовалась Мария. — Было бы неразумно оставаться в ссоре в канун Нового года. Приезжай завтра на праздник. Только имей в виду, Джованни тоже приглашен.

— Ну, как же! Он только и ждет, когда около тебя освободится место.

— Пожалуйста, не начинай снова! — рассердилась Мария. — Так ты приедешь?

— Да, — буркнул Дирсеу и повесил трубку.

В течение трех дней после ссоры с ду Карму он был целиком поглощен работой над созданием будущей газеты. Все время уходило на многочисленные звонки и переговоры. Необходимо было договориться с аукционным домом в Сан-Паулу по поводу организации торгов картины Сезанна.

Ставки были уже заявлены заранее из разных уголков мира, а новость о самом большом полотне мэтра импрессионизма распространилась со скоростью света и взбудоражила общественность.

Дирсеу ощущал давно не виданный прилив энергии и творческого возбуждения. Себастьян пребывал в радостном настроении, с трудом ожидая того

момента, когда он сможет посмотреть на первый номер вновь изданной газеты.

Ситуация омрачалась лишь тем, что в последний момент в дело внезапно вмешалась родная дочь доны Жозефы Гилермина.

* * *

Дирсеу с трудом добрал до кровати, мечтая только об одном — как следует выспаться и отдохнуть. Поздний звонок в дверь застал его врасплох.

— Кто же это явился в такое время?! Вот наглость! — проворчал он и подошел к двери.

Звонок стал более настойчивым и требовательным. Возмущение Дирсеу достигло такого предела, что он почувствовал, что сон как рукой сняло. Он резко распахнул дверь с намерением обрушить свой гнев на незваного ночного гостя и застыл на пороге. Прямо на него смотрела... дона Жозефа.

— Извините за вторжение, — произнесла женщина.

— Бог мой! Мне показалось...

— Что я призрак своей матери? Вы не первый, кому приходит это в голову, — сказала она и улыбнулась. — Еще раз извините за поздний визит. Не считайте меня бестактной: я звонила вам по телефону, но никто не брал трубку.

— Меня не было дома, а автоответчик сломан, — боевой дух Дирсеу сразу сошел на нет. До боли знакомое лицо близкой по духу женщины не могло вызвать в нем ничего, кроме симпатии и уважения к ней.

«Господи! Вылитая дона Жозефа! Даже голову держит так же надменно, но глаза более мягкие. Должно быть, потому что она еще молода. Сколько же ей лет? Тридцать?»

— Буду краткой: у меня очень мало времени, — дама надменно тряхнула ухоженными мелированными волосами и оценивающе посмотрела на журналиста. — Можете звать меня дона Гилермина.

— Очень приятно. Дирсеу де Кастру, — он отметил про себя, что его гостя не торопится протянуть ему руку. — Я предполагаю, что разговор пойдет о газете, которую...

— ... вы хотите возродить, — закончила за него фразу Гилермина. — Вы позволите мне войти?

— Извините! Конечно! — смутился Дирсеу, он пропустил даму внутрь и закрыл дверь.

Женщина уверенно прошла в гостиную, внимательно оглядела спартанское жилище холостяка и села в кресло.

— Дона Гилермина! — Дирсеу решил взять инициативу в свои руки. — Что лично вы думаете по поводу моего намерения возродить газету?

— А вы действительно считаете, что имеете на это право? — ответила она вопросом на вопрос.

— Да, имею, с точки зрения закона, — Дирсеу не ожидал такого напора и даже некоторой враждебности, поэтому решил быть твердым и принципиальным. — Название газеты теперь принадлежит мне.

— Дух газеты значит гораздо больше, чем название, и он — часть моей

семьи. — Тон Гилермины был категоричным.

«Только этого мне не хватало!» — разозлился Дирсеу. Эта молодая женщина будила в нем странные чувства. Несмотря на ее плохо скрываемое раздражение и наглость, она не вызывала в нем негативных эмоций.

— Впрочем, я пришла не дискутировать с вами. Я хочу решить этот вопрос раз и навсегда, чтобы в будущем у нас не было разочарований...

— И как же?

— Не надо возрождать «DIARIO DE NOTICIAS». Откажитесь от этой идеи, Дирсеу де Кастру. — В ее тоне появились требовательные нотки.

— Вы не просто похожи на призрак доны Жозефы. Вы — прямое ее воплощение: говорите и поступаете, как она. До такой степени, что сами решаете, что я должен и что не должен делать с газетой, название которой принадлежит мне! — возмутился Дирсеу.

— Я не настолько высокомерна, чтобы утверждать, что во мне живет дух моей матери, но я буду бороться, чтобы защитить ее имя.

— Тогда вы должны знать, что я хочу лишь одного...

— Я запрещаю вам и кому бы то ни было еще использовать имя и авторитет доны Жозефы! — прервала его Гилермина. — «DIARIO DE NOTICIAS» была ее личным проектом, и газета не должна попасть в руки такого авантюриста, как вы, или кого-нибудь еще!

— Гораздо проще сказать, ее единомышленников! — уточнил Дирсеу. — Людей, которые любили ее и разделяли идеи о том, какой должна быть газета... Сформировалось поколение журналистов, которые работали вместе с доной Жозефой.

— Не говорите чушь! Я не вчера родилась! Все, чего вы сейчас добиваетесь, — это использовать имя моей матери, а этого я не позволю.

Гилермина встала и принялась нервно ходить по комнате. Дирсеу показалось, что сейчас она вынет из сумочки тонкую сигару и закурит без разрешения, как это иногда делала ее мать, когда сдавали новый номер. Но вместо этого женщина достала из сумки элегантные очки без оправы и нацепила их на нос, отчего сразу же ее вид стал более мягким и обезоруживающе трогательным.

— Тем не менее, нам лучше договориться. Я покупаю у вас право на название «DIARIO DE NOTICIAS», а вы выпускаете газету под другим названием, — категорично заявила она.

— Название газеты не продается, — тихо ответил Дирсеу, борясь с противоречивыми чувствами.

— Я заплачу, сколько попросите.

— Да что вы! — усмехнулся Дирсеу.

— Или готовьтесь к настоящей войне! — разозлилась Гилермина. Эти слова больно хлестнули его по самолюбию.

— Я сам заплачу, чтобы увидеть это! — огрызнулся журналист и указал ей на дверь. — По-моему, вы сказали, что торопитесь. Кнопка вызова лифта слева.

— Вы оказались еще грубее и невоспитаннее, чем я думала! — возмутилась Гилермина.

— Да что вы? — Дирсеу опять указал на дверь.

— Вы повторяетесь!

«Хорошо, что дона Жозефа не видит этого кошмара!» — подумал журналист.

* * *

Клаудия устроилась в холле с чашкой молока и фруктовых мюсли и включила телевизор. Вот уже несколько вечеров она проводила таким образом, в смутной надежде, что однажды раздастся стук каблучков на лестнице, прозвенит звонок и на пороге появится Изабел.

Дом стал пустым и невероятно огромным для нее одной. После поспешного бегства Назаре она сделала кое-какую перестановку и переехала в комнату мачехи. Днем она собирала материал для будущей газеты Дирсеу, а после работы встречалась с Леандру.

Он в последнее время стал беспокойным и задумчивым. Клаудия чувствовала, что молодой человек пытается сказать ей нечто важное, но ему что-то мешает.

«Что он может скрывать от меня? — рассуждала Клаудия. — Боится огорчить новостью, что он пока не готов к женитьбе, что боится иметь детей? Но я даже не намекала на это...»

Ей показалось, что к дому подъехала машина. Девушка отставила чашку и подскочила к окну. \

«Неужели сбылись мои предчувствия?» Она не поверила своим глазам. В свете тусклого уличного фонаря она увидела знакомую фигурку, которая спешила к дому.

— Изабел! — обрадовалась Клаудия и кинулась открывать дверь. — Сестренка! Как я рада тебя видеть! — Изабел молча обняла ее, не в силах вымолвить ни слова. — Ты вернулась! Какая же ты молодец! — чувства рвались из сердца Клаудии. — Откуда же ты приехала?

— Из Порта Алегри, — устало улыбнулась Изабел.

— Одна?

— Одна. У нас ничего не вышло с побегом. Мама становится все более странной.

— Она знает, что ты уехала?

— Она поняла, что меня там больше ничего не держит, и приняла транквилизаторы.

— Доза была, конечно, минимальной, а сделала она это, чтобы тебя мучили угрызения совести, — предположила Клаудия.

— Вот видишь, ты и так все знаешь. Ее госпитализировали, а потом она поняла, что я разгадала ее хитрость и в этот же день бежала из больницы.

— Не расстраивайся, Бел! Теперь ты со мной, а вместе мы со всем справимся! Раздевайся, дорогая, а я что-нибудь приготовлю! — Она бросилась на кухню, пытаясь сообразить, как бы побыстрее приготовить праздничный ужин, но в холодильнике ничего не обнаружила, кроме большого куска семги.

«Вот и славно! Белое вино и рыба. Что может быть лучше для легкого

ужина, — девушка сбрызнула семгу лимоном и засунула ее в микроволновую печь. — И немного любимого коктейля Изабел: хурма и кокосовый сок».

Изабел привела себя в порядок и спустилась вниз. На девушке был махровый халат и домашние шлепанцы. Волосы мокрыми колечками закрывали шею.

— Какая ты смешная и совсем домашняя! — восхитилась Клаудия. — Господи! Какое счастье, что ты вернулась, Бел!

Изабел подошла к сестре и ткнула носом в щеку.

— Один бокал можешь убрать, — сказала она и многозначительно посмотрела на Клаудию.

— Почему? — не поняла девушка.

— У меня хорошие новости. Я скоро стану мамой! — сказала Изабел и впервые весело улыбнулась.

— Мамой? — не верила своим ушам Клаудия. — Какое счастье! У меня будет племянник!

— Или племянница, — поправила ее Изабел. — Я купила три теста в аптеке, и все дали положительный результат.

— А...

— Ты хочешь спросить, знает ли Эдгар?

— Да. — Клаудия осторожно взглянула на сестру.

— Нет. Он пока не должен знать, что я вернулась. Поэтому умоляю тебя, держи, пожалуйста, язык за зубами. Тем более перед отъездом я наговорила ему резкостей.

— Хорошо! — успокоила ее Клаудия. — Только тебе придется все время сидеть дома, если ты собираешься соблюдать конспирацию.

— Пока мне это будет только в радость. Я, наконец-то смогу выспаться. Ты не представляешь, что творится у меня в голове. Мне обязательно надо привести в порядок свои мысли, а до тех пор никто не должен знать, что я здесь, — улыбнулась Изабел.

— Господи! Как хорошо! Я буду тетей! Не могу в это поверить!

— Клаудия, скажи... Как дела у ду Карму?

— Она очень страдает, но не теряет надежду. Она верит, что все закончится хорошо.

Это был чудесный вечер. Девушки зажгли все свечи, которые были в доме, и долго сидели за столом, вспоминая детство и учебу в колледже. Изабел рассказала о своих приключениях в чужом городе, специально умолчав о некоторых подробностях из жизни Назаре.

Уже поздно ночью, когда Изабел отправилась спать в свою комнату, Клаудия набрала номер телефона Дирсеу.

— Извини за поздний звонок, Дирсеу. Я знаю, что ты работаешь.

— Не извиняйся, Клаудия, ты же знаешь, что я раньше двух часов ночи спать не ложусь. Что-нибудь случилось?

— Да! У меня хорошая новость. Только дай слово, что никому не расскажешь о том, что я сейчас тебе скажу.

— Не смей меня, Клаудия. Ты бы еще попросила поклясться на Библии.

Когда я тебя обманывал?

— Ладно, извини. Изабел вернулась.

— Ду Карму знает?

— Нет! Она ни в коем случае не должна знать об этом! У Изабел до сих пор голова забита бреднями Назаре. Что ты думаешь о том, чтобы сказать о ее возвращении Эдгару?

— От него скрывать эту новость не надо ни в коем случае. Если хочешь, я поддержу тебя морально. Поехали в ресторан вместе.

— Спасибо, Дирсеу! Я справлюсь одна. Мне просто нужно было с кем-то посоветоваться.

Клаудия вышла из дома рано утром, оставив на столе записку для Изабел.

Она подъехала на такси к самому открытию ресторана. Рядом с «Месье Вотелем» было не так шумно, как в вечерние часы, но несколько парочек занимали свободные столики, шелестя глянцевыми страничками меню.

— Клаудия, так рано? — удивился Вириату, чуть не столкнувшись с девушкой. — Ты тоже решила позавтракать?

— Вириату, мне не до шуток! Надо срочно поговорить с Эдгаром.

— Клаудия, он сейчас не в лучшей форме. Если это касается Изабел, лучше не надо. Он и так страдает.

— Если он занят, я могу прийти попозже! — надулась Клаудия и сделала попытку уйти.

— Нет, — остановил ее Вириату. — Он на кухне. Ты подожди у него в кабинете, а я его позову.

— Хорошо, — обрадовалась девушка и открыла массивную дубовую дверь.

Кабинет Эдгара представлял собой настоящий музей любимых вещей и фотографий. На стеклянных полках стояли сувениры из разных стран попеременно с кулинарными книгами. Фотографии, развешанные на стенах, почти полностью закрывали обои. Здесь были снимки мадам Берте в период славы и цветения, детские и юношеские фотографии самого Эдгара и его друзей. Недавно здесь появилось несколько портретов Изабел и семейное фото ду Карму.

Массивный стол был завален кипой неразобранных бумаг и деловых писем. На самой середине лежала книга в кожаном переплете с цифрами 1968.

Клаудия открыла ее на первой странице. Это оказалась рукопись.

«В том году все и началось», — подумала девушка.

— Клаудия, у меня хорошие новости, — на пороге появился Эдгар. Его глаза лихорадочно блестели. — Доказательства преступления Назаре лежат на этом столе! — Он указал на тетрадь в кожаном переплете.

— Подожди! Сперва я должна тебе кое-что сказать.

— Умоляю, только покороче, у нас сегодня ожидается страшный наплыв посетителей во время обеда и ужина. Времени нет!

— А для Изабел у тебя время найдется?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что она вернулась.

Вивиан нехотя вылезла из машины, заметив незваного гостя с чемоданом в руках на пороге собственного дома.

— На посту, сеньор Жози? — спросила она, не скрывая презрения. — Несете почетный караул? Режиналду! У нас появился швейцар!

— Полегче! — насупился Жозевалду. — Я стою у входа в дом собственного сына. Что здесь криминального?

— Скажу откровенно, папа, ты чересчур назойлив, пора бы утомониться!

— Я просто хотел поговорить с тобой! — обиженно воскликнул Жозевалду.

— Поговорить?

— У меня очень важная информация!

— Тогда проходи!

— Я хочу попросить прощения за глупость, которую позволил совершить по отношению к ду Карму.

— Тогда ты ошибся адресом, папа. Мне рассказали, что ты сделал с мамой.

— Сынок, никогда не верь тому, что слышишь! Надо доверять только собственным глазам.

— Знаешь что, сделай лицо попроще! Во время безобразной сцены в доме матери было слишком много свидетелей.

— По-моему, Налду, твой отец хочет поймать нас на новую уловку

— Неужели человек не может признать, что ошибся?

— Значит, папа, ты все же считаешь, что был неправ?

— Мне было так грустно из-за того, что со мной почти не общаются и все время упрекают при любом удобном случае. Я немного выпил, а алкоголь, сынок, плохое средство от одиночества. Меня развезло. А дальше — ты знаешь. Но ведь ничего страшного не произошло! Подумаешь, испортил настроение ду Карму. Клянусь, что это никогда не повторится. Я был словно в чаду!

— Вот и хорошо! — Режиналду похлопал отца по плечу. — В другой раз сеньор Джованни лично поможет ду Карму убрать тебя из своей жизни. Ты этого хочешь? Это тебе не интеллигент Дирсеу!

— Ладно, сынок. Я все понял. Так я войду? — Жозевалду быстро прошмыгнул в едва образовавшуюся щель.

— Сеньор Жози, какой вы прыткий! Скоро научитесь пролезать в замочную скважину. — Вивиан недовольно посмотрела на мужа, но Режиналду лишь растерянно развел руками.

Жозевалду сразу прошел на кухню, достал из холодильника бутылку с пивом и устроился в гостиной у небольшого столика с глянцевыми журналами.

— Я не буду вам мешать, — скромно сказал он, увидев, как лицо Вивиан перекошило от досады. — Немного отдохну и уйду.

— Вы же хотели сказать что-то важное моему мужу.

— Скорее всего, меня неправильно поняли. Я лишь хотел извиниться, — буркнул Жозевалду и сделал вид, что увлекся чтением статьи.

Вивиан поспешила в кабинет мужа.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросила она Режиналду. — Не

будем же мы оставлять его у себя, особенно после того, что он устроил в доме моей свекрови.

— Не беспокойся, дорогая! Мы заплатили ему приличные деньги, и он в состоянии снять не только хороший номер в гостинице, но и арендовать приличную квартирку.

— Ты что? До сих пор не знаешь собственного отца? Если он захочет сэкономить, то ни перед чем не остановится, лишь бы не платить за постой! Думаю, что к вечеру нам придется выгонять его пинками.

— О чем ты говоришь, Вивиан?

— Вот увидишь, он обязательно сделает вид, что заснул или будет изображать сердечный приступ, чтобы остаться в твоём доме.

— Так что ты предлагаешь? — Телефонный звонок на время отвлек его от проблемы. — Алло! Режиналду Ферейра да Силва слушает, — сказал он и немного ослабил галстук.

Собеседник на другом конце провода явно пребывал в замешательстве.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровался женский голос. — Могу я поговорить с сеньором Жозевалду? Это говорит его знакомая, Мирна.

— Вам крупно повезло. Именно сейчас сеньор Жозевалду находится здесь, но на будущее имейте в виду: он будет останавливаться в другом месте.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила женщина. — Так могу я его услышать?

— Конечно! — Режиналду приоткрыл дверь и громко крикнул: — Отец, подними трубку. Это тебя!

— Меня? — удивился Жозевалду и подошел к телефону. «Неужели ду Карму решила натравить на меня своего адвоката?» — Жозевалду у аппарата! — сказал он осторожно.

— Здравствуй, дорогой! — Это был голос Назаре, от которого у него сразу побежали мурашки по всему телу. — Ты узнал меня?

— Конечно, моя королева! Знаю, что тебе пришлось срочно уехать из Рио. Я очень скучал по тебе! — Жозевалду старался говорить тихо, чтобы лишняя информация не дошла до ушей старшего сына.

— Ты когда-нибудь слышал про Жуис-де-Форо?

— Говорят, очень хороший городок!

— Если хочешь увидеть его своими глазами, приезжай! Я тебя жду! Встретимся в отеле «Sun beach». Я остановилась в пятом номере. — И она быстро повесила трубку.

От предвкушения радостной встречи у Жозевалду заныла челюсть. Он вспомнил пикантные подробности последнего свидания и автоматически прикрыл рукой вздыбленный гульфик.

«Чертовка! Она действует на меня даже на расстоянии! Сегодня я устрою ей настоящую ночь любви». Жозевалду схватил чемодан и направился в кабинет сына.

— Как я и говорил, я не побеспокою вас больше... — начал Жозевалду.

— Не ломай комедию, папа, — остановил его сын. — Говори, что задумал. Ты ничего просто так не делаешь!

— Видишь ли, мне предложили работу в городке поблизости.

— Работу?

— Да, со мной сегодня поговорят. Кстати, я там и заночую. — Жозевалду поспешно спустился вниз.

— Как же он торопится! — ехидно заметила Вивиан. — Кстати, никакая это не Мирна, а самая настоящая Назаре! Сеньор Жози узнал, где эта аванюристка, и ему захотелось сладенького.

— Ты как всегда права, дорогая! — Режиналду притянул ее к себе и усадил на колени.

— Да, милый: на какое-то время мы освободимся от этого нахлебника. Кстати, мы можем использовать шанс завести себе союзницу в нашей игре против ду Карму.

Изабел проснулась от того, что кто-то настойчиво звонил в дверь.

«Должно быть, Фауста опять забыла ключи», — подумала девушка и поспешила вниз. Мысль о том, как сейчас удивится служанка, заставила ее улыбнуться.

Она широко распахнула дверь и тут же попятилась назад. На пороге стоял Эдгар. Он очень похудел. Глаза стали еще больше и выразительнее. Изабел с трудом подавила в себе желание броситься к нему на шею, почувствовав, как вместе с радостью встречи откуда-то из глубины души поднимается чувство обиды. Она до сих пор не могла простить Эдгару его участия в «заговоре молчания». Ведь он знал, что ду Карму ее настоящая мать и молчал, позволив той разыгрывать эту дурацкую пьесу.

— Зачем ты пришел, Эдгар? — спросила она сухо.

— У меня к тебе важное дело! — Эдгар вошел без приглашения и торопливо закрыл дверь. В его руках была толстая книга.

— Как ты узнал, что я здесь? — Изабел пристально посмотрела на молодого человека. Она знала, что если он и попытается когда-нибудь соврать, то тут же сам себя и выдаст.

— Мне об этом сказала Клаудия, — простодушно признался Эдгар.

— Что еще тебе рассказала Клаудия? — Изабел лихорадочно соображала, как ей придется выкручиваться, если Эдгар спросит о ребенке.

— Только то, что ты вернулась домой... У меня появилась надежда. Она рассказала мне об этом, потому что хочет тебе добра, — попытался заступиться за Клаудию Эдгар. — Нам нужно с тобой поговорить.

— Нет! — Изабел упрямо замотала головой. — Я не хочу с тобой разговаривать. Уходи! И, пожалуйста, никому не говори о том, что я дома. Иначе я исчезну!

— Тебе придется меня выслушать, — Эдгар решительно прошел в комнату и сел в кресло. — Я могу тебе рассказать, что на самом деле произошло между отцом Клаудии и Назаре. Причем с доказательствами в руках.

— Я и так все знаю, что там было! — возмущенно воскликнула Изабел.

— Ничего ты не знаешь! Ты попала лишь под глыбу лжи, которую выдала тебе Назаре. Вся правда о прошлом здесь! — Он протянул ей книгу в кожаном переплете.

— Что это? — удивилась девушка.

— Дневник моей бабушки. Он относится к тому году, когда ты была похищена из родной семьи. Там говорится об этом и обо всем остальном. — Эдгар многозначительно посмотрел на Изабел.

— Ты хочешь сказать, что моя мать работала на мадам Берте?

— Она была одной из проституток борделя.

— Хватит! — Изабел закрыла уши руками. — Я больше ничего не хочу слушать! Мне все это надоело! Хватит!

— Изабел! Все, что ты слышала до этого, было нагромождением лжи. Здесь вся правда! — Эдгар протянул ей дневник.

— Я ничего не хочу знать! Не хочу даже притрагиваться к этому дневнику! — упрямо стояла на своем девушка.

— Отлично! Тем не менее я оставлю тебе то, ради чего пришел к тебе.

— Нет! Унеси его! — Изабел уже готова была заплакать от злости.

— Он будет лежать здесь, — тихо, но настойчиво сказал Эдгар и положил дневник на стол. — Господи, Изабел, как я хочу, чтобы время повернулось вспять. Ты понимаешь? — Девушка упрямо молчала. — Чтобы мои дни были снова наполнены счастьем, которое ты мне давала, потому что счастлив я был только тогда, когда был рядом с тобой. Я и сейчас тебя люблю, что бы ты не говорила мне и как бы не гнала от себя. Сегодня крепче, чем вчера! — Эдгар попытался взять Изабел за руку, но она тут же отдернула ее и спрятала за спину. — Но сегодня это большая любовь, потому что у меня тяжело на сердце, и я очень скучаю. Моя жизнь кончилась и потеряла без тебя всякий смысл. Я могу обрести счастье только с тобой. Я буду ждать тебя, сколько будет нужно.

— А теперь прошу тебя, уходи. — На лице Изабел появился плохо скрываемый страх.

— Да, конечно. Знай, то, что я тебе оставляю, очень дорого мне. Это единственная ценная вещь для меня, которая осталась от моей бабушки. Пожалуйста, прочитай дневник. Выясни всю правду о Назаре, прости ду Карму за то, что сразу не рассказала тебе обо всем, а вынуждена была ломать комедию, и возвращайся ко мне поскорее. — Эдгар в последний раз взглянул на Изабел и закрыл за собой дверь.

Полдня она не могла найти себе места. Пыталась разобрать вещи в своей комнате, перебирала старые фотографии, пробовала заснуть, но то и дело ее мысли возвращались к дневнику.

«Да что же я, в конце концов, боюсь правды!» — подумала Изабел и раскрыла страницу, заложенную длинной закладкой. Текст был написан от руки красивым каллиграфическим почерком с завитушками и прочими искусными излишествами.

«Из всех девушек она была наиболее талантлива...» Сердце Изабел сжалось от волнения, и она чуть было не захлопнула дневник, пытаясь справиться с чувствами. «Но я видела в Назаре сильное желание покончить с этой жизнью и посоветовала ей самый старый трюк в мире. Он срабатывает почти всегда. Почему бы ему не сработать с простофилей Луисом Карлосом? Но она напомнила мне, что не может иметь детей, тогда я посоветовала ей сделать накладной живот,

а после того, как он оставит жену, сказать, что потеряла ребенка».

Далее текст был испорчен огромным пятном с детскими каракулями. Изабел невольно улыбнулась, представив, как маленький Эдгар, который часто пропадал в кабинете бабушки, добрался до ее дневника и оставил память о себе. Она перелистнула страницу и опять погрузилась в чтение.

«Всем своим поведением она уже давала понять, что чувствует себя мадам Назаре Тедеску. А затем ушла с маленькой девочкой на руках, утверждая, что это ее родная дочь, и она сама родила ее. Больше Назаре не появлялась у меня. Приличные женщины никогда не бывали в моем доме».

Изабел устало откинулась на подушки и захлопнула дневник.

Клаудия появилась ровно в шесть вечера и начала извиняться прямо с порога.

— Эдгар сказал, что ты злишься на меня. На этот раз ты права, я даже не буду оправдываться.

— Я не собираюсь этого делать, — устало отмахнулась Изабел. — Я прошу тебя только об одном, никогда не лезь в мою жизнь!

— Изабел, я хотела только сказать тебе, что Назаре настоящая преступница, что ты напрасно защищаешь ее! Изабел! Доверься людям, которые хотят помочь тебе! — Клаудия обняла сестру, но та вывернулась из ее объятий.

— Не нужно было рассказывать Эдгару, что я вернулась. Я же просила тебя молчать! А может, ты уже рассказала это и ду Карму?

— Нет, Изабел. О том, что ты вернулась, знает только Эдгар. Я думаю, ты сама должна поехать к своей семье, когда решишь, что пришло время.

Глава 18

Джованни блаженно нежился под душем, вспоминая последний поцелуй с ду Карму.

«Еще немного терпения и главная мечта моей жизни осуществится. Мария, несомненно, стала более лояльной по отношению ко мне. — Джованни смыл пену с тела и посмотрел на свое отражение в зеркальном потолке. — По-моему, до сих пор придаться не к чему.

— Плечи широкие, ноги длинные, живота нет». — Он выключил воду и потянулся за полотенцем.

— Джованни, ты в душе? Мне можно войти? — Это был голос Даниэллы.

Годы совместной жизни с этим юным созданием превратили их отношения почти в родственные. К мягкому и наивному характеру девушки привыкли его дети и даже теща, дона Флавиана, которая вначале не могла смириться, что через три года после смерти жены Джованни подобрал в далекой провинции симпатичную танцовщицу и сделал ее своей официальной любовницей.

С первого дня знакомства девушка знала, что сердце Джованни навсегда принадлежит другой, а ей приходилось довольствоваться лишь телом и хорошим расположением к себе. Она давно потеряла надежду, что когда-нибудь ее покровитель сделает ей предложение, и ее будут почтительно называть сеньорой Импротта.

Месяц назад Даниэлла приняла настойчивые ухаживания Венансиу, чтобы хоть немного раззадорить ревность Джованни. По вскоре потеряла контроль над ситуацией и влюбилась. Теперь ее сердце разрывалось на части, и она не знала, что ей делать.

Молодой человек оказался невероятно хорош в постели, и к тому же отнесся к их отношениям весьма серьезно. Любовный флирт, который должен был закончиться через неделю, максимум через месяц, перешел в плохо контролируруемую сильную страсть. Они стали встречаться каждый день и совсем потеряли голову.

Хоть все встречи и происходили тайно, но это не укрылось ни от внимания Флавианы, ни от чуткого носа Джованни.

Сегодня Даниэлла сделала последнюю попытку поссориться с Венансиу и больше не дразнить судьбу.

— Что случилось, моя нимфа? — спросил Импротта, увидев, как Даниэлла смахнула слезы со своих длинных ресниц.

— Извини, что помешала. Но у меня очень тяжело на сердце, — всхлипнула девушка. — Я знаю, что не достойна ни твоей любви, ни твоей дружбы...

— Что за разговоры, Даниэлла. Ты всегда будешь достойна всего самого лучшего! — Джованни кончиком полотенца стер слезы и по-отечески поцеловал ее в лоб.

— Нет. После всего, что ты для меня сделал, я осмелилась...

— Не надо ничего объяснять, дорогая! Я и так все знаю и чувствую. Случилось то, что случилось! И никакие слова не уменьшат тех чувств, которые я к тебе испытываю.

— Я веду себя отвратительно, Джованни! всхлипнула Даниэлла.

— О чем ты говоришь? Ты ведешь себя, как всякая маленькая нимфа твоего возраста. Время от времени тебя носит в разные стороны, как ореховую скорлупу. Со мной происходило то же самое в твоём возрасте.

— Не надо так говорить. От этого мне становится еще хуже! — Даниэлла прижала мокрое от слез лицо к его груди.

— Ты очаровательное создание и навсегда останешься для меня такой, а сейчас постарайся лечь и заснуть. Твои милые голубые глазки не должны опухнуть.

— Джованни, я тебя так люблю!

— Я в этом не сомневаюсь, моя нимфа, — он взял ее на руки и отнес в спальню. — Постарайся заснуть, дорогая, а завтра утром все твои проблемы покажутся смешными.

Даниэлла, как кошка, свернулась клубком под одеялом и притихла под ласковыми поглаживаниями его теплой руки.

* * *

— Глупец, упрямец, грубиян! — вспыхнула Гилермина. — Разве так разговаривают с женщиной?

— Учите меня этикету после того, как пришли ко мне в такое йремя, даже

не позвонив?

— Почините автоответчик, если не хотите, чтобы вас беспокоили так поздно! — бросила она ему в лицо.

— У меня больше нет сил ругаться с вами. Будьте любезны, уходите! — Дирсеу вышел в коридор, и сам нажал на кнопку лифта. — Ну, что же вы? Хотите остаться у меня на ночь?

— И не надейтесь! — вспыхнула Гилермина. — Я оставила у вас сумку.

— Так возьмите ее. Чего только не придумаешь, лишь бы подольше оставаться с одиноким мужчиной наедине! — крикнул ей вслед Дирсеу.

Гилермина смерила его презрительным взглядом и молча вернулась за сумкой.

Она неторопливо взяла косметичку, раскрыла ее и тщательно подкрасила губы.

«Змея! Видите ли, она обратится в суд! — зло подумал Дирсеу. — Пусть делает, что хочет! Я не откажусь от газеты ни сейчас, ни потом».

— Спасибо за «гостеприимство». Спокойной ночи! — сказала Гилермина и холодно взглянула на журналиста. Дирсеу заметил, что у нее дрожат руки, и немного смутился.

— А вам не кажется, что уже довольно поздно ходить одной по городу? — Он придержал створки только что подъехавшего лифта.

— Вы забыли, что я родилась в Рио? — напомнила ему Гилермина.

— Но жили-то вы в Париже, где женщины почти всегда ходят в одиночку.

— Я на машине.

— Это не гарантия от проблем большого города. — Дирсеу сам не понял, зачем затеял этот разговор.

— Меня ждет шофер. Спасибо за вспышку любезности. — Гилермина зашла в лифт и нажала на кнопку. — А потом, я умею себя защищать.

— Надеюсь лучше, чем нападать.

— Вы же сами сказали, что уже слишком поздно. Сделайте одолжение, отпустите дверь лифта!

— С удовольствием! Я вовсе не собирался вас задерживать! — Дирсеу отошел в сторону.

Створки кабинки захлопнулись, и лифт заскользил вниз. Он еще немного постоял в коридоре, не зная, как реагировать на то, что только что произошло, и бросился к телефону, чтобы позвонить Себастьяну.

Минуты ему показались вечностью. Дирсеу долго извинялся перед Жаниси за поздний звонок, затем ждал, когда Себастьян возьмет трубку и осмыслит все, что рассказал ему Дирсеу.

— Ну, что ты обо всем этом думаешь? — не выдержал он долгой паузы.

— Я не могу поверить. Ты хочешь сказать, что дочь Жозефы пришла к тебе в глухую ночь, чтобы отговорить от выпуска газеты?! Но по какому праву?

— Из-за бесстыдства и высокомерия! — отрезал Дирсеу. — Она не сэкономила на словах, когда объясняла, что сделает, чтобы запретить нашу газету. Она уверена, что я использую имя Жозефы, чтобы выпустить «DIARIO DE NOTICIAS» в собственных интересах, в то время как она хочет оградить имя

матери от всяких посягательств.

— А ты не показал ей проект газеты? Не попробовал перетянуть на нашу сторону?

— Конечно, нет! Она и не взглянула бы на него, потому что пришла с предубеждением! Вылитая донна Жозефа, только еще более упрямая, чем мать!

— Так ты ей не уступил?

— Ни за что! Будем двигать проект дальше, и ждать следующего шага. Это явно будет обращение в суд. Сдается мне, нам надо атаковать, прежде чем она сообразит что к чему.

* * *

Время в дороге пролетело незаметно. Жозевалду купил билет на скорый поезд, устроился в мягком кресле и весь путь предавался приятным воспоминаниям о первом свидании с Назаре.

Ее появление в его жизни несколько смягчило необъяснимую и жгучую страсть к ду Карму, которая со временем приобрела неконтролируемую силу и последний раз стоила ему изгнания из дома.

Чуть не проехав остановку «Жуис-де-Форо», Жозевалду поспешно выпрыгнул на платформу и зашел в маленький парфюмерный магазин на станции.

Две бойкие продавщицы тут же кинулись к нему навстречу.

— Что желает сеньор? — спросила одна и протянула ему полоски с тестерами.

— Я всегда пробую парфюмерию на собственной коже, — широко улыбнулся Жозевалду и подошел к отделу с женской парфюмерией. Девушки переглянулись.

— Я бы порекомендовала вам купить коллекцию «Cristian Dior». Здесь представлены лучшие духи на разные случаи жизни для вашей избранницы: «Eau Sauvage», «Tendre Poison», «Fahrenheit».

Жозевалду молча попробовал все ароматы и перебрался к полке с мужским парфюмом.

— Очень хорошие духи от Серджио Таччини «O Zone»! А здесь у нас «CerrutiSi» и «Lacoste», — сделала последнюю попытку девушка и, поняв, что перед ней очередной любитель подушиться на халяву, отошла в другой угол.

Из магазинчика Жозевалду вышел, благоухая как майская роза.

«Вот теперь другое дело! — весело подумал он. — Я в форме! И зачем некоторые идиоты тратятся на дорогую парфюмерию, если всегда можно воспользоваться ею задаром? — Жозевалду заметил пышную клумбу с яркими цветами и с вожделением покосился на нее. — Что ж, буду джентльменом до конца. Букет для прекрасной дамы мне не помешает».

Он огляделся по сторонам и, увидев лишь дряхлую старушку с маленьким внуком, которые кормили голубей, быстренько ободрал все яркие цветы на клумбе и весело зашагал к центральной площади.

Без труда отыскав отель, он быстро нашел и нужный номер. Дрожа от нетерпения, поправил галстук и, засунув в рот мятную жвачку, постучал.

— Входи! Открыто! — Назаре лежала на огромной кровати в ярко-красном пеньюаре и томно смотрела на него.

Жозевалду закрыл дверь на ключ и приблизился к ней.

— С тех пор, как я провел с тобой первую ночь, я все время думаю о тебе!

— Я знаю, что действую на мужчин, как наркотик, — улыбнулась Назаре. — Пожалуйста, поставь цветы в вазу и иди ко мне. — Жозевалду торопливо выполнил ее просьбу и поспешил раздеться.

— Правда, Назаре, я думаю о тебе минимум два раза в день, когда никто не мешает. Дай мне прикоснуться к твоей коже.

— Так чего же ты медлишь? Давай сперва развлечемся, а потом поговорим, — Назаре скинула пеньюар и осталась в белом полупрозрачном боди.

— Кровь прилила к вискам Жозевалду, и он набросился на нее, как голодный зверь...

— Надеюсь, что сегодня ты не будешь называть меня ду Карму? — сказала она, когда он немного насытился, и больно ущипнула за ягодицу.

— Молчи, женщина. В постели всегда командует мужчина. — Жозевалду подмял ее под себя, чувствуя, что уже не может остановиться...

Когда все закончилось, он спросил:

— Ты для этого позвала меня?

— А что? — Назаре закурила, выпустив вверх тонкую струйку сизого дыма. — Можно подумать, что ты думал о чем-нибудь еще, кроме секса, когда ехал сюда?

— Я был уверен, что у тебя в голове созрел план, чтобы все вернуть на свое место. Я бы с удовольствием поучаствовал в этом. — Жозевалду перехватил ее сигарету и несколько раз затянулся.

— К сожалению, нет. — Назаре пощекотала его острым ногтем за ухом, от чего у него по всему телу побежали мурашки.

— Как же ты мне нравишься! — Жозевалду улыбнулся и притянул ее к себе. — Горячее тело, холодная душа.

— Надеюсь, что ты станешь мне хорошим союзником?

— Конечно! Ты можешь всегда рассчитывать на меня! Пожалуйста, полежи на мне! — попросил Жозевалду. Назаре вскарабкалась на него сверху и вытянулась, положив голову к нему на грудь. Она зажмурилась и принялась пытаться понять, какой туалетной водой он пользуется.

Ее нос уловил какофонию несочетаемых запахов: нотки сандала смешивались с ароматом древесной смолы, жасмина, иланг-иланга, пачулей и других незнакомых ей ароматических веществ.

— Что ты делаешь? Мне щекотно! — засмеялся Жозевалду и схватил ее двумя пальцами за нос.

— Впервые вижу мужчину, у которого грудь — эрогенная зона. Какими духами ты пользуешься?

— Бразильскими, под названием «Сеньор Жози»!

— Перестань шутить, дурачок! Таких духов не существует! — засмеялась Назаре. — Лучше расскажи, что произошло в мое отсутствие. И как можно подробнее. А я что-нибудь обязательно придумаю, чтобы стать прежней Назаре

Тедеску. Можешь не сомневаться.

* * *

До двенадцати часов дня Мария пробыла в магазине, провела последнее в году совещание и поздравила всех сотрудников с праздником.

— Какой девиз у нашего магазина? Качественный продукт, немедленная продажа и хорошие низкие цены! Именно поэтому префектура Виллы Сан-Мигель продолжает закупать у нас необходимые для строительства материалы, — услышал Режиналду голос матери за дверью и постучал.

— Можно войти? — спросил он и вежливо улыбнулся.

— Конечно, сынок, проходи! Я уже закончила.

— Мама, я принес новый список материалов, необходимых для строительства. — Режиналду протянул ей папку.

— Отдай это Анжелике, Налду. Она разберется, а мне надо срочно уехать. Я обязательно должна заскочить в магазин за подарками и помочь девочкам по хозяйству! — Мария поспешно убрала бумаги в сейф и вышла из кабинета.

— Ты теперь здесь за главную, — Режиналду низко склонился над Анжеликой и заглянул ей в глаза. — Ты знаешь, что с этим делать.

Было уже три часа дня, когда Мария приехала домой с большим количеством пакетов, коробочек и свертков. По дому летали сногшибательные запахи жареного мяса и тушеных овощей.

— Сиссера! Как у тебя дела? — спросила она, заглядывая в кастрюлю с грибной приправой. — Мне кажется, еда не будет готова вовремя.

— Не переживайте, каждый год одно и то же, — Сиссера заботливо накинула на ду Карму фартук и завязала на спине.

— Спасибо, дорогая! Шампанское охлаждается?

— Да.

— А десерт готов?

— Конечно! Хлеб резать еще рано, — предупредила Сиссера очередной вопрос хозяйки. — Идите, сеньора Мария, в доме всегда работа найдется.

— Отлично. Пойду посмотрю, все ли там в порядке, — улыбнулась ду Карму и прошла в гостиную.

Огромный круглый стол был накрыт на двадцать пять персон. На праздник должны были приехать семейства Джованни Импротты и старшего брата Марии Себастьяна. Сыновья ду Карму всегда отмечали Новый год в доме матери и потом оставались ночевать в гостевых комнатах, чтобы утром первыми пожелать ду Карму счастья в Новом году.

Мария поднялась к себе, уложила волосы в строгий пучок, открыв стройную шею, и достала из гардероба новое белое платье.

«В нем я точно сразу всех наповал!» — подумала она и улыбнулась.

Через час начали подъезжать гости.

Первым появился Дирсеу с огромным букетом белых лилий.

— Ду Карму, еще один год, моя дорогая! Еще один в коллекцию лет, прожитых нами вместе! — Он нежно поцеловал ее и усадил на диван.

— Да, Дирсеу, удивительный год! Впервые почувствовала себя уверенно, когда убедилась, что моя дочь теперь знает о моем существовании.

— Я очень рад за тебя, Мария. Давай простим друг друга за ссоры и излишнюю горячность. Наши размолвки — пустяк. Те чувства, которые сложились между нами за многие годы, не могут просто так исчезнуть...

— Я знаю, Дирсеу, и благодарна тебе за все. Оставайся здесь за хозяина, а мне надо ненадолго тебя покинуть, извини.

— Конечно, ду Карму! Ты можешь рассчитывать на меня. — Дирсеу проводил взглядом Марию и почувствовал, как его сердце сжалось от неотвратимого ощущения, что от него ускользает что-то очень важное и дорогое.

«Ну, почему нельзя повернуть время вспять? — с грустью подумал он. — Или стереть из памяти те обиды, которые мы нанесли друг другу когда-то? Почему судьба не дает нам возможности жить вместе? Все время находится повод, чтобы отложить свадьбу...»

Ход грустных мыслей Дирсеу был прерван веселой трелью звонка. На пороге стоял Джованни в белоснежном костюме с точно таким же букетом лилий в руках.

— А где хозяйка? — спросил Джованни и оценивающе посмотрел на соперника.

— Я за нее. — Брови Джованни поползли вверх от удивления. Дирсеу молча указал ему на свой букет из белых лилий, чем окончательно смутил его.

— Спасибо, что не поставил меня в глупое положение, — сдержанно поблагодарил Джованни и, пропустив впереди себя Флавиану и Даниэллу, поспешил к машине.

— Гони в цветочный магазин! — услышал Дирсеу расстроенный голос Импротты.

— Да! Пикантная ситуация! — воскликнула Флавиана и весело посмотрела на Даниэллу.

— Вам в следующий раз надо договариваться заранее, — философски заметила девушка.

На протяжении долгих лет Мария свято соблюдала традицию перед новогодним праздником: каждый год перед началом торжества она уединялась в комнате Линдалвы и молилась, вспоминая обо всем, что было прожито за это время.

— Господи, Отец всемогущий! В этом году я хотела тебя поблагодарить за то, что нашла свою дочь. Но все получилось не так, как я мечтала. Не знаю, могу ли я тебя просить о большем? Но страстно молю тебя о помощи снова! Помогни мне, пожалуйста, вернуть Линду в семью! За все время, пока я искала своего ребенка, я не позволяла себе создать новую семью и мучила дорогого для меня человека. Неужели моя плата так мала и ничтожна? Я пролила столько слез и трудилась так рьяно ради того, чтобы дети мои жили в счастье и любви, не испытывая голода и стеснений. Неужели я не заслужила счастья видеть собственную дочь в моем доме, общаться с ней? — Мария посмотрела на фотографию Линды и улыбнулась. — Моя дорогая, я не знаю, где ты сейчас, но где бы ты ни была, я желаю тебе счастливого Нового года. Я люблю тебя,

девочка!

— Бабуля! Тебя все заждались! — Это был голос Бьянки. Мария посмотрела на часы и удивилась. Она не заметила, что провела целый час в комнате Линды.

— Иду, дорогая! — Ду Карму вытерла слезы и открыла дверь.

— Бабуля, все хотят есть! Это настоящая пытка смотреть на стол Сиссеры!
— Девочка схватила ее за руку и повела вниз.

Просторная гостиная вместила всех гостей ду Карму.

«Господи, — подумала она, — какое счастье, когда вся семья и близкие мне люди собираются вместе».

— Как я рада видеть вас всех, мои дорогие! Давайте выпьем и проводим старый год! — предложила Мария. — Прошу к столу! Лично у меня зверский аппетит. — Она обошла всех гостей и, наконец, добралась до своего места между Бьянкой и Бруну.

— Гоподи, как же приятно осознавать, что ты больше никогда не будешь голодать! — вздохнула она и подвинула к себе тарелку с жареной индейкой.

— Бабушка, а ты голодала? — удивилась Бьянка.

— Да, дорогая, я была бедной. Сколько раз я оказывалась в абсолютной нищете и ничего не ела, чтобы дать хоть маленький кусочек моим детям. Мне приходилось все время бороться, много трудиться, и, в конце концов, я победила. Посмотри! Разве может быть стол краше и лучше, чем этот?

— Вряд ли! — согласилась девочка.

— Никогда не забуду то последнее Рождество, которое мы встречали в Белен-де-Сан-Франсишку. В это время ваш отец уже нас бросил, а я была беременна Линдой. У нас ничего не было: ни еды, ни подарков, а потом, на следующий год, мы уехали к Себастьяну в Рио. Тогда я пообещала себе, что если разбогатею, у меня всегда на столе будет еда, а дом открыт для любого страждущего и гостя...

— Не думай о грустном, ду Карму! — прервал ее Джованни. — Прими лучше от нашего семейства вот эти розы и корзину с подарками, и давайте начнем веселиться, ведь через час нас ждут на площадке Школы самбы.

— Хорошо! — согласилась Мария. — Больше никаких слез и грустных воспоминаний. Проводим этот удивительный год весело!

* * *

Клаудия не могла подумать, что Новый год, который должен был стать самым счастливым в ее жизни, что-то может омрачить.

Ей хотелось всех любить, говорить комплименты и смеяться. В семействе ду Карму она чувствовала себя как рыба в воде. Все казалось ей родным и знакомым.

Клаудия не сразу заметила, как из-за стола исчез Леандру, но когда прошло чуть больше получаса, насторожилась и пошла искать его. В доме его не было, на крыльце тоже. «Куда же он мог подеваться? Почему ничего не сказал мне, что уходит?»

Клаудия дошла до беседки и уже хотела повернуть назад, как услышала

знакомый голос.

— Как ты могла так поступить со мной? Что я теперь скажу Клаудии? Я люблю ее! Мы хотим пожениться!

Девушка подошла поближе и спряталась за дерево, стараясь разглядеть его собеседницу.

— Не говори так, дорогой! Мы еще не развелись, а будущий ребенок все должен вернуть на свои места!

«Ребенок?!» — удивилась Клаудия и попятилась назад. Ветка мирта больно задела ее по лицу. Она вскрикнула и бросилась вон.

Леандру тут же выбежал на шум, но увидел лишь удаляющуюся фигурку Клаудии.

— Что ты наделала, Миналва? Ты уже во второй раз разбиваешь мне жизнь? — В сердцах крикнул он и кинулся за девушкой.

Клаудия добежала до остановки такси и растерянно остановилась.

«Какая же я дура! Ловить такси в Новый год! — опомнилась девушка. — Если пройти три квартала, можно выйти на площадь, а оттуда до дома рукой подать!» Она почувствовала, как Леандру схватил ее за руку, но она с силой освободила ее.

— Клаудия, мне нет прощения! Я знаю! По хотя бы выслушай меня!

Девушка упрямо пошла вперед, никак не реагируя на слова Леандру.

— Все произошло не так, как ты думаешь! Я не мог представить, что это Миналва... — Леандру запнулся, подбирая слова.

— Мне и так больно, не мели чушь! — остановила его Клаудия.

— Это не чушь! В этой ситуации я скорее жертва!

Клаудия вяло слушала оправдания Леандру, не вникая в подробности. В душе ее было пусто и тоскливо. Казалось, что все счастливые надежды на будущее исчезли в один миг по злой иронии обстоятельств.

Леандру проводил ее до дома, поцеловал на прощание и долго стоял под окном, пока она не погасила свет в комнате.

Клаудия прошла в спальню сестры. Изабел крепко спала, улыбаясь во сне. Она тихонько притворила дверь в ее комнату, достала из аптечки таблетку снотворного и приказала себе ни о чем не думать, а лечь в постель. Лекарство подействовало мгновенно, через минуту девушка забылась тяжелым и беспокойным сном.

Через три часа к дому подъехал грузовик и притормозил у самой калитки. Из него лихо выскочила Назаре с новым чемоданчиком на колесах и, послав воздушный поцелуй водителю-дальнобойщику, поднялась на крыльцо.

Дом ей показался пустым и чужим. Клаудия успела поменять мебель в холле, перетащить сюда телевизор и диван из своей комнаты, сняла со стены все фотографии Назаре и украсила лестницу новогодней иллюминацией.

— Только вернись, мерзавка! — зло прошептала Назаре. — Я тебе устрою взбучку. Обрадовалась тому, что одна дома! Завтра я тебе покажу, кто здесь хозяйка! — она устало добрела до ванны и включила горячую воду.

«Господи! Как я измотана! Неужели я дома? — Назаре с умилением посмотрела на свою полку, заставленную пузырьками и склянками с

разноцветными шампунями и гелями. — Пусть делают со мной, что хотят, но больше я отсюда не уеду».

Последние два дня она провела с большой пользой для себя. Нашла ушлого молодого адвоката, который объяснил ей, как вести себя в той ситуации, которая грозила ей заключением на долгие годы; прочитала несколько медицинских статей на тему нервного срыва и наметила для себя дальнейшую стратегию.

Смыв с себя дорожную пыль и следы жарких лобзаний молодого шофера, Назаре закуталась в большое полотенце и босиком пошлепала в свою спальню, чтобы сразу же нырнуть под любимое одеяло. Она включила ночник и замерла на пороге: на ее кровати безмятежно спала Клаудия.

— Чертово отродье! — разозлилась Назаре и схватила подушку, чтобы задушить девушку, но вовремя остановилась. — Нет, ты должна быть в сознании, когда я сделаю это!

Она спустилась вниз, достала из чемодана чистые вещи и переоделась. Оставалось лишь подняться наверх и сделать то, о чем она всегда мечтала. Окончательно расправиться с той, кого она ненавидела все эти годы.

«А что? Меня никто не видел. Я для всех за сотни километров от родного дома. Да мало ли врагов у молодой девушки-журналистки? — Назаре посмотрела в окно. Уже светало. — Надо действовать быстро и наверняка!»

Клаудия не знала, сколько проспала. Ее разбудил упавший на лицо солнечный луч. Она перевернулась на живот и хотела еще немного понежиться в постели, но неожиданно вспомнила о том, что произошло в беседке и резко села на кровати. То, что она увидела перед собой, сначала показалось ей продолжением страшного сна.

У окна стояла Назаре и странно улыбалась, не сводя с нее глаз, будто желая загипнотизировать.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Клаудия.

— Смотрю, как ты спишь, дорогая, — улыбнулась мачеха. — Я буду твоим последним кошмаром, который ты увидишь наяву. Последним! — Она подняла руку, и Клаудия заметила в ее руке ножницы.

— Назаре! — воскликнула Клаудия в отчаянии. — Ты сошла с ума!

— Я берегла твой сон, потому что хотела, чтобы ты умерла наяву. — Она стала медленно приближаться к кровати.

— Ты давно вернулась? — спросила Клаудия первое, что пришло ей в голову, судорожно ища глазами то, чем можно защититься.

— Давно, дорогая, очень давно! Я вернулась, чтобы покончить с тобой!

Назаре стремительно бросилась вперед, и длинные лезвия ножниц буквально разрезали подушку пополам. Потом с диким остервенением повторила попытку.

— Прекрати! Прекрати! — громко закричала Клаудия, из последних сил отбиваясь от страшного орудия Назаре. — Изабел, помоги мне!

Имя дочери на время привело ее в чувство. Назаре не могла предположить, что Изабел тоже вернулась домой и теперь спит в своей спальне. Она с опаской посмотрела на закрытую дверь и нехорошо улыбнулась, глядя в глаза Клаудии.

— Опять твои уловки! Кого ты хочешь обмануть? Сейчас я расправлюсь с

тобой, как с худшей неприятностью из своего прошлого, а потом вернусь домой, как ни в чем не бывало! Мало ли пьяных хулиганов шныряют по домам в большие праздники. Никто и не удивится, что произошло ограбление с летальным исходом! — засмеялась Назаре и подняла лезвие над головой.

— Прекрати, мама! — Изабел влетела в комнату и преградила ей дорогу к кровати Клаудии.

— Дочка? Как ты здесь оказалась?

— Так же, как и ты, мама!

— Как ты меня назвала? — переспросила Назаре, не веря собственным ушам.

— Мамой! Она назвала тебя мамой! — Клаудия встала с кровати, стараясь не делать резких движений, и попятилась к двери.

— Это правда? — Назаре переключила внимание на дочь.

— Конечно! — улыбнулась Изабел.

— Что случилось? В чем дело? Ты передумала? Я была уверена, что никогда больше не услышу это от тебя. Думала, что ты на меня обиделась! — Назаре заметила маневры и метнулась к двери, загородив собой выход. — Ни с места, проклятая!

— Перестань, мамочка! Хватит! — Изабел сделала попытку отобрать у нее ножницы.

— Нет! Я тебе не верю! Ты меня обманываешь, дочка!

— Я тебя не обманываю! Я не ожидала такого от нашей встречи. Последний раз мы виделись тогда, когда я везла тебя в больницу, из которой ты почему-то сбежала втайне от меня. Что мне было делать в чужом городе беременной? Мне пришлось вернуться!

— Да, все так! Ты говоришь правду! — растерялась Назаре. — Ты простишь меня, дочка? Я опять натворила глупости. Все будет так, как раньше? Да? Дай я тебя обниму! Я так хотела начать все сначала. Позволь мамочке обнять тебя, прости меня! Прости! Я так по тебе скучала.

— Я тоже, мамочка! Отдай мне эти ножницы, оставь эту противную Клаудию! — Изабел сделала сестре незаметный жест.

— Она заняла мою комнату! — обиженно всхлипнула Назаре.

— Да, Клаудия! Ты не права! — громко сказала Изабел. — Это не твоя комната! Уноси сейчас же свои вещи отсюда!

— Дочка! Как я рада, что набралась смелости и вернулась! — Назаре отложила ножницы и обняла Изабел. — Это самое лучшее, что я могла сделать! Как я соскучилась, дочка, по своей комнате, кровати, по ванной! Дочка, достань, пожалуйста, свое самое красивое платье, и мы пойдем прогуляемся по улице. Ты ведь пойдешь со мной?

— погоди, мама! Мне надо с тобой поговорить! Давай сперва сходим в клинику и поговорим с врачом о твоём самочувствии.

— Изабел! Не могу поверить! Ты намекаешь на то, что я сумасшедшая?

— Дело не в этом!

— Именно в этом! Здоровых людей не помещают в клинику! — опять завелась Назаре. — Ты хочешь избавиться от меня. Да?

— Я хочу помочь! Я хочу заботиться о тебе!

— Я не сумасшедшая!

— У тебя стресс из-за последних событий. У меня тоже! — сказала Изабел более мягко. — Поэтому будет лучше, если ты недолго полежишь в клинике.

— А ты будешь со мной, дочка? У тебя ведь тоже стресс, — хитро улыбнулась Назаре. — Если ты поедешь со мной, я соглашусь. А может, нам взбодриться в массажном салоне?

— Мама, все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Что ты сейчас только что пыталась сделать с Клаудией? Если бы меня не было дома, произошла беда!

— Она заняла мою комнату! — упрямо поджала губы Назаре.

— Ты же ее чуть не убила ножницами! Твое поведение доказывает мне, что тебе нужно лечить нервы.

— Ты уже — вызвала «скорую»? Изабел, ты не забыла, что чтобы меня уложить, ты должна быть моей родственницей...

— Только попробуй выйти на улицу! Тебя арестуют!

— Ты на меня донесла? — насторожилась Назаре.

— Пока еще нет!

— Ты поставила меня перед выбором: или тюрьма или психбольница! Как тебе не стыдно, дочка!

— Нет! Мама! Это клиника для людей с нервным истощением. Ты побудешь там, пока не решится проблема с полицией.

— Ты говоришь про очень дорогое место, дочка!

— Я разберусь! Я найду деньги!

— В любом случае ты хочешь избавиться от меня! — не унималась Назаре. — Ты хочешь меня там запереть и выбросить ключ!

— Дело в том, что мне самой не нравятся оба варианта, но тебе придется выбирать.

— Могу я ответить тебе позже, когда буду готова?

— Хорошо, но не вздумай выходить на улицу! Это ради твоего же блага!

Глава 19

Джованни дождался момента, когда Дирсеу попрощается с ду Карму, и увлек ее в соседнюю комнату.

— Извини, что в такое время поднимаю неприятную тему, — сказал он вкрадчиво и заглянул в глаза Марии.

— Говори, раз начал. Ты, должно быть, узнал о последней выходке Жозевалду?

— Да! — вспыхнул Джованни. — И если ты мне только намекнешь, он навсегда исчезнет из твоей жизни! Не надо будет выплачивать пособие, разводиться...

— Не говори глупости. Я никому не желаю зла. И вообще, давай сменим тему.

Она заметила, что Джованни недовольно нахмурился, и сразу же смягчилась.

— Спасибо тебе за поддержку. Страшно подумать, если бы тебя не было в моей жизни! — она благодарно дотронулась до его руки.

— Ду Карму, раз уж ты заговорила об этом. Кто знает, может, ты воспользуешься первым днем года, чтобы подумать о возможности стать супругой Джованни Импротта. Я именно тот мужчина, который может сделать тебя счастливой. — Джованни обнял ду Карму.

— По-моему, тебе пора уходить, — сказала она не очень уверенно, впервые почувствовав, как его возбуждение передается ей.

— Хорошо. Я сейчас уйду, но вернусь раньше, чем ты думаешь!

— Почему? У нас разве есть еще какие-то нерешенные вопросы?

— Да! И все будет окончательно решено, — когда ты скажешь мне «да».

— Джованни! — засмеялась Мария. — Ступай себе с богом!

— Твое слово для меня закон. — Импротта приблизил свое лицо к ду Карму и страстно поцеловал ее в губы. Марии с трудом удалось вырваться из его объятий.

— Прости, ду Карму, я очень давно хотел это сделать. Теперь спокойно продержусь еще какое-то время.

— Ты ведешь себя, как озабоченный подросток! — сердито сказала Мария.

— А я такой и есть, потому что ты сводишь меня с ума! Даже Даниэлла уже привыкла, что я без конца называю ее твоим именем.

— Джованни, тебе не стыдно?

— Нет! Нисколько! — просиял Импротта и указал на лестницу. — Не волнуйся, дорогая, тебе на выручку пришел младший сын.

— Не обращайтесь на меня внимания! — смутился молодой человек. — Я на секунду!

— До скорой встречи! — Джованни послал воздушный поцелуй и скрылся за дверью.

— Извини, я невольно слышал ваш разговор. — Плинию спустился вниз по лестнице. — До каких пор ты будешь колебаться — Дирсеу или Джованни?!

— Если бы я знала...

— Ты ещё любишь Дирсеу?

— Люблю! Он чудесный человек и идеальный спутник жизни, но все же я не хочу выходить за него замуж. А Джованни мне намного больше, чем просто друг. Я не виновата, что оба они в моем сердце! Пусть будет как есть.

— А тебе не приходило в голову, что рано или поздно Дирсеу это надоест, и он найдет себе кого-нибудь еще?

— Давай не будем говорить об этом! Лучше скажи, как у тебя дела с Анжеликой.

— Замечательно. Только иногда она становится какой-то странной, мне кажется, будто она что-то скрывает.

— Не выдумывай, сынок. Что может скрывать двадцатилетняя наивная девушка?

— Скорее всего, она до сих пор не справилась со своей ревностью к Яре. Как ты думаешь?

— Честно скажу, не знаю, — пожала плечами Мария. — Вы думаете, что я

железная и знаю ответы на все вопросы, но я не такая. Я гораздо слабее, чем ты думаешь. А сегодня, как проснулась, так и думаю об одном. Каждый год первого января я подвожу жизненные итоги и строю планы на будущее. И все эти годы я горела одним-единственным желанием — вернуть свою дочь...

— Мама, но ты же нашла ее!

— Да, сынок, но получилось не так, как я думала. Моя дочь сбежала от меня. Она защищает эту негодяйку! Я не смогу с этим смириться!

— Мамочка, рано или поздно нее наладится. 15 один прекрасный день Изабел войдет вот в эту дверь и останется с нами навсегда!

— Дай Бог, чтобы ты оказался прав.

* * *

Гилермина отметила Новый год в привычном ей одиночестве, нанеся перед этим визит вежливости барону и баронессе.

Поведение Лауры насторожило ее. Оставаясь такой же очаровательной оптимисткой и модницей, она почему-то назвала Гилсрмину именем ее матери, а своего супруга Ипполитом.

— Что поделаешь, возраст! — грустно улыбнулся барон, провожая Гилермиину к машине.

Из этой ситуации единственным лекарством от болезни является любовь и терпение.

С этим лекарством у нас в доме нет проблем, сказал Педру и помог даме сесть в такси.

Гилермина обернулась и махнула на прощание рукой, когда машина тронулась с места. По лицу Педру текли слезы.

Отвезите меня, пожалуйста, в Гранд-отель, сказала она шоферу и вжалась в угол, чтобы таксист не смог заметить, что она с трудом справляется с рыданиями.

Ее мать, дона Жозефа, буквально угасла на ее глазах в течение шести месяцев, и из цветущей жизнерадостной женщины превратилась в жалкую развалину. Ее железная воля изменила ей, а бурный темперамент сыграл с ней злую шутку. Целыми днями она суетливо перекладывала вещи или бесцельно двигалась по комнатам, лишь иногда реагируя только на голос дочери. Лучшие специалисты в области геронтологии поставили страшный диагноз — болезнь Альцгеймера. Теперь эта беда грозила Лауре...

С уходом матери, к которой она очень привязалась за последний год, в ее жизни образовалась пустота. Она пыталась ее заполнить постоянной деловой суетой, переездами и деловыми контактами, но это приносило ей лишь временное облегчение. В схватку за наследство доны Жозефы Гилермина ввязалась в основном по этой же причине.

«А в этом журналисте что-то есть, — подумала она и вытерла слезы. — Приятно иметь дело с мужчиной, у которого кроме приятной внешности есть характер и голова на плечах».

Весь остаток ночи Гилермина просидела за пасьянсом с бокалом шампанского на веранде отеля, наблюдая за праздничной толпой, которая

собралась на пляже.

Кругом виднелись многочисленные огоньки свечей, воткнутых в песок, и венки из живых цветов. Люди, одетые в светлые одежды, танцевали, запускали петарды и веселились.

В небе то и дело вспыхивали разноцветные салюты. Когда стихли последние залпы салюта, Гилермина посмотрела на небо и увидела падающую звезду.

«Хочу, чтобы в моей жизни появился любимый мужчина, — загадала она желание и почему-то подумала о Дирсеу. — Интересно, он женат или нет?»

Гилермина вспомнила прибранную гостиную, отсутствие разбросанных вещей, аккуратную и лаконичную прихожую и нахмурилась. Во всем была видна женская рука.

«В конце концов, у него может быть прислуга», — успокоила себя Гилермина и легла спать. Кровать была холодной и неудобной, а накрахмаленное толстое одеяло только раздражало кожу.

«Мне уже за тридцать, а я до сих пор живу одна, — подумала Гилермина. — Пора бы подумать о серьезных отношениях с кем-то? — Она закрыла глаза и попыталась вспомнить лицо Дирсеу. Какого цвета были у него глаза? Серые? Нет, карие. Но самое замечательное, пожалуй, его губы, чувственные, красивые, и волосы... Кудрявые длинноволосые мужчины всегда были моей слабостью». Гилермина вспомнила своего первого мужчину, веселого и беззаботного француза, с которым сошлась на третьем курсе учебы в университете. Он был свободным художником и уже два года рисовал дружеские шаржи на Монмартре. Их чувства продолжались не больше года и так же быстро закончились, в тот момент, когда она поняла, что ему все равно с кем спать — с мужчиной или женщиной.

Ее страдания длились целый месяц, но потом началась весна, и она обратила внимание на молодого профессора, читающего курс античной философии и культуры. Его внешность вполне соответствовала теме. Он был кудряв, хорошо сложен и внешностью напоминал молодого грека.

«Так вот кого мне напомнил этот журналист», — обрадовалась Гилермина.

* * *

Назаре надела самое красивое платье с открытой спиной и оголенными плечами и вышла на улицу. План, который сложился у нее в голове, казался ей идеальным. Сначала она найдет соседку Ширли или сеньора Жака, а затем...

— Ширли, дорогая! окликнула Назаре женщину, сидящую в скверике на скамейке.

— Назаре! Глазам не верю! Ты же...

— Как видишь, я вернулась, и по этому поводу хочу закатить пир на весь мир, улыбнулась Назаре. Надеюсь, ты не откажешь мне. Давай немного посидим в баре, а через часик к нам обязательно присоединится месье Жак. Ты же явно его искала?

— Мы договорились встретиться здесь и немного прогуляться по парку.

Вот и славно! Если мы разместимся на веранде бара, мы его ни за что не пропустим. Идем, идем! Не сопротивляйся! Посмотри, какое на мне платье. Мне хочется сегодня как следует развлечься, отдохнуть. Ну, ты понимаешь? Назаре цепко схватила соседку под руку.

Если только совсем недолго, неуверенно сказала Ширли и покорно пошла за ней.

— Дона Назаре? растерялся официант и чуть не уронил поднос с коктейлями.

— Да, Элиас, это я. Что ты так смотришь на меня, будто никогда меня не видел?

— В округе ходят все эти слухи... Вы давно не появлялись...

— Разве я вчера не сидела за этим столиком с Ширли?

— Вчера? удивился официант.

— Элиас, принеси, пожалуйста, бутылку коньяка и рюмки, беззаботно улыбнулась Назаре.

— Конечно! он многозначительно посмотрел на Ширли и отвел глаза.

— Поторопись, дружок, если хочешь получить чаевые!

— Одну минуту!

— Итак, дорогая, сегодня командую я. Мы гуляем на полную катушку. Пусть вместо меня страдает кто-нибудь другой! — Назаре запрокинула голову и нервно засмеялась, отчего у Ширли по всему телу побежали мурашки. Ну, что ты на меня так смотришь? Тебе что-то не нравится?

— Хочешь знать правду? — Ширли наклонилась вперед.

— Говори, если не боишься! — Назаре сама наполнила бокал темной сверкающей жидкостью и, опрокинув его внутрь, поморщилась. — Фу, дорогое пойло, но такая гадость...

— Я все знаю, — наконец решилась Ширли. — Я очень подавлена этой историей, которая произошла с тобой и Изабел. Но у меня принцип: никого не судить.

— О чем ты говоришь?

— Нас с тобой сейчас никто не слышит! — воскликнула соседка. — Пожалуйста, не ломай комедию!

— Я действительно не знаю, что ты имеешь в виду. У нас с Изабел все в порядке!

— Не разыгрывай меня. Ты думаешь, что я сошла с ума?

— Кто сошел с ума? Кто? — Назаре сощурила глаза и медленно встала. — Ты сказала, что я сумасшедшая? — Ширли невольно зажмурилась от такого неожиданного напора и беспомощно замотала головой.

— О чем ты говоришь? Я имела в виду себя!

— Отойди! Не подходи! Убирайся! — Назаре схватила открытую бутылку шампанского, стоящую на соседнем столе и допила ее содержимое. — Все убирайтесь! Все! Я никого не хочу видеть! Что вы вылупились на меня? Никогда не видели красивой женщины?

— Может, позвонить куда надо? — шепнул на ухо Ширли Элиас.

— О чем это вы шепчетесь? — Назаре с силой ударила бутылкой по барной

стойке, миг превратив стоящие на ней рюмки в мелкие осколки. Теперь в ее руках появилось опасное оружие с неровными краями. — Я не сошла с ума! Это вы — сумасшедшие, а я нет! — Назаре угрожающе выставила перед собой горлышко от разбитой бутылки.

— Назаре! Послушай! Никто не говорил этого! — попыталась успокоить ее Ширли.

— Ты врешь, потому что боишься. Ты боишься? '

— Если вы не успокоитесь, донна Назаре, я вызову полицию! — Элиас загородил Ширли своим телом и незаметно оттеснил ее к выходу.

— Вызывай! Я ничего не сделала! Я не совершала преступления, в котором меня обвиняют! Я — в полном порядке! Белая, незапятнанная, как платье невесты! Я вдова и порядочная женщина! — Назаре внезапно остановилась. Прямо на нее из толпы смотрела Изабел.

— Мама! — крикнула девушка и сделала шаг навстречу.

— Изабел, доченька!

— Я пришла за тобой! Пошли отсюда!

— Конечно! — улыбнулась Назаре. — Иди ка мне. Поцелуй маму, чтобы показать им всем, насколько ты меня любишь.

— Пожалуйста, пойдем домой, — Изабел не могла оторвать глаз от осколка стекла в руках матери.

— Конечно, доченька, только подойди поближе. Мне надо тебе что-то сказать. Только тебе. Ну, иди! Я скажу тебе на ушко! — Изабел, словно в трансе, сделала два шага вперед.

— Не ходи, Изабел! — Ширли силой удержала девушку около себя.

— Ко мне, дочка. Или ты не любишь меня?

— Мама, положи бутылку. Положи, мамочка! слезы хлынули из глаз Изабел.

— Врунья, змея, которую я пригрела па груди! рассвирепела Назаре. Она называет меня «мамочкой», чтобы обмануть меня! Она хочет моей смерти! Да. Изабел? Я умру, Изабел, умру ради тебя!

— Оставь это, Назаре, тебе же будет лучше!

Клаудия, стоящая недалеко от Изабел, переключила внимание на себя.

— Не ври! Мерзавка! Не хватает здесь только этого ничтожества! Этой самки питбуля! Я знаю, что вы все мечтаете, чтобы я провалилась. Это написано в ваших глазах. Хорошо! Посмотрите бесплатное представление! Сейчас я перережу себе вены! Назаре угрожающе близко поднесла осколок бутылки к собственной шее. Я всех вас оболью кровью. Смотрите!

Назаре шарил по толпе глазами, словно хотела увидеть здесь кого-то еще. Вдруг до нее долетели чьи-то слова: «Это психиатрическая клиника? Срочный вызов!».

— Изабел, что они делают? Они хотят, чтобы твою мамочку упекли в больницу, меня, женщину, которая вырастила тебя! Назаре трагически запрокинула голову. — Ты умрешь от тоски по мне, дочка!

Изабел едва держалась на ногах от нахлынувших на нее эмоций, чувствуя, как толпа за ее спиной пришла в движение.

Улицу заполнил громкий звук сирены.

«Скорая»?!. Зачем «скорая»? Я не сумасшедшая, нет! Дочка, я не позволю, чтобы на меня надели смирительную рубашку! Назаре пятилась к запасному выходу, держа перед собой осколок.

Клаудия увидела, как из машины «скорой помощи» вышли два человека в белых халатах и направились в зал бара. Назаре бросилась к ним навстречу с осколком стекла, но сильные руки остановили ее, и через мгновение она была затянута в смирительную рубашку.

— Оставьте меня! Пустите! она больно укусила одного из санитаров за палец и сразу получила пощечину.

— Отпустите меня! Трусы! Помогите мне, дочка! Назаре вдруг осеклась. Прямо перед ней стояла Мария ду Карму.

— Что ты здесь делаешь? — разозлилась Назаре. — Конечно, ты не упустила случая посмотреть представление.

— Именно так, Назаре. Я не могла себе отказать в удовольствии присутствовать при твоём падении. Правосудие, хоть немного запоздало, но свершилось! Глаза ду Карму светились счастьем.

— Как же! — захохотала Назаре. Зато на этот поезд ты безнадежно опоздала! Изабел уже взрослая женщина, и мать ей не нужна! Все лучшие годы она провела со мной!

— Лучшие годы начинаются только сейчас, без тебя!

— Я была отличной матерью, и она это знает! Я никогда не доверяла свою дочь другим людям... Назаре запнулась, увидев неприкрытую ненависть во взгляде ду Карму.

— Ты была всем, Назаре, только настоящей матерью ты не была. Это ты родила Изабел? Ты вынашивала ее девять месяцев и страдала при родах? Нет, Назаре, ты не прошла через это! Изабел не твоя дочь и никогда ею не была!

— Ненавижу тебя! Назаре сделала попытку кинуться на Марию, но внезапно остановилась, почувствовав сильную боль в руке. Что это, дочка! Меня убьют? У меня кружится голова. Я не могу стоять...

Ноги Назаре неожиданно подкосились, голова беспомощно запрокинулась.

— Это лишь снотворное, чтобы ты уснула! Ничего не бойся, я поеду с тобой. — Изабел помогла ей лечь на носилки и подошла к ду Карму. — Я вернулась, Мария.

— Я очень этому рада, дочка.

— Но пока я не готова разговаривать с тобой о том, что произошло, — Изабел избегала смотреть в глаза матери.

— Хорошо. Ты придешь, когда будешь готова. Я буду ждать.

— Сейчас мне надо ехать в больницу.

— Конечно, я тебя понимаю. Я думаю, что Назаре вернулась, потому что устала бегать и захотела разом покончить с этой ситуацией. Держись, Изабел. Будет нужна помощь, обращайся!

Клаудия растерянно наблюдала со стороны за всем происходящим. Ей хотелось плакать, но она не могла. Ее еще не начавшаяся счастливая жизнь с Лсандру так внезапно оборвалась в новогоднюю ночь, а последние события, связанные с возвращением Назаре, были вообще страшнее хичкоковских фильмов.

«Зачем я пошла тогда к беседке? Почему не выслушала Леандру?»

Клаудия! — За ее спиной вдруг раздался голос возлюбленного, и она обернулась. — Дорогая моя, любимая! Только не убегай, дай мне хотя бы три минуты. Я смогу рассказать тебе все, что произошло тогда в эту ночь между мной и Миналвой!

Клаудия молча кивнула не в силах вымолвить ни слова. Она так ждала этого момента, что уже решила заранее, что простит Лсандру даже в том случае, если он сам спровоцировал свою бывшую супругу.

Рассказ Лсандру получился эмоциональным и сбивчивым, но именно он принес ей большое облегчение.

«Господи! Ты опять на моей стороне! обрадовалась девушка. — Он говорил искренно! А вся эта история так чудовищно правдоподобна...»

Ты веришь мне? — Этот вопрос снова вернул ее на землю, и она, не раздумывая, бросилась на шею своему возлюбленному.

Верю, Лсандру, верю! И клянусь, что никогда больше не упрекну тебя тем, что произошло! — Клаудия прижала свое лицо к груди Леандру и счастливо улыбнулась.

«Я бы многое отдала, чтобы Изабел почувствовала то же, что чувствую я...» — подумала она о сестре.

С тех пор, как машина «скорой помощи» привезла новую пациентку в больницу, Изабел потеряла счет времени. Клиника поразила ее чистотой и отсутствием посторонних запахов. Палата, в которую поместили Назаре, была просторной и светлой. В нежно-салатовый цвет были окрашены стены и потолок помещения. На полу был мягкий ковер с длинным ворсом. Кроме кровати и двух стульев, в помещении был небольшой столик, на котором лежала чистая бумага и стоял органайзер с цветными карандашами. На стенах висели пейзажи и картины, изображающие забавных животных. Все здесь напоминало о доме. Девушка рассказала доктору о всех странных симптомах начинающейся болезни матери, затем долго сидела у ее кровати, ожидая пробуждения. Она гнала от себя страшные мысли и старалась не думать ни о чем, кроме выздоровления Назаре, которая мирно посапывала на пышной белоснежной подушке.

— Изабел! — услышала она голос Эдгара. Молодой человек стоял в дверях и с мольбой смотрел на нее. — Я знаю, ты просила подождать, но у меня нет терпения, и поэтому я пришел. Нам надо поговорить. — Изабел отрицательно замотала головой и выставила руки вперед в знак протеста. — Изабел, я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты меня простила. Никто тебя не будет так любить, как я. Вернись ко мне. Без тебя моя жизнь не имеет смысла. — Эдгар говорил очень быстро, словно боялся, что его сейчас прервут. — Я понимаю, что совершил

ошибку, но я же человек! Все люди ошибаются... Я знаю, что не должен был так поступать с тобой. Ведь ты — это лучшее, что есть у меня в жизни. Да, я совершил ошибку. Попробай понять и простить меня! Я столько раз пытался объяснить тебе, кто такая Мария ду Карму. Я говорил...

— Я беременна, — тихо произнесла Изабелл.

Но Эдгар словно не слышал ее:

— ...я должен был думать своей головой. Я... — Внезапно до него дошел смысл сказанного прозвучавших слов. — Что ты сказала? Изабел, что ты сейчас сказала?

— Я жду ребенка! — повторила Изабел. — Твоего ребенка.

— Я слышал... Ребенка... — Эдгар беспомощно прислонился к стене, побледнел и вдруг рухнул на пол.

— О господи, Эдгар! Доктор! — Изабел выбежала в коридор.

Появилась медсестра и быстро сунула Эдгару под нос ватку с нашатырным спиртом.

Эдгар смешно замотал головой, стараясь отвернуться от резкого запаха.

— Я ничего не ел ни сегодня, ни вчера, — сказал он и застенчиво улыбнулся.

— Кормишь других, а сам забываешь поесть, — проворчала Изабел.

— Я потерял аппетит после того, как ты уехала, — улыбнулся Эдгар. Осталось только желание, чтобы ты вернулась. — Он схватил Изабел за руку и притянул к себе. — Потому что после того, что ты сказала, что же будет?

— Извините, выпейте это. — Медсестра протянула ему пластиковый стакан с лекарством. — Вы сразу почувствуете себя лучше.

— Спасибо. — Эдгар сел на кушетку. — Ребенок! Это же сенсация! А когда ты узнала?

— После того, как уехала отсюда.

— Как же так! И все это время ты держала это в тайне! Я же отец! Это непростительно!

— Эдгар! — Изабел поняла, что он разыгрывает ее. — Опять твои шуточки?

— Я тебя прощу, ты моя красавица! — Эдгар сиял от счастья. — Я не могу жить без тебя! Мой ребенок! Мой ребенок! — Он был не в силах справиться с эмоциями. — Ты еще сердисься на меня?

— Нет. Но дай мне еще время...

— Конечно, я заеду за тобой после работы, и мы поедем к нам домой.

— Не раньше, чем моя мама проснется, и мы узнаем, как ее дела. Я дождусь.

— Изабел! Назаре арестуют.

— Это мы еще увидим, — внезапно рассердилась девушка.

— Раз ты решила остаться здесь, в клинике, то я, по крайней мере, могу навещать тебя?

— Можешь. Только я не хочу, чтобы об этом узнала мама.

— Хорошо. Я постараюсь быть скромным. Буду вызывать тебя в приемную.

— А теперь я думаю, что тебе лучше уйти, — Изабел отвернулась, чтобы он не смог увидеть, как она плачет.

— Не обижай меня, Изабел! Я тебя очень люблю, — Эдгар сделал шаг навстречу и протянул руки. Внезапно волна нежности накрыла Изабел с головой, и она бросилась к нему в объятия.

— Я тоже тебя люблю. Я умираю от тоски. В разлуке я чувствовала себя такой одинокой.

— Этого никогда больше не случится, никогда. — Эдгар гладил ее волосы и смеялся. — Кажется, ангелы меня услышали! Мы снова вместе, дорогая, любимая! Я люблю тебя!

— Я знаю, — сказала Изабел и счастливо улыбнулась.

* * *

О событиях, происшедших час назад в квартале Пейшоту, Вивиан узнала из местных телевизионных новостей. Ей хватило получаса, чтобы выяснить, куда отправили Назаре.

«Нельзя медлить! Сейчас эта сумасшедшая как никогда нуждается в помощи, — подумала она. — Ее можно брать голыми руками. Сегодня же мы с Режиналду завербуем ее в наши союзницы». Вивиан оставила записку на столе и поспешила выйти из дома.

Через час она медленно прохаживалась по холлу больницы. Выждав момент, когда пост дежурного на минуту опустел, она стремительно кинулась в коридор. Она быстро нашла палату, где находилась Назаре. Она лежала с закрытыми глазами, тихонько посапывая. Вивиан подошла поближе, чтобы рассмотреть лицо той женщины, которая вот уже двадцать лет была самым страшным врагом ду Карму. Внезапно в ее запястья вцепились сильные руки Назаре.

— Я тебя знаю? Кто ты, говори! потребовала она и зло посмотрела на Вивиан.

— Матерь Божья, какая же ты сильная!

— Сейчас ты увидишь, что я могу с тобой сделать! — Назаре еще сильнее сжала ее руки.

— Отпусти меня. Я закричу!

— Кричи, а я тебе лицо искусаю! засмеялась Назаре и клянула зубами. Что ты здесь делаешь, хищница? Говори!

— Я ничего не делаю и ничего не хочу! решила схитрить Вивиан. Это только бред твоего больного разума. Это снотворное... Отпусти меня, мерзавка!

— Я слабая, но я не мертвая. Если хочешь освободиться, говори правду! Откуда я тебя знаю?

— Поклянись, что отпустишь!

— Я никогда не выполняю своих обещаний. Говори! Грязная ведьма!

— Я родственница Изабел, твоей дочери...

— Ну, конечно! Жена префекта!

— Я здесь для того, чтобы предложить тебе союз.

— Союз?

— Вместе мы обязательно добьем ту, кого ты называешь дурой с Севера.

— Я буду сотрудничать с тобой. Но что я с этого буду иметь, кроме поражения этой дряни.

— Тебе этого мало? Когда она будет вне игры, у тебя будут развязаны руки, чтобы снопа завоевать дочь.

— Это правда. Ты мне правишься.

— Вот мой номер и мое имя.

— Это чей телефон?

— Ты наблюдательна. Жозевалду! Сеньор Жози тоже мечтает получить всевозможные выгоды от бывшей жены.

— Так Жозевалду тоже в этом участвует? Тогда мы образуем новую и большую семью.

— Можешь не сомневаться, мамочка! Береги себя и удачи тебе с правосудием. Потом я тебе все подробно расскажу. Все в деталях, но не сейчас. Твоя дочь вот-вот вернется. — Вивиан судорожно растирала затекшие руки. — Не забудь про наш разговор. Мы с Режиналду и ты против «ведьмы с Севера»! Когда будет нужно, я тебя найду. Вивиан ослепительно улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Изабел видела, как молодая женщина вышла из палаты матери и быстрым шагом поспешила на улицу.

«Должно быть, медсестра, подумала Изабел и открыла дверь. Назаре спокойно посапывала на своей кровати. Хотя почему медсестра без халата?»

Ее размышления прервал вежливый стук в дверь.

— Привет! Я войду? перед ней стоял молодой симпатичный мужчина лет тридцати пяти в деловом костюме и портфелем в руках.

— Здравствуйте, — растерялась Изабел. — Вы кто?

— Адвокат Эдмунду Канторейра. Меня наняла дона Мария Назаре Тедеску.

— Мама?

— Конечно! Вы ведь Изабел? Ваша мама наняла меня две недели тому назад, — он широко улыбнулся, демонстрируя свои безупречные зубы, и сел в кресло напротив Назаре. Это я посоветовал вашей матери симулировать приступ сумасшествия на глазах у всех.

— Вы хотите сказать...

— Она разыграла спектакль на глазах жителей Пейшоту. Из-за этой уловки ваша мама не в тюрьме, а здесь, в клинике.

Адвокат подошел к кровати своей клиентки, два раза щелкнул пальцами в воздухе и сдернул с нее одеяло.

— Эдмунду, дорогой! Как я рада, что все закончилось! — Назаре свесила ноги с кровати и обняла адвоката.

— Мама! Ты все это время притворялась? Даже когда была со мной наедине?

— Дорогая, а чего ты хотела? Чтобы я села в тюрьму? Мне надо было себя обезопасить. Я не могла сама прийти в клинику. Полиция ни за что не поверила бы в это. Они бы подумали, что это подвох.

— И когда ты наняла адвоката?

— Я позвонила ему сразу же, когда приехала в Рио.

— Я не могу во все это поверить! Ты бесчувственна!

— Ты...

— Это я заставил вашу мать так поступить, — вмешался в разговор Эдмунду.

— Вы не могли бы выйти? Изабел зло посмотрела в сторону адвоката.

— Конечно! — улыбнулся молодой человек. Пойду выпью кофе.

Глава 20

Джованни дождался, когда его почтенная теща покинет гостиную, прикрыл дверь и набрал номер ду Карму. Трубку взяла Мария.

— Здравствуй, дорогая. Я уже слышал о подвигах Назаре.

— Да, Джованни, у меня сегодня был еще один счастливы!! день. Я видела, как эту мерзавку увозили в сумасшедший дом.

— Не думаю, что ты можешь сейчас праздновать победу. Эта кобра слишком опасна, чтобы считать ее карту битой. Она удивляла нас раньше. Удивит и еще.

— Я думала об этом, и велела моему адвокату присматривать за этой мерзавкой. Следить за каждым ее шагом. С сегодняшнего дня он этим и занимается. Поле ее деятельности сужается. Когда она выйдет из клиники, она прямиком отправится в тюрьму. Джованни, теперь ей трудно будет застать меня врасплох.

— Послушай, Мария, хотя адвокат и действует законными методами, мы должны подключить к нему вольного стрелка. Который умеет ходить тайными тропами.

— О ком ты говоришь?

— Конечно, о Мадруге! Я буду настаивать, чтобы ты приняла его услуги.

— Конечно, Джованни.

— Ду Карму, сознаюсь, что я уже отдал приказ, и мой друг провел целый час под дверью Назаре и рассказал много интересного. Все идет к тому, что очень скоро пелена спадет с глаз твоей девочки, и она увидит эту мегеру в полной красе!

— Можешь предугадать ее следующий шаг?

— Конечно, Изабел придет ко мне!

— Когда произойдет это великое событие, пожалуйста, позвони мне!

— Конечно, Джованни! Я рада, что у меня есть такой друг, как ты!

— Извини, но вынужден с тобой попрощаться. Мне сейчас необходимо решить кое-какие личные проблемы.

— У тебя что-то случилось?

— Похоже, в жизни моей крошки Даниэлы наметились кое-какие метаморфозы.

— Ты как всегда шутишь, Джованни? — засмеялась Мария и положила трубку.

— Джованни! — в комнату влетела возбужденная Даниэла. — Мне надо сказать тебе важную вещь!

— Очень хорошо! Я тебя слушаю.

— У меня был роман с Венансиу, — выпалила девушка и закрыла глаза. — Я хочу быть с ним, и никто и ничто меня не удержит! — Джованни не спешил реагировать на ее признание. — Ты слышал, что я сказала? — забеспокоилась Даниэла.

— Каждое слово, моя крошка.

— И ничего не ответишь?

— Знаете, дона Даниэла, то, что вы сказали, не является для меня новостью.

— Да?

— Я знаю о каждом твоём шаге. Даже то, сколько раз ты меня обманывала.

— Ты все знал? И молчал? — удивилась девушка.

— Я скажу, но не сейчас, потому что тороплюсь. — Джованни поднялся и вышел из комнаты.

— Господи! Что же я наделала? — Даниэла бросилась в комнату Флавианы.

— Что случилось? Мой зятек только что пулей выскочил из дома и чуть не свалил меня с ног.

— Я призналась ему, что люблю Венансиу! — выпалила Даниэла и заплакала.

— Не может быть! Ты все рассказала Джованни?

— Рассказала. У меня внутри накопилось, — всхлипнула девушка, — я рассказала как на духу.

— Не волнуйся, Даниэла: он не сделает ничего плохого. Ты до сих пор не поняла, что он только с виду грозный, но внутри у него золотое сердце?!

А Джованни решил, что пора разрубить этот узел его отношений с Даниэлой. Он быстренько нашел Венансиу. Тот словно ждал его и ничуть не удивился, когда перед ним выросла фигура сеньора Импротта.

— Послушай, парень, нам предстоит долгий разговор.

— Да-да, конечно, — согласился молодой человек.

— Какой ты бойкий! Знает кошка, чье мясо съела!

— Сеньор Джованни. Я вам прямо скажу, я люблю Даниэлу и хочу, чтобы мы были вместе до конца жизни. И знайте! Я не боюсь смерти! Лучше умереть, чем потерять ее.

Джованни сурово нахмурил брови.

— Да, сеньор Импротта. Я согласен на все, лишь бы не пострадала эта невинная девушка!

— Хватит! — остановил его Джованни. Вот заладил! Кто сказал, что ты умрешь? Я всего лишь хотел сказать тебе, что если ты любишь Даниэлу, то можешь сделать ее счастливой! У меня это не получится, да не очень-то и хотелось!

— Что? переспросил Венансиу.

— У тебя это серьезно? Ты хочешь жениться или так: поматросил и бросил.

— Да, сеньор Импротта, хочу жениться!

— В таком случае, пока по городу не поползли слухи, надо пресечь их в корне. А что касается меня, то я хочу быть свидетелем у вас на свадьбе.

— Не могу в это поверить! Сеньор Джованни, вы же говорили...

— Я говорил, что вручаю тебе руку и сердце моей бывшей возлюбленной.

Пора ей стать самостоятельной, жить своим умом и творить любые глупости, которые придут ей в голову. Одна из которых, впрочем, желание стать твоей женой! Остается узнать, согласна ли она.

* * *

— Ты знаешь, дочка, я не хотела обманывать тебя! — стала оправдываться Назаре, как только адвокат вышел из комнаты. — По планы сеньора Эдмунду предполагали, чтобы и ты ничего не знала. Это он так придумал, дочка. Мне меньше всего хотелось этого. Но он меня убедил, что это для моего же блага.

— Ты все время врешь, — Изабел закрыла лицо руками и направилась к двери.

— Постой, я не хочу этого слышать.

— Ты врешь постоянно!

— Нет! Сейчас я говорю правду! — воскликнула Назаре.

— Ты насквозь фальшивая! Ты давно забыла, что такое правда, честь, достоинство.

— Я тебе скажу правду, дочка.

— Я больше не верю ни одному твоему слову.

— Я люблю тебя! Люблю, Изабел!

— Твоя любовь хуже ненависти.

— Нет, Изабел! Все остальное, я согласна, это ложь! Но моя любовь к тебе...

— Насквозь фальшивая.

— Нет, Изабел!

— Она ничего не стоит. А это еще хуже, чем ложь!

— Ты не убежишь, как последняя крыса с корабля, — Назаре почувствовала приступ ненависти. Пробил час! Ты меня бросишь?

— Ты пожинаяешь, что сеяла!

— Ты не отвернешься от меня. Мы вместе влипли в эту историю и будем вместе до конца!

— Если бы у тебя было хоть чуть-чуть достоинства, то я бы могла еще тебя уважать. Ты же ни в чем не раскаиваешься. Ты даже не понимаешь, как ты испортила мою жизнь!

— Ты уже переметнулась на другую сторону. Потому что эта дура с Севера стала богаче, чем мы. Тем более, что этот придурок Луис Карлос все потерял! Если бы твоя кровная мать была так же бедна, как тогда, когда я забрала тебя. Могу поспорить, что ты бы сейчас не упрекала меня! Ты довольна, что она твоя мать? И теперь ты станешь богатой! Очень хорошо! — Назаре почувствовала, как от нее ускользает что-то важное.

— Ты меня совсем не знаешь.

— Да. Она лучше меня только потому, что она богата! Или ты хочешь сказать, что ты бы хотела вырасти в долине, окруженная нищими? Хотела бы быть Линдалвой? Ты должна быть мне благодарна. Я спасла твою жизнь!

— Ты испортила мне жизнь! — Изабел с ненавистью посмотрела на нее.

— Ты жива благодаря мне!

— Ничто не сравнится с моими страданиями.

— Я дала тебе любовь, ласку, я защищала тебя!

— Ты забрала меня из рук матери, когда я еще была грудной!

— Я тебя простила... А ты предала меня, свою мать, ты переметнулась на их сторону.

— Я не переметнулась. Я стою за справедливость. У тебя проблемы с законом...

— Закон уже оправдал меня. Ты потеряла память! воскликнула Назаре. Ты забыла, что похищение уже не подлежит суду?

— Но есть и другие преступления, и ты ответишь перед судом. Выкручивайся сама.

— Неблагодарная!

— Я ничего тебе не должна. Наоборот, тебе придется заплатить за все, что ты сделала.

— Я отдала тебе молодость, Изабел.

— Ты использовала меня, чтобы не быть проституткой.

— Что? Это неправда! Кто сказал тебе эту чушь?

— Я узнала о твоей грязной жизни все. Я знаю все детали!

— Не может быть: мадам Берте и Джепанпи уже умерли и не могли ничего рассказать. Это Эдгар, да? Внук хозяйки борделя. Это он так сказал, да?

— Вот именно! — с вызовом сказала Изабел. — Его бабушка вела дневник. Там все про тебя написано: аборт, бесплодность...

— Прекрати!

«Ловушка для дурачка Луиса Карлоса». Накладной живот и все для того, чтобы соврать!

— Это выдумки выжившей из ума старухи! Я никогда не была проституткой.

«Ни одна из девочек не была столь пригодной к этой древнейшей профессии в мире», — процитировала Изабел.

— Это неправда! Мы познакомились в пансионате.

— Перестань врать. Ты — не моя мать, Луис Карлос — не мой отец. А пансионат был борделем.

— Я должна была избавиться от тебя, как избавилась от остальных.

— Прекрати говорить ерунду.

— Или отдать тебя на удочерение. Было бы лучше, чем воспитывать тебя с любовью, лаской, чтобы ты вот так меня оттолкнула. Змея! Змея, которую я пригрела на своей груди! Гадюка!

— Прекрати! Хватит фокусов.

— Так знай, ты тоже мне не нужна. Теперь я тебя отвергаю. И будь осторожнее. Если ты беременна, ты еще не мать. В последнее время ты столько пережила, столько тяжелых стрессов! У тебя еще маленький срок. Ребенок может и отомстить. Все может случиться. Бог накажет тебя!

— Ты чудовище! — Изабел попятилась к двери.

— История повторяется, Линдалва. А вдруг этот ребенок исчезнет! — испуганно шептала Назаре.

— Я была слепа всю жизнь, но теперь прозрела. Ты чудовище! Я больше ничего не чувствую к тебе. Никогда не называй меня дочерью! Не рассчитывай больше на меня! Забуди о моем существовании! — Изабел кинулась вон из комнаты.

— Убирайся! Исчезни! — крикнула ей вслед Назаре. — Эта неблагодарная еще будет умолять, чтобы я приняла ее назад, потому что дона Мария де Назаре Тедеску — уважаемая вдова! Почтенная мать семейства! — по лицу Назаре текли слезы бессилия.

Ей понадобилось всего полчаса, чтобы прийти в себя. Назаре умылась, расчесала волосы, навела макияж и набрала номер Жозевалду.

— Сеньор Жозевалду слушает, — услышала она голос на другом конце провода.

— Какое счастье, что ты дома! — обрадовалась Назаре. — Знал бы ты, откуда я звоню тебе.

— Неужели у тебя хватило ума лечь в больницу?

— Угадал! — засмеялась Назаре. — И теперь жду, когда ко мне придет мой посетитель. Кстати, твоя неблагодарная дочь не теряла времени даром. Только что мы разругались с ней в пух и прах.

— А вот это ты напрасно сделала. Неужели йе могла подыграть Изабел? Если они сблизятся с ду Карму, то тебе их ни за что не разлучить.

— Только от одной этой мысли меня начинает тошнить, но они недолго будут подругами.

— Что ты предпримешь?

— Пока не знаю. Пока!

— Надо действовать быстро. Раз все произошло только что.

— Не волнуйся, дорогой, их разочарование будет слишком большим.

— Я могу что-то для тебя сделать? — В голосе Жозевалду она услышала нотки нетерпения.

— Да, мне обязательно понадобится твоя помощь.

— Рассчитывай на меня. Тем более, теперь ничто не связывает меня с ду Карму. Потому что сегодня утром я уже получил бумаги от ее адвоката. Нас развели.

— Правда? оживилась Назаре.

— Мне говорят, что теперь я не имею права на часть своего богатства, но я найду хорошего адвоката. Мне недостаточно пожизненной пенсии. Мне нужно ее состояние.

— Свободный, одинокий и, возможно, богатый...

— Что ты там бормочешь, Назаре?

— У меня только что появилась блестящая мысль, Жозевалду. Фата, гирлянда и букет! А я самая чистейшая невеста.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты еще не понял, Жозевалду? Я говорю о связи двух голубков.

— Господи!

— Конечно, Жозевалду! Мы будем сильными и станем еще сильнее. Ты что, не понимаешь? Мы с тобой, Жозевалду! И никто, даже эта дура не сможет нас

победить. Давай, скажи, что ты женишься на мне!

— Тогда пообещай, что ты будешь будить меня так, как ты будила меня в Жуис-де-Форо.

— Вдвойне, моя любовь! Еще лучше.

— Тогда мой ответ положительный!

— Буду ждать тебя, мой дорогой, думаю, что тебе сегодня можно будет заночевать в моей палате. Мы сможем поиграть с доктором и медсестрой... Назаре положила трубку и выглянула в коридор. Ее адвокат сидел в холле и читал газету.

— Сеньор Эдмунду! — позвала она его. Я освободилась окончательно. Спасибо, что вы подождали и все это время были здесь.

— Судя по тому, что ваша дочь выскочила из вашей комнаты, как ошпаренная, вся в слезах, можно сделать вывод, что вы поссорились, и у вас был непростой день.

— Да, ни один мой день не бывает простым. Я иногда за одни сутки способна сделать столько, сколько обычный человек не сделает за месяц, а то и за год.

— Я уже заметил, что вы очень темпераментная сеньора.

— Перейду к главному. Сегодня бывший супруг ду Карму сделал мне предложение, и я его приняла. Что вы думаете по поводу нашей свадьбы?

— Вы меня застали врасплох, но считаю, что это будет отличным поводом для получения временного освобождения. Можно прекрасно разыграть сцену с невинной овечкой, которая уехала в поисках лучшей доли, не подозревала, что ее объявили в розыск. А теперь она вернулась в свое гнездо и даже назначила свадьбу...

— Как я люблю вас слушать. Вы такой умный, Эдмунду! — Назаре лукаво заглянула ему в глаза и улыбнулась.

— Мне, правда, не очень ясен еще один аспект об оплате моих гонораров.

— Мой будущий муж щедрый человек, сеньор Эдмунду.

— Это прекрасно. А теперь послушайте меня серьезно! Я предлагаю такую стратегию. Вы выходите отсюда. идете напрямик в полицию. Там вам придется посидеть несколько часов под арестом, чтобы я смог убедить судью выпустить вас временно на свободу.

— Хорошо, я сделаю все, как вы сказали.

— Вы уверены, что выдержите это?

— Я выдерживала вещи и похуже и при этом умудрилась выжить. Л сегодня я сумела проглотить отказ своей дочери, для которой все в жизни делала... Я думала, что умру, но осталась жива, и теперь готова отомстить ей и всем остальным.

С самого утра Гилермина сидела в кабинете своего адвоката.

— Сеньор Жорж, неужели вы ничего не сможете сделать, чтобы помешать Дирсеу де Кастру использовать название газеты, принадлежащей моей семье?

— Я уже говорил вам об этом и раньше, донна Гилермина. Он купил название газеты.

— Но это название придумано моей матерью и всегда было ее собственностью! Неужели вы не можете сослаться на присвоение идеи или что-то

в этом роде? Сеньор Жорж, мне нужна какая-нибудь зацепка! Все равно какая! — отчаянно воскликнула Гилермина. — Поймите меня! Это не каприз богатой дамы. Я борюсь за честь моей семьи!

— Понимаю! Адвокат устало снял очки и положил их перед собой. — Я уже просчитывал все варианты, но все они разбиваются о тот факт, что покупка названия была полностью законной. К сожалению, вы упустили сроки подтверждения на владение, и сейчас вы больше на являетесь владелицей «Diario De Noticias».

— Я не согласна! — вспыхнула Гилермина. Этот тип будет пользоваться именем и авторитетом донны Жозефы, и это принесет ему успех! Это невозможно! Должен быть какой-то выход, чтобы помешать этому.

— Поверьте, нет никаких законных оснований, чтобы воспользоваться ими. Название принадлежит Дирсеу де Кастро де-факто и де-юре. Он может издавать газету, если захочет. Возможно, существуют незаконные средства, по здесь я не помощник...

— Я и думать об этом не смею, — успокоила его Гилермина.

— В таком случае, может, имеет смысл вновь встретиться с ним.

— Ни за что! — возмутилась Гилермина и стремительно вышла из комнаты.

В очень плохом настроении она вернулась в отель.

«Ни за что бы не подумала, что это дело, которое на первый взгляд яйца выеденного не стоило, может так обернуться». Гилермина рассеянно взяла ключи у портье и вошла в лифт.

— Доброе утро, донна Гилермина, — услышала она знакомый голос и обернулась.

Прямо перед ней стоял тот самый журналист. Волна возмущения накрыла ее.

— Я помню, что пришла к вам с визитом, не спросив разрешения и во внеурочный час, но это не дает вам права... — начала она сердито.

— Я пришел не спорить, — перебил ее Дирсеу. — Мне хочется прийти к согласию. Больше всего я не хочу, чтобы выпуск первого номера травмировал вас. Уделите мне несколько минут, пожалуйста.

Гилермина недовольно отвернулась, но все же посторонилась, освободив место рядом с собой.

— Благодарю, — сказал Дирсеу, вошел в лифт и нажал на кнопку.

— Я слушаю вас, — сказала она холодно.

— Я пришел в поисках взаимопонимания. Попробуйте меня выслушать спокойно, хотя лифт не самое лучшее место для переговоров.

— Я ничего не имею против того, чтобы поговорить с вами в номере.

Они молча вышли из лифта.

«Какая холодная и надменная, — подумал Дирсеу, пытаюсь разглядеть ее лицо. — Даже взгляд ледяной. Не женщина, а айсберг. Если бы не недовольное и брезгливое выражение лица, то ее можно было бы назвать красавицей. Правда, нос чуть крупноват, но это ее несколько не портит. Зато глаза хороши. Огромные, голубые...»

— Проходите, — его размышления прервал голос Гилермины.

Дирсеу прошел в просторную комнату и остановился.

— Ну, что же вы растерялись! Садитесь в кресло или вы хотите казаться воспитанным? — язвительно произнесла Гилермина и уселась в кресло напротив.

— Спасибо, — сказал Дирсеу. Он решил не реагировать на ее колкости. — Я решил выпускать газету. Вы знаете, что ее название принадлежит мне, но я бы не хотел вступать в войну с вами.

— Единственная возможность решить все мирным путем — отказаться от выпуска «DIARIO DE NOTICIAS». По крайней мере, от ее названия, которое является частью наследства моей матери. Мы мирно решим этот вопрос только в том случае, если вы мне вернете или продадите название.

— Но поймите! Выпускать газету с прежним названием — это и значит отдать должное вашей матери и вашей семье! — привел последний аргумент Дирсеу.

— Ну, что касается должного, холодно ответила Гилермина, — то я оставляю за собой право решать, что хорошо для памяти моей матери.

— Поймите! Это не только моя мечта, но и желание других журналистов...

— Эта эпоха закончилась, как закончилась старая «DIARIO DE NOTICIAS». Не будьте мазохистом, Дирсеу де Кастру.

— Это не мазохизм. Это современный проект! возмутился Дирсеу. — Сделать современную журналистику более смелой, созидательной и без запретов! Поэтому так важно сохранить это название!

— Выпустить газету, которую создала моя мать это отдать должное? Скорее всего это попытка заработать деньги! Так что я спрашиваю, кто вы такой, чтобы говорить об этике и свободе?

— По-вашему, я человек, сильно отличающийся от тех, с которыми вы имеете дело? Я уже понял, что я потерял время, придя сюда. Как же вы упрямы! Подумать только, все бесполезно! Дирсеу резко поднялся и направился к двери.

— Это я упряма? возмутилась Гилермина и перегородила ему дорогу. О чем вы говорите? Не сваливайте, пожалуйста, с больной головы на здоровую. Это вы, Дирсеу де Капру, уперты и неприступны и если вы немедленно не уйдете, мне придется позвать...

— ...охрану гостиницы. Но именно уйти я и собираюсь, а вы почему-то стоите у меня на пути. Сделайте над собой усилие, отойдите в сторону.

— Хам! вскипела Гилермина. Ненавижу журналистов! Они мнят себя хозяевами мира!

— То же самое я мог бы сказать о вас. Вы задираете нос. Вы выше всех, вы не говорите, а приказываете.

— Вы не джентльмен!

— Ваше мнение меня не интересует!

— Обратитесь к моему адвокату. Я не занимаюсь подобными делами, — Гилермина сердито отвернулась, давая всем видом понять, что аудиенция окончена.

— А что же вы делали у меня дома пару дней назад? И где был ваш адвокатишко? — рассердился Дирсеу и с силой повернул к себе Гилермину.

— Не смейте ко мне прикасаться. Я вам не позволяла этого.

— Сейчас позвольте! — Дирсеу сам не понял, как его губы оказались у ее лица. Станный и горячий импульс кинул его в объятие этой холодной избалованной Барби, которой делали маникюр с трехлетнего возраста...

— Негодяй! То, что вы сделали, гораздо хуже, чем сексуальное домогательство. Я могла бы засадить вас в тюрьму, — Гилермина с трудом освободилась из его горячих тисков, демонстративно вытерла губы и с вызовом посмотрела на журналиста.

— Вы та дама-командирша, которая готова судиться со всем миром и чем больше она судится, тем она довольнее, — Дирсеу заметил, что последняя фраза больно задела Гилермину. На ее лице появилось трогательное выражение маленькой обиженной девочки, которое заставило его смутиться.

— Хотя, извините, на этот раз вы правы, и можете принимать любые меры по поводу того, что между нами произошло, — замялся он.

— Мне не нужны ваши разрешения. В дальнейшем мы будем разговаривать с вами через адвоката.

— Можете не беспокоиться. Я буду сохранять дистанцию, донна Гилермина, — Дирсеу стремительно вышел из номера и сразу направился к лестнице, не дожидаясь лифта.

«Вот негодяй! Но как хорошо целуется...» — подумала Гилермина, поймав себя на мысли, что уже совсем не сердится на журналиста.

Как только Дирсеу оказался на лестнице, он позволил себе перевести дух.

«Не могу поверить: я только что поцеловал эту несносную женщину! Какой позор, Дирсеу де Кастру. Только потому, что ты хранишь верность Марии, ты изголодался до умопомрачения. А где была твоя голова?»

* * *

С момента выписки из больницы и временного помещения под стражу Назаре сохраняла ледяное спокойствие. Адвокат расписал ей всю процедуру дальнейших действий и обещал освободить из-под стражи в тот же день, то есть в день ареста.

Репутация Эдмунду среди людей, повздоривших с законом, была безупречной. Ни один его прежний клиент не оставался в заключении больше двадцати четырех часов. Его методы были не совсем честными. Когда надо, появлялись свидетели и обеспечивали алиби подсудимому, или жертва неожиданно отказывалась от своих притязаний. А если у клиента были деньги, то можно было решить почти любой вопрос безболезненно и быстро.

За десять лет своей кипучей деятельности он сколотил себе очень приличное состояние, купил трехэтажный дом в предместьях Рио и пятикомнатную квартиру неподалеку от Капакабаны.

Эдмунду брался за самые сомнительные и рискованные дела, но всегда он и его клиент выходили сухими из воды.

С момента помещения сеньоры Тедеску под арест прошло не больше трех часов, когда адвокат обрадовал ее новостью об освобождении под залог.

Назаре ликовала! «Через каких-то полчаса я буду нежиться в своей

любимой ванне, а вечером спать в собственной кровати. Господи! Какое счастье! Коймар закончился. Не надо больше ломать комедию, можно расслабиться и жить, как раньше. Вспомнив про последний разговор с Изабел, Назаре помрачнела. — Эта идиотка сама приползет ко мне на коленях и будет молить о прощении. Ведьма с Севера хоть и настроила се против меня, но мы еще посмотрим, кто выиграет эту схватку».

Машина адвоката доставила ее к дому. Назаре вышла из автомобиля, надеясь гордо взойти на крыльцо под недоуменные взгляды соседей, по улица была пустынна. Знойная сиеста загнала парод в прохладные и уютные дома.

«Вечером обязательно устрою дефиле по главной улице», решила Назаре и пригласила адвоката в гости.

— Заходите, Эдмунду. Это мое убежище.

— Красивый дом. Здесь так чисто и тихо. И, похоже, мы здесь одни... адвокат многозначительно посмотрел на Назаре.

* * *

Последние события окончательно укрепили Изабел в решении навестить Марию. Девушка надела самое любимое платье, собрала волосы в пучок и вышла из дома.

По дороге она перебирала про себя все возможные варианты того, что она скажет Марии, как объяснит ей свое столь долгое отсутствие, но, оказавшись у дома, моментально забыла все заготовки. Дверь ей открыл Плиииу. Он совсем не удивился ее приходу.

— Привет, Плиииу. Мария дома? спросила Изабел и улыбнулась.

— Конечно, проходи! Изабел, я надеюсь, ты все обдумала и окончательно решила на примирение? Я бы не хотел, чтобы мама напрасно страдала.

— Я бы тоже, сказала Изабел. Кто знает, может, мы найдем общий язык...

— Подожди минутку. Я схожу за ней. Располагайся в гостиной. Теперь это и твой дом.

— Плиииу поднялся наверх.

— Что случилось, сынок?

— Сядь, пожалуйста. Случилось то, чего ты так долго ждала.

— Неужели моя девочка...

— Да, мама!

— Так зови ее сюда! заволновалась Мария. Нельзя заставлять ее ждать!

— Хорошо, мама, только дай мне слово, что ты не будешь плакать.

— Сынок, я пролила столько слез и испытала столько горя, что найду в себе силы встретить свою девочку достойно. Иди, дорогой, Мария попыталась встать и вдруг почувствовала, как пол уходит из-под йог. Ноги словно одеревенели и отказывались повиноваться.

— Изабел, поднимайся! услышала она голос младшего сына. Вторая дверь налево.

— Это комната Марии? переспросила девушка.

— Нет, это твоя комната, Изабел.

— Моя?

— Да, ты очень удивишься, когда увидишь её. Все это время у тебя была здесь своя комната.

Мария слышала, как Изабел поднимается по лестнице. Но у неё не было сил выйти навстречу дочери. Она подавила в себе острое желание расплакаться от счастья, вытерла две предательские слезинки и улыбнулась.

Девушка удивленно остановилась в дверях комнаты.

— Изабел, дорогая! Ты не представляешь, как я счастлива, что ты пришла в мой дом. Теперь мы можем спокойно обо всем поговорить. Проходи, пожалуйста, Мария указала на розовое кожаное кресло и села сама на диван. — Это твоя комната...

Изабел робко прошла внутрь и дотронулась до игрушки, лежащей на детской кровати.

— Это первая игрушка, которую я тебе купила. Изабел села рядом с Марией, не решаясь взглянуть ей в лицо. — Ты должна была жить и расти в этой комнате, дочка. Все, что есть здесь, было для тебя, но только в мечтах... Я так хотела увидеть, как ты растешь. Я знала, что в тот день, когда мы встретимся, и ты войдешь в эту комнату, ты поймешь, что я никогда ни одну минуту своей жизни не забывала о тебе. И где бы ты ни была, даже если ты далеко, я была на твоей стороне. Когда-нибудь я смогу рассказать тебе историю каждой вещи, о событиях каждого дня нашей жизни... Я всегда верила, моя девочка, что мы обязательно будем вместе...

— Я понимаю, Изабел с трудом произнесла эти слова. Комок в горле мешал не только говорить, но и дышать. — Мария! Когда я узнала, что Назаре мне не мать, то мир для меня рухнул. Все, что я знала и во что я верила, превратилось в прах. Я растерялась, я потеряла все ориентиры... Мне было очень тяжело.

— Понимаю, дорогая, понимаю, Мария улыбнулась сквозь слезы. Она уже не могла сдерживаться.

— Я не могла есть, не могла спать. В голове все перемешалось, сдвинулось с привычных мест. Меня охватило отчаяние, желание вернуть все обратно и не переживать это. Я не оправдываю себя! Девушка коснулась руки Марии, и с благоговением пожала тонкие пальчики дочери. Этот жест немного ободрил Изабел. — Я сделала то, что сделала. Мне было трудно понять, почему вы все скрывали от меня истину... Меня мучили сомнения, мне казалось несправедливым уйти от донны Назаре. Я не могла!

— Я знаю. — Я могу понять, дорогая, что эта женщина собой представляет. Она как никто способна врать, манипулировать...

— Я не хочу о ней говорить, — нахмурилась Изабел.

— Хорошо, извини.

— После того, что я передумала и пережила за последнее время, я могу смотреть на Назаре другими глазами. Мне ее жаль, но я не сержусь на нее.

— Нет? Нет! Прости меня, пожалуйста! — опомнилась девушка. — Говорю, не знаю что!

— Иногда один жест значит больше, чем тысячи слов. Ты не хочешь обнять меня? — Изабел словно ждала этих слов и бросилась в объятия матери.

— Доченька моя, девочка моя дорогая, солнышко! Я так давно мечтала обнять тебя, мечтала, что ты назовешь меня мамой, девочка моя, мое сокровище! — Радость настолько переполняла Марию, что она испугалась, что у нее остановится сердце.

— Слишком долго я не решалась сделать это, мама, — почти неслышно сказала Изабел и притихла в ее объятиях.

— Господи, дорогая, ты сказала это! Я знаю, что еще должно пройти время, чтобы ты привыкла к этому.

— Как-то я слышала, как Вириату называл тебя мамочкой. Мамочка, — Изабел нежно провела по щеке Марии.

— Да, это так! Господи, я не могу одна наслаждаться этим счастьем, — опомнилась ду Карму. — Я просто обязана разделить его с моими, то есть с нашими близкими. — Давай спустимся вниз, дочка.

— Подожди, пожалуйста. Когда я сюда вошла, я поняла, что у меня могла бы быть совсем другая судьба. Здесь вся моя жизнь, какую я не прожила, все игрушки. какие я не получила. Имя, которым меня не зовут. семья, которую я не знала. Как бы я жила, если бы осталась в этом доме? Наверное, я была бы совсем другой...

— Да, дочка, это так!

— Как эта фотография попала сюда? — Изабел взяла со стола снимок, который показался ей знакомым.

— Назаре продала мне её.

— Как продала?

— После того, как она увидела меня в телевизионной программе, в которой я предлагала хорошее вознаграждение тому, кто наведет меня на твой след. Я отдала кучу денег за это фото.

— Не будем о грустном. Я должна рассказать тебе кое-что.

— Конечно, дорогая, я тебя слушаю.

— Пока об этом знают только Клаудия и Эдгар. Дело в том, что я...

— Беременна? — улыбнулась Мария.

— Да, — растерялась девушка. — Откуда ты знаешь? Клаудия сказала?

— Нет, дорогая, мне никто не рассказывал. Я сама заметила, дочка.

— Как?

— Ты забыла, что у меня пятеро детей...

— Ты догадалась? Не может быть!

— Конечно! Иметь ребенка это самое прекрасное, что может быть в жизни женщины. Поверь мне! Господь послал мне дочь и послал внука! Я никогда не смогу отблагодарить его за то, что он мне дал! Изабел, я могу попросить тебя об одолжении?

— Конечно!

— Пожалуйста, если можешь, не уезжай, сегодня. Остайся у нас на ночь. Если ты позволишь, Сиссера приготовит тебе комнату для гостей, а пижаму и халат мы обязательно найдем. Пожалуйста, дочка.

— Хорошо, согласилась Изабел. Только зачем готовить комнату для гостей, я же могу переночевать у себя, в комнате Линдалвы...

— Дочка! — из глаз Марии хлынули слезы.

— Мамочка, не надо!

— Дорогая, прости меня! Столько переживаний! Извини, не в моих привычках терять контроль над собой. Я сильная, по время от времени расслабляюсь, и когда это случается, я похожа на растаявшее масло и без конца плачу...

Уже поздно ночью, когда все утомонились, Мария долго не могла уснуть. «Все хорошо! Она вернулась! Вот оно, счастье! Жизнь так благосклонна ко мне!»

* * *

Новости о счастливых событиях, происшедших в доме ду Карму, к вечеру дошли до Ми нал вы. Ее приятель Убираем, главный стилист и координатор Школы самбы, пригласил девушку в кафе и сразу выдал ей кучу информации.

— Улыбнись, красавица моя! Скорей всего, ду Карму устроит настоящий праздник всей улице, и ты сможешь опять повидаться со своим Леандру! Он пытался подбодрить подругу, но лицо Миналвы после его слов стало еще более грустным. Что случилось, прелесть моя? Ты что-то от меня скрываешь?

— Очевидно, я клиническая дура, Убираси!

— Перестань!

— Помнишь, как я исчезла во время новогоднего представления?

— Конечно, я подумал, что ты решилась закрутить романчик с этим депутатом, который уже три месяца сохнет по тебе.

— Если бы так! — грустно улыбнулась Миналва. — У меня хватило ума поехать в дом моей бывшей свекрови и вызвать Леандру для серьезного разговора.

— Неужели ты наконец-то решилась?

— Решилась и потом пожалела о том, что сделала!

— Он не верит, что этот ребенок от него? — возмутился Убираси.

— Не в этом дело! Он сказал, что готов признать и любить его, но ни за что не вернется ко мне, потому что любит другую. — Миналва подвинула к себе коктейль Убираси и сделала несколько глотков.

— С ума сошла! Здесь же чистая текила! Тебе нужно думать о ребенке!

— Мне теперь все равно! Убираси! Моя жизнь разбита! — Миналва вышла из-за стола и направилась в сторону небольшой импровизированной эстрады. — Этот танец я посвящаю своему другу Убираси! — сказала Миналва, нагнулась к молодому человеку, который выполнял роль ди-джея и что-то прошептала ему на ухо.

Убираси не верил своим глазам.

— Господи! Не дай этой крошке сойти с ума! — прошептал он и огляделся. Недалеко от их столика мелькнул щегольской пиджак Томаса Джеферсона.

«Похоже, этот дяденька — единственное лекарство, которое спасет несчастную девочку», — подумал он и замер, не в силах оторвать глаз от сцены.

Миналва была в уларе. Все, кто пришел пообщаться и перекусить в кафе, были не в силах отвести глаз от изящной и гибкой фигуры девушки. Джеферсон

привстал от избытка чувств, чем сразу выдал свое инкогнито, и теперь покачивался в такт ритмичной мелодии.

«Ну, все! — усмехнулся Убираси. — Теперь его можно брать голыми руками! Девочка многому научилась, работая в профессиональной труппе в Италии».

Миналва исступленно кружилась по сцене, призывно играя своим телом. Это был танец страсти, потерянной и еще не обретенной любви, крик о помощи...

Внутри у Убираси что-то екнуло и перевернулось, он, как и все люди нетрадиционной ориентации, обладал не только повышенной чувствительностью и ранимостью, но и особой интуицией, которая выручала его всякий раз, когда ему грозила беда.

Повинуясь тревожному импульсу, который исходил от Миналвы, он, как под гипнозом, пошел ей навстречу.

Мелодия постепенно превратилась в какофонию самых разных звуков. Вся публика стоя наблюдала за виртуозным танцем Миналвы.

Девушка приблизилась к самому краю сцены, взмахнула руками и неожиданно рухнула вниз. Руки Убираси чудом успели подхватить тело.

«Налва! Птичка моя! Что с тобой?» запричитал Убираси, увидев, как по ногам девушки бежит ручеек крови. По залу прошел гул недоумения. Музыка остановилась.

Быстро тащи её в мою машину! А то она потеряет ребенка! приказал ему Джефсерсон. Убираси словно под гипнозом пошел на его голос, чувствуя, что сейчас лучше не спорить.

Глава 21

У Жозевалду был великолепный талант скрывать, что он дурак. Жизнь научила его многозначительно молчать или делать вид, что именно сейчас он думает о чем-то важном. При этом его глаза действительно выглядели серьезными и умными. Лишь одна Назаре сразу раскусила его тактику.

— Дорогой, при мне не ломай комедию со своей театральной задумчивостью, — сказала она как-то.

— Что ты имеешь в виду? — Он был готов обидеться.

— Уж я-то хорошо знаю, что в твоей голове одни опилки! — захохотала Назаре

— Да? А чем же я, по-твоему, думаю?

— Вот этим местом! — Рука Назаре оказалась между ног Жозевалду.

Вот уже пять месяцев они вместе весело проводили время, ожидая момента, когда можно будет раздобыть приличные деньги, чтобы сыграть свадьбу и обеспечить себе дальнейшую жизнь.

Назаре, сменив тактику после очередного скандала с Клаудией, опечатала свою комнату скотчем, написала на двери угрожающую записку, в которой обещала вернуться в любой момент, и уединилась вместе с Жозевалду в просторной съемной квартирке.

Их временное убежище стало чем-то вроде настоящей штаб-квартиры, куда

стекалась вся информация о событиях, происходящих в доме ду Карму. Основными источниками были визиты Вивиан и Режиналду, которые только и мечтали о том, чтобы хоть чем-то подпортить безупречную репутацию Марии.

Назаре готовилась нанести свой главный и сокрушительный удар. Она ждала родов Изабел. Она уже заранее ненавидела этого маленького ребенка, ненавидела потому, что отцом его был Эдгар, потому, что сама она была обречена на вечное бесплодие. Больше всего на свете Назаре не хотела, чтобы у ду Карму родился внук от Изабел. Эта странная идея постепенно превратилась в фанатичную и навязчивую. Она стала чаще исчезать из дома, купила себе настоящий бинокль с мощной оптикой.

— Назаре, у меня такое впечатление, что ты ломаешь комедию, — не выдержал Жозевалду, когда она продемонстрировала ему свою последнюю покупку.

— И чем ты недоволен на этот раз? — огрызнулась Назаре. — Легко критиковать и сомневаться, лежа на диване. Тем более, когда пиво под боком!

— Знаешь что? — Жозевалду вдруг оживился и стал поспешно одеваться. — Пойду-ка и я немного «понаблюдаю», а заодно наведаюсь к одной веселой вдовушке...

— Только попробуй! — прошипела Назаре и схватила со стола ножницы. — Вздумал ревновать меня, дурачок?

— Только попробуй накинуться на меня, идиотка! — в голосе Жозевалду слышался страх.

— Я не буду возиться с тобой, как это делала твоя малахольная! — ножницы клацнули в нескольких сантиметрах от его лица.

— Что ты сделала с моим галстуком, ненормальная? — Жозевалду беспомощно схватился за жалкий кусочек, висящий на его груди.

— То же самое будет с твоим достоинством, если ты посмеешь еще хоть раз намекнуть на то, что собираешься с кем-то развлечься! — Назаре схватила его за остатки галстука и увлекла его за собой в спальню.

— Ты думаешь, я захочу спать с ревнивой женщиной, которая меня чуть не убила? — пытался сопротивляться он, когда Назаре начала стаскивать с него брюки.

— Еще как захочешь! Не разыгрывай из себя недотрогу! — она ткнула пальцем в низ живота. — Я же вижу, тебе это нравится.

Жозевалду блаженно закрыл глаза и в очередной раз провалился в омут жадных ласк и любовных запахов.

* * *

Изабел очень спешила назначить день свадьбы до начала дождливого бразильского июля.

Приготовления шли полным ходом. Счастливое лицо Марии, ее советы, трепетное внимание со стороны Эдгара и всего вновь обретенного семейства скрашивали каждый день ее новой жизни.

Живот рос день ото дня, менялась походка. Теперь Эдгар нежно называл ее

своей уточкой. До шести месяцев она продолжала ходить на работу в ресторан. Только теперь вместо того, чтобы стоять у телефона в большом зале и отвечать на звонки, она переселилась в кабинет будущего супруга и по мере надобности связывалась с персоналом по громкой связи, которую организовал Эдгар.

Этим вечером Изабел решила поехать к матери. Она привыкла к ней и полюбила всем сердцем. Их встречи всегда были трогательными и нежными. Они закрывались в комнате Линдалвы, забирались на кровать, по-детски поджав ноги, и говорили, говорили, говорили...

— У меня для тебя сюрприз, дочка, — счастливо улыбнулась Мария, когда они по обыкновению заперлись в комнате.

— Неужели ты хочешь сказать то, о чем я все время думаю? — замерла Изабел.

— Думаю, что могу тебя обрадовать. К твоей свадьбе все окончательно готово и даже это платье, — ду Карму достала из шкафа большую коробку и протянула ее дочери.

— О, господи! Платье! — удивилась Изабел. — Но мой живот!

— Посмотри, дочка! Это особое платье. Я рискнула его заказать в Европе, когда увидела, как твой животик значительно округлился.

— Mamочка, как ты узнала, что я хочу выйти замуж за Эдгара в мае еще до рождения...

— ...дочери.

— Ты сказала дочери? — удивилась Изабел. — Но все пророчат тебе внука. Откуда ты знаешь?

— Я это вижу, моя дорогая. Твой животик имеет ту же форму, что была у меня больше двадцати лет назад, когда я была беременна тобой.

— Mamочка! — Изабел бросилась ей на шею.

— Ну, не плачь, дорогая! В твоём положении ты должна только радоваться и испытывать положительные эмоции. Открой коробку. Это мой подарок тебе.

Изабел откинула крышку, развернула тонкую золоченую бумагу и замерла, увидев бирку.

— Mamочка, это же платье от Диора! Оно стоит целое состояние!

— Доченька! Я так хочу, чтобы ты была самой красивой и счастливой невестой на свете!

Настойчивый стук в комнату нарушил их идиллию.

— Кому я так срочно понадобилась?! — нахмурилась Мария и распахнула дверь комнаты. Прямо перед ней стояла заплаканная Анжелика.

— Что с тобой, девочка моя! — испугалась ду Карму. — Тебя снова расстроил Плиниус?

— Поговорите здесь, а мне уже нужно ехать, — деликатно предложила Изабел и вышла из комнаты.

— Подожди, дочка! Тебя может отвезти к Эдгару любой из моих сыновей.

— Не беспокойся, мамочка. Сиссера вызовет такси, и через полчаса я буду у Эдгара. А платье пусть полежит у тебя. Ладно?

— Конечно, дорогая! — Мария поцеловала дочь и вернулась в комнату.

Плечи Анжелики сотрясали безудержные рыдания.

— Расскажи, что случилось, и успокойся, пожалуйста! Ты не можешь изменить то, что уже произошло! — Слова ду Карму подействовали на нее отрезвляюще.

— Я вас предала. Предала для того, чтобы скрыть свою тайну, — всхлипнула девушка.

— Ты, должно быть, хочешь признаться мне, что вступила в тайную масонскую ложу? — Голос Марии был серьезным.

Анжелика отдернула руки от лица и взглянула в глаза ду Карму.

— Вы шутите для того, чтобы я перестала чувствовать себя такой гадкой. Да?

— В любом случае раз ты решилась на этот разговор, тебе придется все рассказать мне с самого начала.

— Тогда я начну с самого неприятного для меня. Я запретила своей родной матери, доне Белмире, приходить на собственную свадьбу...

— Но почему?

— Мне не хотелось, чтобы вы подумали, что я любыми средствами хочу пролезть в ваш дом, что я охотница за приданным...

— Ты — милая, деликатная девушка, которая любит и умеет профессионально работать! Я бы никогда так не подумала! — возмутилась Мария.

— Моя мать нашла меня после вашего выступления по телевизору, когда пресса стала следить за жизнью в вашем доме с особым пристрастием. Ведь именно тогда я пришла в ваш дом, думая, что вы могли быть моей настоящей матерью... А потом осталась у вас работать секретаршей.

— И что же?

— Моя тайна стала достоянием еще одного человека... близкого вам...

— Ты меня пугаешь! — воскликнула Мария. — Неужели кто-то из близких мне людей стал тебя шантажировать?

— Откуда вы знаете? — удивилась Анжелика. — Кто-то успел донести на меня?

— Не говори глупостей, девочка, я не вчера на свет родилась и умею сопоставлять факты и делать выводы!

— Режиналду...

— Ах, вот в чем дело! — всплеснула руками Мария. — Вот почему в последнее время он не обостряет со мной отношения и ведет себя почти безупречно! Научился пакостить исподтишка!

— Сейчас я вам скажу самое страшное, и если после этого вы захотите выгнать меня из дома, я покорно приму это наказание и никогда больше не появлюсь у вас... Простите меня, если сможете! — Девушка сделала попытку опуститься на колени, но Мария остановила ее.

— Говори и ничего не бойся! Наказание для тебя я придумаю после!

— Вивиан и Режиналду решили погреть руки на бюджетных средствах... и делают это через ваш магазин.

— Я поняла, девочка, и не сержусь на тебя. Своим мужественным решением во всем признаться ты уже искупила часть вины.

Джованни чувствовал себя как выжатый лимон. «Вот и еще одна страница перевернута», — с грустью подумал он и посмотрел на ручку двери, которая с дребезжанием подпрыгивала перед его носом.

— Ну, кто там еще хочет отведать моей печени?! — крикнул он. — Открыто! Входите!

— Я не помешаю? — В просвете двери появилось сияющее лицо доны Флавианы.

— Зависит от того образа, в котором находитесь! — недовольно буркнул Джованни. — Если пришли ко мне как жестокая теща-злодейка...

— Нет-нет, дорогой зять! — Флавиана быстро просочилась в комнату и тут же оказалась рядом с его креслом. Он всегда удивлялся ее манере передвигаться стремительно и бесшумно.

«Интересно, как будет двигаться ее привидение после смерти?» — Почему-то в его голову пришла такая глупость.

— Я пришла к тебе такая, как есть, — вернула его из заоблачных высей Флавиана. — И, пожалуйста, не пытайся со мной поспорить, тем более после того, что я узнала! Я снимаю перед тобой шляпу! — Она одобрительно похлопала зятя по коленке.

— Большое дело! — проворчал Джованни. — Вы никогда не носили шляп.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, о чем я!

— Вы хотите сказать, что в этом пикантном вопросе с Даниэлой я поступил мудро? — вздохнул Импротта.

— Да, дорогой зять! И могу тебе признаться как на духу: мудрость, доброта, прощение всегда были твоими спутниками.

— Господь знает, чего мне это стоило! Такая хрупкая, деликатная... моя нимфа, крошка... Никто больше не будет ее так называть!

— Не расстраивайся! Ты все сделал правильно, — попыталась его подбодрить Флавиана.

— Значит, ты по-настоящему любишь Даниэлу.

— Люблю, потому что она появилась в нужное для меня время. Но все проходит, донна Флавиана. Я все время повторяю: все проходит, даже любовь...

— Так ли? А как объяснить твою давнюю, фанатичную привязанность к Марии ду Карму?

— Просто это совсем другое. Это чувство никогда не пройдет! Она всегда будет жить в моем сердце.

— Я знаю это, и искренне желаю тебе счастья! — Флавиана низко склонилась над ним и крепко поцеловала зятя в макушку. Затем она тихо вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Теперь ей предстоял еще один важный разговор, на этот раз с Жаниси.

Последнее время поведение Элеоноры, старшей дочери Жаниси, стало наводить Флавиану на разные мысли, но выводы сделать она боялась.

Флавиана доехала до дома Себастьяна и позвонила в дверь. Ей открыл сияющий Венансиу и пригласил войти.

— Как сеньор Джованни? — спросил он.

— Переживает, но держится молодцом! — подбодрила его Флавиана. — Так что можешь заниматься приготовлениями к свадьбе.

— Спасибо, донна Флавиана! Вы всегда были добры к моей невесте! — Венансиу склонился и поцеловал Флавиане руку.

В комнату вошла Жаниси.

— Что это ты делаешь, сынок?

— Репетирует сцену свадьбы, — пошутила Флавиана.

Лицо Жаниси заострилось и побледнело от переживаний после того, как она поняла, что ее дочь, любимая Элеонора, никогда не приведет в дом молодого симпатичного мужа, ее удел — любить женщин...

* * *

Леонардо вторую неделю беспробудно пил. Он очень тяжело переживал свою нелепую ссору с Марией Эдуардой.

Теперь он сидел в своем кабинете на кожаном диване и ждал, когда слуга откроет ему бутылку коньяка.

— Альфред, скажи мне честно! Ты считаешь меня неприятным? — неожиданно спросил он.

— В мои обязанности не входит критиковать тех, на кого я работаю, — холодно произнес мажордом. — Тем более вы росли у меня на глазах.

— Я знаю. Ты думаешь, что иногда я веду себя, как тот мальчик, который превращал твою жизнь в ад.

— Это правда. — Руки Альфреда дрогнули. — Когда вы были ребенком, вы жестоко обращались со мной. Но сейчас вы — мужчина.

— Да, Альфред, но, когда речь идет о моей дочери, Марии Эдуарде... — Чувства заставили Леонардо запнуться.

— Любовь к ней заставляет вас время от времени совершать необдуманные поступки.

— Ты добр, старик, но то, что я сделал, гораздо хуже, чем необдуманный поступок. Я не дал согласия на свадьбу собственной дочери! Не благословил ее! А все потому, что не захотел родниться с крестьянами из деревни, с плебеями!

— Уверен, что это была всего лишь полная демонстрация того, как любящий отец может вести себя как ненормальный. — Альфред плеснул немного коньяка в бокал и отошел в сторону.

— Больше всего на свете я хочу вернуть прежние отношения со своей дочерью, но я все делаю не так. Я так отвратительно поступил, не признав ее мужа.

— Я знаю, что она никогда не простит меня. До чего я дожил? Родная дочь ненавидит меня!

— Отношения между детьми и родителями всегда беспокойные и напряженные. Они часто требуют таких сильных эмоций, что от любви до ненависти остается всего лишь шаг, — философски заметил Альфред. — Но сейчас дело вот в чем, кто сделает этот первый шаг?

— Кто! — усмехнулся Леонардо. — Ты думаешь, это буду я?

— Надеюсь, что так. И тогда мир и гармония вернутся в этот дом. — Альфред отметил про себя, что Леопарду не выпил коньяк, а, отодвинув его в сторону, встал и подошел к окну.

«Где-то теперь моя девочка? Много бы я отдал, чтобы узнать, что с ней сейчас», — подумал он и закрыл глаза.

Дуда, крепко вцепившись в руль, пыталась уйти от преследующей ее машины. Прошло всего десять минут с того момента, как она выехала на дорогу, ведущую к шоссе. И все это время ее преследовал какой-то грязный фургон. Преследование началось неожиданно и было довольно настойчивым. Фургон вел себя просто нагло. А сейчас он даже попытался сбросить ее и без того невесть с какой дороги.

«Да что такое? Он что, пьян? Как только оторвусь, обязательно позвоню в полицию!» — дала она себе слово и еще крепче вцепилась в руль.

«Похоже, у меня проблемы», — уже по-настоящему испугалась Мария Эдуарда. Ей пришлось еще увеличить скорость. Навстречу летели деревья и кусты, растущие по обочине.

Эта странная история, которая разворачивалась на ее глазах, как сюрреалистический сон, говорила ей о серьезной опасности, которая ворвалась в ее жизнь нечаянно и нежданно.

* * *

С того момента, как Себастьян обнаружил последний привет от донны Жозефы в своем автомобиле, Жаниси не находила себе покоя. Она с трудом смирилась с какой-то безумной любовью к машине, подаренной прежней хозяйкой, с которой Себастьян не хотел расставаться ни на минуту.

Дона Жозефа словно поставила клеймо на ее муже, и постоянно напоминала о себе, даже находясь на том свете. Часто глаза Себастьяна покрывались туманной дымкой, он улыбался не пойми чему, становился в этот момент мягким и податливым. Жаниси злилась, ворчала, но ничего не могла поделать.

С появлением найденной в машине картины в ее доме ревность Жаниси стала фанатичной и неуправляемой. Прежде всегда заботливая и чуткая мать, она стала проявлять рассеянность и равнодушие к вопросам, которые раньше казались ей важными.

Дети, почуяв послабление, тут же кинулись в омут удовольствий и стали уделять больше внимания своей личной жизни. Режина частенько оставалась в гостях у Жоао Мануэла, сына Джованни Импротты, и зачастила с ним на пикники. Венансиу вовсю крутил роман с Даниэлой. Но самый большой сюрприз преподнесла старшая дочь — прилежная, тихая и правильная Элеонора, она оказалась девушкой нетрадиционной ориентации...

Знала бы Жаниси, что когда-нибудь в доме строгого Себастьяна будут твориться такие вещи! Ее опыт подсказывал ей, что судьба может подкидывать и не такие сюрпризы, но как себя вести, она не знала.

Ее глупая жгучая ревность к умершей доне Жозефе не давала ей разумно

мыслить, и она страдала, чувствуя, что жизнь проходит, а ее супруг по-прежнему любит лишь одну женщину...

Однажды, наводя порядок в старом архиве семьи, вмещающемся в небольшой старинный сундучок, она нашла нераспечатанное письмо, датированное 1968 годом.

Жаниси вспомнила, при каких обстоятельствах оно попало к ним в дом. Его принес Дирсеу в тот день, когда Жозефа спешно бежала из страны, и просил передать Себастьяну. Но события, связанные с сестрой ее мужа, перевернули все с ног на голову. Жаниси сунула конверт в коробку, которая затем перекочевала в архив семьи.

«Думаю, что я не нарушу этики, если прочитаю то, что там написано», — решила Жаниси и решительно направилась за письмом. Она дождалась, когда никого не будет дома, и вскрыла конверт.

«Дорогой Себастьян! Оставляю тебе возможность вырваться из нищеты и начать новую, более достойную и интересную жизнь вместе со своей семьей. Я как никто ценю твои чувства и преданность. Пусть Сезанн откроет для тебя новые возможности. Р. Б. Не могу писать открытым текстом. Внимательно прочти мое завещание, особенно пункт, связанный с машиной».

Жаниси выронила письмо. Выходит, у нас есть прямое доказательство, которое может подтвердить, что картина теперь является собственностью Себастьяна? Она не знала, радоваться ей или нет. С одной стороны, еще одно напоминание о доне Жозефе, с другой — реальная возможность решить спор между Гилерминой и мужем.

«Если я скрою это от Себастьяна, то у него больше не будет шансов отсудить полотно у Гилермины. Ее адвокаты сделают все, лишь бы доказать обратное. Тогда ни Дирсеу, ни сам Себастьян не смогут возродить «DIARIO DE NOTICIAS»

Жаниси подошла к телефону и набрала номер Дирсеу

Дирсеу де Кастру никогда не чувствовал себя таким уязвимым. Он ощущал, что стоит на пороге особых, значимых событий своей жизни, когда старое и привычное уходит, а новое и неизведанное становится очевидным и пугающим. Дирсеу признавался себе сам, что с каждым днем все больше и больше отдаляется от Марии. Его чувства к ней не притупились, не стали меньше, но ее заслоняли в его сознании другие люди и события.

Он чувствовал, что жизнь идет вперед стремительно и неотвратно, и осталось впереди не так много. Поэтому он теперь не собирался тратить отпущенные ему годы впустую. Ему хотелось оставить свой след в журналистике, показать всему миру, что он в состоянии сделать профессиональный журналистский проект. Он нашел себе единомышленников, сколотил команду. Уже и Себастьян предложил ему деньги.

Но в последний момент в игру вмешалась эта странная женщина, Гилермина, которая ничего не хотела слышать и видеть, а твердила лишь одно: «Это газета моей матери и собственность моей семьи».

«Холодная наглая стерва! И зачем я поцеловал ее? — подумал Дирсеу и положил ноги на стол, чего с ним никогда прежде не случалось. — Думает, что я

способен сдать свои позиции, если она пошуршит над моим ухом купюрами! Мы еще посмотрим, кто выиграет эту партию».

* * *

Назаре заранее договорилась с одной из медсестер городской больницы, что та обязательно позвонит ей, когда к ним приедет рожать Изабел Тедеску. Она ждала этого дня с большим нетерпением.

Ее нынешняя жизнь с Жозевалду была слишком спокойна и благополучна. Иногда она позволяла себе забыться в объятиях адвоката Эдмунду, но в основном проводила время, развлекаясь слежкой за собственной дочерью.

И когда день родов наступил, она была во всеоружии.

Эдгар проснулся утром и не обнаружил рядом с собой Изабел. Девушка стояла у окна и растерянно смотрела на него.

— Что с тобой? — испуганно спросил Эдгар, увидев у ее ног небольшую лужицу.

— Не знаю, — неуверенно ответила Изабел. — Ночью почти не спала, а утром стало как-то странно крутить живот, а теперь вот это.

— А схватки? Схватки начались?

— Да нет вроде. Ведь впереди еще целый месяц, — Изабел села на кровать, по привычке подложив ногу под себя, и поморщилась. — Наш ребенок появится после свадьбы...

— Не будем рисковать, дорогая, — принял решение Эдгар. — Давай доедем до больницы. Если все в порядке, вернемся.

Через час, когда он слышал крики Изабел в операционной, он много раз хвалил себя за правильное решение.

Роды шли трудно и медленно. Эдгар несколько раз спускался вниз, чтобы позвонить и отдать необходимые распоряжения. Выходил на улицу, чтобы немного прийти в себя и опять занимал пост возле двери.

Он вспомнил все молитвы и произносил их на португальском, английском и французском. Он зашел в местную часовенку и поставил уже несколько свечей.

Крики Изабел стояли у него в ушах, и он чувствовал себя виноватым в том, что являлся прямой причиной ее сегодняшнего положения.

— Эдгар, дорогой! — перед ним стояла Мария. — Почему ты мне не позвонил?

— Не знаю, — растерялся он. — Все началось так внезапно и быстро. Извините меня. А сейчас я простить себе не могу, что такое сотворил со своей девочкой, — сказал Эдгар и заплакал.

— Мальчик мой! Ну что ты говоришь?! Все женщины проходят через это. Несколько часов мучений, а затем всю жизнь огромная радость видеть, как твой ребенок растет и мужает на твоих глазах. Поверь мне, это многого стоит.

— А как вы узнали, что мы здесь?

— Мое сердце никогда меня не обманывало. Почувствовала беспокойство, дождалась утра, а когда позвонила, и никто не взял трубку, то поняла, что, скорее всего, найду вас здесь.

— А что сейчас вам говорит ваше сердце?

— Не пройдет и часа, как ты сможешь подержать свою малышку на руках. А теперь тебе надо спуститься в холл и хоть чего-нибудь перекусить. Твоим девочкам будет нужен здоровый и сильный муж и отец.

— Но у меня кусок не лезет в горло! Есть в тот момент, когда...

— Не будь упрямым, Эдгар! На твои плечи сейчас свалится много обязанностей... — Мария запнулась.

Прямо на нее шла медсестра в белоснежном белом халате и с детской пеленкой в руках. Нижнюю часть ее лица закрывала накрахмаленная повязка. Что-то неуловимо знакомое и тревожное исходило от нее.

Вдруг в родовой палате стало очень тихо, и тоненький детский плач прорезал непривычную тишину.

— Девочка! У вас родилась дочка! — услышали они голос медсестры.

— Нашатырь в кармане, — успел произнести Эдгар и тяжело рухнул на ковер.

Назаре вздохнула с облегчением, когда увидела, что ду Карму, которая каким-то звериным чутьем заподозрила что-то неладное, метнулась к молодому человеку. Она, не останавливаясь, прошла в родовое отделение и замерла на пороге при виде обилия крови на родовом кресле.

— Вечно ты так, Лурдес, — проворчал доктор. — Работаешь здесь больше года, а крови до сих пор боишься. Назаре взглянула на бейджик, прикрепленный к халату, на котором было выведено: Лурдес Бланку, и виновато пожалала плечами.

— Возьмите девочку и отнесите в детский инкубатор. Она немного недоношена.

Назаре кивнула и развернула пеленку. Неожиданно ее глаза встретились со взглядом Изабел. Девушка побледнела и протянула руки в сторону дочери, словно что-то почувствовал.

Не волнуйтесь, мамочка, вашу малышку осмотрят педиатры. Она немного полежит в специальной камере и вернется к вам, — сказал доктор.

— Не отдавайте, не отдавайте ей! — шептала Изабел, указывая слабой рукой в сторону Назаре.

— Не хватало нам еще послеродовой горячки, — проворчала старшая медсестра и вколола роженице успокоительное.

Назаре ликовала. День складывался невероятно удачно. Утром ее разбудил звонок медсестры, которая сообщила, что у Изабел начались преждевременные роды. Благодаря ее помощи она прошла на территорию для обслуживающего персонала, а остальное было делом техники.

Связав свою помощницу, Назаре воспользовалась ее одеждой и заняла выгодную позицию на ее посту.

На нескольких мониторах было видно все, что делается в родильном отделении.

Растерянный и мечущийся по коридору Эдгар не вызывал у нее опасений. Он был слишком увлечен своими эмоциями, но когда рядом с ним появилась ду Карму, Назаре запаниковала по-настоящему.

«Неужели этот козел Жозевалду работает на два фронта?» — возмутилась

она и подошла к окну.

Ее машина стояла у запасного выхода. Жозевалду с невинным видом прохаживался у лужайки, периодически поглядывая на окна и ожидая сигнала к решительным действиям. Назаре махнула ему рукой, что означало, что операция начинается, и решительно направилась в палату к Изабел, когда по громкой связи попросили унести только что родившуюся малышку в специальное отделение.

Как только из палаты вышла медсестра, Эдгар и Мария тут же бросились к ней. Назаре отрицательно покачала головой, давая понять, что не собирается отдавать им ребенка.

— Я отец этой малютки и должен подержать ее в руках! — проявил неожиданную настойчивость Эдгар.

— Конечно, молодой человек! Отнесите ее сами в пятое отделение. — Назаре не заметила, как за ее спиной выросла мощная фигура врача-акушера.

Неохотно разомкнув руки, она попятилась назад.

* * *

— Какая честь, депутат, принимать вас у себя! — Самый преданный и активный поклонник депутата Режиналду по имени Меривал не знал, как выразить свою радость, и невольно толкал свою супругу в бок.

— Это неофициальный визит, Меривал. Мы приехали... — Режиналду взглянул на Вивиан, пытаясь подобрать слова.

— ...чтобы зайти в дом вашего самого горячего сторонника! — воскликнул Меривал. — Я не принимаю отказа, сеньор Режиналду.

— Почему бы вам не выпить с нами кофе? — осмелела его жена.

— Придется согласиться, дорогой, — шепнула мужу на ухо Вивиан. — Скоро будет запланированный митинг. Тебе нельзя разочаровывать их. Слухи о твоей нелюбезности могут быстро распространиться...

— Что ж, — улыбнулся Режиналду, — давайте попробуем знаменитый кофе доны Жералды.

— Меня зовут Жандира, депутат.

— Ах, да! Жандира.

Режиналду, стараясь подавить брезгливость, прошел в тесный холл маленькой квартирki.

Меривал, до сих пор не веря собственному счастью, смешно суетился на кухне, доставая праздничные льняные салфетки и дорогие фарфоровые чашки, приданое своей супруги.

Располагайтесь в кресле, депутат, — предложила сеньора Жандира, увидев растерянность Режиналду.

— Спасибо, — поблагодарил он и сел на самый краешек.

— А можно мне спросить вас кое о чем? Это касается проблем нашего района, — замялась женщина.

— Конечно, вы же — мои избиратели и должны знать, что ваш избранник сделает все, чтобы помочь вам.

— Дело в том, что все муниципальное строительство в нашем районе

почему-то заморожено. Я ничего плохого не хочу сказать про вашу политику в этом направлении, но поймите правильно, если через полгода в нашей общине не появится детский сад, то молодые матери обязательно взбунтуются и выйдут на улицу. Вы же сами знаете, что наш народ горячий и скорый на расправу.

— Что ты мелешь? — попытался вмешаться Меривал. — Депутат заглянул к нам в гости, а ты пугаешь его своими разговорами!

— Дорогой, я не пугаю, а хочу выяснить, что произошло на самом деле со строительством, которое должно было закончиться два месяца назад и вдруг остановилось вовсе!

— Все правильно, — примирительно улыбнулся Режиналду. — Дона Жеральда...

— Жандира! — поправил его Меривал.

— Да, да, дона Жандира права, вы должны знать, какое будущее ждет ваш район, — сказал депутат и растерянно посмотрел на Вивиан.

— Мой супруг не хотел открывать свои карты прежде, чем доведет новый проект до конца. Но вам, я думаю, можно довериться.

Режиналду с интересом посмотрел на Вивиан.

— Можно мне сказать, дорогой?

— Конечно, раз начала, договаривай! — Ему самому не терпелось узнать, что на этот раз придумает его супруга.

— Дело в том, что строительство было заморожено не из-за того, что кто-то крутит общественные деньги, а по причине внедрения нового проекта. На его разработку и внедрение должно уйти еще два года.

— Как два года? — удивилась Жандира.

— Поверьте мне, это очень маленький срок, зато у вас в общине будет построен целый современный комплекс с поликлиникой, детским садом и школой!

— Вот это размах! — восхитилась женщина и чуть не пролила кофе.

— Гениальная идея! — поддержал ее муж.

Режиналду благодарно посмотрел на супругу и улыбнулся.

Посидев из вежливости некоторое время и едва пригубив чашечку кофе, Режиналду поднялся.

— Спасибо за гостеприимство и вкусный кофе. Я рад, что именно вы являетесь приверженцами моей политики и доверяете мне.

— Мне всегда хочется снять перед вами шляпу и преклонить колени! — воскликнул Меривал.

Режиналду помог Вивиан сесть в машину, махнул рукой хозяевам маленького дома и поспешил сесть за руль.

— Ну, ты доволен? Мы чуть не влипли! Говорила я тебе, что до митинга здесь лучше не появляться. Понесло тебя посмотреть на очередной объект, который мы еще не успели заморозить!

— Не ворчи, дорогая! Я понял, что чуть не совершил глупость. Спасибо тебе за гениальную идею. — Режиналду примирительно положил руку на ее колено. — Если бы ты родилась мужчиной, то обязательно стала президентом!

Грубая лесть всегда хорошо действовала на нее. И Вивиан улыбнулась.

— Дорогой, ты часто полагаешься на чувства, а не на разум, и поэтому совершаешь глупости, — сказала Жаниси, пытаясь завязать на шее Себастьяна галстук.

— Но как мне научиться держать себя в руках? Ведь то, что ждет меня, сведет с ума любого.

— А что сводит тебя с ума?

— Аукцион, где будет выставлена картина Сезанна, и наша газета.

— Знаешь, что я думаю. Ты правильно сделаешь, если возьмешь сегодня с собой письмо, которое тебе оставила донна Жозефа. Я нашла в себе силы показать его тебе, хотя ты прекрасно знаешь, что мне пришлось бороться с искушением порвать его и выбросить не читая!

— Милая Жаниси! Как ты можешь всю жизнь ревновать меня к женщине, с которой у меня ничего никогда не было! Ее уже нет на белом свете, а у нас трое взрослых детей!

— Не знаю, Себастьян. Это все происходит помимо моей воли. — Жаниси, наконец, удалось справиться с непослушным узлом. — Говорю тебе! Возьми на аукцион письмо! Эта Гилермина — стреляный воробей, она обязательно вмешается!

— Хорошо! Неси! — сдался Себастьян. — И вот еще что, — он помрачнел и посмотрел на Жаниси. — Раз ты нашла в себе силы переступить через себя, то я тоже должен тебе признаться... Я знаю, что происходит с нашей Элеонорой...

— Ты? Откуда? — испугалась Жаниси.

— Я видел ее с подружкой Дженифер.

— И что теперь? Ты выгонишь ее из дома?

— Раньше я так бы и сделал, но поверь, теперь я понял одно. Нельзя обижать тех, кого ты любишь.

— Спасибо тебе, Себастьян, спасибо! Она взрослая девочка, но природу не обманешь!

— Вытри слезы, дорогая, и пожелай мне удачи!

Жаниси проводила мужа до ворот гаража и долго махала вслед уже скрывшейся машине.

Сердце Себастьяна бешено заколотилось в груди, когда у ворот здания, где должен был проходить аукцион, он увидел машину адвоката донны Гилермины.

«Так значит, она решила наложить лапу не только на название газеты, но и попытаться оспорить завещание своей матери! — подумал он. — Хитро придумано заявить об этом в день аукциона! Что же будет с Дирсеу, когда он узнает о таком коварстве? — руки Себастьяна сами потянулись в карман за сердечными каплями. — Письмо! Ну, конечно! Нужно срочно найти адвоката Гилермины до начала аукциона!» — Себастьян поспешил в сторону центрального входа.

Дирсеу, бледный и взволнованный, стоял на лестнице, словно ожидая его.

— Себастьян, — начал он, забыв поздороваться, — жизнь всегда подбрасывает нам сюрпризы... И иногда они бывают неприятными... На аукцион

приехала Гилермина со своим адвокатом. Похоже, они хотят сделать заявление...

— Ничего страшного, — улыбнулся Себастьян.

— Ты так считаешь? — Дирсеу внимательно посмотрел ему в глаза. — Ты с утра уже выпил? На тебя это совсем не похоже... Хотя, наверно, это было мудрое решение.

— Видел бы ты сейчас себя со стороны, — засмеялся Себастьян. — Ты же умница! Борец! Возьми себя в руки!

— А что делать в этой ситуации? Я же заложил все, что можно, работая над этим проектом, взял в кредит астрономическую сумму, а что теперь?

— Теперь у нас есть главный козырь. Вот это! — Себастьян торжественно вынул из кармана вчетверо сложенный листочек. — Это последнее послание доны Жозефы.

* * *

Мария не знала, куда деться от радости при мысли, что в комнате Линдалвы теперь будет звучать детский голосок. В квартире Эдгара спешно заканчивались ремонтные работы, и Мария благодарила судьбу за то, что ее дочь с внучкой и зять смогут некоторое время пожить в ее доме. Тем более детская уже была готова, и в ней было все, что нужно для младенца и молодой мамы.

Изабел и ребенка выписали на пятый день после родов. Мария уже успела первый раз искупать ребенка и теперь показывала дочери, как лучше управляться с младенцем. Эдгар появлялся два раза в день, чтобы присутствовать при купании маленькой Линды, а затем вновь убегал в ресторан.

Постепенно весь дом и все хозяйство дома ду Карму подладилось под младенца, который стал на время главным в доме.

Особую прыть проявлял Плиниу, который все время порывался участвовать в купании и пеленании племянницы. Его собственный сын, к которому он успел привязаться, недавно переехал со своей мамой на новую квартиру в престижный район Рио, и Плиниу очень скучал по нему.

Радостные события на время отодвинули в сторону грязные махинации, которые Режиналду крутил через магазин матери.

Мария делала вид, что ничего не произошло, а сама в это время тщательно изучала истинную ситуацию со счетами. Пока ей было ясно одно — и без того дорогой товар продавался по завышенным ценам и затем уходил в неизвестность.

«Ах, Режиналду! На что ты надеешься?! Я первая разоблачу тебя на завтрашнем митинге. Ты потеряешь место префекта! И подделом!» Мария прекрасно знала, что иначе поступить не может и, если промолчит, перестанет уважать себя.

В день митинга Режиналду сам подлил масло в огонь, рассказав Марии о намерении быть свидетелем на свадьбе Жозевалду и Назаре. Возмущенная ду Карму готовилась выступить с речью на митинге. При этом ее старший сын никак не мог этого ожидать.

Несмотря на то, что с самого утра зарядил мелкий противный дождь, вся площадь была заполнена народом. Люди были не на шутку встревожены слухами

по поводу замороженного строительства важных объектов и отсутствия обещанной социальной помощи.

Режиналду и Вивиан привычно взобрались на сцену, откуда приветливо махали руками и посылали избирателям воздушные поцелуи. После длительных оваций толпа заворуженно затихла, надеясь получить новую порцию обещаний и политического адреналина.

Режиналду продумал эффектное вступление, пообещав манну небесную и посоветовав сконцентрировать всю волю и силы в ожидании светлого будущего. Затем приступил к изложению туманных планов префектуры.

Неожиданно народ оживился и начал хлопать в ладоши. На трибуну вышла Мария ду Карму.

— Мама решила поддержать меня! — не растерялся Режиналду и тоже начал хлопать, глядя на мать.

Ду Карму даже не взглянула в сторону сына, а, подойдя к микрофону, подняла руку, требуя тишины.

— Я пришла на митинг не для того, чтобы выразить солидарность со своим сыном, — Мария посмотрела в сторону, где стояли Режиналду и Вивиан. На их лицах она заметила растерянные улыбки. — Я пришла разоблачить низкого, трусливого и нечистоплотного человека, который решил погреть руки на несчастьях и проблемах других людей.

В толпе пронесся удивленный гул.

— Я заявляю вам официально, что мой старший сын — вор и обманщик. Вот уже несколько месяцев, шантажируя человека, работающего в моем магазине, он безнаказанно проворачивал грязные аферы, не жалея репутацию матери! Сегодня я передам материалы по этому делу в полицию!

— Грязная босоногая ведьма! — накинулась на Марию Вивиан и с силой толкнула ее со сцены.

Мария, потеряв равновесие, полетела вниз. Чьи-то сильные руки подхватили ее, удержав от падения. Толпа загудела от возмущения и сгрудилась возле сцены.

Женщины, стоящие рядом с Вивиан, жадно тянули к ней руки, желая сбросить вниз или просто больно ущипнуть.

— Требуем отчета! — крикнул высокий женский голос. Его тут же подхватил другой, потом третий. Гул толпы рос и набирал силу.

— Долой Режиналду! Да здравствует ду Карму!

Режиналду и Вивиан безуспешно пытались соскочить со сцены, но рассерженные жители квартала не давали им близко подойти к выходу. Вивиан металась в истерическом припадке по сцене. Маска светской и воспитанной дамы тут же слетела с нее. Режиналду суетливо пытался набирать номер местной полиции.

Ситуация накалилась до предела.

Последние слова Вивиан еще больше подлили масла в огонь:

— Вы! Нищие, беспородные собаки! Вы только и ждете, чтобы вам кто-нибудь бросил кость! Мы презираем вас!

В ее сторону кто-то кинул камень. Вивиан взвизгнула и спряталась за

широкой спиной мужа.

И тут камни полетели со всех сторон. Никто не заметил, кто бросил большой острый булыжник в сторону Режиналду, но этот удар стал роковым для депутата. Он сделал неуверенный шаг вперед, покачнулся и рухнул на сцену. Вивиан, парализованная ужасом, молча наблюдала, как под его головой растекается огромное темное пятно.

* * *

Назаре не давала покоя неудавшаяся попытка выкрасть ребенка, крохотную дочку Изабелл. Она продолжала лелеять свои гнусные планы. Изабел почти постоянно находилась под ее неусыпным наблюдением. Вот и сейчас она не сводила глаз с гуляющей в парке Изабел. Она прекрасно знала, что через полчаса та сядет на лавку и покормит малышку, а затем отправится домой.

«Сегодня или никогда! — подумала Назаре и вытащила из сумки синий форменный комбинезон работника муниципальной службы. Широкие штаны на толстых лямках, темная короткая куртка и кепка делали фигуру совершенно бесполой.

В руках Назаре был просторный контейнер, куда без особых проблем можно было спрятать ребенка.

Назаре дождалась, когда Изабел положит малышку в коляску, стоящую в тени дерева и возьмет в руки книгу.

Тонкие лучи солнца проникали сквозь листву, оставляя на земле причудливый кружевной узор. День обещал быть солнечным и жарким. Парк был еще пуст, воздух приятно свеж. Па крупных чайных розах, украшавших газоны, еще сохранились капли воды от утреннего полива. Дорожки были чистыми и влажными. Здесь царил настоящая утренняя идиллия и покой.

Изабел перебралась на край лавки, подставила лицо теплым лучам солнца и задремала.

Назаре хватило минуты, чтобы обойти газон с задней стороны лавки и вплотную подобраться к коляске. Девочка, одетая в розовые ползунки и распашонку, безмятежно спала после кормления.

Назаре растерянно застыла над ней: малышка как две капли воды была похожа на маленькую Линдалву, которую двадцать три года назад она похитила у ду Карму. Нежные воспоминания накрыли ее с головой, заставив сердце сжаться и затрепетать. Она вспомнила, как купала малышку по вечерам, как у нее появился первый зуб, как...

— Назаре! Стой там, где стоишь! — Изабел с ненавистью смотрела на нее. Этот взгляд быстро отрезвил ее и поставил все на свои места.

— Я никогда не сдаюсь! — с вызовом крикнула Назаре и схватила малютку.

Изабел на миг замерла от ужаса. Но Назаре хватило этого времени, чтобы отбежать на значительное расстояние. Малышка, спрятанная в контейнер, пока лежала тихо.

— Назаре! Мама! Постой! — слышала она за спиной голос дочери.

«Поздно называть меня мамой. Ты сделала свой выбор! Ты отказалась от

меня и теперь заплатишь за все сполна!» — со злостью подумала Назаре и свернула на узкую дорожку.

Она равнодушно скользнула глазами по предупреждающему знаку и решительно подалась вперед.

Изабел, увидев, что фигура Назаре неожиданно исчезла с прогулочной дорожки, кинулась к тому месту, где только что видела похитительницу.

Изабел добежала до развилки и растерянно остановилась. Прямо перед ней был предупреждающий плакат: «Осторожно! Опасная зона! Строительство префектуры временно заморожено».

— О, господи! — воскликнула Изабел и бросилась в сторону стройки.

Назаре поняла, что совершила глупость, свернув сюда. Стройплощадка была самой настоящей ловушкой. Вагончики, которые здесь стояли раньше, были спешно демонтированы. Строительная площадка представляла собой глубокую зацементированную яму со сложной подвесной конструкцией в виде хлипких мостов. Внизу угрожающе торчала арматура. Вся площадка была окружена плотным высоким забором с многочисленными знаками предупреждения об опасности.

«Какая я идиотка! Самой попасть в ловушку! Здесь и спрятаться негде!» — ругала себя Назаре. Она резко повернулась назад и остановилась. Прямо на нее шла Изабел.

— Остановись, мама. Отдай мне дочку, и я тебя отпущу! Пока еще ты сможешь уйти! Воспользуйся этим!

— Я и так уйду отсюда, но только вместе с этой крошкой! — Назаре попятилась назад. Ее нога оказалась на шаткой поверхности подвесного моста.

— Мамочка! Не делай этого! Вы обе можете разбиться!

— Поздно называть меня мамочкой! — Назаре вцепилась в шаткие перила и поняла, что опять совершила ошибку. Ненадежная конструкция издала характерный треск и начала стремительно заваливаться вниз.

Изабел подскочила к краю площадки, боясь посмотреть вниз. Тело Назаре безжизненно лежало на светлом бетоне. Вся конструкция превратилась в гору строительного мусора.

«А где же контейнер? Доченька моя! Где ты?» — Изабел поняла, что сейчас потеряет сознание.

Она очнулась от истошного детского плача. Изабел резко села, пришла в себя, собралась с мужеством и еще раз взглянула вниз. Где-то совсем рядом плакал ребенок.

Изабел подтянулась на животе, держась рукой за выступ.

— О господи! Где же ты, девочка моя?

Плач стал еще более громким. Изабел повернула голову и увидела контейнер с ребенком, зацепившийся за металлическую балку. Крышка была раскрыта, и ребенок в любой момент мог выпасть наружу. Трясущимися руками она вынула из него малышку и прижала ее к себе.

— Ничего не бойся, доченька! Я тебя никому не отдам! — сказала она, и слезы рекой полились из ее глаз.

Похороны были назначены на понедельник. С самого утра опять зарядил противный морозящий дождик. Ду Карму с тоской смотрела в окно, пытаюсь осознать происшедшее. Смерть сына не укладывалась в голове, она ругала себя и не находила себе прощения.

— Мама, хватит винить себя! — пытался ее успокоить Леандру. — Ты сделала то, что должна была сделать!

— Никто в этой жизни, сынок, не может распоряжаться чужими судьбами. Мое роковое признание на площади стоило жизни моему сыну и теперь навсегда изменит нашу жизнь. Я просто никогда не смогу больше быть счастливой!

— Но не ты же бросила в него этот камень! Это несчастный случай, мама!

— Сейчас я больше думаю о том, что в последнее время так мало разговаривала с ним, мало целовала... А маленьким он был самым ласковым из вас, пытался помогать мне... — Тело Марии сотрясли горькие рыдания. — Зачем? Кому нужна эта правда? Какое право я имела так поступить с ним? Неужели теперь всю оставшуюся жизнь мне придется жить с мыслью, что по моей вине погиб мой мальчик, мой нежный Налду!

— Мама, перестань! Рано или поздно возмездие все равно пришло бы к Режиналду.

— Как ты можешь так говорить о старшем брате? Такого страшного наказания не заслужил никто! Тем более мой ребенок! Господи! За что ты так жестоко поступил с нами? Почему не остановил меня, когда я шла на митинг? Уж лучше бы меня пронзила молния, разбил паралич!

— Мама! Ты сама не понимаешь, о чем говоришь! Хватит корить себя! Тебя внизу ждут люди, готовые разделить с тобой это страшное горе, спустись к ним!

— Да-да, сынок! Пора начинать траурную процессию. Мне надо продержаться два часа на ногах. — Мария насухо вытерла воспаленные глаза. — Где твое лекарство?

Вивиан остекленевшим взглядом проводила Марию, которая заняла место во главе траурной погребальной процессии, и положила руку на гроб с телом мужа.

— Сеньора Вивиан! — вежливо позвал ее работник ритуальной службы. — Не могли бы вы занять свое место в начале колонны?

— Нет! — сурово отрезала она. — Я пойду вместе с катафалком.

— Как будет угодно!

Процессия тронулась в сторону старинного бразильского кладбища. Вивиан едва поспевала на каблуках за траурной повозкой. Назойливые вспышки фоторепортеров освещали ее бледное и прекрасное лицо. За все время она не пролила ни одной слезы, замкнулась в себе, отказываясь от лекарств и уколов. Ее глаза горели сухим фанатичным блеском. Она не замечала ни детей Режиналду, ни ду Карму. Никто не знал, о чем она думает и что собирается делать.

Пройдя достаточно большое расстояние, она скинула туфли и оставила их лежать на земле.

Фоторепортеры оживились и жадно защелкали камерами.

Дети Режиналду шли вместе с бабушкой, поддерживая ее за руки. Они мужественно выдержали официальную часть прощания, но разрыдались, когда гроб с телом отца стал медленно опускаться в могилу. Бьянка так цепко держала брата за руку, что у него вспухли вены. Но он не чувствовал боли, и изо всех сил старался смотреть только на глянцевую поверхность гроба. Ему казалось, что пока еще есть надежда. Сейчас отец встанет, отряхнет свой щегольской пиджак и скажет, что все это было глупой шуткой.

— Раз Вивиан не плачет, значит, есть надежда! — шепнул он на ухо сестре.

— Милый Вруну! Не цепляйся за невозможное. Нам теперь надо научиться жить с этим...

Слова сестры подействовали на него отрезвляюще, и он вдруг остро, по-детски осознал, какое страшное горе свалилось на него, Бьянку и бабушку. Глаза мальчика закатились, и он без чувств повалился на мокрую землю.

— Что с тобой, Бруну? — Бьянка пыталась привести его в чувство. Леандру, заметив, что произошло с племянником, тут же подскочил к нему и поднял его легкое тело.

— Поддержи бабушку, Бьянка, а я отнесу его в машину.

Вивиан каменным изваянием стояла у могилы, бесстрастно наблюдая за происходящим. Дождь кончился. Тело Режиналду медленно и печально поглотил темный прямоугольник земли. В душе ее было темно и холодно. Она прислушалась к себе: ни эмоций, ни желаний, кругом одна пустота...

Эпилог

Прошел год с тех трагических событий, которые сотрясли все семейство ду Карму.

Мария похудела, черты ее лица заострились. В глазах появилось постоянное выражение боли и скорби.

Ду Карму завалила себя бесконечной тяжелой работой, чтобы хоть как-то справиться с болью утраты. Затеяла строительство нового магазина и целыми днями пропадала на стройке. Ее вечера скрашивало общение с Изабел и внуками, которые еще больше привязались к ней. Но время шло, и с каждым днем, по маленькой капле, боль начала притупляться в ней.

Свадьбу Изабел и Эдгара сыграли лишь через год, желая соблюсти все условности траура. Платье от Диора опять пришлось как раз в пору невесте, у которой появился небольшой круглый животик. Эдгар был на седьмом небе от счастья и намеревался построить дом для своей семьи.

Дуда, помирившись с отцом, уехала во Францию. Там Вириату поступил в престижную школу метрдотелей.

У Плиниу с Анжеликой родились девочки-близнецы. Он устроился работать в новый магазин своей матери, где проявил себя как талантливый менеджер.

Леандру женился на Клаудии, и они уехали в свадебное путешествие в Италию.

Гуляя по узким улочкам Венеции, они неожиданно встретили счастливого барона Педру с баронессой, голова которой была плотно обвязана эффектным

шелковым платочком.

Врачи обнаружили и успешно удалили небольшую опухоль, которая угрожала здоровью баронессы и пагубно влияла на ее память. Самое страшное было позади. Оставалось немного подождать, когда зарубцуются шрамы, и голова Лауры вновь покроется кокетливыми локонами,

Миналва, потеряв ребенка, целый месяц провела в больнице, куда каждый день депутат Джеферсон присылал роскошные букеты и корзины с фруктами. Через полгода они обвенчались и уехали в свадебное путешествие на Бали.

Гилермина, узнав из письма о последней воле своей матери, принесла извинения Дирсеу и Себастьяну и предложила свою помощь. Теперь всех троих связывал новый увлекательный проект, созданный в честь и память донны Жозефы.

В доме Себастьяна почти в одно и то же время состоялись две свадьбы. Венансиу женился на Даниэле, а младшая дочь Режина вышла замуж за Жоау Мануэла.

Элеонора по-прежнему работала в больнице. Они с Дженифер сняли отдельную квартирку, серьезно подумывая об усыновлении ребенка.

Вивиан неожиданно переключила свое внимание на сенатора Викторину Вианна, с которым решила обвенчаться за месяц перед началом большого карнавала. Никто не знал, где и как они познакомились, что их связывает и почему. Свои отношения они тщательно скрывали от назойливых репортеров.

Бьянка с Бруну жили в доме бабушки и помогали по хозяйству Сиссере.

Жозевалду неожиданно пропал в неизвестном направлении. После смерти Назаре он окончательно опустился. Поговаривали, что он спился.

Мария настойчиво отбивалась от ухаживаний Джованни и Дирсеу, приняв окончательное решение пока оставить все как есть. Ей казалось, что жизнь еще приведет в ее дом личное счастье, что надо лишь немного подождать. Траурная страница боли и страданий перевернута. Что впереди?